РЕВОЛЮЦИЯ
1917-18
1

Сборникъ подъ редакціей:

Члена Учред. Собр. П. Д. Климушкина,

З. М. Славяновой—Смирновой,

Б. Л. Краснослободскаго,

и С. М. Лепскаго.

Революція

1917-18 гг.

въ Самарской губерніи.

ТОМЪ I.

ИЗДАТЕЛИ СБОРНИКА:

Правленіе Союза Кооперативныхъ Объединеній

Въ лицѣ: Предсѣдателя П. Л. Кузьмина.

Членовъ:
- Д. М. Соловьева.
- И. П. Ерофеечева.
- А. К. Петропавлова.
- А. С. Камнева.

Секретаря Правленія К. Г. Иванова.

РЕДАКЦІОННАЯ КОЛЛЕГІЯ:

Чл. Учр. Собр. П. Д. Климушкинъ.
З. М. Славянова-Смирнова.
Б. Л. Краснослободскій.
С. М. Лепскій.

ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ:

З. М. Славянова-Смирнова.

СОТРУДНИКИ:

Чл. Учр. Собр. П. Д. Климушкинъ,
" " " И. М. Брушвитъ,
" " " Е. Е. Лазаревъ,
Г. В. Хрунинъ,
К. Г. Глядковъ,
Я. Т. Тисленко,
Л. Н. Зиловъ,
П. Меркуловъ,
А. Сѣверъ,
Б. Л. Краснослободскій
А. С. Невѣровъ,
І. М. Гринштейнъ,
И. И. Бемъ,
В. В. Вронскій,
С. М. Лепскій,
С. Зуда.

МЕТРАНПАЖЪ:

М. С. Паньшинъ.

НАБОРЩИКИ:

Д. И. Щетина.
К. Ф. Соколовъ.
М. П. Куликовъ.
А. А. Рябининъ.
М. Б. Фридманъ.
З. І. Петунина.
М. Г. Архипова.

ПЕЧАТНИКИ:

И. А. Додоновъ.
Н. С. Камневъ.
К. П. Маркинъ.

ПЕРЕПИСЧИЦА:

К. М. Заремба.

Типографія Л. М. Аверинскаго, Самара, Дворянская.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы издаемъ эту книгу во имя преклоненія передъ тѣми великими идеалами, которыми жило, трепетало, истекая кровью, сердце русской демократіи за послѣдніе $1^1/_2$ года.

Намъ хотѣлось запечатлѣть этой книгой событія, лица, думы, чувства и переживанія Великаго Года, не расцѣнивая результатовъ его, не предсказывая послѣдствій... только желая закрѣпить на бумагѣ то, что составляло цѣлыхъ $1^1/_2$ года содержаніе бурной жизни народа.

Событія стираются въ памяти, современники умираютъ, скрываются со сцены, документы, благодаря нашей малокультурности и катастрофамъ, естественнымъ въ эпоху борьбы—(пожаръ въ Бѣломъ домѣ, разгромъ зданій) уничтожаются и, если во время не принять мѣръ къ сохраненію матеріала, къ зафиксированію свидѣтельствъ историческихъ—они погибнутъ безслѣдно для потомства и науки.

Мы попытаемся на основаніи собранныхъ нами матеріаловъ (протоколовъ, личныхъ свидѣтельствъ современниковъ) представить и посильно освѣтить наиболѣе крупныя событія и стороны изъ жизни революціонныхъ 1917—1918 годовъ Самарской губерніи.

Приступая къ составленію книги, мы пригласили къ участію въ ней партіи отъ к-д. до большевиковъ, предоставляя каждой писать о себѣ и своей дѣятельности—какъ она хочетъ, съ однимъ условіемъ не допускать рѣзкихъ и обидныхъ выпадовъ въ отношеніи политическихъ противниковъ. Пока дали статьи с.-р. и с.-д. меньшевики, но вообще многіе изъ намѣчавшихся сотрудниковъ или начавъ писать статьи или собираясь—отошли отъ этого намѣренія, отвлеченные политическимъ моментомъ; благодаря последнему пришлось ихъ замѣнять новыми, пришлось измѣнить порядокъ расположенія нашего матеріала въ I и II томѣ и запоздать съ изданіемъ. Мы сознаемъ и приносимъ извиненіе за промахи нашей работы, мы выпускаемъ книгу въ условіяхъ времени и мѣста, крайне невыгодныхъ для книгоиздательства и для полученія редакціей статей отъ столичныхъ авторовъ. Но по пословицѣ „сдѣлалъ, что могъ, пусть дѣлаетъ лучше, кто можетъ“—предлагаемъ нашъ трудъ обществу.

ДЛЯ ЗАМѢТОКЪ ЧИТАТЕЛЯ.*)

*) Желая привлечь читателя какъ сотрудника въ нашъ коллективный трудъ по исторiи революцiи въ Самарской губернiи, мы оставляемъ ему бѣлую страницу, которую просимъ заполнить краткими замѣчанiями на темы прилагаемаго Сборника вырѣзать и прислать въ Редакцiю. Суммировавъ этотъ матерiалъ, мы помѣстимъ его во II-мъ томѣ для установленiя прочной связи изданiя съ читателемъ 1917—1918 г. —Современникомъ излагаемыхъ событiй.

Содержаніе Перваго Тома.

Отдѣлъ I-й.

Отдѣлъ II-й.

Печатается и выйдетъ въ Октябрѣ

Второй томъ Сборника.

Содержаніе второго тома.

Записки комиссара. Годъ жизни Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ. Исторія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Исторія Совѣта Военныхъ [illegible]татовъ. Земство и Революція. Исторія Демократической Думы смѣ[illegible] состава. Исторія Городскаго Самоуправленія (выборы, новые и старые [illegible] работа, проэкты). Исторія выборовъ въ Учредительное Собраніе [illegible] Самарской прессы (статьи, авторы, темы и лозунги). Исторія политическихъ партій. Исторія Трубочнаго завода. Учителя и революція. Ростъ образованія въ Самарской губ. въ эпоху революціи. Биржа труда и профессіональное движеніе. Чиновники и революція. Октябрьскій переворотъ. Исторія власти совѣтовъ (комиссаріаты, декреты, мѣстные дѣятели). Продовольственный вопросъ въ эпоху революціи. Кооперація и революція (окончаніе). Исторія ученической организаціи въ Самарѣ. Исторія революціоннаго движенія въ Бузулукѣ, Бугурусланѣ, Новоузенскѣ, Ставрополѣ. Кредитныя операціи въ годъ революціи. Половый вопросъ въ связи съ революціонными переживаніями (этюды психіатра). Поѣздка по Волгѣ въ 1917 году. Революція въ уѣздахъ. Самаро-Іюньскій переворотъ 1918 г. Интервью съ членами Учредительнаго Собранія на тему: „Революція въ Россіи". Словарь активныхъ участниковъ революціи въ Самарской губ. Стихи и разсказы.

Для участія во II-мъ томѣ приглашены: А. М. Горькій, Л. Н. Андреевъ, Е. Н. Чириковъ, Л. Н. Зиловъ, Члены Комитета Учредительнаго Собранія, литераторы и журналисты Самарской губ., партійные и общественные дѣятели.

Годъ революціи.

27-го февраля 1918 г., въ день первой годовщины Русской Революціи, на пленарномъ засѣданіи Петроградскаго Совѣта и всѣхъ рабочихъ организацій былъ утвержденъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ Петроградской коммуны. Первая годовщина Революціи совпала съ отъѣздомъ центральной [illegible] россійской федеративной Совѣтской республики въ Москву, вслѣдствіе [illegible]оны нѣмцевъ, съ безпримѣрнымъ національнымъ [illegible]зультатѣ крушенія совѣтской внѣшней политики и [illegible] 3-го Съѣзда Совѣтовъ передъ диктатурой Сов[illegible]лавѣ.

Какъ мало походила эта первая годовщина нашей революціи на первую годовщину Великой Французской!

Все ликовало и радовалось въ день знаменитаго праздника федераціи на Марсовомъ полѣ—14 іюля 1790 г.

Тоскливое и зловѣщее уныніе царило въ Петроградѣ 27-го февраля (12 марта) 1918 г.

Недаромъ въ этотъ день одинъ московскій журналистъ, у котораго, по его собственнымъ словамъ, улыбка фельетониста превратилась въ юморъ висѣльника, подводитъ слѣдующіе „маленькіе итоги“ году революціи:

—Отъ Великой Россіи осталось пріятное воспоминаніе; отъ Учредительнаго Собранія—рожки да ножки; отъ военной мощи—Биценко въ Брестъ-Литовскѣ; отъ русской арміи—Крыленко; отъ гражданина—панихиды... И такъ далѣе, безъ конца...

Но каковъ бы ни былъ финалъ перваго года Революціи, какимъ бы печальнымъ, горестнымъ и тяжкимъ онъ ни представлялся намъ, какъ бы больно и обидно ни было сравнивать мартъ 1917 года съ мартомъ 1918 г. —необходимо прежде всего сохранить безпристрастіе, если не въ оцѣнкѣ всѣхъ событій и ихъ непосредственныхъ участниковъ, то въ признаніи колоссальной тяжести задачъ, которыя были выдвинуты революціей на фонѣ всеобщей разрухи и военныхъ неудачъ, самое ее вызвавшихъ.

Году русской революціи предшествовали два съ половиною года страшной міровой войны и этого особенно не слѣдуетъ забывать, приступая къ оцѣнкѣ всего совершившагося въ этотъ годъ.

1917 годъ кладетъ предѣлъ не десятилѣтіямъ, а столѣтіямъ русской исторіи, огненнымъ мечомъ разрубаетъ кровавую пуповину, связывающую рож-

денный въ мукахъ войны новый строй со старымъ порядкомъ, его зачавшимъ.

1917 годъ полонъ мучительныхъ бореній, страшныхъ судорогъ и порываній, гнѣва и мести, отчаянія и подвиговъ, безчисленныхъ жертвъ и глубокихъ потрясеній.

Всесокрушающимъ ураганомъ пронесся онъ по всей странѣ, сметая на своемъ пути обломки прошлаго, творя вначалѣ новую жизнь и разрушая въ концѣ ея же хрупкіе побѣги и неокрѣпшіе корни.

Всего только 55 дней 1917 года принадлежитъ старому. Съ 25 февраля огненная длань революціи простерлась надъ Россіей и начался головокружительный потокъ событій, историческому содержанію и значенію которыхъ еще не наступило время подводить итоги.

Темпъ развитія Русской революціи былъ необычайно быстрый, размахъ ея движущихъ силъ превзошелъ ожиданія даже старыхъ, опытныхъ революціонеровъ и огромнаго большинства общественныхъ и политическихъ дѣятелей переживаемой эпохи.

Первый годъ русской революціи обнаружилъ съ самаго начала такія неожиданныя колебанія и оригинальныя черты движенія, что въ отличіе отъ всѣхъ бывшихъ въ Западной Европѣ революцій, затяжной и вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофическій характеръ внутреннихъ процессовъ нашей революціи обозначился уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ со дня сверженія монархіи и особенно рѣзко выступилъ наружу въ моментъ перехода власти къ Совѣтамъ. Этимъ объясняется не только индивидуальный внѣшній колоритъ, но и своеобразный соціально-политическій смыслъ всѣхъ этаповъ нашей революціи.

Ея отличительными чертами являются: во первыхъ, совершенно исключительная роль, какую въ ней сыграла многомилліонная армія, вооруженныя крестьянскія массы, уставшія отъ войны, во вторыхъ,—наличность въ нашей экономически отсталой странѣ значительныхъ кадровъ пролетаріата, выступившихъ въ защиту своихъ классовыхъ интересовъ не только противъ стараго порядка—но и противъ буржуазіи.

То, что буржуазно-демократическая революція совершилась у насъ въ обстановкѣ военнаго разгрома и полнаго хозяйственнаго распада, подъ сокрушительнымъ натискомъ двухъ новыхъ историческихъ силъ: колоссальныхъ, доселѣ невиданныхъ, солдатскихъ массъ, продукта новѣйшаго типа имперіалистическихъ войнъ, и рабочаго класса, продукта капиталистическаго строя, подготовленнаго десятилѣтіями соціалистической пропаганды и событіями 905 года къ роли революціоннаго авангарда,—всецѣло опредѣлило внѣшнее и внутреннее содержаніе событій 17-го года.

Революція получила въ наслѣдство отъ стараго режима измученную, безсильную и дезорганизованную армію, разстроенные финансы, изношенный транспортъ, продовольственную разруху и пришедшую въ упадокъ промышленность военнаго времени.

III.

Какъ только рухнулъ царскій режимъ, немедленно обнаружились и всплыли глубокія противорѣчія, коренившіяся въ характерѣ и развитіи нашей революціи.

Во главѣ движенія стали съ одной стороны буржуазное временное правительство, вышедшее изъ нѣдръ третье—іюньской Думы и Совѣтъ рабочихъ депутатовъ съ другой.

Первое олицетворяло собой оффиціальную, освященную переворотомъ государственную власть, второй, взявшій въ свои руки дальнѣйшее руководство движеніемъ, осуществлялъ фактическій контроль надъ первымъ.

Это своеобразное сочетаніе революціонныхъ органовъ создало первый періодъ такъ называемаго „двоевластія", которому суждено было положить свою печать на всѣ послѣдовавшія за нимъ событія.

Страна, еще лишенная демократическихъ органовъ новаго городского и сельскаго самоуправленія, не успѣвшая еще избавиться отъ ветхаго административнаго аппарата стараго строя быстро покрывается сѣтью совѣтовъ, выполняющихъ трудную и огромную работу, какъ по ликвидаціи царской власти на мѣстахъ, такъ и по организаціи и сплачиванью всѣхъ революціонныхъ силъ.

Въ этотъ періодъ дѣло пропаганды и агитаціи революціонныхъ идей въ широкихъ массахъ, какъ и общее руководство всѣми революціонными выступленіями демократіи сосредоточено въ рукахъ совѣтовъ. Они въ центрѣ и на мѣстахъ являются подлинными аккумуляторами революціонной энергіи, настоящими штабами революціонныхъ армій и незамѣнимыми оплотами революціоннаго порядка.

Въ этотъ періодъ роль другихъ демократическихъ организацій, по сравненію съ совѣтами, была весьма незначительна и являлась главнымъ образомъ, вспомогательной.

Политическія партіи къ тому времени еще не успѣли оформиться и сорганизоваться, онѣ только начинали возрождаться и приспособляться къ новымъ революціоннымъ условіямъ. Все, что было въ нихъ дѣятельнаго и активнаго, ушло въ совѣты,—я говорю, разумѣется, о партіяхъ социалистическихъ, нашедшихъ себѣ естественную опору въ совѣтахъ, буржазнымъ партіямъ, конечно, не было мѣста въ нихъ.

Понятно почему въ то время представители разныхъ социалистическихъ теченій уживались въ совѣтахъ и въ общемъ работали довольно дружно.

Событія въ двадцатыхъ числахъ апрѣля, въ связи съ милюковской внѣшней политикой и рѣшительной постановкой петроградскимъ совѣтомъ вопроса о борьбѣ за миръ послужили поворотнымъ пунктомъ.

„Двоевластіе" начинаетъ привлекать къ себѣ все больше вниманія, отношенія между временнымъ правительствомъ и совѣтомъ рабочихъ депутатовъ обостряются, нерѣшительная внѣшняя и внутренняя политика буржуазной влас-

IV.

ти даетъ новый толчекъ революціи и послѣ ухода Милюкова и Гучкова идея коалиціоннаго министерства пріобрѣтаетъ реальную почву.

Открывается періодъ дифференціаціи движущихъ силъ революціи.

Буржуазія начинаетъ обороняться, революціонная демократія переходитъ въ наступленіе.

Въ началѣ мая сконструировалась коалиціонная власть. Въ задачи ея входило разрѣшеніе сложныхъ задачъ, выдвинутыхъ измѣнившейся обстановкой на фронтѣ и въ тылу, борьба съ экономической и продовольственной разрухой, энергичная внѣшняя и внутренняя политика, направленная къ достиженію всеобщаго демократическаго мира и укрѣпленію въ странѣ новаго республиканскаго строя.

Коалиціонное правительство явилось результатомъ недостаточной организованности и политической дряблости русской крупной буржуазіи, отставшей отъ темпа революціонныхъ событій и почуявшей въ расходившейся народной стихіи серьезную угрозу своимъ классовымъ интересамъ и господству. Ростъ революціоннаго движенія шелъ быстрѣе политическаго самоопредѣленія разнородныхъ общественныхъ группъ, втянутыхъ въ водоворотъ борьбы, и диктуемыя имъ неотложныя реформы въ области аграрныхъ, экономическихъ и финансовыхъ отношеній быстро отрезвили имущіе классы отъ революціоннаго угара февральскихъ дней. Вступленіе соціалистовъ во временное правительство привѣтствовалось тогда и всей буржуазной печатью, какъ символъ нерушимаго единенія всей страны передъ внѣшней опасностью. На словахъ все было гладко, на дѣлѣ же скрыть внутреннюю борьбу, начавшуюся между революціонной демократіей и растерявшейся крупной буржуазіей, было нелегко. Съ этого момента начинается и все болѣе обостряется борьба между лѣвымъ и правымъ крыломъ соціалистовъ, между противниками и защитниками идеи коалиціи. Въ арміи, въ совѣтахъ идетъ неустанная работа, въ процессѣ которой происходитъ постепенное разслоеніе и размежеваніе крайнихъ и умѣренныхъ теченій революціонной мысли. Подавляющее большинство фронтовыхъ армейскихъ и рабочихъ организацій—на сторонѣ коалиціи.

Въ началѣ іюня открывается первый всероссійскій съѣздъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, безпрерывно засѣдавшій почти цѣлый мѣсяцъ, состоящій въ огромномъ своемъ большинствѣ изъ оборонцевъ—меньшевиковъ и с.-р., съѣздъ всецѣло одобряетъ политическую и тактическую линію поведенія Петроградскаго совѣта и рѣзко осуждаетъ большевистскую демагогію, къ тому времени уже успѣвшую выявить свою истинную сущность. Въ самомъ Петроградѣ въ то время обозначился переломъ въ настроеніи рабочихъ массъ, видѣвшихъ причину своихъ бѣдствій въ недостаточно прямой и рѣшительной политикѣ своихъ бывшихъ вождей—оборонцевъ и бросавшихъ имъ обвиненія въ угодничествѣ передъ буржуазіей.

V.

Тяжелыя и все ухудшающіяся условія Петроградской жизни толкали Петроградскій пролетаріатъ въ объятья большевизма и въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны были рѣчи ихъ представителей на первомъ съѣздѣ совѣтовъ.

Разложеніе фронта и присутствіе въ столицѣ многочисленнаго и бездѣятельнаго гарнизона дѣйствовали въ томъ же направленіи. Съѣзду удалось предупредить готовящееся большевиками выступленіе на десятое іюня, но къ концу этого мѣсяца очень многимъ членамъ его стало ясно, что избѣгнуть кровопролитья въ Петроградѣ не удастся; ясно было, что назрѣваютъ событія, которымъ суждено будетъ стать новымъ поворотнымъ пунктомъ въ развитіи русской революціи. Не мало способствовало такому теченію событій неудачно кончившееся наступленіе, предпринятое русской арміей 18-го іюня и морально санкціонированное первымъ съѣздомъ совѣтовъ. Члены съѣзда разъѣхались въ концѣ іюня, а спустя нѣсколько дней разразились событія 3—5 іюля.

Внѣшнимъ поводомъ для выступленія послужилъ серьезный конфликтъ, возникшій въ коалиціонномъ правительствѣ между кадетами и соціалистами на почвѣ разногласій по украинскому вопросу и по проведенію мѣропріятій въ области аграрныхъ отношеній

Большевики воспользовались уходомъ изъ правительства нѣсколькихъ кадетовъ для вооруженнаго смотра своихъ силъ и провозглашенія перехода всей власти къ совѣтамъ.

Въ результатѣ кровавыхъ столкновеній, продолжавшихся нѣсколько дней, попытка большевиковъ кончилась полной неудачей, но послѣдствія ея были чрезвычайно пагубны для революціи.

Іюльскія событія углубили пропасть между большевиками и другими соціалистическими партіями, разорвали единый революціонный фронтъ на враждующіе лагери, отбросили революціонное движеніе вспять и усилили контръ-революцію, сразу поднявшую голову и проложившую дорогу корниловщинѣ.

Въ первый годъ революціи, за рѣдкими исключеніями, русская провинція покорно и точно воспроизводила единую и въ общемъ стройную картину событій, развертывавшихся въ „красномъ Петроградѣ". Она довѣрчиво и послушно отражала всѣ колебанія революціонной волны въ кипучей столицѣ и почти не проявляла признаковъ революціоннаго сепаратизма.

Въ то время какъ во Франціи, послѣ низложенія Людовика XVI, республиканскій Парижъ столкнулся съ роялистически настроенной провинціей, у насъ провинція чрезвычайно единодушно и быстро пришла на помощь Временному Революціонному Правительству въ дѣлѣ ликвидаціи монархіи и всѣхъ связанныхъ съ нею институтовъ.

Наша Самара представляетъ собою типичный образецъ этой провинціи. Она безкровно ликвидировала „старую власть", въ ней одновременно возник-

ли рядомъ, какъ это было въ столицѣ, оффиціальная власть и Совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

Въ концѣ апрѣля она протестуетъ устами объединеннаго Совѣта противъ Милюковско-Гучковской политики.

Въ маѣ она поддерживаетъ коалиціонное правительство и отказывается отъ формулы „постолько-поскольку".

Въ іюлѣ она борется съ большевиками и принимаетъ мѣры предосторожности противъ возможныхъ выступленій съ ихъ стороны.

Она поддерживаетъ правительство Керенскаго, борется съ Корниловщиной, безкровно переходитъ въ дни октябрьскаго переворота въ руки большевиковъ и семь мѣсяцевъ остается во власти большевистско-лѣво-эсъ-эровско-максималистскихъ комиссаровъ.

Выдвинула ли Самара отдѣльныхъ лицъ, игравшихъ болѣе или менѣе замѣтную роль въ общемъ движеніи? Какъ была она представлена персонально въ органахъ власти и революціонныхъ организаціяхъ, возникавшихъ въ центрѣ?

Въ послѣдніе два года передъ революціей Самара дала Петрограду Наумова, Бѣлецкаго, Львова, Питирима, ея сосѣдъ Симбирскъ—Протопопова.

Будущіе историки русской революціи, конечно, займутся и „персональнымъ„ удѣльнымъ вѣсомъ отдѣльныхъ провинцій и городовъ въ общей совокупности событій и дѣятелей этой богатой эпохи.

Мы не можемъ обойти молчаніемъ нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ, служащихъ отвѣтомъ на поставленные вопросы.

Самара, во первыхъ, видѣла у себя двухъ героевъ революціи: она хорошо знала А. Ф. Керенскаго, посѣщавщаго ее не разъ до февральскаго переворота, она дала образованіе много лѣтъ тому назадъ будущему предсѣдателю совѣта народныхъ комиссаровъ В. И. Ульянову—Ленину. Изъ Самары членъ Совнаркома Елизаровъ.

Самара, во вторыхъ, дала „революціоннаго" министра Львова.

Самара, въ третьихъ, была очень полно представлена въ центральномъ исполнительномъ комитетѣ Совѣтовъ перваго созыва. Въ него были избраны всѣ пять делегатовъ отъ рабочей и солдатской секцій, поѣхавшихъ отъ Самары на первый Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ въ концѣ мая.

И еще одна характерная подробность:

Уже освобожденная отъ совѣтской власти она уступила центральному совнаркому своего бывшаго предсѣдателя Совѣта, занявшаго высокій постъ комиссара почтъ и телеграфа...

Наконецъ, Самара получила свое правительство въ лицѣ Комитета Членовъ Учредительнаго Собранія, во главѣ котораго стали ея избранники, ея историческая „четверка“.

Историческая роль Самары въ русской революціи начинается пятнадцать мѣсяцевъ спустя, съ 8-го іюня 1918 года.

Тѣмъ цѣннѣе и интереснѣе прослѣдить всѣ проявленія жизни революціоннаго періода въ нашемъ городѣ и губерніи.

С. Лепскій.

Георгій Хрунинъ.

Первые дни Революціи

въ Самарскомъ гарнизонѣ.

I.

КАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ.

[illegible] что министры Николая II правили государствомъ съ [illegible] [illegible]о и круче, (а, можетъ быть, и потому) —народъ чувствовалъ себя какъ будто свободнѣе.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось въ Самарѣ.

Замѣтно это было даже въ казармахъ.

Началась эта своеобразная свобода съ того дня, какъ Милюковъ произнесъ въ Государственной Думѣ свою знаменитую рѣчь—съ 1-го ноября 1916 года.

Эта рѣчь живо пошла по рукамъ. Ее переписывали, перепечатывали на пишущихъ машинкахъ, размножали на шапирографѣ. За нею также по рукамъ пошла рѣчь Маклакова, рѣчь Шульгина, письмо Гучкова къ генералу Алексѣеву, язвительные стихи о Распутинѣ и т. п.

Убили Распутина—и дѣло пошло еще проще. Всѣ эти таинственные листки ходили по рукамъ совершенно открыто: на глазахъ полицейскихъ и жандармовъ, а въ казармахъ—на виду у офицеровъ, а нерѣдко и прямо чрезъ офицеровъ.

На базарахъ, въ особенности, совершенно безнаказанно шли такіе разговоры и брань по адресу начальства, что городовые просто терялись: не знали, кого хватать и тащить въ участокъ—тащи хоть весь базаръ!

Изъ многихъ мѣстъ приходили слухи о безпорядкахъ въ городахъ на почвѣ недоѣданія, о забастовкахъ въ Баку и другихъ мѣстахъ. Ждали безпорядковъ и въ Самарѣ.

Начальство тревожилось.

Начальство принимало мѣры.

Но, какъ всегда, и тутъ было застигнуто врасплохъ.

5-го ноября, напримѣръ, подрались на Троицкомъ базарѣ покупатели (женщины, подростки и проѣзжіе солдаты) съ полицейскими. Началось дѣло съ какой-то мясной лавки (кажется, Климовой), а потомъ пошло по базару.

Полицейскіе открыли пальбу, но толпа камнями нѣсколько разъ прогоняла ихъ съ базара. Когда были вызваны войска, то усмирять было некого: полиція исчезла съ базара, и толпа успокоилась. Правда, дѣло не обошлось безъ пьянаго погрома, но это и были именно „пьяные“ погромы съ участіемъ хулигановъ и профессіональныхъ грабителей.

Солдатамъ дѣйствовать почти не пришлось: довольно было одного ихъ вида, но если бы пришлось дѣйствовать ..

Во многихъ ротахъ солдаты заявляли офицерамъ, что первые ихъ выстрѣлы будутъ направлены въ полицейскихъ.

Сандецкій день за днемъ сыпалъ приказы: одинъ свирѣпѣе другого, а въ казармѣ съ каждымъ днемъ **дисциплина становилась все меньше.**

Сандецкій запиралъ все глуше и глуше солдатъ въ казарму.

Среди солдатъ усилились самовольныя отлучки.

Офицеры терялись между двухъ огней: провинившихся было каждый день такъ много, что въ ротѣ не хватало винтовокъ, чтобы всѣхъ поставить подъ ружье. Почти невозможно было провѣрить, кто отбылъ наложенное наказаніе, а кто нѣтъ.

Солдаты чутьемъ поняли это трудное положеніе своего начальства, и проступки пошли расти, какъ грибы. Никакія увѣщанія офицеровъ на солдатъ не дѣйствовали, да и не было искреннихъ-то увѣщаній. Офицеры открыто ругали всѣ эти приказы: они были такъ нелѣпы и такъ жестоки, что защищать ихъ не повертывался языкъ.

Ну, какъ не отпустить солдата изъ казармы на ночь къ женѣ, пріѣхавшей часто за тысячу верстъ, а днемъ солдатъ съ 6 ч. утра и до 8—9 ч. вечера на занятіяхъ?!

Какъ не отпустить солдата разъ въ недѣлю на ночь къ своимъ роднымъ, которые живутъ въ трехъ шагахъ отъ казармы, а сынъ-солдатъ чрезъ мѣсяцъ—черезъ два уѣдетъ на фронтъ?

Какъ не отпустить его домой въ послѣднюю ночь предъ отправкой на фронтъ?

Какъ не разрѣшить ему сходить **одинъ** разъ въ кинематографъ, котораго онъ въ деревнѣ не видалъ и, можетъ быть, никогда не увидитъ?

Какъ исполнять и какъ защищать такіе приказы, по опыту зная тѣсноту и духоту казармъ—тѣсноту такую, что люди на нарахъ могутъ спать вплотную **только на боку**, а нѣкоторымъ приходится валятся на полу. Да это не день, не два, и не мѣсяцъ! А эта казарменная „наука“, доводящая простого человѣка до одури, до полнаго отупѣнія!

Что было дѣлать офицеру?

Исполнить приказъ—немыслимо!

Не исполнить—постоянный арестъ!

И само-собой вышло какъ-то такъ, что офицеры стали уславливаться съ солдатами.

Напримѣръ:

— Ваше бл-діе! Разрѣшите съѣздить домой.

— Да ты съ ума сошелъ, голубчикъ!

— Да мнѣ недалеко, ваше благородіе...

— Куда?

— Да въ Иващенково. Послѣ завтра утромъ буду здѣсь, ваше благородіе.

— А если попадешься?

— Не попадусь, в. б.!

— Смотри, братъ...

— Никакъ нѣтъ, в. б.: не попадусь.

— Ну, а если всетаки попадешься?

— Никакъ нѣтъ, в. б.! А попадусь—самъ и отвѣчать буду: скажу, что самовольно отлучился.

Ротный командиръ на секунду задумывается.

— Ну, ладно—говоритъ онъ, наконецъ: ты въ грѣхѣ—ты и въ отвѣтѣ. Поѣзжай. Только помни—уговоръ дороже денегъ:—я тебя не отпускалъ и ничего не знаю—разъ, а второе—въ 7 ч. утра послѣ завтра ты будешь на своемъ мѣстѣ, а не будешь—и подаю рапортъ, что ты самовольно и неизвѣстно куда отлучился. Понялъ?

— Такъ точно, в. б.! Покорно благодарю, в. б!

— Ступай.

Такіе сцены были почти ежедневно.

А то другая сцена.

Ротный командиръ на вечерней повѣркѣ читаетъ послѣдній приказъ Сандецкаго: никакихъ отпусковъ по личнымъ дѣламъ! Въ случаѣ неисполненія приказа, солдату—на первый разъ до 4-хъ мѣсяцевъ военной тюрьмы, и послѣ трехъ разъ—полевой судъ и смертная казнь, офицеру же—военно-окружный судъ и разжалованіе.

Прочитавъ приказъ, ротный командиръ, обведя глазами роту, заявляетъ:

— Ну, вотъ что, ребята. Приказъ этотъ, вижу я, вамъ не нравится...

— Такъ точно, в. б.!—гулко отвѣчаетъ рота.

— И мнѣ онъ тоже не нравится. Такъ давайте же будемъ выручать другъ друга. Отпускать я васъ буду—поняли?

— Такъ точно, в. б.!..

— Но съ уговоромъ: меня не подводить. Не спросясь у меня, не смѣй уходить ни кто, а кого отпущу—избави Богъ васъ попасться на глаза начальству: заморю подъ ружьемъ! По большимъ улицамъ, по улицѣ, гдѣ живетъ бригадный, и по всѣмъ, гдѣ живутъ генералы—не ходить. Ходи гдѣ нибудь сторонкой. Поняли?

— Такъ точно, в. б.!..

— Ладно. А попался кто—врн ужъ какъ-нибудь по складнѣе, на ротнаго командира, какъ на мертваго, не вали. Вывертывайся какъ-нибудь самъ. Поняли?

— Такъ точно! Постараемся, в. б.!..

— Ну, и хорошо. Распустить роту!..

Въ казармѣ, несмотря на приказъ о строгомъ контролѣ, солдатами свободно читались всякія газеты: „Русское Слово", Волжскій День", „Волжское Слово" и даже столичный „День". Газеты были интересныя. Много и часто писали про Германскія попытки заключить миръ. А въ послѣднее время, наканунѣ революціи, бѣлыя пятна въ газетахъ только разжигали любопытство. Солдаты, часто вмѣстѣ съ офицерами, строили разныя догадки, стараясь угадать, что было напечатано на вытравленномъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ ротахъ,—правда, такихъ было мало,—ротные командиры сами руководили чтеніемъ газетъ: сами читали предъ цѣлой ротой газеты, толковали прочитанное, отвѣчали какъ умѣли на всѣ солдатскіе вопросы.

Изъ Округа пошли секретные приказы на имя командировъ бригадъ и полковъ. Командиры полковъ собирали къ себѣ всѣхъ офицеровъ (чаще, только ротныхъ и батальонныхъ командировъ), читали „секретные" приказы, призывали къ осторожности, наставляли въ мѣрахъ борьбы съ зародившейся революціонной агитаціей, проникавшей уже въ войска, учили уму-разуму... Офицеры внимательно выслушивали, расходились по своимъ мѣстамъ и... жизнь шла своимъ чередомъ.

Одинъ командиръ полка посовѣтывалъ своимъ офицерамъ завести въ каждой ротѣ „вѣрнаго человѣка". Надо было видѣть, какъ онъ сконфузился, замѣтивъ на себѣ недружелюбные взгляды офицеровъ! Такъ „вѣрный человѣчекъ" и не завелся, кажется, ни въ одной ротѣ.

И вдругъ... новый приказъ Сандецкаго!

Да какой приказъ!

1) Въ воскресные и праздничные дни занятія отмѣнить.

2) Ежедневныя занятія сократить.

3) Солдатъ изъ казармъ въ отпускъ увольнять.

4) Устраивать солдатамъ развлеченія.

5) Водить солдатъ (даже!) по музеямъ..

6) Офицерамъ бесѣдовать съ солдатами (ежедневно!) на текущія темы.

И т. д., и т. д...

Сразу даже глазамъ не вѣрилось: да Сандецкій ли это пишетъ?!

Но приказъ былъ честь-честью, даже занумерованъ (кажется № 46 или около того—теперь ужъ не помню).

Однако было уже поздно.

Февральскія газеты сплошь были тревожны. Будетъ иль не будетъ работать Государственная Дума? Какъ дѣла въ Германіи? Что это за лысины въ газетахъ? Что правительство отъ насъ скрываетъ? Что за волненія въ Петроградѣ?..

Всѣ чутко прислушивались къ событіямъ и чего-то ждали, ждали нервно, съ тревогой.

Наконецъ, собралась Дума. Отчеты о думскихъ засѣданіяхъ—сплошная загадка: Члены Думы волнуются, одинъ за другимъ ходятъ на улицу что-то узнавать. Что такое въ Петроградѣ?

И вдругъ царскій приказъ: 26 февраля Гос. Дума распускается безъ назначенія новаго срока! И сразу, какъ по мановенію волшебнаго жезла, телеграфъ—стопъ! 2—3 дня—никакихъ вѣстей...

II.

Первыя вѣсти.

До 1-го марта въ Самарѣ ничего опредѣленнаго не было слышно. Тревога наростала...

28 февраля вечеромъ, встрѣтившись съ однимъ изъ моихъ младшихъ офицеровъ, подпоручикомъ Б., я узналъ отъ него ошеломляющую новость:

— Въ Петроградѣ революція!

— Но-о!—удивился я.

— Да!.

И онъ разсказалъ, со словъ только что пріѣхавшаго изъ Петрограда его хорошаго знакомаго, что дѣлалось въ Петроградѣ съ 23 февраля.

— На улицахъ—стрѣльба! Массы рабочихъ заполонили улицы столицы. На знаменахъ надписи: „Долой Николая!“ „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ республика!..“

— Да, это ужъ не то, что пишутъ намъ: „хлѣба!“ и „хлѣба!..“

Наспѣхъ онъ передалъ мнѣ кое-какіе подробности, и мы разстались, условившись встрѣтиться на завтра утромъ въ ротѣ.

Я ушелъ домой возбужденный. Около полуночи заснулъ, но скоро тревожно проснулся: въ прихожей трещалъ звонокъ.

— Въ чемъ дѣло?—думаю:—что-нибудь изъ полка... А и взаправду, должно быть революція!..

Пришелъ, оказывается, солдатъ-вѣстовой изъ полковой канцеляріи съ очень спѣшнымъ приказаніемъ.

Я зажегъ огонь, расписался въ полученіи, отпустилъ вѣстового и прочелъ: „В. спѣшно. Командиръ полка приказалъ: всѣмъ г.г. баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ явиться къ 6 ч. утра 1-го сего марта въ полковую канцелярію по дѣламъ службы. Подписалъ дежурный офицеръ“.

По формѣ въ бумажкѣ не было ничего новаго, кромѣ подписи дежурнаго офицера. Стало быть, приказаніе дано командиромъ полка тогда, когда адъютанта въ канцеляріи ужъ не было (а это должно быть около полуночи), и искать адъютанта командиру было некогда,—стало быть что-то очень спѣшное. Да и часъ: 6 часовъ утра! Никогда этого не было: канцелярія начинаетъ работать съ 9 ч.—стало быть, чего-то нельзя откладывать ни на одинъ часъ!..

Заснуть ужъ я не могъ. Около 5-ти одѣлся, на всякій случай прицѣпилъ револьверъ и отправился въ полкъ.

За четверть часа до 6-ти всѣ командиры ротъ и баталіоновъ были въ сборѣ. Столпились, въ ожиданіи командира полка, въ его кабинетѣ. За окномъ еле-еле брезжилъ разсвѣтъ. Огня не зажигали. Догадываясь, по слухамъ, о событіяхъ, офицеры возбужденно перешептывались.

Черезъ десять минутъ явился командиръ полка. Торопливо и молча поздоровался со всѣми и попросилъ закрыть дверь. Дверь плотно захлопнули.

На нѣсколько мгновеній водворилось тревожное молчаніе. Командиръ полка такъ былъ возбужденъ, что совершенно не могъ этого скрыть: онъ тяжело переводилъ дыханіе, молча и неувѣренно перебѣгалъ глазами по лицамъ офицеровъ, забылъ даже, по обычаю, предложить сѣсть и нѣкоторое время не могъ произнести ни одного слова. Трудно было, въ полумракѣ, разсмотрѣть хорошо его лицо, но, вѣроятно, оно было очень жалко...

— Ну-съ, господа...—началъ онъ, наконецъ.

И опять умолкъ, переводя дыханіе.

— Вы... ничего не слышали?..

Офицеры не отвѣтили.

— Ничего не знаете?..

— Никакъ нѣтъ,—тихо отозвались два-три голоса.

Снова всѣ помолчали.

— Д-да, господа...—сказалъ опять полковникъ:—ну-съ... Вотъ какая исторія, знаете. . Да, знаете...

Видимо, командиръ до того былъ ошеломленъ, что просто не зналъ, какъ и съ чего начать. Онъ еще нѣсколько разъ пробормоталъ: „да, знаете“, „ну, знаете“, и, наконецъ, рѣшился:

— Ну-съ, такъ вотъ какую телеграмму я получилъ отъ Округа...

И онъ, сбивчиво и волнуясь, сообщилъ намъ объ арестѣ министровъ въ Петроградѣ, о роли Думы и Родзянко въ событіяхъ, о стрѣльбѣ на улицахъ, объ участіи въ событіяхъ Петроградскаго гарнизона. Разсказывая, полковникъ, все время запинался и, запнувшись, каждый разъ бросалъ ищущій чего-то, какъ-будто нащупывавшій насъ взоръ на офицеровъ. Офицеры старались казаться безстрастными и—молчали.

— Ну-съ, что же будемъ дѣлать, господа?—закончилъ полковникъ прямымъ вопросомъ.

Офицеры промолчали. Полковникъ былъ человѣкъ новый: въ полку всего нѣсколько дней—ни онъ никого не зналъ, ни его не знали.

Полковникъ долго и неувѣренно мямлилъ объ общихъ усиліяхъ, о единеніи въ тяжелую минуту, о взаимной выручкѣ, о воинской чести и т. п.

— Ну-съ,—закончилъ онъ:—такъ ужъ и будемъ: всѣ вмѣстѣ. Я—какъ вы, и вы—какъ я, и вмѣстѣ—какъ всѣ... Да, знаете... Такое, знаете, положеніе. Надо солдатиковъ освѣдомить объ этомъ, но умѣло, знаете, умѣло.. Солдатъ ничего не долженъ получать изъ чужихъ рукъ. Все чрезъ начальника—довѣрія больше начальнику. Будьте все время при ротахъ: время такое, знаете... Младшіе офицеры должны быть неотлучно на мѣстахъ. Быть готовымъ на случай тревоги. Да-съ... Такъ это вѣдь революція, господа, называется, знаете. А?

— Конечно,—отвѣтилъ кто-то.

— Ну-съ, всего хорошаго. Какъ что—извѣщайте меня. Будемъ держать связь, господа. Всего хорошаго.

Офицеры разошлись, такъ и не понявъ полковника: за революцію мы или противъ? Ясно было одно, что мы должны выжидать событій и лавировать до поры, до времени. Полковникъ, между прочимъ, и обронилъ такую фразу: „французы, господа, умно говорятъ, что „армія это—великая молчальница"—вотъ какъ", такъ что мы настроеніе командира поняли хорошо. Но, расходясь, нѣсколько офицеровъ обрадованно пожимали другъ другу руки, поздравляя съ „грядущей новой жизнью".

Утро прояснилось. Было морозно. Городъ просыпался. Мальчишки—газетчики шутливо атаковали прохожихъ и трамваи на остановкахъ.

— Газета „Волжскій День"! Государственный переворотъ! Государственный переворотъ!! Государственный переворотъ!!! „Волжскій День" газета!..

Горожане на расхватъ брали газету. Взялъ и я, и вошелъ въ вагонъ трамвая. Публика шумѣла о переворотѣ. Патрульные солдаты казались безстрастными на своихъ постахъ.

Я не сталъ читать газеты, увидавъ крупный аншлагъ: „Государственный переворотъ" и прислушивался къ разговорамъ. Люди говорили возбужденно и весело. Такъ было на всемъ пути. Ясно, что горожане за революцію...

Казарма только что проснулась. Офицеровъ еще не было. Я послалъ за офицерами, а самъ въ ротной канцеляріи пробѣжалъ газету. Въ канцеляріи были солдаты—ротный писарь, фельдфебель, артельщикъ, каптенармусъ. Прочитавъ газету, я оставилъ ее на столѣ и вышелъ въ роту на нѣсколько минутъ. Вернувшись спустя 5—10 минутъ въ канцелярію, я замѣтилъ по лицамъ солдатъ, что они уже прочли. Встрѣтили они меня дружеской улыбкой, но въ глазахъ ихъ свѣтилось лукавство.

— Ну, что, ребята: читали?—спросилъ я, улыбаясь.

— Такъ точно, в. б.!—такъ же улыбаясь отвѣтили они.

— Нравится?

Солдаты засмѣялись.

— Мнѣ, напримѣръ, нравится, сказалъ я весело.

Солдаты опять отвѣтили смѣхомъ, довольнымъ и веселымъ.

— А ну-ка, Чернышовъ,—сказалъ фельдфебелю я:—собери-ка, братъ, роту: потолкуемъ малость.

— Слушаю.

И мгновенно исчезъ.

Я часто собиралъ роту для бесѣдъ, и это ни для кого изъ солдатъ не было новостью, Но обычно рота собиралась около 8—10 минутъ: помѣщеніе было огромно въ цѣломъ, три этажа, но отдѣльныя комнаты были тѣсны, и ротѣ въ 900 человѣкъ трудно было хоть съ какимъ-нибудь удобствомъ размѣститься въ короткое время. А тутъ, смотрю, чрезъ 4—5 минутъ, фельдфебель ужъ докладываетъ:

— Рота готова, в. б.!

Рота выслушала меня съ затаеннымъ дыханіемъ. Я разсказалъ просто и откровенно все, что зналъ самъ. Прочиталъ газету и растолковалъ мало понятныя мѣста. Призывалъ къ вдумчивости, къ осторожности въ отношеніи всякихъ слуховъ, обѣщалъ каждую новость немедленно сообщать ротѣ, просилъ всѣхъ обращаться прямо ко мнѣ съ разными вопросами.

Кричали „ура“ Государственной Думѣ.

Вслѣдъ мнѣ кричали попросту „спасибо“. Нѣкоторые пытались меня качать, но я ушелъ. Я объявилъ день праздникомъ. Солдаты хлынули въ городъ...

Въ канцеляріи своей я встрѣтилъ поджидавшихъ меня подпоручика Б. и прапорщика С. Поздравили другъ друга съ революціей и даже въ честь революціи соорудили маленькую выпивку...

III.

ПЕРВОЕ ГАРНИЗОННОЕ СОБРАНІЕ ОФИЦЕРОВЪ.

Событія такъ быстро шли, что теперь мнѣ безъ справочника трудно припомнить, когда это было: 2, 3 или 4 марта?

Но хорошо помню, что къ этому времени уже образовалось первое Временное Правительство. Николай уже отрекся отъ Престола за себя и сына; Михаилъ уже отказался отъ того же престола до Учредительнаго Собранія...

Въ городѣ, въ театрахъ „Олимпъ“ и Городскомъ, шли почти непрерывные митинги днемъ и ночью; были летучіе митинги и на улицахъ.

Санцецкій уже далъ свою знаменитую телеграмму: „Я и войска округа присоединяемся къ Временному Правительству“.

А гарнизонъ г. Самары офиціально все еще молчалъ. Митинги были полны солдатами. Въ казармы начали проникать уже отдѣльные агитаторы. А Начальникъ гарнизона, командиры частей, офицерство—молчали...

Исключеніемъ былъ лишь Саперный полкъ, гдѣ офицеры уже дали Временному Правительству восторженную телеграмму съ привѣтствіемъ и завѣреніемъ въ своей поддержкѣ.

Рядовое офицерство заволновалось. Всѣ съ возмущеніемъ заговорили о чьей-то медлительности, бранили Начальника Гарнизона и командировъ полковъ. Въ нашемъ полку отдѣльные офицеры понуждали командира полка или потребовать отъ Начальника Гарнизона показать свое лицо или же, въ случаѣ его уклончивости, выступить самостоятельно, со своимъ полкомъ. Полковникъ завѣрялъ, что онъ уже не разъ настаивалъ на этомъ предъ Начальникомъ Гарнизона и даже грозилъ отдѣльнымъ выступленіемъ, но, по его словамъ, другіе командиры плохо его поддерживали...

Тогда кучка офицеровъ рѣшила, плюнувъ на дисциплину, созвать офицеровъ гарнизона самочинно.

И сдѣлали это.

Кто это былъ—до сихъ поръ неизвѣстно. Но по полкамъ уже дали знать, что сегодня въ 8 ч. вечера въ залѣ Общественнаго Собранія состоится общее собраніе офицеровъ гарнизона для рѣшенія вопроса объ отношеніи къ революціи.

*В*ъ полкахъ загодя состоялись свои собранія, и прямо оттуда офицеры торопливо собирались въ залъ Общественнаго Собранія.

Офицеры нашего полка около 6—7 ч. вечера собрались въ помѣщеніи учебной команды. Послали за командиромъ полка. А до его прихода путемъ частныхъ бесѣдъ по группамъ живо сговорились за поддержку революціи. Хотѣли лишь услышать командира полка.

Явившійся полковникъ началъ очень пространно, сбивчиво и туманно говорить о революціи, намекая очень осторожно, что онъ не прочь постоять за революцію.

Остальные офицеры молчали. Говорилъ только полковникъ. Чувствовалась общая неловкость: полковникъ не хотѣлъ договариваться до конца и все ходилъ вокругъ да около. Часто лишь и вполнѣ ясно повторялъ одну фразу:

— Будемъ дѣйствовать, господа, сообща: я—какъ вы, и вы—какъ я...

Наконецъ, одинъ изъ младшихъ офицеровъ подпоручикъ М. рѣзко и грубовато сказалъ:

— Г. Полковникъ! Разрѣшите мнѣ сказать два слова.

— Пожалуйста, пожалуйста: я очень радъ...

— Что мы тянемъ какую-то волынку? Вопросъ стоитъ просто: **за** революцію мы или **противъ**? А отвѣтъ еще проще: онъ можетъ быть только **одинъ**. Такъ ли, господа?

Его поддержалъ одобрительный гулъ голосовъ.

Полковникъ смущенно пролепеталъ:

— Да, да, конечно... Вы совершенно правы, голубчикъ. Я это самое и хотѣлъ сказать... Мы должны дѣйствовать сообща...

— Такъ вотъ что,—сказалъ опять М.:—чрезъ 10 минутъ Гарнизонное Собраніе офицеровъ. Говорить намъ тутъ больше не о чемъ, а потому одѣнемся и пойдемъ отсюда на собраніе...

Чрезъ 5 минутъ всѣ уже были въ залѣ Общественнаго Собранія.

Офицеровъ собралось еще мало. На эстрадѣ было нѣсколько человѣкъ штатскихъ, съ красными повязками на рукахъ. Потомъ я узналъ, что это были члены только что сорганизовавшагося Комитета Народной Власти и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Тутъ были Рамишвили, Шаманинъ, кн. Кугушевъ и трое-четверо еще—теперь не помню, кто.

Около 9 ч. вечера офицеры были почти въ полномъ сборѣ. Мало лишь было артиллеристовъ: ихъ поздно оповѣстили, а живутъ они всѣ очень разбросано.

Предсѣдателемъ былъ избранъ полковникъ Б. Очаковскаго полка георгіевскій кавалеръ, боевой офицеръ. Б., человѣкъ скромный, долго и смущенно отказывался отъ предложенной ему чести, но въ концѣ-концовъ долженъ былъ уступить, и занялъ предсѣдательское мѣсто.

Собраніе открылось рѣчью Рамишвили.

Старикъ откровенно и почти съ первыхъ словъ заявилъ, что въ жизни своей онъ ненавидѣлъ только двѣ вещи, что боялся онъ до сихъ поръ только двухъ вещей, что мучили его всю жизнь до сѣдыхъ волосъ только все тѣ же двѣ вещи: эти двѣ вещи—полиція и офицерство...

Офицеры сразу насторожились.

Но Рамишвили говорилъ съ такой подкупающей искренностью, съ такой сердечной простотой сталъ привѣтствовать офицеровъ, столько вѣры вложилъ онъ въ свои слова о томъ, что теперь онъ надѣется на братскую помощь офицеровъ общему народному дѣлу,—что его то и дѣло стали прерывать громомъ аплодисментовъ. Подъ конецъ старикъ умилился даже до слезъ.

Долго не смолкали провожавшіе его аплодисменты.

Его смѣнилъ Шаманинъ. Его рѣзкій тонъ, рѣзкія манеры, отсутствіе такта во время рѣчи встрѣтили на мѣстахъ протесты. А его нападки на начальника гарнизона, обвиненіе въ контръ-революціонности высшаго командного состава, призывъ къ неподчиненію ему, угрозы по адресу офицеровъ въ случаѣ ихъ неподчиненія новой власти—вызвали почти скандалъ.

Прапорщикъ Н., въ свою очередь, тоже рѣзко и безтактно далъ Шаманину отпоръ, сдѣлавъ противъ него даже личный выпадъ. Офицеры зашумѣли. Слышались отдѣльные выкрики: „долой его!“ „какъ онъ смѣетъ оскорблять!..“ Помирилъ всѣхъ Рамишвили, вынудивъ и Шаманина и прапорщика Н. миролюбиво объясниться и оскорбительныя слова взаимно взять назадъ.

Наконецъ, начали высказываться офицеры. Въ своемъ отношеніи къ революціи всѣ были единодушны. Говорили больше младшіе офицеры, но выступилъ и одинъ артиллерійскій подполковникъ (В.), снискавъ своей простой незамысловатой рѣчью, которая была немного длинна и утомительна, все же общія симпатіи собранія.

Около 11 часовъ вечера собраніе закончилось посылкой привѣтственной телеграммы Временному Правительству съ выраженіемъ полной готовности во всемъ его поддерживать.

Разошлись всѣ радостные, взволнованные, подъ общіе аплодисменты всего зала...

Офицеры гарнизона, такимъ образомъ, показали свое лицо.

Выходя изъ зданія, я увидѣлъ около крыльца цѣлый солдатскій митингъ. Говорилъ кто-то изъ рабочихъ, призывая слушателей взять офицеровъ въ ежовыя рукавицы и глаза съ нихъ не спускать...

Сразу все померкло на сердцѣ: какъ-будто, доѣдая въ саду послѣднее свѣжее яблоко, вдругъ неожиданно перекусилъ на зубахъ червя...

IV.

Совѣтъ Военныхъ Депутатовъ.

Сорганизовавшійся только что Комитетъ Народной Власти, желая приблизить свое лицо къ населенію, рѣшилъ ввести въ свой составъ три категоріи представителей: отъ рабочихъ, отъ военныхъ и отъ горожанъ.

Войсковымъ частямъ и всѣмъ отдѣльнымъ командамъ предложено было избрать по 2 представителя: 1 дѣйствительнаго члена и одного его замѣстителя, отдѣльно отъ офицеровъ и отъ солдатъ. 8-го марта всѣ эти представители отъ войскъ собрались въ залѣ Городской Думы, избрали президіумъ и объявили себя Совѣтомъ Военныхъ Депутатовъ.

Рѣшили, что въ Комитетъ Народной Власти посылаются представители не войсковыхъ частей, части же даютъ представителей въ Совѣтъ. Въ первое время Совѣтъ Военныхъ Депутатовъ входилъ на общія собранія Комитета Народной Власти цѣликомъ.

Всего членовъ въ Совѣтъ въ моментъ его образованія, было 66-67 человѣкъ, изъ которыхъ—17 офицеровъ, а остальные—солдаты.

Первымъ пробнымъ камнемъ для только что создавшагося Совѣта Военныхъ Депутатовъ были выборы представителей въ Исполнительный Комитетъ Народной Власти.

Нужно было избрать 10 человѣкъ.

Одинъ изъ солдатъ поднялъ вопросъ о томъ, сколько мѣстъ изъ этихъ 10-ти дать офицерамъ. Одни предлагали подѣлить всѣ мѣста пополамъ: 5 солдатъ и 5 офицеровъ; другіе требовали 7 мѣстъ для солдатъ и 3 для офицеровъ... Члены Совѣта офицеры возмущенно запротестовали:

— Что это за раздѣленіе? Причемъ тутъ солдаты и офицеры? Развѣ здѣсь не всѣ члены Совѣта? Совѣтъ Военныхъ Депутатовъ не долженъ знать въ своемъ составѣ ни солдатъ? ни офицеровъ: онъ долженъ знать **только членовъ!..**

Протестъ подѣйствовалъ: вопросъ о раздѣленіи мѣстъ съ обсужденія быстро сняли, единогласно признавъ, что въ Совѣтѣ дѣленія на чины и званія быть не должно.

И замѣчательно: закрытой баллотировкой были избраны 5 офицеровъ и 5 солдатъ, причемъ всѣ 5 офицеровъ получили больше избирательныхъ голосовъ, чѣмъ солдаты.

Наибольшей популярностью въ Совѣтѣ въ первые дни пользовался прославившійся впослѣдствіи своей пустотой саперный капитанъ М. Онъ былъ первымъ (временнымъ) предсѣдателемъ Совѣта и потомъ первымъ же по числу избирательныхъ голосовъ прошелъ въ Исполнительный Комитетъ Народной Власти.

Первымъ (постояннымъ) предсѣдателемъ Совѣта былъ избранъ сразу завоевавшій общія симпатіи прапорщикъ Ф.

Такъ Совѣтъ всталъ на ноги.

Но просуществовалъ онъ въ этомъ составѣ недолго, всего около 3-хъ недѣль.

Дѣло въ томъ, что гарнизонъ былъ представленъ въ немъ совершенно неправильно: двѣ трети состава Совѣта были отъ разныхъ мелкихъ нестроевыхъ командъ, и только около трети приходилось на многотысячный гарнизонъ, на крупныя строевыя части. Напримѣръ: пѣхотный полкъ или артиллерійская бригада, имѣя въ своемъ составѣ около 12000 каждая часть, посылали въ Совѣтъ 4-хъ представителей, и какая нибудь писарская команда при Управленіи въ 30-40 человѣкъ—тоже 4 человѣка!

Совѣтъ выработалъ новыя нормы представительства, и 28 марта былъ переизбранъ.

Первый составъ Совѣта отличался отъ всѣхъ послѣдующихъ одной чертой: чувствомъ законности. При разработкѣ, напримѣръ, наказа люди доходили до такихъ мелочей, что съ минуты на минуту рисковали впасть почти въ крючкотворство. Крючкотворства же на самомъ дѣлѣ, не было: мнѣ только хочется отмѣтить ту тщательность, ту щепетильность, ту придирчивость,

какую обнаруживалъ Совѣтъ при разработкѣ разныхъ вопросовъ. Юридическая природа каждаго вопроса почти никогда не упускалась изъ виду. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что въ первомъ составѣ Совѣта было достаточно спеціалистовъ-юристовъ.

Это чувство законности сказалось въ Совѣтѣ, между прочимъ, въ связи съ исторіей такъ называемаго „Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ".

Исторія эта такова.

Въ Совѣтѣ было два солдата—Г. и П., впослѣдствіи оказавшіеся оба большевиками. Оба, до призыва на военную службу—рабочіе-металлисты. Оба были заражены маніей подражанія Петроградскому Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ; оба—хорошіе ораторы и энергичные работники. Слово „военныхъ" они считали недемократичнымъ и хотѣли непремѣнно, чтобы депутаты назывались „солдатскими". Кромѣ того, по ихъ мнѣнію, Совѣтъ долженъ быть одинъ: солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Наконецъ, какъ рабочіе и старые партійные работники, они не могли побороть въ себѣ годами воспитаннаго недовѣрія къ офицерамъ.

Однажды кто-то изъ членовъ Совѣта принесъ газету „Извѣстія Самарскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ".

Многіе были ошеломлены:

— Это не опечатка?

— Развѣ есть у насъ еще Совѣтъ Солдатскихъ Депутатовъ?

— Почему Совѣтъ Военныхъ Депутатовъ ничего не знаетъ о немъ?

— Что это за организація? Кто состоитъ въ ней?

Когда на засѣданіи былъ поставленъ вопросъ объ этомъ таинственномъ Совѣтѣ, солдатъ П. заявилъ, что Совѣтъ Солдатскихъ Депутатовъ въ Самарѣ существуетъ, что самъ онъ состоитъ его предсѣдателемъ, что они работаютъ сообща съ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, а потому и рѣшили такъ называть газету, и, стало быть, нѣтъ въ ней никакой опечатки, а поставлено такъ, какъ и быть должно, потому что въ Петроградѣ и т. д. и т. д.

П. спросили:

А откуда взялся этотъ Совѣтъ?

— Очень просто,— отвѣтилъ онъ:—товарищи солдаты, входящіе въ Совѣтъ Военныхъ Депутатовъ, объединились и составили Совѣтъ Солдатскихъ Депутатовъ.

— Такъ это, въ лучшемъ случаѣ, просто солдатская секція или фракція Совѣта Военныхъ Депутатовъ, не имѣющая никакого права выносить самостоятельныя рѣшенія, обязательныя для гарнизона!

— Нѣтъ, это Совѣтъ.

— По какому же праву онъ составился?

— По праву революціи. Какъ въ Петроградѣ: въ Петроградѣ нѣтъ никакого Совѣта Военныхъ Депутатовъ, а есть Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

— Петроградъ не законъ для насъ...

— Нѣтъ, законъ: Петроградъ—авангардъ революціи.

И т. д., и т. д.

Товарища П. ничѣмъ нельзя было ни убѣдить, ни пронять. Когда офицеры, въ свою очередь, заявили, что они такъ же могли бы создать Совѣтъ офицерскихъ Депутатовъ, врачи—Врачебныхъ, чиновники—Чиновничьихъ Депутатовъ, что это было бы безсмысленное раздѣленіе, только вредное дѣлу, да и совершенно беззаконное,—П. всетаки остался при своемъ. Оказалось даже что въ этотъ самозванный Совѣтъ входила меньшая половина солдатъ изъ членовъ Совѣта. Тѣмъ не менѣе П. и Г. упорно собирали свой „Совѣтъ", отказавшись подчиниться постановленію Совѣта В. Д. прекращеніе самостоятельной дѣятельности самозванца. Хотя недѣли черезъ двѣ „Совѣтъ" этотъ умеръ самъ собою, тѣмъ не менѣе онъ вбилъ въ единство С. В. Д. первый клинъ... Офицеры стали замѣтно менѣе искренны, и это потомъ только углублялось...

V°.

МАНИФЕСТАЦІЯ.

Общая манифестація въ честь революціи и въ память ея жертвъ прошла, какъ небывалое торжество.

Церемонія и порядокъ, въ какомъ должны были слѣдовать по улицамъ войска, организаціи, союзы, партіи и проч.—были подробно расписаны наканунѣ и вывѣшены на всѣхъ углахъ.

Утро выдалось морозное и ясное. Было довольно холодно, но солдатъ и офицеровъ подогрѣвалъ внутренній жаръ. Ни на одномъ смотру, ни на одномъ парадѣ я не видалъ такой молодцоватости въ солдатахъ (объ офицерахъ я уже и не говорю!), того восторга, которымъ пылали ихъ глаза, такой стройности въ рядахъ и шеренгахъ, такой безукоризненной въ строю дисциплины, такого твердаго и дружнаго шага,—какъ въ этотъ памятный день! Нѣсколько человѣкъ моей роты (и я въ томъ числѣ слегка поотморозили себѣ уши, но никто и не подумалъ объ этомъ: стыдно было нарушать строй лишнимъ движеніемъ ради какой-то мелочи!

Правда, общій подъемъ къ концу манифестаціи немного увялъ, но это такъ понятно: мы вышли изъ казармъ на сборные пункты въ 8 ч. утра, а вернулись около 3-4-хъ часовъ вечера! 7—8 часовъ нервнаго напряженія трудно было выдержать!

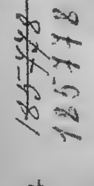
Устроители манифестаціи ошиблись въ своихъ разсчетахъ: они не ожидали прогулки по городу гарнизона въ 80,000 человѣкъ! Мнѣ не разъ потомъ приходилось слышать отъ горожанъ:

— Такъ вотъ онъ какой гарнизонъ! Что бы было съ нами и революціей, если бы эта громада взялась бы исполнять присягу Николаю!..

Общее вниманіе публики привлекалъ Кабцанъ, только что вернувшійся изъ ссылки и руководившій манифестаціей. На обывательской подводѣ, въ плохенькихъ санкахъ съ краснымъ флагомъ, съ такой же лентой черезъ плечо, въ потасканной шапченкѣ на пышныхъ волосахъ, худой и быстрый—онъ былъ милъ и незабываемъ! Забавно и весело было видѣть, какъ слѣдомъ за этимъ предводителемъ, такимъ штатскимъ и хрупкимъ, безконечной стройной лентой съ барабаннымъ боемъ, подъ звуки полковыхъ оркестровъ, поблескивая штыками торжественно и грозно двигалась чуть не цѣлая армія!

Улицы, дома, крыши, окна, балконы, карнизы, водосточныя трубы—все было усыпано людьми! А двое молодцовъ, не найдя себѣ подходящаго мѣста на краю крыши телеграфа, забрались въ группу телефонныхъ изоляторовъ и съ пожирающимъ любопытствомъ высунули изъ-за нихъ головы, не отрывая глазъ отъ Дворянской улицы...

Звуки музыки, барабанный бой, восторженные крики горожанъ, раскаты солдатскаго „ура“—все сливалось въ могучій гимнъ революціи!.. Земля кажется, совершенно не чувствовалась подъ ногами: такъ хотѣлось, высоко поднявъ голову, идти, идти и идти безъ конца!

Одинъ изъ моихъ офицеровъ, проходя (въ строю) мимо бригаднаго генерала, до того былъ унесенъ восторгомъ, что совершенно его не замѣтилъ и чуть не толкнулъ плечомъ, очнувшись лишь отъ тихаго генеральскаго замѣчанія:

— Надо честь отдавать, поручикъ...

Къ концу Дворянской улицы движеніе, изъ-за необычайной тѣсноты, замѣтно разлаживалось: солдаты еле пробирались сквозь густую массу народа, и гарцовавшій здѣсь начальникъ милиціи ничего не могъ подѣлать.

А у памятника—привѣты, привѣты и привѣты.

Ораторы на трибунѣ, теряя голосъ, смѣняли другъ друга. Солдаты всѣмъ кричали „ура“.

Въ то время, какъ остальные участники шествія, изумляли всѣхъ пышностью, богатствомъ и безчисленностью знаменъ и плакатовъ, войска въ большинствѣ случаевъ скромно (каждая рота) несли небольшіе красные флаги съ номеромъ своей части.

Войска, наконецъ, прошли всѣ оставивъ по себѣ незабываемую память.

Вечеромъ казармы были пусты: митинги въ театрахъ и на улицахъ—полны солдатъ.

VI.

ВСТРѢЧА „БАБУШКИ“.

Я не знаю, у кого явилась мысль встрѣтить Брешко-Брешковскую военными парадами, но эта мысль рѣшительно никому не показалась странной.

Солдаты и офицеры ждали ее съ такимъ трепетомъ и встрѣтили съ такимъ восторгомъ, какъ-будто она была самымъ великимъ въ мірѣ военнымъ вождемъ.

Бабушку встрѣчали по полкамъ.

Была теплая и сырая погода. Со всѣхъ пригорковъ бѣжали безчисленные ручьи. Нашъ полкъ построился въ низинѣ. Моя рота стала у самой подошвы спуска. Ручьи бурливо бѣжали чрезъ наши сапоги.

Ждали долго.

Наконецъ:

— Ѣдетъ! Ѣдетъ!..

Полковникъ вышелъ на видное мѣсто и взволнованно скомандовалъ:

— Полкъ, смирррно!.. Слушаай... На кра....улъ!!.

Полкъ, стоя въ водѣ, подъ моросящимъ дождемъ, дружно взялъ „на краулъ“ и замеръ.

Подъѣхала на русской тройкѣ въ широкихъ русскихъ пошевняхъ сама бабушка, поддерживаемая подъ руки сопутствовавшими ей солдатами. Ахъ, какъ сіяли эти два счастливца! И какъ многіе имъ завидовали: разъ въ жизни собственными руками прикоснуться къ бабушкиному платью—какое счастье!..

Бабушка что-то говорила, но разобрать что нибудь было невозможно: старушка говорила тихимъ и усталымъ голосомъ.

Ей поднесли цвѣты. Поручикъ У. привѣтствовалъ ее отъ имени полка. Его слышали всѣ прекрасно, но самъ онъ былъ до того взволнованъ, что готовъ былъ каждую минуту разрыдаться, и только кричалъ:

— Бабушка!.. Бабушка!..

Я теперь не помню ужъ его краткой рѣчи, но у меня сохранилось такое впечатлѣніе, что однажды въ своей жизни я слышалъ чудный и глубоко проникновенный акафистъ.

За здоровье бабушки кричали „ура“...

Спустя нѣсколько минутъ, бабушка была въ Совѣтѣ Военныхъ Депутатовъ. Въ Совѣтѣ шла рѣчь о сепаратномъ мирѣ. Бабушка попросила слова и кратко изложила свой взглядъ на вопросъ. Думая о мирѣ, она неотступно думала и о національной чести. Рѣчь ея была проста, какъ дѣтская сказка, въ тонѣ ея было столько доброты, столько ласки, столько гордости за Россію, что ея словами упивались. Совѣтъ восторженно аплодировалъ.

Чрезъ 10 мин., пожелавъ имъ всѣмъ успѣха и добра, бабушка уѣхала...

Такъ прошли въ Самарскомъ гарнизонѣ первые дни революціи, дни незабываемаго національнаго и революціоннаго восторга, дни самыхъ дорогихъ воспоминаній. Нѣтъ возможности въ небольшой статьѣ разсказать все, что думалось въ эти дни, что переживалось и трепетомъ какихъ чарующихъ надеждъ билось русское солдатское сердце...

Георгій Хрунинъ.

П. Климушкинъ.

Изъ Зерентуя до Самары

(Къ амнистіи 1917 года).

I.

Какъ насъ освобождали.

Это происходило въ одномъ изъ далекихъ заброшенныхъ уголковъ,— въ Горномъ Зерентуѣ!

Зерентуй—это каторжная тюрьма, расположенная „на самомъ краю свѣта" въ 10 верстахъ отъ Монгольской границы въ глухомъ, пустынномъ мѣстѣ. Что бы попасть въ этотъ край изъ центра Россіи нужно проѣхать 6—7 тысячъ верстъ по желѣзной дорогѣ и верстъ триста на лошадяхъ, которые нашимъ братьямъ арестантамъ приходилось пѣшкомъ отмахивать десятки тысячъ разъ.

Названіе этого края, не смотря на его отдаленность, знакомо русскому человѣку. Въ немъ за этотъ десятилѣтній удушливый періодъ произошло столько крупныхъ событій и столько лѣтъ онъ былъ ареной борьбы и страданій для русской революціонной молодежи, что не знать о немъ очень трудно, пожалуй даже невозможно.

Зерентуй—это Голгофа русскаго народа, гдѣ десятки лѣтъ распинались тысячи молодыхъ жизней, въ крестной мукѣ гасли лучшія стремленія человѣческаго духа и благороднѣйшія надежды самыхъ честныхъ гражданъ.

Это—могила русской свободы.

Добавлю кстати, что описываемыя мною ниже событія теперь мнѣ и самому кажутся какимъ то яркимъ мимолетнымъ сномъ, красивой очаровательной сказкой, мелькнувшей лишь разъ въ жизни освѣтившей на мигъ своимъ прекраснымъ блескомъ нашу темную жизнь и навѣки погасшей.

Трудно говорить о такихъ сказкахъ.

Однако попытаюсь...

Накануне великихъ событій у насъ въ тюрьмѣ было тихо. Потому-ли, что въ Россіи на самомъ дѣлѣ было всюду и вездѣ спокойно, тишь и гладь,

да Божья благодать, — или может быть потому, что получонныя нами газеты: „Русскій Инвалидъ“, „Правительственный Вѣстникъ“ умалчивали о происходящихъ выступленіяхъ, но у насъ создалось такое убѣжденіе, что въ Россіи все обстоитъ благополучно. Предъ нашими глазами разстилалась громадная необъятная русская ширь, надъ которой грозная жандармская опека простерла свою холодную руку и начертала скромное, но полное смысла слово: „спокой“.

О революціи, о свободѣ — страшно было подумать. Такой безумной мысли и въ голову не приходило ни кому изъ насъ. Всѣ получаемыя нами свѣдѣнія, какъ изъ газетъ, такъ и отъ родственниковъ изъ писемъ говорили о томъ, что эта мысль и тамъ считалась невѣроятной, и всякій кто попытался говорить о ней считался бы просто фантазеромъ...

Если и произойдетъ что, думали мы, то не ранѣе какъ послѣ окончанія войны.

Но и эта мысль бралась подъ большое сомнѣніе.

Жизнь изо дня въ день шла обычнымъ порядкомъ. Режимъ суровый и звѣрскій до войны, теперь значительно сталъ мягче и человѣчнѣе.

Большинство товарищей устроилось въ тюремныхъ мастерскихъ въ конторѣ и работая, думали о томъ, какъ бы по скорѣе выйти на поселеніе или въ вольную команду. Эта мысль занимала все наше вниманіе. Словомъ, на нашемъ горизонтѣ было по своему ясно, спокойно.

И... вдругъ... грянулъ громъ.

Помню ясно, отчетливо. 3 марта, какъ и всегда проснувшись рано утромъ и напившись чаю, я отправился на уроки. (Нужно замѣтить, я въ это время находился въ вольной командѣ и за неимѣніемъ вольныхъ учителей давалъ уроки дѣтямъ мѣстной администраціи и интеллигенціи).

Остальные товарищи, находящіеся въ вольной командѣ и въ тюрьмѣ, принялись за свои обычныя работы.

Всѣ были на своихъ мѣстахъ.

Часовъ въ 12 дня, какъ разъ во время тюремнаго обѣда въ конторѣ на имя одного изъ товарищей получаютъ такую телеграмму: „Привѣтъ всѣмъ товарищамъ. Поздравляю всѣхъ съ свободой. Жду всѣхъ къ себѣ“.

Эта телеграмма была отъ товарища отбывшаго каторгу и вышедшаго на поселеніе и теперь проживающаго въ Читѣ въ качествѣ техника, въ одномъ изъ какихъ то правительственныхъ учрежденій — человѣка солиднаго, осторожнаго.

Начальникъ прочиталъ телеграмму, нашелъ ее подозрительной. И вызвавъ товарища, онъ нервно и укоризненно говорилъ ему: „Что это значитъ? Побѣгъ что-ли вы задумали устроить? Или у меня вамъ плохо сидится? Да я знаю отъ меня ни-кто не убѣжитъ. Объясните — въ чемъ дѣло?...

Товарищъ не нашелъ что ему отвѣтить. Прочитавъ еще разъ телеграмму, онъ поблѣдпѣлъ, зашатался и не могъ выговорить ни одного слова.

На помощь ему пришелъ самъ начальникъ. Немедленно же была дана въ Читу телеграмма съ просьбой разъяснить значеніе первой.

Отвѣта ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Вѣсть о телеграммѣ облетѣла всю тюрьму съ быстротою молніи. Тюрьма зашевелилась. Работа была тотъ часъ же заброшена. У всѣхъ было полное недоумѣніе. „Что это значитъ? Ужъ не амнистія-ли? да нѣтъ не можетъ быть, невѣроятно! Можетъ быть пьянъ былъ? Но нѣтъ, не таковъ человѣкъ!—то-же не можетъ этого быть! Въ чемъ же дѣло?"

Такъ вихремъ проносились одна мысль безумнѣй другой. Равновѣсіе было потеряно. Въ головѣ вдругъ что-то треснуло помутилось; нить обычныхъ мыслей, всегда вялыхъ и апатичныхъ, оборвалась и какими то обрывками, закружилась въ головѣ безумнымъ вихремъ. Мы вдругъ почувствовали, и непоколебимо повѣрили что отъ сего часа въ нашей жизни произошло что-то крупное, великое; на нашемъ горизонтѣ всегда спокойномъ и чистомъ, засвѣтилась новая яркая заря, заря еще невѣдомой и не вполнѣ осознанной нами жизни. Мысли, разсудокъ не хотѣли этому вѣрить но сердце, чувство настойчиво и властно трубили объ этомъ.

А... вдругъ это шутка...—выползала откуда то неожиданно такая дерзкая и коварная мысль. И всего обдавало холодомъ, какъ будто морозъ пробѣгалъ по всему тѣлу, сердце сжималось, силы падали и радость потухала. „Когда же конецъ" думали мы и волновались.

Наконецъ часовъ въ 6 вечера получаемъ отвѣтъ. Онъ гласилъ!... „Въ Петроградѣ произошли крупныя событія. Образовано новое Правительство. Министръ иностранныхъ дѣлъ—Милюковъ, юстиціи—Керенскій. Ожидается общая амнистія".

Керенскій... Милюковъ... Амнистія... Что такое!?

Но этого было достаточно. Имя Керенскаго сказало намъ многое. Мы ясно поняли, что въ Петроградѣ дѣйствительно произошло что-то крупное грандіозное. Заря новой свободы блеснула вдругъ такъ ярко, такъ отчетливо, что свѣтъ ея ослѣпилъ вдругъ наши мысли. Бросивъ работу, бросивъ всѣ занятія, мы предалися безумной буйной радости. Заходило все вокругъ, застонало затряслось.

Оставивъ занятія, вмѣстѣ съ другимъ тов. работающимъ въ конторѣ, я побѣжалъ въ деревню подѣлиться этою новостью съ нашимъ другомъ Степой, который въ это время долженъ былъ встрѣчать на квартирѣ священника свою мать, пріѣхавшую къ нему послѣ семилѣтней разлуки на свиданіе.

Бѣжали мы какъ дѣти, прыгая, смѣясь и толкая другъ друга; бѣжали съ быстротою поѣзда, удивляя встрѣчавшихся съ нами „гурановъ".

Пьяные отъ счастья, задыхаясь отъ бѣга, мы врываемся въ домъ священника, не раздѣваясь, не снимая галошъ, каковыя увы, да проститъ намъ читатель эту „буржуазность", были на нашихъ ногахъ, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, перебивая другъ друга, мы кричимъ, машемъ руками

и задыхаемся отъ радости. „Ура! свобода! амнистія!— сквозь слезы кричимъ мы съ товарищемъ.—Въ Петроградѣ событія, Конституція... Милюковъ!.. Керенскій... Новое правительство...“

Дальше получалось что-то непонятное, не членораздѣльное, мы волнуемся, кричимъ **перебиваемъ другъ друга**, не то хохочемъ, не то плачемъ, и несемъ, должно быть такую не разбериху, что всѣ присутствующіе отступивъ отъ насъ, съ испугомъ смотрятъ въ глаза намъ, не то какъ на пьяныхъ, не то какъ на сумасшедшихъ.

— А ну... Васъ... къ шуту — перебиваетъ насъ Степа, отталкивая отъ себя—дайте мнѣ хоть съ матерью то поцѣловаться!!!.

Только теперь мы вспомнимъ, что вѣдь къ нему пріѣхала мать, которая стоитъ уже нѣсколько минутъ вся въ слезахъ, ожидая минуты, когда она можетъ наконецъ то обнять своего любимаго сына и прижать его къ своей груди послѣ столькихъ лѣтъ разлуки.

— Степа! Это правда, что они говорятъ?—тихо спрашиваетъ мать прижимая его къ груди и робко сквозь слезы, глядитъ ему въ глаза.

— А ну ихъ...—отмахивается Степа, еще повидимому не вѣря нашему сообщенію и считая все это за шутку.—Да разскажите же все толкомъ, не болтайте зря языкомъ.

Мы вошли въ комнату, усѣлись и снова перебивая другъ друга, вскакивая каждую минуту, не въ силахъ сдержать бушевавшей въ насъ радости—разсказали всю исторію подробно въ лицахъ и картинахъ. Насъ слушали съ затаеннымъ дыханіемъ.

— Благодарю тебя Создатель!!! вдругъ сквозь слезы сказала мать, Степы и шатаясь подошла къ иконѣ, упала на полъ и разрыдалась.

— Мама, чтожъ ты—бросился къ ней Степа—вмѣстѣ домой поѣдемъ, вотъ и все!

Мы распрощались и побѣжали въ другое мѣсто.

Вечеромъ мы справляли праздникъ свободы, какъ мы его назвали. Въ немъ приняли участіе не только наши товарищи бывшіе каторжане, вышедшіе теперь на поселеніе, но и мѣстные почтовые чиновники и тюремные надзиратели. Грани были стерты, всѣ чувствовали себя какъ братья.

Часовъ въ 12 ночи, въ самый разгаръ нашей пирушки, къ намъ вдругъ врывается одинъ изъ конторскихъ писарей и растерянно бѣшенымъ голосомъ заявляетъ:

Братцы! Сейчасъ начальникъ получилъ какую-то телеграмму и немедленно же всѣхъ писарей требуетъ въ контору... Ой братцы, что это такое—разсказывалъ онъ—прочиталъ начальникъ телеграмку, схватился за голову, застоналъ даже... Ходитъ теперь по конторѣ и все приговариваетъ: „Что то будетъ, что-то будетъ“!!!.

Мы бросились всѣ въ контору.

Содержаніе этой телеграммы, однако, осталось для насъ неизвѣстнымъ, несмотря на то, что были пущены въ ходъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи средства. Оно держалось въ строгой тайнѣ.

На слѣдующій день жизнь пошла обычнымъ порядкомъ, тѣ же свистки, окрики, повѣрки, наряды и т. д. и т. д. которые теперь, казались намъ еще ненавистнѣе, еще противнѣе.

Вставъ по обыкновенію рано утромъ и прозанимавшись въ двухъ трехъ мѣстахъ, я отправился на уроки къ полковнику Евтину, завѣдующему Нерчинской каторгой.

— А-а здравствуйте г-нъ К———нъ очень любезно встрѣтилъ меня полковникъ—поздравляю Васъ съ амнистіей?..

Какъ не былъ я подготовленъ къ этому сообщенію, но его поздравленіе такъ ударило меня въ сердце, что я внѣ себя отъ радости и не терпѣнія крикнулъ во весь голосъ.

— Что! Амнистія!! Чтожъ Вы молчите!?

Тс-сс—остановилъ меня полковникъ и таинственно продолжалъ—Видите въ чемъ дѣло... Мы получили еще въ 12 ч. ночи такую телеграмму „Немедленно же подъ личной строгой отвѣтственностью освободить всѣхъ политическихъ судившихся по 102, 126 ст. ст.“ Но какъ, почему—ничего неизвѣстно. Телеграмма за подписью прокурора и въ ней сказано—по распоряженію Керенскаго, а не Его Импер. Величества. А кто такой Керенскій намъ еще до сихъ поръ ничего не сообщали. Даже номеръ на телеграммѣ не поставили—такъ всѣ тамъ растерялись. Сами посудите—какъ я могу выпустить по такой телеграммѣ. Запросилъ Читу, ждемъ вотъ отвѣта“.

Полковникъ еще что-то долго объяснялъ мнѣ, но я его уже не слушалъ—одно только слово амнистія, впилось въ мою голову и заполнило всѣ мои думы. Какъ пьяный, не понимая всего происходящаго, но съ виду спокойный, я поднялся на верхъ и началъ заниматься.

Вначалѣ все шло сравнительно нормально, я спрашивалъ, ученицы отвѣчали. Но минутъ черезъ десять—пятнадцать такъ случилось, что книга сама по себѣ вывалилась изъ моихъ рукъ, глаза устремились куда-то въ пространство и я!.. позабывалъ спрашивать я, думалъ и... все думалъ. Дѣти это сейчасъ же замѣтили и предъ самимъ моимъ носомъ стали выдѣлывать какія то шутки... Я простился и вышелъ, и... объявилъ всѣмъ своимъ ученикамъ и ученицамъ полную амнистію.

Въ тюрьмѣ и конторѣ все кипѣло.

Вѣсть объ амнистіи уже облетѣла всѣ камеры.

Тюрьма волновалась и это волненіе начинало уже переходить въ нетерпѣливое требованіе. Администрація не знала что ей дѣлать. На телеграммы, которыя чуть-ли не каждый часъ подавали по начальству, отвѣта не было. Наконецъ уже совершенно случайно была перехвачена телеграмма, шедшая въ

уѣздный городъ уѣздному начальнику, въ которой говорилось о всѣхъ Петроградскихъ событіяхъ и о низверженіи Николая.

—Ну теперь я все понялъ—сказалъ начальникъ тюрьмы съ грустью—идемъ освобождать.

И мы пошли освобождать, онъ понуривъ голову, а мы... мы... еле сдерживаясь, что бы не прыгнуть въ небо.

Мы пошли освобождать!

Какъ много мечтали мы объ этомъ сказочномъ для насъ моментѣ и вотъ онъ наконецъ насталъ! Сколько смысла и красоты для нашего сердца зазвучало въ этомъ словѣ. Ни на одномъ языкѣ нѣтъ такого прелестнаго и сильнаго слова, какъ это наше, милое чудесное „осво-бож-дать".

Осво-бож-дать!

Эти три сухихъ слога загорѣлись вдругъ какимъ-то огненнымъ пламенемъ и освѣтили наши думы, сердце, душу новымъ свѣтомъ жизни и счастья.

Въ этихъ трехъ жуткихъ, холодныхъ слогахъ заиграла вдругъ новая чудная музыка, еще невѣдомая до сихъ поръ для нашего слуха и переполнила наше сердце чудными, родными пѣснями, полными значенія.

Осво-бож-дать!

Кто пойметъ это слово! Поймете-ли вы читатель?

Возлѣ воротъ собралась уже „толпа". Ждемъ... сердце бьется... Какъ долго тянется время, и что они тамъ такъ долго не выпускаютъ. О. Боже, какъ долго тянется время!

— Идутъ, идутъ!!

Я побѣжалъ къ воротамъ и... сразу же падаю въ десятокъ объятій.

— Крикъ.., радость... поцѣлуи...

— Но... но что же вы плачете!? Зачѣмъ слезы?! Говорю я друзьямъ, видя на глазахъ у нихъ всѣхъ слезы и вижу что это не слезы радости.

Всѣ какъ по командѣ глаза опустили внизъ и слезы западали на полъ. „Эхъ, тюрьма! Вотъ что сдѣлала-ты изъ этихъ богатырей свободы"—подумалъ я, начиная и самъ всхлыпывать.

— Какъ же... они.. тамъ остались—проговорилъ сквозь рыданія тов. Евсей—А мы... мы здѣсь. Они не плачутъ. Но если бы ты видѣлъ какъ они насъ провожали, какъ глядѣли, какъ глядѣли! Лучше бы я тамъ остался... Я знаю они теперь тамъ убиты..

Я понялъ о комъ онъ говоритъ. Не было съ нами лучшихъ нашихъ друзей, не выпущенныхъ сейчасъ только потому, что они, хотя и политическіе, но судились не по 102 ст., а по другимъ статьямъ, амнистія на которыхъ еще не распространялась. Я не видѣлъ въ своей средѣ тѣхъ людей, съ которыми я провелъ долгіе, долгіе годы борьбы и каторжной жизни, дѣля вмѣстѣ съ ними и страданія и радости и муки; тѣхъ людей, которые за эти годы стали мнѣ дороже отца и матери.

Радость потухла. Первыя сладкія минуты счастья, первыя лучшія

грезы и мечты о свободѣ отравлены. Мы грустно, съ поникшими головами, побрели на свободу, „на свободу“!

Вечеромъ мы сидѣли на „свободной“ квартирѣ и писали телеграмму Керенскому...

Отвѣта не получили.

Слѣдующія сутки мы провели очень тревожно. Сообщенія были самыя разнорѣчивыя... То намъ телеграфировали, что Николай отрекся отъ престола и образовано Временное Правительство, то войска присягнули Михаилу и Николай Николаевичъ назначенъ главнокомандующимъ, то войска движутся на Петроградъ, то въ войскахъ спокойно.

Все это получалось нами въ клочкахъ, безсвязно и случайно. Изъ всего изъ этого мы поняли одно, что въ Петроградѣ, *что-то* происходитъ и что намъ нужно поскорѣе „удирать“ отсюда.

Такъ мы и сдѣлали.

На слѣдующій день мы уѣзжали. День былъ ясный, теплый. Снѣгъ уже начиналъ таять. Народу собралось проводить насъ очень много. Администрація настолько была любезна, что всѣхъ остающихся нашихъ товарищей выпустили проводить насъ.

Проводы, какъ и слѣдовало ожидать, оказались очень тяжелыми. Никому не хотѣлось ничего ни говорить, ни дѣлать. Всѣ старались забиться куда нибудь въ уголъ и остаться наединѣ съ собою или же съ близкимъ своимъ другомъ. Настроеніе было гнетущее, чувствовалось что у всѣхъ въ груди наростаетъ что-то тяжелое, давящее, тоскливо сжимающее сердце. Ждали послѣдней минуты съ боязнью. Наконецъ эта минута настала.

— Ну прощай, Климъ!—сказалъ мнѣ мой другъ Борисъ, подходя ко мнѣ.—Можетъ на вѣки.. не забудь! голосъ его дрогнулъ.

Онъ пошатнулся, отошелъ въ сторону и зарыдалъ.

— Прощай—сквозь стонъ говорилъ другой—не забывайте насъ... можетъ не... увидимся.

Слезы и этому не дали договорить. Отходя отъ меня онъ также зарыдалъ какъ ребенокъ.

За нимъ одинъ по одному начали всхлипывать и другіе... Сначала тихо, сдержано, но потомъ все громче и громче и наконецъ черезъ минуту — всѣ плакали какъ дѣти, обливая другъ друга слезами.

— Эхъ, будь же проклята такая свобода—вырвалось у одного изъ товарищей.

И это никому не показалось тогда святотатствомъ.

Дальше помню одни только глаза, большіе измученные глаза, смотрящіе съ надеждой и скорбью на меня. Потомъ слезы, стоны и рыданія..

Что бы окончить эту мучительную сцену, мы поскорѣе двинулись въ путь

Какъ будто на прощанье намъ, тюремный колоколъ ударилъ къ обѣду. Грустно и больно отозвался этотъ звонъ въ нашемъ сердцѣ. Мы обернулись

назадъ, скинули шапки и на вѣки раскланялись съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ оставлено нами столько силы, молодости и лучшей жизни. Мы постояли нѣсколько минутъ махнули шапками и поѣхали дальше...

Тюрьма скрылась.

Прощай прошлое! Прощайте безсонныя ночи, полныя страстной тоски и муки о свободѣ, и счастьѣ, о жизни.

Прощайте проклятыя стѣны, свидѣтели нашей борьбы и дикой расправы. Прощай могила нашей молодости!

Никогда не забуду еще одной картины.

Одинъ изъ товарищей, также остающихся пока на каторгѣ, долго не поддавался общему настроенію. Онъ все крѣпился, шутилъ, смѣялся, проводилъ насъ далеко за горы, но въ концѣ концовъ не выдержалъ. Простившись съ нами и оставшись наединѣ онъ опустился среди дороги на землю, согнулся и заплакалъ. Мы видѣли, какъ тряслись отъ рыданіи его плечи и все тѣло. Эта фигура, сидящая среди дороги и оплакивающая свои разбитыя надежды, никогда не изгладится изъ моей памяти.

II.

Какъ насъ встрѣчали.

Тройка мчится. Мелькаютъ горы, лѣса. Сердце бьется все вольнѣй и свободнѣй. Каждый часъ насъ уноситъ все дальше и дальше отъ того мрачнаго прошлаго, которое осталось позади насъ... Впереди... Впереди огни, просторъ... свобода!.. Эхъ, какъ дышется легко и свободно, какая ширь! Эй, ямщикъ, скорѣй впередъ!

Впередъ, навстрѣчу тому неизвѣстному прекрасному новому, какое ждетъ насъ на порогѣ нашей новой жизни. Впередъ... что тамъ?! можетъ быть борьба, новыя муки, новыя неиспытанныя нами грозныя страсти, новыя безсонныя ночи—но всежъ... какъ свѣтло впереди, какъ ярко свѣтитъ солнце, какъ вольно и радостно бьется сердце—но всежъ... впередъ, впередъ ямщикъ!

Триста верстъ мы промчались въ два съ небольшимъ дня.

Въ Срѣтенскѣ насъ встрѣтили необычайно тепло и радушно. Приготовили намъ лучшую гостинницу, накупили бѣлья, одежды, насобирали денегъ и т. д. и т. д. Всѣ были такъ внимательны, сердечны и милы, что эта, небывалая для насъ сердечность, трогала насъ до слезъ.

Пріѣхали мы туда дня за два до Праздника Революціи. Жители города искренно обрадованные нашимъ пріѣздомъ, упросили насъ этотъ празд-

никъ провести вмѣстѣ съ ними. Оставаться для насъ было мучительно, но не желая обижать ихъ за ихъ теплое и радушное отношеніе къ намъ, мы согласились.

10 марта, въ день празднованія, городъ зашевелился съ ранняго утра. На площади близь собора, почти въ центрѣ города, была построена особая площадка для духовентства и почетныхъ гостей.

Часамъ къ 11 начали стекаться горожане. Здѣсь были и солдаты, и рабочіе, и крестьяне, и мѣщане, и интеллигентъ и „буржуи". Всѣ пришли на этотъ великій праздникъ свободы. Всѣ собрались сюда праздновать первый свой праздникъ освобожденія.

Всего собралось до десяти тысячъ.

Настроеніе было необычайно торжественное и приподнятое. Всѣ были одушевлены одной великой радостью. У всѣхъ десяти тысячъ была одна могучая душа, и эта душа такъ крѣпко спаяла собравшихся, что всѣ чувствовали себя какъ братья, близкія родныя братья, послѣ долгой мучительной разлуки. Самыя далекія другъ другу люди, непринужденно подходили одинъ къ другому, бесѣдовали, шутили смѣялись, поздравляли другъ друга, пожимали руки и съ радостью расходились.

Во время панихиды, насъ, какъ почетныхъ гостей попросили встать на эстрадѣ, рядомъ съ духовенствомъ. Во всемъ сѣромъ, арестантскомъ мы представляли изъ себя среди празднично разодѣтой толпы, какое то странное зрѣлище.

Въ началѣ всѣ держали себя сдержанно, спокойно. Но вотъ провозгласилъ дьяконъ „вѣчная память павшимъ борцамъ за свободу", и многіе изъ товарищей начали всхлипывать и вздыхать тяжело грудью. За ними—и глядя на нихъ заплакали женщины, потомъ мужчины—и... черезъ пять—десять минутъ все это море головъ всхлипывало, вздыхало, трясло плечами и безшумно рыдало.

Съ женщинами начались истерики.

Это настроеніе еще больше усилилось во время рѣчей нашихъ товарищей. Первымъ вышелъ говорить тов. Есой, самый чувствительный изъ всѣхъ насъ.

— То...то...варищи—пытается выговорить онъ сквозь слезы—Гра...граждане—но слезы его душатъ и онъ рыдая, дрожа всѣмъ тѣломъ, сходитъ съ трибуны.

Выходитъ второй, но и его постигаетъ таже участь.

— Я...я... не могу—выговариваетъ онъ, отходя въ сторону.

Слезы переходятъ въ общій стонъ...

Вечеромъ, послѣ торжественнаго обѣда, насъ провожали на вокзалъ. Мы шли впереди, а за нами съ цвѣтами и знаменами двигались тысячи граждан. Вагонъ, въ которомъ намъ предстояло ѣхать, былъ также весь въ цвѣ-

тахъ. Подъ восторженые крики нѣсколькихъ тысячъ голосовъ и пѣніе революціонныхъ пѣсенъ, мы медленно двигались впередъ.

Дальше, почти на каждой станціи, повторялось тоже самое. Не успѣвалъ нашъ вагонъ остановится, какъ его тотъ часъ окружали сотни лицъ и начиналось нѣчто необычное. Насъ окружали, забрасывали тысячью вопросами, предлагали свои услуги, восторженно кричали, махали шапками и съ пѣніемъ провожали дальше.

Отношеніе солдатъ къ намъ было необычайно теплое и радушное. Помню, на одной изъ большихъ станцій къ намъ въ вагонъ начала стучаться группа солдатъ, возвращающихся на родину. Мы не пускали. Стоявшіе напротивъ мѣстные солдаты не выдержали такого непочтительнаго отношенія къ ихъ братьямъ—солдатамъ, проливавшимъ кровь, порасхватали тяжелыя желѣзныя палки и бросились громить насъ.

Присутствующій здѣсь нашъ староста подбѣжалъ къ нимъ и сказалъ:

— Товарищи! Развѣ вы не знаете кто здѣсь ѣдетъ?

— Нѣтъ! былъ отвѣтъ.

И когда товарищъ разсказалъ имъ кто въ этомъ вагонѣ ѣдетъ, они, побросавъ палки, первые же набросились на эту группу и кулаками и бранью отогнали ихъ отъ нашего вагона; потомъ сами встали въ дверяхъ и не пустили къ намъ ни одного человѣка.

Въ Читу мы пріѣхали часовъ въ девять вечера. „Ну!“ думаемъ,—Слава *богу! ночью* пріѣдемъ,—никого не будетъ“.

Но... что это такое? Что то шумъ! Смотрите! Море головъ, сотни знаменъ и плакатовъ и.. цвѣты, цвѣты.. Глаза горятъ, лица дышатъ огнемъ. всѣ кричатъ, машутъ руками.. что-то восторженное и неудержимое рвется изъ груди этой массы и захватываетъ своею мощью. „Вотъ такъ незамѣтно пріѣхали„—смѣемся мы и выходимъ изъ вагона.

Но неуспѣли показаться мы въ дверяхъ какъ насъ встрѣчаетъ страшный грохотъ музыки, и восторженные крики тысячъ. Чувствую —насъ кто-то хватаетъ, къ намъ тянутся сотни рукъ, кто то обнимаетъ, цѣлуетъ. „милые, родные“ кто-то сквозь слезы говоритъ надъ моимъ ухомъ. „Товарищи, братья“! восторженно кричитъ другой, ко мнѣ наклоняется чье то плачущее женское лицо, смотритъ мнѣ въ глаза и обливая слезами—цѣлуетъ въ лобъ.. Рядомъ кто то пытается говорить, но его никто не слышитъ. Мы переходимъ изъ однихъ рукъ въ другіе. Вижу, какъ мои товарищи поднимаются надъ моремъ головъ и плывутъ куда то впередъ. А я вижу предъ собою лишь горящія глаза, восторженныя лица, тысячи рукъ.

Музыка гремитъ, море кипитъ, волнуется, общій восторженный стонъ заполняетъ все пространство и мощнымъ потокомъ неудержимо несется къ небу. И небо дрожитъ и ликуетъ. Я чувствую, что сердце мое не выдержитъ. Переполненное какимъ то сладкимъ восторгомъ оно бьется, какъ трепещущая

птичка. Горло невольно сжимаютъ спазмы... и.. я... плачу.. плачу.. плачу отъ счастья.

— А какъ же вещи?—робко пытаемся мы освободиться—нужно бы извозчика!

Но мы сейчасъ же и пожалѣли объ этомъ.—Что.? извозчика!—обиженно раздалось сотня голосовъ тов. солдатъ въ отвѣтъ на наше замѣчаніе —А мы зачемъ? на себѣ понесомъ!

И солдаты восторженно расхватали наши вещи и понесли ихъ за нами.

Такъ мы подъ музыку друхъ оркестровъ, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ дошли до самого дома, предназначеннаго для нашего общежитія.

Долго, долго еще не расходились отъ насъ граждане, радостно сообщая намъ о всѣхъ политическихъ событіяхъ и объ ожидающихъ насъ перспективахъ. Только подъ утро, братски распрощавшись, съ высокимъ душевнымъ подъемомъ, всѣ разошлись по домамъ.

Въ Читѣ мы прожили съ недѣлю. Первою нашею мыслью, была мысль объ оставшихся еще въ каторгѣ товарищахъ. Отъ нихъ мы получали ужасныя вѣсти. „Настроеніе отчаянное—телеграфировалъ намъ одинъ изъ нихъ. —Еще день и начнутся самоубійства. Борисъ сходитъ съума. Спѣшите, больше нѣтъ силъ терпѣть“.

Нужно было спѣшить. Съ первыхъ же дней мы занялись неблагодарной работой—бѣготней по всевозможнымъ учрежденіямъ. Въ концѣ концовъ мы добились того, что освобождать стали всѣхъ тѣхъ, за кого ручалась наша коллегія.

Черезъ недѣлю всѣ были на свободѣ.

Мы двинулись дальше.

III.

Въ Самарѣ.

До Самары мы ѣхали восемь сутокъ.

Была ранняя весна.... Тепло, свѣтло и ясно...

По дорогѣ изъ Уфы въ Самару къ намъ въ вагонъ вошли „весеннія птички“—какъ мы ихъ назвали между собою: гимназистки 3-4 классовъ, ѣхавшія на пасхальныя каникулы домой. И вдругъ повѣяло свѣтлой красивой весенней сказкой! Что-то символическое въ этомъ приходѣ гимназистокъ.—Весна въ природѣ, съ сіяющимъ солнцемъ, весна въ общественной жизни, съ ликующимъ настроеніемъ; весна въ нашей личной жизни и весна на этихъ свѣтлыхъ, милыхъ лицахъ.

Мы всѣ разомъ какъ-то ожили, встрепенулись и невольно подтянулись строже. Ихъ милая непринужденная болтовня, ихъ наивныя простодушныя рѣчи такъ растрогали насъ, десятокъ лѣтъ невидавшихъ такихъ молодыхъ дѣтскихъ лицъ, что невольно многимъ хотѣлось и плакать и смѣяться.

— Вы арестанты?—спрашивали они насъ.

— Да арестанты, каторжане.

— Самые настоящіе арестанты?

— Да настоящіе...

Въ глазахъ изумленіе и восторгъ.

— А не страшно сидѣть въ каторгѣ?

— Н-н-нѣтъ, ничего.

— А какъ вы тамъ сидѣли? А чего дѣлали?—сыпится цѣлый потокъ вопросовъ—Плохо было сидѣть? Били Васъ? Мучили? Долго-ли сидѣли? Когда попали? Какъ попали? и т. д. и т. д.

Мы не успѣвали отвѣчать. И отвѣчали всѣ разомъ, кто какой вопросъ успѣетъ поймать. Было необычайно легко и радостно.

— И у насъ была бабушка... Мы ее встрѣчали разсказывала она намъ —такая славная, милая. Она намъ рѣчь говорила, а мы плакали. Она всѣ школы объѣхали. А наша начальница, такъ и бѣгаетъ вокругъ нея, а сама вѣдьма старая...

Когда я кончу ученіе—въ учительницы пойду—неожиданно заявляетъ другая—непремѣнно пойду...

— Почему это?—удивляемся мы.

— Бабушка такъ велѣла. Она говоритъ, что мы въ народъ должны идти... Мы въ долгу у народа, служить ему надо. Вотъ я буду учительницей...

— А я въ фельдшерицы пойду—перебиваетъ третья. Тамъ можно больше пользы принести.

— А я въ сестры милосердія!

Такъ разговорамъ и вопросамъ не было конца. Мы и не замѣтили какъ подъѣхали къ одной изъ большихъ станцій, гдѣ они и выпорхнули отъ насъ на волю.

Весна отлетѣла. Снова повѣяло чѣмъ то грустнымъ, старымъ, давно пережитымъ. Снова какъ будто мы ѣдимъ куда то въ даль, въ далекое темное царство, гдѣ мракъ, холодъ, неизвѣстность.

Но это только на одинъ часъ. Потомъ—жизнь свое взяла.

Къ Самарѣ мы подъѣхали часовъ въ 12 дня.

Самара мнѣ представилась неузнаваемой. 11 лѣтъ тому назадъ, уѣзжая въ Петроградъ, я оставлялъ Самару тихимъ, скромнымъ городкомъ, съ мирно спящимъ населеніемъ. Теперь это какой то буйный, громадный городъ, съ шумно двигающимся трамваемъ, автомобилями, съ безпрерывно движущейся

толпой, шумомъ, грохотомъ и т. д. Первое мое впечатлѣніе было ошеломляющее... Громадный вокзалъ, весь забитый поѣздами, представлялъ изъ себя одно кипящее море, движущихъ человѣческихъ фигуръ, поѣздовъ, то въ одну, то въ другую сторону. Страшно было выйти изъ вагона—того и гляди сомнутъ подъ ногами или подъ колесами, какъ насѣкомое.

На вагоны бросались какъ на крѣпости. Шумъ, грохотъ, свистки, гудки, заполнявшіе все пространство, поразило мое непривычное ухо до крайности. Я растерялся и не зналъ что мнѣ дѣлать. „Неужели это Самара"— думалъ я. А потомъ... потомъ... вздохъ облегченія невольно вырвался изъ груди и я бросился къ выходу...

— Наконецъ то я снова вижу тебя родной городъ, дорогія, родныя мѣста!

Снова я вижу все то, что такъ дорого и незабвенно моему сердцу и что такъ заманчиво грезилось мнѣ долгіе годы въ безсонныя, темныя ночи!..

На вокзалѣ насъ встрѣтили два представителя отъ совѣтовъ. Скромно безъ рѣчей и привѣтствій, но съ братской теплотой и радушіемъ, они провели насъ въ зало и тамъ усадили всѣхъ за столъ обѣдать.

Послѣ обѣда товарищи отправились дальше, а я поѣхалъ въ городъ.

Въ первые дни своей свободной жизни я былъ нѣсколько разочарованъ, что я встрѣтилъ въ Самарѣ. На улицахъ я увидѣлъ тѣ же апатичныя, испуганныя лица обывателей съ которыхъ повидимому еще не успѣлъ сойти ужасъ Николаевскаго самодержавія, тоже тихое спокойное движеніе, будничную суету, полную жизнью и мелочныхъ страстей—какъ и одинадцать лѣтъ тому назадъ, когда я покидалъ этотъ городъ.

Въ домахъ—тоже суетливая, обывательская жизнь полная мелочной, повседневной заботы.

Я искалъ другого. Я смотрѣлъ—гдѣ же признаки того великаго, мощнаго сдвига въ русской политической и общественной жизни, которые бы говорили мнѣ о совершившемся переворотѣ? Гдѣ же это тѣ слѣды, не бывалой февральской волны, которая съ такой невѣроятной лихостью опрокинула и смела всѣ подставки и постройки стараго самодержавнаго зданія!... Мнѣ нужно видѣть ихъ, ощущать, а то вѣдь это самообманъ, сонъ!

Я отправился въ партіи. Нѣсколько оживленнѣе, но все не то, не то чего я ждалъ, о чемъ мечталъ. Тѣже многолюдныя собранія, какъ и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, таже будничная, скромная работа. Гдѣ же это главный источникъ той жизни и силы, которая, я чувствую, всетаки бьетъ откуда-то ключемъ?

Гдѣ же тотъ центръ, который всѣ эти массы вдохновляетъ, творитъ новыя формы жизни и управляетъ ими?

Вотъ что мнѣ нужно!

Я пошелъ въ Ком. Народ. Власти и въ Совѣты.

И наконецъ-то я нашелъ то, что такъ напрасно искалъ по городу. Наконецъ то я отыскалъ тотъ родникъ, изъ котораго съ такою силою и страстью била новая, горячая жизнь, полная страсти, силы и вѣры въ будущее.

Въ Совѣтахъ и въ Ком. Нар. Власти я засталъ громадную толпу народа, всевозможныхъ классовъ, ранговъ и положеній, со всевозможными дѣлами и дѣлишками. Все это кричало и волновалось. Я послушалъ и понялъ, что именно здѣсь, въ этомъ Бѣломъ Домѣ находится новый хозяинъ русской жизни, любимый и уважаемый всѣми: здѣсь творецъ и создатель всѣхъ этихъ новыхъ формъ, которыя съ каждымъ днемъ нарождались въ нашей жизни.

Я сталъ приходить сюда каждый день.

Въ первые же дни меня необычайно обрадовало то единодушіе, та солидарность въ работѣ между Совѣтами и Ком. Нар. Власти и между партіями, какую я увидѣлъ тамъ въ первое же свое знакомство съ ними... Именно то—о чемъ я такъ болѣзненно думалъ. Не было ни партійныхъ споровъ, ни взаимныхъ раздраженій, ни обвиненій. Всѣ представляли изъ себя одну дружную рабочую семью и въ этой семьѣ всѣ работали съ лихорадочнымъ напряженіемъ. Представители одной партіи относились съ необычайной теплотой и любовью къ представителямъ другой партіи.

Было тепло, легко и радостно.

Преисполненный свѣтлой вѣры и надежды я со всею страстью бросился въ работу...

Такъ было... А теперь...

Сказка окончилась, начались будни.

Но я вѣрю, эта весенняя сказка, такъ ярко мелькнувшая въ нашей общественной жизни, снова придетъ къ людямъ и снова запоетъ имъ свои чудныя, вдохновенныя пѣсни.

28/IV. Самара.

П. Климушкинъ.

К. Г. Глядковъ.

Исторія Комитета Народной Власти первого періода.

Праздникъ Русской революціи давно уже прошелъ какъ сонъ, какъ сказка и въ привычной атмосферѣ произвола и безправія требуются неимовѣрныя усилія воли, чтобы отрѣшиться отъ проклятой дѣйствительности и возстановить въ памяти пережитые восторги, временами поднимавшіеся до чисто религіознаго экстаза, восторги первыхъ дней революціи.

Общеизвѣстенъ и общепризнанъ фактъ, что февральскія событія застигли Россію врасплохъ и не только глухую провинцію, но даже и центральный органъ политической жизни—Государственную Думу. Десятки лѣтъ работали революціонныя партіи, тысячи лучшихъ сыновъ нашей родины во снѣ и пламенныхъ мечтахъ призывали революцію, отдавали за эту мечту всѣ свои силы, а когда прогремѣла труба архангела и долго жданная—Революція начала свое шествіе величавой поступью по всему лицу земли русской,—всѣ растерялись. Самые лучшіе, опытные и образованные политическіе дѣятели, даже цѣлыя партіи оказались безъ опредѣленнаго плана дѣятельности и всецѣло находились во власти стихіи. А между тѣмъ событія развертывались во всемъ своемъ величіи со сказочной быстротой; размышлять было некогда, а потому первое время при общемъ смятеніи и растерянности приходилось дѣйствовать ощупью, случайно, давая отвѣты на запросы данной минуты, не имѣя ни силъ, ни времени заглядывать въ будущее, и эта печать вынужденной торопливости, необдуманности и случайности лежала на всѣхъ мѣропріятіяхъ перваго періода революціи.

Строго говоря, вся революція совершилась 27 февраля, когда Исполнительный Комитетъ, выдѣленный Государственной Думой, объявилъ войскамъ и народу о низложеніи стараго правительства. Уличная стрѣльба въ Петроградѣ на другой день была уже безумной попыткой стараго режима остановить фатальное шествіе колесницы исторіи, отреченіе Николая явилось въ сущности пустой, хотя и неизбѣжной формальностью. Но провинція, не зная о переворотѣ, продолжала жить по старому и этотъ періодъ отмиранія старой власти, постепеннаго обновленія и воскресенія необъятной страны по

всѣмъ ея медвѣжьимъ угламъ долженъ, мнѣ думается, дать впослѣдствіи наиболѣе любопытный матеріалъ для характеристики и оцѣнки момента.

Самара о роспускѣ Государственной Думы узнала 28 февраля. Городская Дума въ своемъ вечернемъ засѣданіи выработала сочувственное посланіе Родзянкѣ; гласные поругали въ кулуарахъ Николая и, прервавъ въ знакъ безсильнаго протеста занятія, разбрелись по домамъ. Вотъ все, чѣмъ Самара отвѣтила на этотъ открытый вызовъ странѣ, на явную попытку уничтожить послѣдніе остатки народнаго представительства и заключить съ Вильгельмомъ позорный миръ. Ни единаго намека на подъемъ народнаго настроенія, ни единой искры надежды! Ходили, правда, неопредѣленные слухи о голодныхъ волненіяхъ въ Петроградѣ, но никто не допускалъ мысли, чтобы изъ этихъ недоразумѣній мѣстнаго характера на почвѣ продовольствія могло вспыхнуть сколько нибудь надежное движеніе.

Я былъ въ этотъ день въ засѣданіи Областного Комитета Гор. [illegible]за, заходилъ въ Думу и унесъ съ собой въ душѣ полное отчаяніе.

1 марта днемъ ко мнѣ зашелъ пріятель—повѣренный ж. д. Б., [illegible]ный, возбужденный и торжественно прочиталъ телеграмму Бубликова, [illegible]рая и была, кажется, въ Самарѣ первой ласточкой свободы. Въ ней Бубликовъ, *по порученію комитета Государственной Думы*, призывалъ рабочихъ напречь всѣ силы въ борьбѣ съ разстройствомъ транспорта. Родина, говорилось тамъ, глядитъ на васъ съ надеждой. Помните, что у Васъ нѣтъ лучшаго способа *освобожденія Родины*, чѣмъ безотказная работа. Первая телеграмма съ объясненіемъ событій видимо гдѣ то застряла, а эта попала впередъ и распубликована желѣзнодорожнымъ начальствомъ по линіи. Одинъ уже фактъ призыва Госуд. Думы, помимо министра пут. сообщ., самый тонъ обращенія заключали въ себѣ краснорѣчивыя указанія; однако оба мы, пережившіе обманутыя надежды 1905 г., старались подавить въ себѣ радостныя предчувствія и въ своихъ выводахъ проявляли сугубую осторожность. Поговорили, разошлись, рѣшили ждать событій и условились встрѣтиться въ Городской Думѣ, гдѣ въ этотъ день было назначено прерванное наканунѣ засѣданіе. По городу другъ друга приглашали въ Думу и съ таинственнымъ видомъ говорили о томъ, что ожидается какое-то сенсаціонное сообщеніе; откуда былъ этотъ слухъ, не знаю, да и вообще никто, кажется, ничего еще толково не зналъ и строили самыя разнообразныя догадки. Насталъ и вечеръ. Всѣ корридоры Управы были переполнены необычной публикой и въ этой толпѣ алчущихъ и жаждущихъ столичныхъ извѣстій я сразу же и впервые за долгіе годы реакціи почувствовалъ давно забытую атмосферу 1905 г. Телеграмма Бубликова къ моему приходу была уже прочитана и оживленно обсуждалась. Отцы города засѣдали въ частномъ закрытомъ засѣданіи. Но вотъ кто-то поднимается на столъ и громогласно оглашаетъ знаменитую телеграмму Временнаго Комитета Государственной Думы, которая разсѣиваетъ всѣ сомнѣнія и возвѣщаетъ о низложеніи Прави-

тельства. Не берусь описать своимъ бѣднымъ перомъ всеобщаго бурнаго восторга, тѣмъ болѣе что я самъ былъ слишкомъ потрясенъ личными переживаніями, чтобы сохранить способность наблюденія. Надо самому пережить долгіе годы отчаянія, крушеніе завѣтныхъ, лелѣянныхъ съ дѣтства надеждъ, чтобы надлежащимъ образомъ понять всю глубину переживаній русскаго гражданина моего возраста.

Вся публика хлынула въ залъ думскихъ засѣданій, гдѣ товарищъ Городского головы В. М. Ушаковъ вторично огласилъ телеграмму и согласно постановленія частнаго совѣщанія гласныхъ предложилъ Думѣ избрать 14 членовъ Временнаго Городского Комитета Безопасности. Рѣшено было пополнить Комитетъ въ равной долѣ представителями общественныхъ организацій, а пока отъ имени Думы отправить делегацію къ губернатору Голицыну, чтобы узнать объ его отношеніи къ событіямъ. Делегаты вернулись около 12 часовъ ночи и повѣдали собранію, что князь принялъ ихъ очень любезно и обѣщалъ Комитету полную поддержку и содѣйствіе; на этомъ окончилось въ Самарѣ 1-е марта при трогательномъ единеніи города съ представителями старой власти.

На другой день предстояли выборы представителей въ Комитетъ Безопасности по всѣмъ общественнымъ организаціямъ города. Мнѣ удалось участвовать только въ кабинетѣ повѣренныхъ и считаю необходимымъ отмѣтить, что здѣсь съ первыхъ же словъ при обсужденіи предстоящей линіи поведенія произошелъ расколъ. Трещина эта, появившаяся 2 марта, постепенно углублялась, по мѣрѣ развитія революціи и въ настоящее время разбила дружную адвокатскую семью на два непримиримыхъ лагеря. Для одпихъ было совершенно ясно, что Гос. Дума не въ состояніи въ эти тревожные дни переворота управлять всей Россіей, что мѣстнымъ комитетамъ въ силу этого необходимо проявить личную иниціативу и на свой страхъ предпринять цѣлый рядъ рѣшительныхъ дѣйствій для закрѣпленія власти въ рукахъ комитета вплоть до ареста наиболѣе опасныхъ правительственныхъ агентовъ. Между тѣмъ другіе призывали къ выдержкѣ, сохраненію порядка и защитѣ законности. Столкновеніе этихъ двухъ противоположныхъ теченій имѣло пока чисто личный характеръ; большинство повѣренныхъ воздерживалось отъ участія въ спорѣ, справедливо думая: поживемъ увидимъ, и выборы въ концѣ концовъ прошли довольно гладко. Въ два часа дня мы, избранные общественными организаціями, явились въ управу и здѣсь отъ представленныхъ 28 организацій избрали 14 членовъ въ Комитетъ Безопасности.

Такъ организовалась въ Самарѣ первая революціонная власть. Городская Дума, принявъ на себя почипъ образованія административно политическаго органа революціонной власти, сохранила въ своихъ рукахъ лишь городское хозяйство.

Комитетъ тотчасъ же открылъ засѣданія, которыя въ этотъ день почти безъ перерыва продолжались до глубокой ночи.

Положеніе наше было, какъ говорится, хуже губернаторскаго. Объявивъ себя властью во имя защиты безопасности, мы чувствовали полное безсиліе, ибо весь бюрократическій механизмъ оставался внѣ сферы нашего вліянія, и о его дальнѣйшихъ планахъ мы ровно ничего не знали. Полиція, почта, телеграфъ и всѣ вообще учрежденія находились въ распоряженіи губернатора, который при всей своей любезности, не проявлялъ никакого желанія дѣлиться съ нами своей властью, а что самое главное—вся боевая сила, громадный городской гарнизонъ не имѣлъ съ комитетомъ никакой связи и оставался для насъ неразгаданнымъ сфинксомъ. Наконецъ у каждаго изъ насъ было свѣжо воспоминаніе о черносотенныхъ погромахъ и никто, вѣдь, не могъ поручиться, что союзники, подъ властной защитой, не попытаются снова выступить съ своими обычными пріемами. Впослѣдствіи при обыскѣ у прокурора былъ найденъ планъ диспозиціи въ городѣ войскъ на случай народныхъ волненій, да и безъ этихъ доказательствъ остается очевиднымъ, что Протопоповъ, распустивъ Государственную Думу и устанавливая пулеметы на крышахъ Невскаго проспекта, конечно, не могъ оставить провинцію безъ своихъ руководящихъ указаній въ интересахъ согласованія дѣятельности мѣстныхъ агентовъ съ мѣропріятіями центральной власти. Только неожиданно быстрый исходъ борьбы въ Петроградѣ и на фронтѣ спасъ провинцію отъ всѣхъ уколовъ бѣлаго террора и гражданской войны.

При всей тяжкой отвѣтственности, принятой на себя Комитетомъ, благодаря этой безпомощности и безсилью, его первое засѣданіе проходитъ въ нудныхъ и скучныхъ и безплодныхъ спорахъ. Наконецъ, рѣшено запросить инструкціи отъ Родзянко, но насколько мнѣ помнится, на этотъ запросъ отвѣта такъ и не послѣдовало, да мы уже и не нуждались потомъ ни въ какихъ указаніяхъ, такъ какъ у Комитета начали отрастать свои собственныя крылья, нарастала реальная сила, а вмѣстѣ съ нею и рѣшительность дѣйствій. Послѣ скучнаго дневного засѣданія ночь на 3 марта ознаменовалась двумя крупными событіями. Кому то изъ членовъ Комитета пришла счастливая мысль пригласить всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ учрежденій и вотъ— въ то самое время, когда Н. А. Романовъ подписывалъ въ Псковѣ актъ отреченія, въ Самарѣ его вѣрные слуги давали свой отвѣтъ Городскому Комитету, а чрезъ стѣну въ сосѣдней комнатѣ открылъ свое первое засѣданіе Совѣтъ раб. деп. Къ сожалѣнію, я не обладаю литературнымъ талантомъ, чтобы описать достойнымъ образомъ это въ высшей степени оригинальное и интересное засѣданіе нашего комитета. Вѣдь, здѣсь сошлись въ эту по истинѣ великую для Россіи минуту два міра, два исконныхъ, вѣчныхъ, непримиримыхъ врага—агенты самодержавной бюрократіи и представители общества, „они“ и „мы“. Почва изъ подъ нихъ ускользала, но до самаго акта отреченія они видимо не теряли еще надежды, рѣшили выждать время и дѣйствовать, когда пробьетъ для этого часъ. По совѣсти говоря, и мы въ то время не имѣли еще полной увѣренности и были далеки отъ яснаго

сознанія всей безнадежной нищеты изжитого строя. Предсѣдательствовалъ П. П. Подбѣльскій, и, надо отдать ему справедливость, велъ засѣданіе съ большимъ достоинствомъ и тактомъ. Каждому изъ явившихся чиновниковъ задавался одинъ и тотъ же вопросъ—объ его отношеніи къ революціи. Сказать, что отвѣты получены уклончивые, значитъ ничего не сказать, не передать самаго главнаго. Не даромъ говорится, что тонъ дѣлаетъ музыку, и въ данномъ случаѣ это особенно справедливо. Говорились простыя малосодержательныя фразы о поддержкѣ порядка, исполненіи служебнаго долга; а главное затушевывалось и умалчивалось, но за этимъ молчаніемъ и словами слышались плохо скрытыя угрозы. Если революція побѣдитъ, то мы во имя своего 20 числа будемъ продолжать работу, таковъ въ сущности былъ смыслъ ихъ отвѣта; „но горе Вамъ, если революція будетъ потушена", говорили они своимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ. Особенно сильно врѣзалась мнѣ въ память наружность сидѣвшаго рядомъ съ предсѣдателемъ начальника гарнизона. Суровое, жесткое, нѣсколько тупое упрямое лицо солдата гордо смотрѣло на насъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ и для каждаго было ясно, что онъ при первой возможности съ истиннымъ наслажденіемъ перевѣшалъ бы всѣхъ этихъ „красныхъ", дерзающихъ посягать на священную власть. Ему, собственно, очень легко отвѣтить на докучные вопросы: вѣдь армія не должна заниматься политикой; ея назначеніе защищать родину отъ внѣшняго врага и поддерживать порядокъ внутри страны. Несмотря на столь успокоительные его отвѣты Комитетомъ немедленно была послана телеграмма о смѣщеніи начальника гарнизона. Впослѣдствіи объ этомъ забылось и онъ до самаго конца, переворота оставался на своемъ отвѣтственномъ посту. Бравый генералъ—начальникъ Трубочнаго завода, которому такъ много пришлось потомъ пережить тяжелыхъ испытаній, горячо и самоотверженно заявилъ, что пользуется всеобщими симпатіями рабочихъ, что, работая на оборону, не допуститъ въ стѣнахъ своего завода даже и тѣни политики. Прокуроръ К., сдѣлавшій свою карьеру на процессѣ Спиридоновой, человѣкъ хорошо извѣстный по всему судебному округу «своими прокурорскими качествами», съ видомъ травленой лисицы былъ чрезвычайно со всѣми любезенъ и старался завѣрить въ своей полной лойальности. Изъ всей этой «теплой кампаніи» только одинъ представитель желѣзной дороги просто и откровенно заявилъ, что получилъ распоряженіе комиссара Бубликова, призналъ новый строй и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія по линіи.

Бюрократія расшаркалась и удалилась, а ей на смѣну веселой, бодрой гурьбой появились товарищи—члены Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Во главѣ Совѣта сталъ бывшій сельскій учитель - ссыльный съ Кавказа, членъ первой Государственной Думы с. д. меньшевикъ—Рамишвили—маленькій, худенькій, сѣденькій старичекъ съ черными живыми умными глазами, съ дѣтской улыбкой на устахъ и пламенной рѣчью, когда приходилось говорить въ многолюдномъ собраніи по политическимъ вопросамъ; одинъ изъ тѣхъ рѣд-

кихъ людей, которые остаются вѣчно юными. Плохо владѣя русской рѣчью, безбожно коверкая языкъ, онъ въ тоже время обладалъ недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ, умѣлъ своимъ образнымъ словомъ, искренней, вдохновенной рѣчью зажигать сердца людей, не прибѣгая ни къ демагогіи, ни къ обычнымъ пріемамъ присяжныхъ ораторовъ. Рамишвилли былъ душою совѣта р. д. и сразу же занялъ центральное положеніе въ комитетѣ. Благодаря всеобщему настроенію, а отчасти искренности и такту Рамишвилли немедленно произошло полное сліяніе въ одно неразрывное цѣлое этихъ двухъ половинъ—буржуазной и пролетарской комитета, и странное дѣло, всѣ какъ будто **забыли о политическихъ партіяхъ, соціальной розни и предъ лицомъ общаго для всѣхъ врага были объединены единымъ чувствомъ — искренней преданностью русской революціи.**

Пополненный свѣжими демократическими силами и опираясь на всеобщее довѣріе, Комитетъ съ 3 Марта усваиваетъ новое, чрезвычайно удачно выбранное наименованіе — Комитета Народной Власти.

Работа въ Комитетѣ закипѣла. Немедленно было отдано распоряженіе о выключеніи губернатора и чиновъ жанд. управленія изъ телефонной сѣти; подчинены цензурѣ комитета всѣ шифрованныя телеграммы; постановлено разоружить жандармскую и общую полицію, арестовать наиболѣе опасныхъ представителей старой власти и освободить политическихъ арестантовъ. Для исполненія этихъ порученій избранъ рядъ комиссій, и назначенные комиссары тотчасъ же приступили къ дѣйствіямъ. Все вокругъ шло навстрѣчу нашимъ желаніямъ и многое, что наканунѣ еще считалось слишкомъ дерзновеннымъ, исполнялось легко, безъ препятствій, а иногда даже и безъ нашего участія. Съ предложеніемъ, напримѣръ, о разоруженіи явились самъ полицеймейстеръ и начальникъ жандармскаго управленія Познанскій, а политическіе были выпущены самимъ прокуроромъ по предписанію изъ Петрограда. Изъ цѣлой вереницы, посѣтившихъ въ этотъ день Комитетъ депутацій, нельзя не отмѣтить одну—представителей сапернаго батальона, которые были выслушаны при большомъ стеченіи публики и вызвали всеобщее ликованіе. Гарнизонъ насъ сильно тревожилъ, такъ какъ помимо нѣсколькихъ офицеровъ, заявлявшихъ намъ о своемъ личномъ сочувствіи, ни съ офицерской средою, ни съ солдатской массой никакихъ отношеній завязать еще не успѣли, а между тѣмъ на пятое марта нами была уже назначена общегородская манифестація и при несочувствіи гарнизона могли произойти чрезвычайно опасныя осложненія. Времени въ нашемъ распоряженіи было немного, и мы рѣшили сегодня же вечеромъ организовать митингъ всему городскому офицерству. Съ цѣлью агитаціи среди нихъ избрана комиссія въ составѣ—князя Кугушева, Венцека и многихъ другихъ.

Теперь наши дороги сошлись. Не такъ давно мнѣ пришлось участвовать въ качествѣ защитника по процессу объ агитаціи среди войскъ въ пользу Учредительнаго Собранія, и по странной ироніи судьбы тотъ же то-

варищъ Венцекъ оказался представителемъ большевистскаго трибунала. Но тогда мы дружно усѣлись въ автомобиль и помчались по порученію Комитета Народной Власти призывать войско къ вѣрности Русской Революціи во имя Учредительнаго Собранія. Машина наша застревала въ сугробахъ, офицерство окончило занятія и разошлось по квартирамъ, а предупрежденное, видимо, начальство встрѣтило насъ чрезвычайно недружелюбно. Въ каждомъ полку приходилось вступать въ дипломатическіе переговоры съ командиромъ и собрать офицеровъ для общей бесѣды такъ и не удалось. Однако, въ концѣ концовъ цѣль наша была достигнута: офицерство все таки узнало о предстоящемъ собраніи и явилось почти въ полномъ составѣ. Настроеніе этого военнаго митинга первое время было очень сдержанное.

Выступали ораторы отъ офицерства и отъ Комитета Народной Власти, но никакого воодушевленія не чувствовалось. Наконецъ выступилъ Рамишвилли. Воспользовавшись какимъ то ничтожнымъ замѣчаніемъ послѣдняго оратора, онъ разсказалъ о томъ, какъ боялся военныхъ раньше и какъ теперь, благодаря войнѣ и освободительному движенію, армія самодержавія превратилась въ вооруженный народъ. Стоглавая змѣя, говорилъ онъ, не воскреснетъ и мы присутствуемъ на похоронахъ старой власти; на смѣну ей пришла Власть Народа и вы, господа офицеры, не откажите ей въ поддержкѣ, вы, плоть отъ плоти, кровь отъ крови народа. Народъ братски протягиваетъ офицерству доблестной арміи свою руку, чтобы вмѣстѣ бороться за общее счастье. Простая искренняя рѣчь, полная огня и неподдѣльной любви къ родинѣ, сдѣлала свое дѣло. Весь залъ забурлилъ, зашумѣлъ; молодежь кинулась впередъ и при громкихъ крикахъ ура нашъ Рамишвилли взлетѣлъ на воздухъ.

4-го марта наша агитаціонная комиссія снова путешествовала въ казармы, на этотъ разъ по приглашенію тѣхъ самыхъ командировъ, которые наканунѣ не пустили насъ даже и въ частныя квартиры офицеровъ. Встрѣтили насъ съ должнымъ почетомъ; войска обыкновенно выстраивались въ колонны и на морозѣ мы р а з ъ я с н я л и с о б ы т і я, призывали встать на защиту революціи, поддерживать порядокъ и не нарушать военной дисциплины.

Въ городѣ въ это время начались аресты. По постановленію комитета заключены въ тюрьму губернаторъ, начальникъ съ помощниками жандармскаго управленія, полицеймейстеръ, начальники общаго и желѣзнодорожнаго телеграфа. При арестѣ жандармскаго полковника Познанскаго многолюдная толпа еле позволила посадить арестанта на извозчика, требуя, чтобы онъ прогулялся въ тюрьму по образу пѣшаго хожденія, какъ мы ходили въ свое время.

Особая комиссія въ составѣ прис. пов. Усова, инж. Богоявленскаго, рабочаго Шаманина и бухг. Бакаева набирала народную милицію, но что можно было сдѣлать въ нѣсколько дней?

Строго говоря, населеніе во многомъ бы выиграло, если бы удалось сохранить старую организацію и наиболѣе порядочный элементъ отъ стараго опытнаго штата полиціи, но она повсюду вызывала такую ненависть, что ограничиться однимъ обновленіемъ, простой реформой было невозможно. Требовалось заново создать надежный аппаратъ, который не напоминалъ бы народу ненавистную полицію самодержавія, а пока комиссія производила наборъ народной милиціи и, въ сущности говоря, раздавала безъ всякой регистраціи и сколько нибудь строгаго разбора скопившееся въ рукахъ комитета оружіе. Добровольцевъ было масса, много было искренняго желанія помочь намъ въ дѣлѣ охраны порядка и спокойствія въ городѣ, но не было организаціи и дисциплины Получившіе оружіе не являлись на дежурство, не исполняли распоряженій и черезъ нѣсколько дней у нашихъ комиссаровъ опустились руки. Впослѣдствіи въ видѣ временной мѣры, пришлось отдать это дѣло военнымъ.

Вечеромъ того же 4 марта назначено было общее собраніе комитета Н. В., т. е. членовъ избирателей, делегированныхъ общественными организаціями, воинскими командами и рабочими. Избрана была мандатная комиссія. На ея обязанности лежало выработать правила представительства въ комитетъ отъ существующихъ общественныхъ организацій и организовать повѣрку мандатовъ на общее собраніе. Но ничего въ этомъ отношеніи сдѣлано не было ни теперь, ни послѣ, и собранія съ каждымъ разомъ принимали все болѣе случайный и безпорядочный характеръ. Общества стали расти, какъ грибы послѣ дождя. Обыватели и чиновничество, державшіеся „апатично" во время борьбы, сдѣлались вдругъ „ужасными революціонерами" и чтобы попасть въ комитетъ, составляли всевозможныя національныя, политическія, профессіональныя и культурныя организаціи. Каждая заявляла свои права, посылала делегатовъ на общія собранія и въ результатѣ получалось масса несообразностей: нѣкоторые изъ нихъ, какъ институтъ, напримѣръ, податныхъ инспекторовъ, являлись чуть ли не въ полномъ составѣ, а въ то же время многія почтенныя, многолюдныя и вліятельныя организаціи пользовались до обиды ничтожнымъ представительствомъ.

Въ силу этого общія собранія, по плану революціоннаго строительства даннаго періода являвшіяся высшей властью въ губерніи, собирались рѣдко и не имѣли почти никакого вліянія на работу Комитета. До Губернскаго Съѣзда, состоявшагося 24 мая, за три почти мѣсяца было всего шесть общихъ собраній—4, 8, 10, 21 марта и 24 апрѣля, но изъ нихъ только три выработали отдѣльныя постановленія. 4-го марта на смѣну увезеннаго нами и заключеннаго въ тюрьму губернатора избранъ губернскимъ комиссаромъ председатель Губернской Земской Управы К. Н. Иньковъ, Н. В. Осоргинъ его помощникомъ, комиссаромъ милиціи присяжный повѣренный Усовъ и полицеймейстеромъ нѣкто Молевъ, въ скоромъ времени послѣ

того при разработкѣ жандармскаго архива уличенный въ провокаціи. Кромѣ того тогда же было рѣшено заново организовать Исполнительный Комитетъ Народной Власти, предоставивъ въ немъ по 10 мѣстъ гарнизону, Совѣту рабочихъ депутатовъ и городскому населенію, т. е. всѣмъ общественнымъ организаціямъ вмѣстѣ включительно до Городской Думы, которая такимъ образомъ, съ этого дня теряетъ свое доминирующее вліяніе въ Комитетѣ.

Чтобы покончить съ общими собраніями и прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣятельности Исполнительнаго Комитета познакомимся съ протоколами всѣхъ остальныхъ засѣданій.

8 марта былъ представленъ нашей Комиссіей проектъ наказа Исполнительному Комитету и неожиданно подвергся жестокимъ нападеніямъ справа. Требовали включить въ задачи Комитета „содѣйствія побѣдному окончанію войны“, но главнымъ образомъ оспаривали наше посягательство на правительственныя и административныя учрежденія губерніи. Сверху, говорили они, раздается призывъ: „всѣ остаются на своихъ мѣстахъ“ „мы не смѣемъ дерзать на существующій правопорядокъ“. Проектъ возвращенъ былъ для разработки въ Комиссію, а 10 марта съ ничтожными дополненіями почти безъ споровъ принятъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Въ томъ же засѣданіи 10 марта было постановлено повысить на 100% провозную плату за доставку крестьянскаго хлѣба и о реквизиціи хлѣбныхъ запасовъ у крупныхъ землевладѣльцевъ. 21 марта забракованъ былъ проектъ П. П. Подбѣльскаго о районныхъ думахъ въ городѣ и рѣшено пополнить Городскую Думу въ числѣ 60 гласныхъ представителями Совѣтовъ и общественныхъ организацій. Наконецъ 24 апрѣля по больному вопросу о представительствѣ въ Комитетѣ Народной Власти отъ общественныхъ организацій произошолъ полный расколъ въ результатѣ котораго партія народной свободы демонстративно покинула засѣданіе, а за ними и предсѣдатель Подбѣльскій сложилъ свои полномочія. Я имѣлъ уже случай говорить о ненормальномъ составѣ общихъ собраній и для того, чтобы придти въ этомъ отношеніи на помощь Комитету нѣкоторымъ изъ его членовъ пришла благая мысль организовать въ Самарѣ Совѣтъ Общественныхъ Организацій. Но дѣло попало въ руки членовъ партіи Народной Свободы, которые внесли въ него духъ партійной нетерпимости, самолюбія и сепаратизма. Расколъ начался еще за нѣсколько дней до общаго собранія въ засѣданіяхъ Исполнительнаго Комитета и въ сущности говоря, сводился къ вопросу о томъ, имѣетъ ли право Комитетъ Народной власти контролировать усвоенную Совѣтомъ Общественныхъ организацій систему представительства т. е. распредѣленіе, предоставленныхъ ему 10 мѣстъ, въ Исполнительномъ Комитетѣ. Члены партіи Народной свободы настаивали на полной автономности Совѣта Общественныхъ Организацій по примѣру всѣхъ остальныхъ совѣтовъ, тогда какъ въ комитетѣ преобладало мнѣніе, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о представительствѣ всего городского населенія, а потому Комитетъ обязанъ позаботиться о соблюденіи должной справедливости.

Совѣтъ Общественныхъ организацій, не имѣя классоваго характера, и опредѣленныхъ задачъ, по нашему мнѣнію не могъ конкуррировать съ демократическими совѣтами, политическое вліяніе которыхъ было внѣ сомнѣній. Не берусь быть судьею въ этомъ спорѣ, но ясно одно, что дѣло обошлось бы безъ рѣзкихъ инцидентовъ, если бы Совѣтъ Общественныхъ Организацій подчинился постановленію Исполнительнаго Комитета и представилъ на его утвержденіе принятую имъ систему представительства.

Засѣданіе 24 апрѣля было послѣднимъ. Отсюда видно, что роль общихъ собраній свелась преимущественно къ выборамъ организаціи Исполнительнаго Комитета и за все время его существованія вынесено только два руководящихъ постановленія о пополненіи Городской Думы и повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ.

Такимъ образомъ вся тяжесть работы лежала исключительно на исполнительномъ Комитетѣ, который въ сущности говоря и явился Комитетомъ Народной власти въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Первоначальный его составъ отъ совѣтовъ постоянно мѣнялся; болѣе устойчивый характеръ имѣло представительство Общественныхъ организацій и по этой куріи, если не ошибаюсь, до самаго конца остались слѣдующія лица: П. П. Подбѣльскій, П. Л. Кузьминъ, В. В. Столбовскій, М. И. Лунинъ, К. В. Богоявленскій, С. В. Смирновъ, Е. Л. Кавецкій, А. Е. Елшинъ, А. В. Колышкинъ и я. Предсѣдателемъ его былъ въ первые дни Подбѣльскій, затѣмъ П. Л. Кузьминъ и съ 24 марта до губернскаго съѣзда—я.

Работы и суеты у насъ было много. Съ утра и до глубокой ночи Комитетъ осаждали просители по самымъ разнообразнымъ поводамъ включительно до бракоразводныхъ дѣлъ и семейныхъ непріятностей. Вѣдь революція сразу остановила всю сложную бюрократическую машину, и всѣ нужды русскаго обывателя, разсѣянныя до сихъ поръ по стройной сѣти всевозможныхъ учрежденій, какъ вешняя вода хлынули въ Комитетъ Народной Власти. Это наглядное доказательство народнаго довѣрія насъ очень радовало, но вмѣстѣ съ тѣмъ обиліе мелкихъ будничныхъ дѣлъ страшно тормозило организаціонную работу и отвлекало наши силы отъ важныхъ и въ высшей степени отвѣтственныхъ задачъ текущаго момента. Въ Управѣ намъ было уже тѣсно, и 6 марта мы перебрались въ сосѣднее помѣщеніе, прибѣгнувъ для этого впервые къ реквизиціи.

Но и здѣсь мы пробыли не долго; 16 марта мы заняли наконецъ „бѣлый домъ“ бывшій губернатора, водрузивши на немъ красный флагъ и съ этого времени приступили къ болѣе планомѣрной органической дѣятельности.

Комитетъ и Совѣты въ нашемъ представленіи являлись однимъ политическимъ цѣлымъ, а потому въ интересахъ объединенія несмотря на тѣсноту помѣщенія оставались въ одномъ зданіи, и я съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія долженъ отмѣтить, что за все время моего существованія въ

президіумѣ Комитета мы работали съ Совѣтомъ въ тѣсномъ и дружномъ единеніи.

Уйдя изъ городской Управы, мы прежде всего занялись упорядоченіемъ дѣлопроизводства и канцеляріи, хотя вынужденъ замѣтить, что избранная для этого спеціальная комиссія сдѣлала очень немного. За недостаткомъ собственныхъ средствъ мы пользовались помощью учрежденій, которые откомандировали намъ своихъ служащихъ; являлись и просто добровольцы, охотно отдававшіе намъ свои досуги. Однако при всемъ этомъ задачи свои комитетъ формулировалъ въ наказѣ, о которомъ я говорилъ выше, слѣдующимъ образомъ:

1) Временный Самарскій Комитетъ Народной Власти является въ предѣлахъ Самарской Губерніи представителемъ Временнаго Правительства съ цѣлью организаціи порядка и управленія въ интересахъ закрѣпленія новаго государственнаго строя.

2) Комитетъ принимаетъ на себя организацію всѣхъ мѣстныхъ учрежденій поскольку ихъ дѣятельность была нарушена переходнымъ временемъ и способствуетъ скорѣйшему установленію надлежащей связи ихъ съ центромъ.

3) Признавая необходимость сохранить на мѣстахъ полную закономѣрность въ дѣятельности всѣхъ учрежденій, Комитетъ однако не можетъ считаться съ тѣмъ, что старый правительственный аппаратъ, построенный на принципахъ централизаціи и бюрократизаціи власти, совершенно не приспособленъ къ успѣшному осуществленію неотложнѣйшихъ задачъ переживаемаго момента, а потому, относясь съ должной бережливостью къ существующимъ узаконеніямъ и статутамъ, изыскиваетъ и принимаетъ мѣры къ демократизаціи мѣстныхъ учрежденій, подчиняя ихъ общественному контролю, при чемъ координируетъ свои мѣропріятія съ директивами Временнаго Правительства.

4) Въ интересахъ осуществленія великихъ и неотложнѣйшихъ задачъ, диктуемыхъ переживаемымъ временемъ (сохраненіе внѣшняго порядка, урегулированіе продовольствія и проч.), а также для подготовки широкихъ народныхъ массъ къ текущимъ событіямъ, Комитетъ принимаетъ мѣры къ организаціи городского и сельскаго населенія Самарской губерніи на основаніяхъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого голосованія.

5) Изъ ближайшихъ задачъ Комитетъ отмѣчаетъ и принимаетъ на себя въ интересахъ сохраненія порядка заботы объ урегулированіи въ предѣлахъ Самарской губерніи взаимоотношеній труда и капитала, солдатъ и командного состава правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

6) Въ уѣздахъ, черезъ соотвѣтствующіе мѣстные Комитеты, а въ Самарѣ непосредственно, Комитетъ до изданія новыхъ законовъ о мѣстномъ самоуправленіи принимаетъ на себя руководящую роль надъ органами мѣстнаго самоуправленія во всемъ объемѣ ихъ дѣятельности, при чемъ проявл-

ляетъ сугубую заботливость объ изысканіи средствъ къ упорядоченію въ контактѣ съ другими правительственными и общественными учрежденіями продовольствія, транспорта и торговли.

Канцелярія и бухгалтерія Комитета хромали на обѣ ноги и вступивъ въ свои обязанности 24 марта я вынужденъ былъ убить не мало времени и заботы, чтобы наладить канцелярію и счетоводство.

Отсюда видно, что полномочія Комитета были почти безграничны, а кругъ его вѣдѣнія всеобъемлющъ, но было бы большой ошибкой думать, что мы искуственно создавали свою власть или злоупотребляли своимъ положеніемъ изъ простого желанія господства, отнюдь нѣтъ, сама жизнь властно требовала нашего вмѣшательства и оглядываясь теперь назадъ, я готовъ скорѣе Комитетъ упрекнуть въ недостаткѣ активности и рѣшительности, чѣмъ въ злоупотребленіи и превышеніи властью. Сначала мы оставались почти исключительно въ предѣлахъ городской черты, но послѣ организаціи Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ наше вліяніе начало простираться и на губернію, хотя нельзя не сознаться, что прочной административной связи съ деревней намъ не удалось установить вплоть до губернскаго съѣзда. Комитетъ издавалъ обязательныя постановленія, отдавалъ распоряженія по учрежденіямъ, производилъ аресты и частныхъ и должностныхъ лицъ, даже офицерскихъ чиновъ, реквизировалъ товары, помѣщенія, разрѣшалъ всякаго рода споры и конфликты, отмѣнялъ судебныя рѣшенія, открывалъ свои суды, и все это мы должны были дѣлать съ фатальной неизбѣжностью. Очень возможно, даже навѣрное, мы совершили не мало ошибокъ, но во всякомъ случаѣ члены Комитета и мы руководились самымъ искреннимъ желаніемъ способствовать безболѣзненному перерожденію страны и содѣйствовать поддержанію должнаго порядка.

Въ городѣ не было никакой другой власти, которая была бы способна разрѣшить массу насущнѣйшихъ запросовъ жизни. Чтобы дать хотя бы приблизительное представленіе о работѣ Исполнительнаго Комитета, я перечислю лишь нѣсколько комиссій, имѣвшихъ наиболѣе устойчивый характеръ и должное существованіе: 1) Комиссія желѣзно-дорожная, телеграфная, 2) Правленіе телеграфа, 3) по разсмотрѣнію конфликта рабочихъ съ администраціей на Трубочномъ Заводѣ, 4) Редакціонная, 5) Финансовая, 6) по осмотру помѣщеній для митинговъ, 7) Транспортная, 8) Продовольственная, 9) По сбору пожертвованій, 10) По разработкѣ жандармскихъ архивовъ, 11) Судо-слѣдственная, 12) Санитарно-Техническая, 13) О реорганизаціи Городскихъ Самоуправленій, 14) По оказанію помощи политическимъ, возвращающимся изъ ссылки, 15) По борьбѣ съ угрожавшимъ весною 1917 г. наводненіемъ................

Вначалѣ работы шли чрезвычайно дружно. Засѣданія Комитета протекали почти при полномъ составѣ, всѣ коммиссіи исправно исполняли свои засѣданія и президіуму оставалось только слѣдить за исполненіемъ постановленій. Но

съ теченіемъ времени картина измѣнилась. Рабочихъ и военныхъ отвлекали изъ Совѣта, а среди интеллигенціи стало замѣчаться охлажденіе къ революціи. Засѣданія Комитета нерѣдко приходилось откладывать за отсутствіемъ кворума, большинство комиссій продолжало существовать лишь на бумагѣ и вслѣдствіи этого въ апрѣлѣ и маѣ работа всею тяжестью легла на президіумъ, которому приходилось самостоятельно, на свой собственный страхъ дѣйствовать и выносить постановленія по чрезвычайно подчасъ серьезнымъ вопросамъ.

Я говорилъ уже, что среди членовъ Комитета въ первые дни революціи совершенно не наблюдалось никакой партійной розни. Однако съ теченіемъ времени по мѣрѣ осложненія и обостренія революціоннаго процесса и въ нашемъ комитетѣ произошло замѣтное разложеніе, взаимное охлажденіе интеллигенціи—представителей общественныхъ организацій, въ большинствѣ членовъ партіи народной свободы съ одной стороны, и представителей совѣтовъ съ другой. Я говорилъ уже объ инцидентахъ на второй же день революціи въ кабинетѣ повѣренныхъ и общемъ собраніи Комитета 8 марта, но то были лишь отдѣльныя вспышки, интересныя постольку, по скольку проявляли существованіе въ то время извѣстныя общественныя настроенія. Впослѣдствіи это вызвало своеобразное отношеніе къ революціи, усвоенное партіей народной свободы, совершенно непріемлемое для всѣхъ остальныхъ партій, представленныхъ въ Комитетѣ. Вслѣдствіе этого наши засѣданія превращались постепенно въ говорильню, сдѣлались малоинтересными и утомительными. Наиболѣе ярко этотъ разладъ проявился въ скандальномъ засѣданіи общаго собранія 24 апрѣля, послѣ котораго партія народной свободы въ Комитетѣ заняла вполнѣ опредѣленную роль безотвѣтственной оппозиціи.

За то слѣва за все время пребыванія моего въ президіумѣ продолжало сохраняться полное ничѣмъ не нарушаемое единство „революціоннаго фронта“. Для насъ не существовало ни марксистовъ, ни народниковъ настолько, что погруженный всецѣло въ неблагодарную текущую работу президіума, я долгое время даже и не зналъ о партійной принадлежности столь извѣстныхъ въ Самарѣ политическихъ дѣятелей какъ тов. Куйбышевъ, Галактіоновъ, Кабцанъ, Бѣловъ и др., съ которыми повседневно встрѣчался на дѣловой почвѣ.

Чтобы закончить свой краткій очеркъ дѣятельности Комитета, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ его отношеніи къ Центральной власти и Губернскому Комиссару.

Съ самыхъ первыхъ дней революціи въ своемъ наказѣ Комитетъ объявилъ себя представителемъ Временнаго Правительства. Это звучало гордо. Являясь избранниками народа, мы творили волю великой революціи, и само собою понятно, не могли отказать въ безграничной преданности высшей революціонной власти въ странѣ. Дѣйствуя пока съ полной самостоятельностью, мы искренно надѣялись получить свыше должныя указанія и поддержку,

готовые сами въ свою очередь оказать посильное содѣйствіе всѣмъ мѣропріятіямъ Правительства. Всѣ свои постановленія мы неизмѣнно направляли въ Петроградъ, но странное дѣло, время шло, всеобщая путаница и переполохъ, вызванные переворотомъ, давно миновали, а всѣ наши запросы и телеграммы оставались безъ отвѣта, никакой связи съ Правительствомъ не налаживалось и мы продолжали оставаться одинокими, оторванными отъ центра, продолжали жить и дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, не имѣя руководящихъ указаній сверху.

Комиссаръ нашъ давно уже установилъ правильныя отношенія съ Петроградомъ, о насъ же Правительство какъ будто и не знаетъ.

Оказывается, представителемъ власти служитъ не комитетъ, а Губернскій Комиссаріатъ. Онъ, а не мы, вступаетъ въ непосредственное отношеніе съ Временнымъ Правительствомъ, является проводникомъ государственной воли и снабженъ всѣми аттрибутами политической власти. Той же тактики полнаго игнорированія Комитета держался и К. П. Иньковъ. Сначала это нѣсколько смягчалось личными дружескими отношеніями его къ П. Л. Кузьмину, но послѣ вступленія моего въ президіумъ и значительнаго полѣвѣнія всего Комитета и откола кадетовъ К. П. оказался чужимъ для насъ человѣкомъ, съ чуждыми намъ чисто бюрократическими пріемами и взглядами. Создалась атмосфера отчужденія и взаимнаго непониманія. Мы смотрѣли на Комиссара, нами избраннаго какъ на своего подотчетнаго агента, а онъ, опираясь на Временное Правительство, считалъ видимо насъ почти обыкновенной общественной организаціей, лишенной всякаго политическаго значенія и власти. По мысли Временнаго Правительства всѣ наши постановленія нуждались въ санкціи комиссара, а мы въ то же время показали, что тотъ обязанъ предоставлять на наше утвержденіе свои наиболѣе важныя и принципіальныя распоряженія.

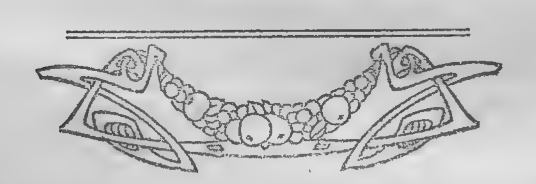
Получилось чрезвычайно странное положеніе, которое не могло, конечно, остаться безъ вниманія и связывало руки и намъ, и комиссару. Мы фактически пользовались въ губерніи всей доступной по тому времени полнотою публичной власти, но строго говоря не имѣли права ее проявлять, комиссаръ же, напротивъ, получивъ широкія полномочія отъ Вр. Правительства, въ то же время не имѣлъ въ губерніи абсолютно никакого авторитета, фактически лишенъ былъ всякой возможности осуществлять свое право на власть. Дѣло доходило до курьезовъ: для того напр., чтобы выѣхать изъ города и получить мѣсто въ вагонѣ, комиссаръ былъ вынужденъ получать наше разрѣшеніе. У него было голое право безъ власти, у насъ была власть безъ права. Многіе изъ насъ эту политику правительства считали простымъ недоразумѣніемъ и для его выясненія началось паломничество въ Петроградъ; кстати у насъ изсякали денежныя средства и мы для пополненія кассы нуждались въ крупномъ ассигнованіи. Сначала туда поѣхалъ членъ совѣта р. д. тов. Кайровичъ, а во второй половинѣ мая открыва-

лся обще-россійскій крестьянскій съѣздъ и совмѣстивъ двѣ командировки на съѣздъ и къ Вр. Правительству уѣхалъ въ Петроградъ и я. Кстати замѣтить, этимъ порученіемъ заканчиваются и мои личныя воспоминанія о комитетѣ, такъ какъ по возращеніи моемъ въ Самарѣ состоялся первый губернскій съѣздъ, на которомъ былъ избранъ новый президіумъ и нашъ комитетъ Народ. Вл. получилъ совершенно другую организацію.

Въ министерствѣ вн. д., находившемся тогда всецѣло въ рукахъ кадетовъ, ничего утѣшительнаго получить не удалось. Цѣною скучныхъ путешествій по департаментамъ, послѣ продолжительнаго ожиданія въ министерскихъ пріемныхъ, а затѣмъ послѣ не менѣе нудныхъ бесѣдъ ни на одинъ изъ своихъ настойчивыхъ вопросовъ я такъ и не получилъ сколько нибудь опредѣленнаго отвѣта. Въ результатѣ у меня осталось впечатлѣніе, что Вр. Правительство никакихъ плановъ на ближайшее время по самому животрепещущему вопросу-объ управленіи страной—не имѣетъ. Ясно было лишь одно, что всякаго рода „самочинныя" революціонныя организаціи на мѣстахъ для кадетскаго правительства далеко не желательны и ни на какую поддержку свыше надѣяться не должны. Ихъ только терпятъ до поры до времени, а для наблюденія и руководства назначаютъ комиссаровъ.

Такъ подготавлялась въ Россіи почва для „самостійныхъ республикъ."

К. Глядковъ.

П. Д. Климушкинъ.

Исторія Комитета Народной Власти второго періода.

Исторія Комитета Народной Власти Второго Періода, ознаменовавшаго собою цѣлую самостоятельную эпоху въ жизни Самарской губерніи и выявившаго нѣкоторыя особенныя черты въ отличіе отъ Комитета Перваго періода, начинается со времени окончанія работъ II-мъ Крестьянскимъ съѣздомъ, закончившимся 5—6 Іюня и прошедшимъ подъ лозунгами „Земля и Воля". Съ этого времени Комитетъ Народной Власти организованный совершенно на иныхъ началахъ, чѣмъ Комитетъ перваго періода, принимаетъ новое направленіе въ своей дѣятельности и достигаетъ наивысшей точки своего могущества. Опираясь на новые слои населенія Самарской губерніи, на самые могучіе и жизненные, на которые до сихъ поръ не опирался: на рабочихъ и крестьянъ—онъ становится истиннымъ хозяиномъ всей жизни и является ея руководителемъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ.

Его вліяніе и значеніе пріобрѣтаетъ небывалые размѣры и чувствуется всюду.

Конструкція Комитета Народной Власти.

Комитетъ Народной Власти II-го періода организовался на принципахъ, выработанныхъ Общегубернскимъ Всесословнымъ Съѣздомъ. Самая конструкція его организаціи, предложенная представителями крестьянства, вызвала продолжительные и страстные споры. Изъ предыдущей статьи К. Г. Глядкова, мы видѣли, что въ первый Комитетъ Народной Власти входили главнымъ образомъ представители общественныхъ организацій г. Самары, не согласуясь съ принципомъ пропорціональности; представителей крестьянства, самаго многолюднаго и вліятельнаго класса въ данную эпоху въ Россіи, было всего лишь 21 человѣкъ. Отсюда вполнѣ понятное и никѣмъ не отрицаемое засиліе горожанъ надъ деревней.

Крестьянство, собравшееся на второмъ съѣздѣ, въ періодъ наивысшаго своего могущества и вліянія, понявъ смыслъ и значеніе такой конструкціи,

ведущей къ засилію чуждыхъ ему элементовъ, отнеслось къ ней съ явнымъ и рѣзко выраженнымъ отрицаніемъ. Крестьянство какъ преобладающій классъ, стремилось само къ господству въ губерніи. Понявъ могущественное вліяніе власти на всѣ стороны общественной жизни и зависимость всѣхъ наболѣвшихъ вопросовъ отъ того въ чьихъ рукахъ будетъ эта власть, этотъ мощный аппаратъ—оно инстинктивно стремилось само стать у этой власти, оно само рѣшительными шагами пошло къ захвату этого аппарата въ свои руки, относясь съ большимъ недовѣріемъ къ претензіямъ на эту власть другихъ классовъ.

Въ противовѣсъ стремленію крестьянства на преобладающее вліяніе въ органахъ власти — на этомъ же съѣздѣ выявилась и другая сила, претендующая на равное вліяніе въ этихъ органахъ. Рабочіе мѣстныхъ заводовъ, до сихъ поръ составляющіе самую мощную силу въ жизни города и по праву считающіе себя самымъ боевымъ и преданнѣйшимъ авангардомъ Революціи—требовали той же доли участія въ Комитетѣ Народной Власти—какъ и крестьяне. Непропорціональность такого представительства ихъ не смущала. Добиваясь равнозначущаго мѣста съ крестьянствомъ, они въ своихъ доводахъ исходили изъ тѣхъ соображеній, что рабочіе хотя количественно и меньше крестьянъ, но по своей организованности и развитію они стоятъ выше ихъ и поэтому силу представляютъ изъ себя по качеству большую нежели первые.

Этотъ споръ изъ—за вліянія въ органахъ власти чуть не привелъ къ разрыву. Крестьяне, въ силу многихъ историческихъ причинъ, отразившихся на ихъ психологіи, относясь съ недовѣріемъ ко всему, что исходитъ не изъ ихъ среды, даже къ своимъ братьямъ—рабочимъ и подогрѣваемые большинствомъ ораторовъ — ни за что не хотѣли итти на уступки и предоставить равное число мѣстъ другимъ группамъ. И только благодаря уступчивости и лойяльности, къ чести ихъ сказать, представителей рабочихъ - вопросъ былъ разрѣшенъ безболѣзненно: была принята такая система представительства: крестьянъ—60 человѣкъ, рабочихъ—15, солдатъ—15, представителей городовъ—15 и бѣженцевъ—3 человѣка.

Такимъ представительствомъ крестьянство все вліяніе на работы Комитета Народной Власти—взяло въ свои руки.

Организація Исполнительнаго Комитета, являющагося отселѣ прямымъ наслѣдникомъ —губернаторскихъ общесословныхъ съѣздовъ, на принципахъ возвѣщенныхъ самой демократіей, началась вначалѣ Іюня, вскорѣ же послѣ окончанія работъ губернскимъ съѣздомъ; къ этой организаціи приступилъ Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ.

Совѣтъ, избранный на Губернскомъ Крестьянскомъ Съѣздѣ въ числѣ 100 человѣкъ, стоя на стражѣ крестьянскихъ интересовъ, понималъ, что онъ, какъ классовая организація, будетъ безсиленъ провести всѣ тѣ заданія, которыя оставилъ ему Губернскій Съѣздъ, безъ созданія полномочнаго, опирающагося на всѣ слои революціонной демократіи, органа власти. Такимъ органомъ для него являлся Комитетъ Народной Власти, къ организаціи котораго и при-

ступилъ Совѣтъ, какъ органъ наиболѣе вліятельный и болѣе всѣхъ заинтересованный въ немъ.

Работа Комитета, какъ ее понималъ Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ, должна была проходить подъ лозунгомъ проведенія аграрной реформы, предначертанной Губернскимъ Крестьянскимъ Съѣздомъ. Поэтому при конструированіи президіума Комитета избрали такихъ лицъ, которые проводили бы эти задачи не только за страхъ, но и за совѣсть, лицъ пригодныхъ къ активной и неуклонной политикѣ при проведеніи въ жизнь этихъ земельныхъ постановленій.

Избранными отъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ оказались И. М. Брушвитъ, Шевченко и я; отъ рабочей секціи—докторъ Левинтовъ, отъ военной—П. П. Митрофановъ, Брушвитъ—Предсѣдателемъ, Климушкинъ, Левинтовъ и Митрофановъ—тов. предсѣдателя.

Ознакомившись съ общимъ положеніемъ дѣлъ, съ тѣми текущими работами, которыя лежатъ на плечахъ президіума—мы приступили къ работѣ. Постановленія Губернскаго Общесословнаго Съѣзда, нашего непосредственнаго вдохновителя и контролера, говорили намъ. что мы должны быть „все“, мы—верховный органъ въ губерніи, волѣ котораго подчиняются всѣ губернскія учрежденія и должностныя лица, включая сюда и Губернскаго Комиссара. Раздѣляя вполнѣ эту точку зрѣнія, президіумъ въ первые же дни сталъ проводить эту мысль въ жизнь, не останавливаясь, дѣйствительно, ни предъ какими затрудненіями.

Аграрный вопросъ.

Первая задача, которая встала предъ нами въ первые же дни нашей работы, это—аграрная реформа. Губернскій Крест. Съѣздъ, разъѣхавшись по домамъ, оставилъ послѣ себя „Временныя Правила Землепользованія до Учред. Собр.“, которыя намъ и предстояло превратить въ конкректныя формы. Эта работа, необычайно жизненная и интересная, работа по урегулированію земельныхъ взаимоотношеній на основаніи вышеупомянутыхъ постановленій, отнимала у президіума въ первые дни очень много времени. Стекались къ намъ съ жалобами, со всевозможными недоразумѣніями, иногда очень пустяшными, а иногда съ очень серьезными, со всѣхъ концовъ Самарской губерніи, раскинувшейся на цѣлыя сотни верстъ. Каждый день поступали десятки прошеній, заявленій, жалобъ, постановленій о земельномъ вопросѣ, которыя нужно было разобрать, передумать и вынести такое постановленіе, которое было бы въ соотвѣтствіи съ жизненными запросами и не противорѣчило бы временнымъ правиламъ. Этотъ вопросъ, доминирующій въ этотъ періодъ въ жизни всей губерніи, составлялъ главную цѣль нашего существованія и отнималъ у президіума всю его энергію, помыслы и время.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ.

По истеченіи этого времени, какъ только Сов. Крест. Деп. конструировался въ окончательномъ видѣ и съ организаціей при немъ спеціальной для аграрнаго вопроса „конфликтной комиссіи", аграрный вопросъ переходитъ въ полномъ объемѣ въ Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ, который отселѣ становится полновластнымъ проводникомъ всѣхъ постановленій въ этой области и ихъ толкователемъ. За Комитетомъ Народной Власти, какъ за верховнымъ органомъ остается лишь высшій контроль и общее руководство. Къ его вмѣшательству, всегда авторитетному и рѣшающему, обращаются теперь въ тѣхъ случаяхъ, когда, испробовавъ всѣ мѣры мирнаго воздѣйствія, Совѣтъ оказывался безсильнымъ урегулировать возникшее между спорившими сторонами недоразумѣніе и когда нужно было прибѣгать, какъ къ последнему средству, къ силѣ и насилію.

Какъ же велико и часто было вмѣшательство Комитета?

Нѣтъ надобности, по моему убѣжденію, разсматривать этотъ вопросъ подробно, во всѣхъ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, которыхъ наберется по меньшей мѣрѣ сотню, ибо это отняло бы у насъ много времени и много мѣста. Намъ вѣдь нужно знать лишь характеръ его дѣятельности въ этой области. Разсмотримъ поэтому дѣятельность такого характера въ общихъ чертахъ и въ наиболѣе яркихъ и типичныхъ проявленіяхъ, выливвшіяся въ тѣ или другія постановленія и распоряженія.

Главная задача Комитета Нар. Вл. въ аграрномъ вопросѣ заключалась въ томъ, чтобы слѣдить за дѣятельностью подчиненныхъ ему Комитетовъ, уѣздныхъ и волостныхъ, и должностныхъ лицъ, какъ комиссаровъ, такъ и управляющихъ различными казенными учрежденіями; слѣдить за тѣмъ, чтобы съ ихъ стороны не было оказано противодѣйствія—устранять ихъ отъ должности или же парализировать ихъ вредную дѣятельность. Въ этомъ направленіи Комитету не разъ приходилось прибѣгать къ вмѣшательству.

Приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ концѣ или въ началѣ Іюля, точно не помню, Комитетъ Нар. Вл. получилъ отъ одного районнаго съѣзда извѣстіе, что Бузулукскій Уѣздный Комиссаръ препятствуетъ проведенію земельныхъ правилъ. Не входя въ разслѣдованіе этого дѣла президіумъ комитета немедленно же сдѣлалъ предписаніе комиссару прекратить свое противодѣйствіе, въ противномъ случаѣ онъ не только будетъ отстраненъ отъ должности, но и будетъ еще привлеченъ къ отвѣтственности. Такое предписаніе было сдѣлано и Николаевскому Исполнительному Комитету по отношенію къ комиссару Медвѣдеву.

Изъ уѣздныхъ Комитетовъ, о чемъ я уже говорилъ въ „Исторіи аграрнаго движенія", испыталъ на себѣ воздѣйствіе Ком. Нар. Власти Самарскій, пытавшійся встать въ независимое положеніе отъ губернскаго. Но послѣ перваго рѣшительнаго и категорическаго воздѣйствія Ком. Народной Власти, онъ отъ этой попытки отказался.

Изъ волостныхъ Комитетовъ много хлопотъ и борьбы доставили Ком. Нар. Власти—два: Абдулинскій и Покровскій. И тотъ и другой, состоящіе главнымъ образомъ изъ кадетствующей публики, не признавая Земельныя постановленія для себя обязательными, пытались установить свои порядки, идущіе совершенно въ разрѣзъ съ духомъ нашихъ земельныхъ постановленій. Первый дошелъ даже до такой дерзости, къ счастью единственной въ жизни Самарской губерніи, что осмѣлился запросить о томъ—кто далъ право Самарскому Комитету считать себя высшимъ учрежденіемъ въ губерніи. Дѣло кончилось для этого Комитета тѣмъ, что онъ былъ переизбранъ.

Любопытное, и, пожалуй, одно изъ самыхъ серьезныхъ и сложныхъ, разрѣшенныхъ вмѣшательствомъ Комитета Народной Власти, было дѣло Воскресенскихъ крестьянъ съ артиллерійскими частями Самарскаго гарнизона. Воскресенскіе крестьяне, захвативъ луга и распредѣливъ ихъ между собою, позабыли при распредѣленіи выдѣлить часть луговъ артиллерійскимъ частямъ, которыя сняли ихъ еще до 2-го Крестьянскаго Съѣзда, выработавшаго земельныя постановленія, у ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Дѣло поступило въ Совѣтъ. Всѣ мѣры воздѣйствія имъ были использованы, но все было безполезно—крестьяне ни за что не хотѣли уступить этихъ луговъ, ссылаясь на то, что воинскія части не заявили объ этомъ Волостному Комитету въ установленное правилами время. Разобравъ дѣло, президіумъ Комитета совмѣстно съ представителями всѣхъ совѣтовъ и заинтересованныхъ сторонъ, нашелъ претензіи артиллерійскихъ частей правильными и постановилъ взять сѣно силою, если будетъ оказано со стороны крестьянъ сопротивленіе. Къ счастью, до этого дѣло не дошло—крестьяне, отрезвленные нашимъ постановленіемъ, уступили добровольно.

Нѣсколько разъ пришлось арестовывать изъ болѣе рьяныхъ защитниковъ старыхъ земельныхъ правъ.

На почвѣ земельныхъ взаимоотношеній, произошло и столкновеніе съ Губернскимъ Комиссаромъ, получившимъ свое назначеніе въ силу приказа Времен. Правительства, какъ председатель Земской Управы.

Губернскій Комиссаръ—Иньковъ, человѣкъ безусловно старой бюрократической школы, чуждый всякимъ соціалистическимъ убѣжденіямъ, а потомъ его замѣститель—Осоргинъ, не могли, конечно, встать на тотъ революціонный путь, на который встало Самарское крестьянство. Оставаясь вѣрнымъ Правительственнымъ распоряженіямъ, какъ его непосредственный агентъ, онъ во всѣхъ случаяхъ оказывалъ своими предписаніями и распоряженіями самое энергичное и категорическое противодѣйствіе земельнымъ постановленіямъ. Опираясь на его разъясненія и предписанія, уѣздные комиссары, въ большинствѣ также люди его толка, и должностныя лица соприкасающіяся съ этой областью, дѣйствовали въ томъ же направленіи. Такая несогласованность дѣйствій раздирала деревню на двое и порождала тамъ анархію и

недоумѣніе. Комитетъ Народной Власти, главною цѣлью котораго и было проведеніе земельной реформы, опасаясь возникновенія въ деревнѣ анархіи, рѣшилъ положить конецъ этому двоевластію, и провести въ жизнь то постановленіе о комиссарѣ, которое было сдѣлано съѣздомъ.

Не желая становиться въ обостренныя отношенія съ Временнымъ Правительствомъ президіумъ Комитета сначала обратился за помощью къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, прося его о немедленномъ устраненіи Губернскаго комиссара. Однако прошла недѣля, другая—а отвѣта не было получено. Прождавъ еще съ недѣлю, президіумъ, опираясь на постановленіе Комитета, послалъ вторую телеграмму, болѣе рѣзкую и категоричную, въ которой заявлялось, что если Губернскій комиссаръ не будетъ устраненъ Министерствомъ, то комитетъ отстранитъ его отъ должности своею властью, ибо такое положеніе дольше не можетъ продолжаться ни одной недѣли.

Обязанности комиссара исполнялъ въ это время Осоргинъ.

Не получивъ отвѣта и на вторую телеграмму, переданную телеграфомъ по прямому проводу безъ задержанія, Комитетъ Нар. Вл. рѣшилъ устранить его своею властью, не останавливаясь и предъ насиліемъ. Губернскому комиссару было немедленно же вручено постановленіе Комитета съ предложеніемъ сдать должность въ 24 часа, въ противномъ случаѣ будетъ примѣнена вооруженная сила и онъ будетъ привлеченъ къ отвѣтственности, какъ лицо не подчиняющееся революціонной власти. Комиссаръ безъ возраженій оставилъ помѣщеніе, сообщивъ объ этомъ Министерству.

По устраненіи Осоргина Губернскимъ комиссаромъ былъ избранъ на засѣданіи Комитета его членъ С. А. Волковъ, бывшій предсѣдатель Губернскаго съѣзда, который по смыслу постановленій этого съѣзда долженъ быть отвѣтственнымъ предъ Комитетомъ Народной Власти и работать съ нимъ въ полномъ контактѣ. Съ этого времени двоевластіе, опасное для жизни деревни, существовавшее въ аграрной политикѣ, устраняется, работа Комитета проходитъ въ дружномъ единеніи—съ работой комиссара.

Такой способъ дѣйствія, очень смѣлый и дерзкій для того времени и для того Министерства, привыкшаго къ парламентскимъ методамъ дѣйствія, сразу же, съ первыхъ дней его работы, поставилъ Комитетъ Народной Власти въ оппозицію къ Временному Правительству. Долгое время Министерство совершенно игнорировало Комитетъ, обращаясь къ нему не иначе, какъ черезъ комиссара; только спустя нѣкоторое время, послѣ неоднократныхъ нашихъ поѣздокъ въ Петроградъ и поѣздки самого комиссара, эти связи намъ снова удалось возстановить.

Продовольственный вопросъ.

Не мало работы доставилъ Комитету и продовольственный вопросъ. Самая организація продовольственнаго дѣла, начинающаго принимать очень острыя формы, и проведеніе въ жизнь всѣхъ продовольственныхъ проэктовъ,

находилась въ рукахъ Продовольственнаго Комитета. Комитетъ Народной Власти, завѣдующій раньше до организаціи Губерн. Прод. Комитета и этимъ дѣломъ, оставилъ за собою лишь общій контроль не въ самой организаціи продовольствія, а только въ продовольственной политикѣ, дабы продовольственная политика была согласована съ общей политикой. Но организація боевыхъ силъ, необходимыхъ для проведенія нѣкоторыхъ продовольственныхъ постановленій, примѣненіе вооруженной силы, борьба съ дерзкими проявленіями спекуляціи, охрана городовъ отъ продовольственныхъ разгромовъ—цѣликомъ лежала на плечахъ Комитета Народной Власти, являющагося единственнымъ полновластнымъ органомъ, располагающимъ вооруженною силою. Въ этомъ направленіи Комитетомъ было проявлено много рѣшительности и послѣдовательности. Оговариваюсь работа, безусловно, проходила въ полномъ контактѣ съ продовольственными Комитетами.

Эта страничка его жизни лучше всего обрисовывается слѣдующими фактами.

Въ срединѣ іюля Комитету было донесено, что въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ такомъ-то селѣ купецъ Н скупаетъ хлѣбъ и продаетъ его за бѣшенную цѣну спекулянтамъ. Немедленно же Комитетомъ былъ снаряженъ вооруженный отрядъ съ приказаніемъ купца арестовать, а хлѣбъ передать въ продовольственные склады. Нѣсколько подобныхъ же арестовъ было произведено и въ другихъ уѣздахъ, въ частности въ Николаевскомъ на станціи Безенчукъ.

Для урегулированія того же продовольственнаго вопроса было реквизировано до пяти столовыхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ съ примѣненіемъ вооруженной силы.

Много шуму надѣлала реквизиція хлѣбопекарни Неклютиной.

Борясь съ хлѣбной спекуляціей и желая довести распредѣленіе печенаго хлѣба въ городѣ до совершенства, Городской Продовольственный Комитетъ нашелъ единственнымъ исходомъ изъ создавшагося положенія—изъятіе изъ частныхъ рукъ хлѣбопеченія и сосредоточеніе дѣла въ вѣдѣніи Прод. Комитета. Комитетъ Нар. Власти, разсмотрѣвъ это заключеніе, присоединился къ выводамъ Прод. Комитета и постановилъ для этой цѣли реквизировать хлѣбопекарню Неклютиной.

Вынесенное постановленіе, переданное впослѣдствіи всѣмъ заинтересованнымъ Учрежденіямъ и лицамъ, вызвало много безпокойства, какъ у г. Неклютина, хозяина этой хлѣбопекарни, такъ и у элемента наемнаго, наиболѣе заинтересованнаго въ сохраненіи предпріятія въ рукахъ частнаго предпринимателя.

Комитетъ оказался въ большомъ затрудненіи. Хлѣбопекарня оказалась закрытой, хозяинъ безъ вѣсти пропавшимъ, работа стояла—городъ могъ остаться безъ хлѣба. Часть рабочихъ стояла за реквизицію, часть

противъ. Посовѣтовавшись между собою президіумъ ввелъ войска въ хлѣбопекарню, замки приказалъ сбить прикладами и приступить къ работѣ.

Такъ было и сдѣлано.

Однако это дѣло, не бывалое еще въ хроникѣ Самары, этимъ не окончилось. Не желая разставаться съ такимъ доходнымъ и необычайно хорошо организованнымъ предпріятіемъ, которое отнималось у него теперь чуть ли не даромъ, г. Неклютинъ открылъ настоящій хорошо продуманный походъ противъ Комитета, и нужно, къ чести его замѣтить, эта борьба никогда не выходила изъ корректныхъ, лоіяльныхъ рамокъ. Объ этой реквизиціи заговорили въ печати, въ министерствахъ, въ финансовыхъ кругахъ и въ прокуратурѣ. Президіуму грозило привлеченіе къ отвѣтственности... Изъ Петрограда требовали объясненій. Но съ теченіемъ времени, съ нарожденіемъ новыхъ событій, болѣе крупныхъ чѣмъ реквизиція хлѣбопекарни, отвлекшихъ все вниманіе правящихъ круговъ, это дѣло постепенно забылось.

Такую же концентрацію хотѣлъ провести Продовольств. Комитетъ и въ мясной торговлѣ.

Убѣдившись, что первымъ препятствіемъ такой реформы служатъ мясныя лавки частныхъ торговцевъ, Прод. Ком. вынесъ постановленіе о запрещеніи частной торговли мясомъ и о закрытіи мясныхъ частныхъ лавокъ. Мясники этому постановленію не подчинились. Получивъ объ этомъ увѣдомленіе отъ Прод. Ком.—Ком. Народн. Власти выслалъ роту солдатъ, но... солдаты, узнавъ въ чемъ дѣло повернули назадъ и ушли въ казармы, заявляя, что частные мясники еще лучшее мясо отпускаютъ, чѣмъ продов. лавки, за что же ихъ арестовывать...

Мясники стали наглѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, а Ком. осторожнѣе и нерѣшительнѣе. Благодаря этой нерѣшительности частная торговля мясомъ продолжала существовать все время и Ком. былъ безсиленъ справиться съ мясной спекуляціей.

Много вниманія и силъ отнимали также обыски и реквизиціи. Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы не было гдѣ нибудь сдѣлано облавы, обыска или налета, почти всегда кончающихся жалкими результатами, находкой жалкихъ остатковъ товара. Въ концѣ концовъ Ком. Нар. Власти, почувствовавъ безплодность своей работы, отказался отъ этихъ налетовъ, сосредоточивъ это дѣло въ вѣдѣніи Развѣдочнаго бюро.

Правда, одного товара находили всегда съ избыткомъ — посуды изъ подъ спирта, самый же спиртъ, очень цѣнный и рѣдкостный гость, всегда исчезалъ куда-нибудь въ такія мѣста, гдѣ онъ становился для насъ совершенно неуловимымъ.

За послѣднее время существованія Комитета, въ Сентябрѣ—Октябрѣ мѣсяцахъ спекуляція и мѣшечничество приняли такіе размѣры, что оно являлось общероссійскимъ зломъ. Для борьбы съ этимъ зломъ была органи-

зована особая продовольственная комиссія, которая должна была заняться исключительно борьбой съ этой все возрастающей спекуляціей. Съ этою же цѣлью были разбросаны по указанію Губерн. Прод. Комитета военные отряды, передвиженіями которыхъ завѣдывалъ особо выдѣленный при штабѣ охраны военный комиссаръ, находящійся въ непосредственномъ подчиненіи у одного изъ членовъ президіума капитана Митрофанова. Насколько эти мѣры, вызванныя крайней необходимостью, по настоянію Продовольственной Управы, были цѣлесообразны и необходимы, судить объ этомъ въ данномъ очеркѣ не берусь, а представляю это сдѣлать тѣмъ, кто будетъ писать о продольственномъ вопросѣ.

Въ такомъ направленіи была работа Комитета Народной Власти въ дѣлѣ организаціи продовольствія.

Охрана города.

Переходя дальше къ послѣдующему обзору дѣятельности комитета, я долженъ нѣсколько подробнѣе остановиться на самой важной и главнѣйшей его функціи изъ работы по городу, отнимавшей у него большую половину силъ, времени и средствъ. Я говорю объ охранѣ города и о поддержаніи порядка.

Еще въ первый періодъ русской революціи, когда казалось бы, не должно быть мѣста ни хулиганству, ни воровству, въ Самарѣ стало развиваться съ необычайной быстротой и то и другое. Выброшенные изъ тюремъ, изъ заводовъ и другихъ заведеній—преступные элементы, пользуясь общею расшатанностью власти и ослабленіемъ надзора за ними, проявляли свою дѣятельность съ невѣроятною наглостью, устраивая нападенія иногда среди бѣлаго дня. Въ особенности сильно развились карманныя кражи. Въ вагонахъ, въ театрахъ, въ кинематографахъ опасно было съ деньгами показаться—сейчасъ же оберутъ; въ квартирахъ—боязно спать, точно какой то демонъ, толкалъ ихъ именно въ такія квартиры, гдѣ въ данную минуту меньше всего ихъ ждали. Пишущій эти строки самъ, за эти пять—шесть мѣсяцевъ былъ обобранъ дважды въ то время, какъ раньше за всю его жизнь, съ нимъ этого грѣха ни разу не случалось.

На ряду съ этимъ развивалось и пьянство и хулиганство.

Все это, нервируя городское населеніе и озлобляя его, создавало такую атмосферу, при которой трудно было жить и дышать. Начались самосуды и съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ наростанія воровства и дебоширства, они учащались и учащались, принимая иногда колоссальные размѣры. Не разъ эти самосуды готовы были перейти въ погромы. Параллельно съ этимъ, можетъ быть вызываемая другими причинами, наростала и распущенность въ Самарскомъ гарнизонѣ, принимавшая все болѣе дерзкія и наглыя формы и вылившаяся впослѣдствіи въ рядъ погромовъ.

Комитетъ Народной Власти, принявшій теперь на себя всѣ функціи административной власти, не могъ относиться безучастно ко всему происходящему и силою вещей былъ поставленъ въ самую гущу этихъ событій. Въ первые же дни его существованія, имъ былъ организованъ особый „Штабъ Охраны", исключительно для охраны города и жителей. Вначалѣ, когда въ то время его начальникомъ былъ предсѣдатель Совѣта Воен. Деп. Г. Т. Хрунинъ, функціи его были нѣсколько шире и поэтому онъ являлся органомъ, до нѣкоторой степени самостоятельнымъ, независимымъ отъ президіума Комитета, но впослѣдствіи, съ развитіемъ его дѣятельности—и дѣятельности совѣтовъ, эти посторонніе функціи отпали и осталась только одна—охрана безопасности. Съ этого времени онъ всецѣло находится въ подчиненіи у президіума Ком. Народн. Власти, и его начальникомъ назначается одинъ изъ товарищей предсѣдателя—капитанъ Митрофановъ.

Его организація была такова: во главѣ находился начальникъ штаба, подчиняющійся непосредственно президіуму Комитета, адъютантъ, два помощника, секретарь—завѣдующій всѣмъ дѣлопроизводствомъ штаба и пять-семь дежурныхъ офицеровъ. Для экстренныхъ надобностей каждый день дежурила пѣшая рота или полурота, смотря по настроенію въ городѣ, и эскадронъ или половина—конныхъ. Содержаніе этого штаба, вмѣстѣ съ продовольствіемъ дежурящихъ воинскихъ частей отнимало у Комитета большія средства, обезсиливая и безъ того скудную его кассу; каждый мѣсяцъ выходило отъ 3—до 4 тысячъ рублей. Конечно, для какого нибудь общественнаго учрежденія, вродѣ Земства или Городского Самоуправленія, располагающаго милліоннымъ бюджетомъ—это не большія деньги, но для Ком. Нар. Власти, органа—не получающаго ни откуда никакихъ ассигновокъ и доходовъ и питающагося случайными поступленіями—это колоссальныя средства.

Въ чемъ же проявилась дѣятельность штаба охраны?

Не вдаваясь въ описаніе конкретныхъ случаевъ проявленія имъ дѣятельности—я ограничусь общимъ упоминаніемъ объ этомъ.

Во первыхъ, въ вооруженной борьбѣ съ самосудами, описанными въ другой статьѣ С. И. Шпляевымъ.

Во вторыхъ—въ вооруженной борьбѣ съ пивными погромами, не разъ имѣвшими мѣсто въ Самарѣ.

Въ третьихъ—въ обыскахъ, въ массовыхъ облавахъ подозрительныхъ кварталовъ, производимые вначалѣ почти каждую недѣлю, и т. д. и т. д.

Эта работа отнимала у президіума столько времени и напряженія, что ея хватило бы при другихъ условіяхъ на два такихъ учрежденія какъ Комитетъ Народной Власти. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы не произошло гдѣ нибудь такого эксцесса, гдѣ бы не потребовалось вооруженной силы и кого нибудь изъ президіума. Рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы не побезпокоили или начальника штаба или кого нибудь изъ товарищей предсѣ-

дателя или самого предсѣдателя. Такая работа, мало продуктивная и совершенно, пожалуй, безполезная для новаго строительства—отнимала у насъ послѣднія силенки, оставшіяся отъ дневной работы, а главное—нервировала и вышибала изъ душевнаго равновѣсія. Но успѣете вы сосредоточиться на какой нибудь работѣ, какъ вамъ сообщаютъ, что тамъ то громятъ складъ пивной „Восточную баварію", это не затихло, въ другомъ мѣстѣ—самосудъ, въ третьемъ—хвостъ собирается громить продовольственную лавку, въ четвертомъ—на базарѣ отыскали товаръ и собираются разграбить и т. д. и т. д.

Съ этою же цѣлью, съ цѣлью борьбы съ развивающимся хулиганствомъ и дебоширствомъ, проявляющемся открыто на улицахъ города—Комитетомъ Нар. Власти и Совѣтами былъ изданъ особый приказъ, въ которомъ перечислялось, что граждане не должны дѣлать. Этотъ приказъ содержалъ 18 пунктовъ, между прочимъ въ немъ говорилось, что запрещается стрѣльба изъ оружія, появленіе въ пьяномъ видѣ на улицѣ, распитіе крѣпкихъ напитковъ, и проч. Приказъ грозилъ за указанныя дѣянія строгой карой—отъ трехъ мѣсяцевъ до полутора года тюрьмы.

Но странная участь постигла этотъ приказъ!

Временное Правительство, ссылаясь на то, что онъ не былъ подписанъ Губернскимъ Комиссаромъ, который только одинъ и имѣетъ право по мысли правительства издавать подобныя обязательныя постановленія, признало его не дѣйствительнымъ. Комитетъ же Народной Власти, являющійся фактически полноправнымъ органомъ, несущимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть охраны—былъ лишенъ этого права. Получалось нелѣпое положеніе—власть и сила въ рукахъ Комитета, а юридическое право—въ рукахъ комиссара.

Ссылаясь на правительственное распоряженіе мѣстныя правительственныя учрежденія и персоналъ судей отказались приводить положенія приказа въ исполненіе. Создалось снова, но только ужъ двоевластіе, но и анархія... Не видя иного исхода, ведущаго къ мирному урегулированію возникшаго недоразумѣнія между Комитетомъ и правительствомъ, Ком. Нар. Власти рѣшился на крайнюю мѣру. Игнорируя распоряженіе правительства, создающаго въ губерніи безвластіе, Комитетъ создаетъ свой самостоятельный судъ подъ названіемъ „административнаго суда", исключительно для проведенія въ жизнь, этого постановленія и совершенно независимаго отъ мѣстной прокуратуры. Создалась небывалая въ лѣтописяхъ русской исторіи комбинація. Въ центрѣ, откуда исходятъ всѣ распоряженія по управленію страной, существуетъ Временное Правительство, признаваемое и уважаемое всѣми на мѣстахъ—другая власть, признающая это правительство, но не исполняющая его распоряженій. Эта власть оказывается сильнѣе центра, ибо и милиція и войско и отдѣльныя должностныя лица, становятся на сторону Комитета.

Организація Административнаго Суда, явившагося копіей англійскихъ судовъ, вызвала много нападокъ, какъ со стороны мѣстной печати, такъ и со стороны прокурорскаго надзора. Министерство Юстиціи, получивъ извѣщеніе

объ его организаціи, немедленно-же затребовало отъ Комитета объясненій и предложило мѣстнымъ судебнымъ властямъ считать его не существующимъ. Дѣло дошло до того, что прокуроръ судебной палаты, во время своего посѣщенія Самары, ознакомившись съ его конструкціей, приказалъ освободить всѣхъ заключенныхъ, содержимыхъ на основаніи постановленій этого админ. суда и добавилъ, что если и впредь будутъ арестовывать и содержать въ тюрьмѣ по его приговорамъ—онъ будетъ привлекать къ отвѣтственности исполнителей такихъ приговоровъ: милицію и тюремную администрацію.

Однако и то и другое учрежденіе, состоящее въ непосредственномъ подчиненіи у Комитета, переговоривъ съ президіумомъ его, не исполнили приказа прокурора и продолжали по прежнему считать для себя судебные приговора административнаго суда обязательными и имѣющими законную силу. Арестованные сидѣли какъ и раньше, отбывая положенный имъ срокъ, судъ функціонировалъ по прежнему. Центральная власть второй разъ получила посрамленіе.

Насколько это было хорошо или не хорошо—я не берусь судить, объ этомъ скажетъ исторія, я лишъ описываю фактъ въ такой обстановкѣ, въ какой онъ происходилъ въ дѣйствительности. Въ этомъ вся моя задача.

Организація административнаго суда была очень проста. Во главѣ суда въ качествѣ его председателя стоялъ Мировой судья, приглашенный Комитетомъ Народной Власти—членами—представитель отъ Совѣта Воен. Депут. и представитель отъ Совѣта Раб. Деп. Вотъ и весь составъ.

Засѣданія суда были открытыя, публичныя.

Работа, исполненная административнымъ Судомъ, была колосальна. Хулиганство, пьянство, спекуляція, бунтъ, торговля спиртомъ и т. д. и т. д.—всѣ эти преступленія и проступки проходили черезъ его руки. Не было дня въ который—бы не было разсмотрѣно три—четыре дѣла. Польза, принесенная имъ жителямъ города по борьбѣ съ преступностью, по моимъ убѣжденіямъ, очень большая. Кстати, чтобы покончить разъ навсегда съ административнымъ судомъ, добавлю, что функціонировалъ онъ до самаго октябрскаго переворота и съ организаціей Совѣтской Власти—умеръ естественною смертью.

Были-ли подобные суды въ другихъ городахъ—мнѣ точно неизвѣстно, но по полученнымъ мною свѣдѣніямъ въ Министерствѣ Внутр. Дѣлъ, можно полагать, что Самара одинъ изъ немногихъ городовъ, гдѣ существовали подобныя организаціи.

Высшую дѣятельность и творчество по организаціи охраны города Комитетъ Народной Власти проявилъ во время вторичныхъ выборовъ въ Городскую Думу. Опасаясь вторичнаго срыва, какой либо шайкой буйствующихъ элементовъ, какой имѣлъ мѣсто въ первый разъ, Комитетъ Народной Власти, по моему предложенію принялъ рѣшительныя мѣры, выработанныя президіумомъ Комитета совмѣстно съ представителями Совѣтовъ. Весь городъ еще наканунѣ выборовъ былъ раздѣленъ на участки по числу избирательныхъ районовъ, кажется на 23, и каждый такой участокъ былъ насыщенъ достаточ-

нымъ количествомъ вооруженной силы, съ комиссаромъ отъ Комитета Нар. Власти. Охрану выборовъ взяла на себя рабочая дружина, организованная къ этому времени Совѣт. Раб. Деп. Въ самомъ Комитетѣ засѣдалъ особый штабъ, составленный изъ представителей всѣхъ Совѣтовъ, Городск. Самоуправленія и Комитета Народной Власти. Этому штабу были представлены всѣ полномочія вплоть до примѣненія вооруженной силы, если это потребуется для охраны выборовъ. Къ счастью, къ этимъ мѣрамъ не пришлось прибѣгнуть—выборы прошли спокойно.

На обязанности Комитета, какъ органа Революціонной Неограниченной Губернской Власти, лежали также заботы и по охранѣ безопасности и спокойствія въ уѣздахъ и въ городахъ уѣздныхъ. Сознавая, что спокойствіе г. Самары зависитъ отъ нормальной и спокойной жизни въ уѣздахъ, оттого какъ тамъ будетъ проходить организація новой жизни,—и въ частности организація продовольствія, Комитетъ Народной Власти поэтому неуклонно слѣдилъ за тѣмъ чтобы жизнь въ уѣздахъ проходила нормально и не нарушалась никакими выступленіями. Вспыхнувшія волненія или безпорядки ликвидировались всѣми доступными Комитету средствами, даже съ примѣненіемъ иногда вооруженной силы.

Такія волненія, надѣлавшія въ свое время много шуму и доставившія не мало заботъ, какъ Центральнымъ Властямъ такъ и мѣстнымъ, были въ слѣдующихъ городахъ: въ Новоузенскѣ, въ Николаевскѣ, въ Бугульмѣ и въ Бузулукѣ. Въ первыхъ трехъ городахъ ликвидація произошла безъ примѣненія вооруженной силы, которой оказалось тамъ въ наличности недостаточно; въ послѣднемъ—съ примѣненіемъ таковой. Въ первыхъ трехъ дѣйствовали отряды изъ другихъ городовъ, въ послѣднемъ изъ Самары.

Подробное описаніе этихъ событій, имѣющихъ несомнѣнный историческій смыслъ, будетъ дано въ другой статьѣ и другими авторами, я коснусь ихъ лишь постольку, поскольку это намъ нужно для уясненія того обоянія, значенія и вліянія Комитета Народной Власти, какое онъ имѣлъ на жизнь населенія.

Поздно ночью, кажется въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Губернскій комиссаръ и Ком. Н. Вл. получили тревожную телеграмму, что въ Бузулукѣ безпорядокъ, громятъ лавки, громятъ винный складъ. Не вынося этого вопроса на обсужденіе всего Комитета и не спрашивая санкцій другихъ организацій—президіумъ Комитета въ согласіи съ Губ. комиссаромъ, немедленно же распорядился отправить въ Бузулукъ роту солдатъ, подъ командой комиссара Ком. Нар. Власти подпоручика Свѣтлаева. Рота немедленно безъ возраженій отправилась.

Дня черезъ два, рано утромъ, еще за темно, я совершенно неожиданно былъ вызванъ въ Ком. Нар. Власти. Придя туда я тамъ нашелъ Губ. ком. С. А. Волкова, Начальника Штаба кап. Митрофанова и подпоручика Свѣтлаева, возвратившагося изъ Бузулука. Отъ него мы узнали,

что въ Бузулукѣ бунтъ, его рота стрѣляла, убила нѣсколько человѣкъ, но подъ напоромъ толпы, состоящей главнымъ образомъ изъ солдатъ мѣстнаго гарнизона, вынуждена была отступить и возвратиться въ Самару за подкрѣпленіемъ.

Городъ былъ оставленъ на произволъ анархіи. Зная, что каждая минута промедленія можетъ стоить десятка человѣческихъ жизней и милліонныхъ убытковъ, и что наша нерѣшительность можетъ придать храбрости бунтующимъ, мы втроемъ рѣшили дѣйствовать за свой страхъ и рискъ рѣшительно; немедленно же нами было дано во всѣ полки распоряженіе, чтобы они приготовили по ротѣ къ выступленію. И нужно отмѣтить—одну характерную особенность. Всѣ части, не спрашивая о причинахъ, о цѣляхъ такого выступленія, о нашихъ правахъ на такія командировки, единогласно подчинились нашему распоряженію и немедленно же приступили къ приготовленіямъ.

Собравшійся днемъ совѣтъ изъ командировъ всѣхъ частей и представителей всѣхъ совѣтовъ санкціонировалъ наше распоряженіе и къ вечеру, часамъ къ 8, три или четыре роты, точно ужъ не помню, 2 батареи легкой артиллеріи, конный отрядъ всадниковъ въ сто—всего до тысячи человѣкъ—были готовы.

Такова была сила и вліяніе Комитета въ это время.

Квартирный вопросъ.

Изъ другихъ вопросовъ, отнимавшихъ не меньше времени и организаторскихъ силъ, чѣмъ вопросъ объ охранѣ населенія,—былъ квартирный вопросъ, принявшій въ одно время необычайно острыя формы.

Докатившаяся бѣженская волна, вызванная нашимъ стремительнымъ отступленіемъ на западномъ фронтѣ, переполнила Самару до еще небывалыхъ до того времени размѣровъ. Каждый день прибывали десятки семействъ, разоренныхъ, обездоленныхъ, которыя не имѣли ни угла, ни пріюта. Вокзалы были переполнены. Комитетъ Нар. Власти, комиссаріатъ и милицію осаждали сотни просителей, не могущихъ нигдѣ вслѣдствіе гостепріимства обывателей, пристроиться. Люди ночевали на вокзалахъ, въ садахъ и на улицахъ.

Съ ростомъ переполненія жилищъ, вызваннымъ бѣшеннымъ потокомъ бѣгства изъ прифронтовыхъ городовъ, возростали и конфликты между квартиронанимателями и домохозяевами. Начались судебныя разбирательства. Вѣрные старымъ традиціямъ, и не имѣя права, какъ лица строго подчиненныя извѣстнымъ законоположеніямъ, поступать иначе чѣмъ указано въ этихъ законоположеніяхъ, судьи иногда съ болью въ сердцѣ, выносили десятки постановленій о выселеніи. Среди бѣднаго населенія начался буквально стонъ и плачъ.

Зданіе Комитета было переполнено этими плачущими. Не имѣя права, въ силу своей органической связи съ этими бѣдняками, отказаться отъ защиты правъ обездоленныхъ и отъ урегулированія этого остраго вопроса, Комитетъ Нар. Власти, какъ органъ чуждый старымъ традиціямъ, давно уже признавшій, что въ такую эпоху разрушенія старыхъ кумировъ и законовъ, нельзя быть вѣрнымъ буквѣ закона, ибо это значило бы совершать преступленіе противъ жизни. Теперь въ періодъ общаго строительства, нужно рѣшать вопросы, сообразуясь съ запросами жизни, а не съ буквой старыхъ уставовъ.

Исходя изъ этихъ соображеній Комитетъ Народной Власти издалъ приказъ, что ни одно выселеніе не можетъ состояться безъ согласія Комитета и всѣ приговоры судей, вынесенные до сего времени, пріостанавливаются. Роль судей, такимъ образомъ сводилась до минимума. Весь этотъ потокъ прошеній и просителей, осаждавшій раньше городскихъ судей, направился теперь въ канцелярію Комитета. Чтобы разобраться въ этомъ потокѣ, грозившемъ захлестнуть новое учрежденіе, чтобы придать этому дѣлу правильную постановку, диктуемую новыми условіями, при Комитетѣ была организована особая квартальная комиссія.

Вначалѣ эта комиссія дѣйствовала очень мягко и осторожно, полагаясь больше на благородство и отзывчивость обывателя. Роль ея сводилась къ простому посредничеству между спорящими сторонами. Но по мѣрѣ роста квартирнаго кризиса и по мѣрѣ того, какъ комиссія убѣждалась въ черствости и сухости горожанина, въ томъ, что отъ него нельзя ожидать добровольной отзывчивости и готовности, поступиться частью своего комфорта ради своего умирающаго собрата—комиссія переходила все къ болѣе суровымъ и радикальнымъ дѣйствіямъ. Въ концѣ концовъ она вынуждена была прибѣгнуть къ общему счету квартиръ въ городѣ и къ принудительному вселенію.

Учетъ квартиръ, съ измѣреніемъ площади и объема комнатъ, былъ произведенъ съ помощью учащихся и мѣстныхъ солдатъ. Эта мѣра, не понятая горожанами и истолкованная ими превратно, вызвала цѣлую бурю недовольства и возмущенія, какъ въ обывательской средѣ, такъ и въ кадетствующей печати... Мѣстная дума, составленная наполовину еще изъ старыхъ гласныхъ, забила тревогу, еще болѣе тормозя тѣмъ дѣло организаціи квартирнаго вопроса. Изъ центра снова посыпались телеграммы—съ требованіемъ дать объясненія и прекратить „беззаконія“. Комитету оставалось одно—или сложить руки и глядѣть, какъ будутъ замерзать подъ его окнами его братья—бѣдняки, или же—въ четвертый, или уже десятый разъ, игнорировать Власть центра. Это непониманіе запросовъ жизни, непониманіе того, что происходитъ на мѣстахъ,—дѣйствовало на насъ, мѣстныхъ дѣятелей, убійственно.

Комитетъ Нар. Вл. сдѣлалъ послѣднее.

Позабывъ о всѣхъ грозныхъ предписаніяхъ сверху и о той травлѣ, которую подняла мѣстная правая печать, Ком. сталъ проводить намѣченныя имъ мѣропріятія по урегулированію квартирнаго кризиса еще съ большею неуклонностью и настойчивостью. Приходилось дѣйствовать иногда очень грубо, съ примѣненіемъ силы, выселяя однихъ и вселяя другихъ. Такихъ случаевъ было много. Комиссія, состоящая, кажется, человѣкъ изъ 8-ми, была перегружена дѣлами, работая ежедневно чуть не до вечера. Были иногда настолько запутанныя и сложныя дѣла, что на разборъ ихъ и на разслѣдованіе уходили недѣли и мѣсяцы. Къ какимъ только хитростямъ ни прибѣгалъ обыватель, весь ушедшій въ сохраненіе своего „я“, чтобы только не пустить своего брата. Его изобрѣтательности позавидовали бы лучшіе писатели. Сегодня ты узнаешь, что такая то квартира свободна, реквизируешь ее, а завтра... оказывается въ ней три мѣсяца уже живетъ какой нибудь врачъ, торговая контора и проч. Не успѣешь открыть этой фальши, какъ оказывается въ ней живетъ самъ хозяинъ, которому больше некуда дѣться... Разведешь руками и плюнешь..

Съ цѣлью увеличенія квартирной площади, а также и по другимъ соображеніямъ, были закрыты всѣ билліардныя. Сотни оставшихся безъ работы маркеровъ, подняли противъ комитета цѣлую бурю, требуя отъ него заработка или вновь открытія билліардныхъ. Комитетъ, однако, остался непреклоннымъ.

Трудно выразить работу Квартирной Комиссіи, продолжавшуюся свыше полгода, въ какомъ либо количественномъ опредѣленіи, но достаточно указать, что десятки профессіональныхъ союзовъ, общественныхъ учрежденій, должностныхъ лицъ, получили помѣщеніе при ея содѣйствіи. Тѣ столовыя, на которыхъ теперь красуются вывѣски „Столовая общества Коопер. столовыхъ“, размѣстились и открылись не безъ участія Комитета. Сама Городская Управа, которая такъ энергично протестовала противъ нашихъ реквизицій, въ это же самое время обращалось къ намъ за помощью, прося реквизировать и для нихъ помѣщеніе. Всего такихъ обращеній было шесть. Этотъ необычайно любопытный фактъ, оглашенный мною въ свое время на засѣданіи Комитета въ присутствіи представителей отъ думы—свидѣтельствуютъ съ одной стороны о томъ громадномъ вліяніи Комитета, которымъ пользовался въ городѣ и съ другой—о томъ кризисѣ, который переживала Самара въ квартирномъ вопросѣ, если ужъ сама Управа, хозяинъ города, не могла найти помѣщенія.

О жандармахъ и провокаторахъ.

Теперь я коснусь еще одного очень любопытнаго дѣла: о жандармахъ и провокаторахъ.

Съ ликвидаціей стараго строя и старой власти, совершившей столько преступленій и злодѣяній противъ народа, у новой власти, еще не окрѣпшей,

возникла мысль о полной изоляціи агентовъ стараго правительства отъ политической жизни и о преданіи тѣхъ изъ нихъ суду, которые являлись виновниками этихъ преступленій. По примѣру центра—болѣе дѣятельные изъ нихъ, занимающіе полицейско-охранные посты, были арестованы и посажены въ тюрьму. Арестованы жандармы и провокаторы.

Горы мукъ и страданій, горы труповъ, воздвигнутыя по винѣ этихъ предателей, бездна пытокъ, издѣвательствъ и униженій, пережитыхъ лучшими нашими сынами русской революціи—создали въ сердцахъ людей такую къ нимъ ненависть, которая не могла умереть въ порывѣ общаго ликованія и всепрощенія. Привычная боязнь, порожденная ихъ продолжительной дѣятельностью, требовала и теперь особенной осторожности по отношенію къ нимъ. У всѣхъ было одно—непреодолимое желаніе убрать ихъ подальше.

Поддаваясь этому общему настроенію общества, отражая на себѣ всѣ его переживанія—Комитетъ Народной Власти постановилъ держать ихъ неопредѣленное время, впредь до полнаго торжества революціи. Вскорѣ же, послѣ ихъ ареста, была организована, исключительно для подобныхъ дѣлъ—слѣдственно-юридическая комиссія, куда вошли лучшіе наши революціонно настроенныя юридическія силы. Этой комиссіи и было поручено разслѣдованіе дѣятельности каждаго въ отдѣльности изъ арестованныхъ.

Работала комиссія очень долго и усердно и въ дѣятельности большинства охранниковъ не нашла состава преступленія. Получалось комическое положеніе, преступники, совершившіе рядъ предательствъ, подлостей противъ свободы народа, отправленіе сотни лицъ въ каторгу, на висѣлицу, сказывались по законамъ, изданнымъ ими же самыми чистыми какъ голуби. Классифицировать, подобрать статью подъ ихъ преступленіе нельзя было, наши юристы отказывались.

Сознавая невозможность ихъ судить обыкновеннымъ окружнымъ судомъ, разсматривающимъ каждое дѣло съ точки зрѣнія статьи закона и недопустимость освобожденія ихъ безнаказанно, слѣд. юридическая комиссія нашла другой, и по моему, очень удачный исходъ.

Исходя изъ тѣхъ соображеній, что преступленіе, совершенное ими—есть преступленіе противъ общества и главнымъ образомъ противъ партій, комиссія постановила, что и судить ихъ должно само общество и партіи. Получивъ утвержденіе Комитета, Комиссія организовала общественно-партійный судъ, который и долженъ рѣшать о степени виновности каждаго и о формахъ наказанія, не ограничивая себя никакими статьями закона, а руководствуясь въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно велѣніями совѣсти. Къ сожалѣнію, этому суду не удалось разобрать и пяти дѣлъ, какъ организація этого процесса получила иное направленіе.

Но тутъ, чтобы дать читателю исторически точное представленіе объ этомъ необычайно интересномъ процессѣ, я долженъ возвратиться немного назадъ, къ тому времени, когда еще ни о какихъ судахъ надъ ними не было и рѣчи

Въ первыхъ числахъ Іюля, въ первые дни еще своей работы, президіумъ Комитета получилъ отношеніе отъ прокурора Окружнаго Суда, въ которомъ онъ спрашивалъ—какое предъявляется обвиненіе къ арестованнымъ и почему они до сихъ поръ еще не освобождены, въ то время, какъ ихъ колеги въ другихъ городахъ давно уже на свободѣ. Онъ ссылался на распоряженіе Временнаго Правительства, гдѣ предписывалось ко всѣмъ арестованнымъ внѣсудебнымъ порядкомъ немедленно же предъявить обвиненіе, въ противномъ случаѣ немедленно же освободить ихъ. За неисполненіе предписанія будутъ отвѣтственны сами арестовавшіе.

Президіумъ Комитета, какъ органъ исполнительный и связанный постановленіями общаго собранія Комитета, не могъ самостоятельно разрѣшить этого вопроса. Получивъ отношеніе прокурора, президіумъ экстренно созвалъ засѣданіе Комитета Народной Власти и передалъ обсужденіе этого вопроса вмѣстѣ съ тѣмъ на засѣданіе совѣтовъ. Всѣ совѣты и Комитетъ Народной Власти, какъ одинъ человѣкъ постановили не освобождать арестованныхъ. При своемъ рѣшеніи всѣ совѣты и Комитетъ руководствовались одними и тѣми же соображеніями, что теперь въ Самарѣ идетъ волна самосудовъ, вызываемая именно безнаказанностью преступниковъ, и если освободить еще жандармовъ и провокаторовъ, пользующихся наибольшею ненавистью демократіи, то эти самосуды могутъ вылиться въ погромы. Вмѣстѣ съ тѣмъ провокаторы и жандармы, какъ преданнѣйшіе агенты старой власти, элементъ—ненадежный и для новаго строя опасный, при первомъ же удобномъ случаѣ могущій встать во главѣ контръ-революціоннаго движенія. Освобожденіе таковыхъ лицъ, когда еще новая власть не окончательно укрѣпилась, не допустимо.

Объ этомъ постановленіи было сообщено прокурору и начальнику тюрьмы. Послѣднему вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось не освобождать заключенныхъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано предписаніе объ этомъ президіума Комитета, откуда бы распоряженіе объ ихъ освобожденіи не исходило. Въ случаѣ освобожденія арестованныхъ безъ таковаго предписанія, хотя бы по распоряженію судебныхъ властей—начальникъ понесетъ строгую кару.

Положеніе начальника было, признаться, не изъ прекрасныхъ. Съ одной стороны грозилъ расправой въ случаѣ неисполненія приказанія, прокуроръ суда, съ другой стороны—Комитетъ Народной Власти, органъ еще болѣе мощный.

Дѣло это, подогрѣваемое, очевидно, родственниками заключенныхъ, все осложнялось. Изъ Петрограда посыпались телеграммы съ требованіемъ дать объясненія нашему поведенію. Прокурору предписывалось принять всѣ мѣры, чтобы придать этому дѣлу законный характеръ и въ случаѣ невозможности предъявленія къ нимъ обвиненія—освободить изъ подъ стражи. Наконецъ, во время своего посѣщенія Самары—прокуроръ Саратовской Судебной Палаты, человѣкъ еще новый, избранный революціонной властью, ознакомив-

шись на мѣстѣ съ этимъ дѣломъ, потребовалъ отъ насъ въ 24 часа предъявленія обвиненія, по истеченіи этого срока, если мы не мотивируемъ обвиненія, заключенные имъ будутъ освобождены, о чемъ уже было сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе начальнику тюрьмы.

Начальникъ тюрьмы снова затревожился и спрашивалъ, какъ ему быть. На экстренномъ засѣданіи Комитета было рѣшено предписаніе прокурора игнорировать и заключенныхъ содержать дальше, прокурора же просить, чтобы не списавшись съ Комитетомъ, не дѣлалъ подобныхъ предписаній, ставящихъ тюремную администрацію въ нелѣпое положеніе и дискредитирующихъ его же власть.

Въ десятый или пятнадцатый разъ центральная власть, столкнувшись съ мѣстной, почувствовала себя побѣжденной. Съ этого времени, приблизительно съ конца Августа или начала Сентября, это дѣло, какъ я сказалъ выше, принимаетъ новый оборотъ.

Центральная власть, встрѣтивъ непреодолимое сопротивленіе органовъ мѣстной власти и убѣдившись сама въ невозможности оставленія ихъ преступленій безнаказанными—пошла на уступки въ этомъ вопросѣ общественнымъ организаціямъ. Въ соотвѣтствіи съ общимъ настроеніемъ для ликвидаціи этихъ дѣлъ о жандармахъ и провокаторахъ были созданы при окружныхъ судахъ особыя комиссіи, которымъ и предстояло разобраться во всѣхъ этихъ залежавшихся дѣлахъ о жандармахъ и судить или миловать ихъ. Составъ этой комиссіи былъ таковъ: одинъ членъ Окружного суда, одинъ представитель отъ Земства и одинъ представитель отъ Городской Управы—всего три человѣка.

Получивъ отъ Комитета слѣдственный матеріалъ, комиссія приступила къ работѣ. Но тутъ — опять недоразумѣніе. Президіумъ Комитета Народной Власти не зналъ какъ ему быть—считать ли ея постановленія для себя обязательными, и, слѣдовательно, освобождать всѣхъ, кого она признаетъ нужнымъ, или же, руководствуясь ея заключеніями, считать ихъ для себя какъ руководство, какъ совѣтъ, освобождая только тѣхъ, кого найдетъ нужнымъ самъ президіумъ. Вышло замѣшательство. Комиссія, разобравъ первую серію дѣлъ, постановила нѣкоторыхъ изъ нихъ освободить, а президіумъ Комитета задержалъ ихъ. Начавшіеся переговоры съ комиссіей, которая была очень возмущена такимъ поведеніемъ президіума и считала свою роль при такой постановкѣ совершенно излишней—закончились тѣмъ, что Ком. Нар. Власти передалъ эти дѣла въ полное ея распоряженіе, считая ея постановленія не подлежащими анулированію.

Это постановленіе, явившееся безусловно уступкой центральной власти, совпало какъ разъ съ ростомъ вліянія Совѣтовъ.

Совѣтъ Рабочихъ и Военныхъ Депутат., узнавъ о рѣшеніи Комитета, постановили его опротестовать, и въ случаѣ противодѣйствія Комитета, принять всѣ мѣры къ недопущенію освобожденія заключенныхъ.

Дальнѣйшія событія, приковавшія къ себѣ вниманіе всѣхъ классовъ, разыгравшіяся въ октябрѣ мѣсяцѣ, отодвинули дѣло о жандармахъ на задній планъ и на время заставили совершенно позабыть о нихъ. На поверхность оно выплываетъ уже послѣ октябрьскаго переворота при Совѣтской Власти.

Тюремное дѣло.

Въ связи съ дѣломъ о жандармахъ и провокаторахъ я вкратцѣ коснусь и тюремнаго вопроса, который также входилъ въ функціи Комитета.

Революціонная волна, опрокинувшая всѣ старые административные органы, выбросившая всѣхъ старыхъ агентовъ полиціи и жандарміи, совершенно не коснулась у насъ въ Самарѣ тюремной администраціи, которая вся осталась на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Комитетъ Нар. Власти, взявъ тюремное дѣло въ свое вѣдѣніе, главнымъ образомъ его административную часть, ограничился только тѣмъ, что поставилъ тамъ своего комиссара и удалилъ старую тюремную инспекцію. Высшіе чины тюремной администраціи и низшій штатъ служащихъ остался старый.

Въ исполненіе заданій Ком. Нар. Власти и требованій, выдвинутыхъ новою психологіею массъ, комиссаръ выработалъ новую инструкцію для тюремной стражи, значительно смягчающую тюремный режимъ и установилъ новый распорядокъ въ тюремной жизни. Были предприняты нѣкоторые шаги, чтобы наладить разрушенныя переворотомъ работы, но въ этой области ничего не удалось сдѣлать. Признаться, на эту сторону тюремнаго дѣла Ком. Нар. Власти мало и обращалъ вниманія. Главная его забота, опредѣляемая настроеніемъ массъ, была—поддержаніе въ тюрьмѣ порядка и дисциплины. Въ этомъ отношеніи Комитетомъ было сдѣлано многое: урегулирована прогулка, улучшена военная стража и т. д.

Для поддержанія порядка Комитетъ не останавливался иногда и предъ суровыми мѣрами.

Въ концѣ лѣта, съ ростомъ погромовъ, когда тюрьмы были переполнены солдатскимъ элементомъ начались голодовка и бунтъ. По моемъ пріѣздѣ въ тюрьму вмѣстѣ съ тов. предсѣдателя Совѣта Воен. Деп., мнѣ сообщили, что арестанты вышли изъ камеръ, открывши ихъ извѣстнымъ имъ способомъ, и не хотятъ входить въ нихъ, требуя удовлетворенія своихъ требованій. Выслушавъ ихъ объясненія, очень сбивчивыя и сумасбродныя, мы предложили имъ немедленно же разойтись по мѣстамъ. Арестанты отказались. Прождавъ еще минутъ пять, данныя имъ на размышленіе, мы приказали ввести войска и дѣйствовать силою оружія. Увидавъ предъ собою щетину штыковъ, направленные прямо въ нихъ, арестанты разошлись. Голодовка черезъ день закончилась полной уступкой со стороны арестантовъ.

Съ неменьшею безпощадностью относился Комитетъ и къ тюремной стражѣ, требуя отъ нихъ исправности и исполнительности. Когда президіумъ Комитета узналъ, что тюремная стража начинаетъ манкировать своими обязанностями и нарушать установленную дисциплину, то для возстановленія прежней строгости и исполнительности, 28 человѣкъ изъ самыхъ безпокойныхъ были удалены. Послѣ чего тюремная стража присмирѣла.

Вслѣдствіе этой неусыпной бдительности Комитета и энергичнаго отзывчиваго содружества тюремной администраціи, порядокъ въ тюрьмѣ былъ поставленъ на такую высоту для такого хаотическаго времени, что пріѣзжавшій изъ Петрограда ревизоръ назвалъ его образцовымъ, Самарскую тюрьму— лучшей по чистотѣ и аккуратности изъ всѣхъ тюремъ.

Для управленія и руководства дѣлами тюремъ, Комит. Народ. Власти былъ созданъ особый тюремный комитетъ, но онъ оказался не жизненнымъ и вскорѣ же умеръ.

Въ этомъ и выразилась вся дѣятельность Комитета по тюремному дѣлу.

Пріютское дѣло.

Трехлѣтняя война, пожравшая милліоны человѣческихъ жертвъ и выбросившая на рынокъ сотни тысячъ калѣкъ и больныхъ—увеличила число сиротъ и вообще дѣтей, нуждающихся въ призрѣніи и общественной помощи, до небывалыхъ размѣровъ. Какъ мѣстные пріюты, такъ и уѣздные каждый день осаждались сотнями просителей... Существующіе пріюты, содержимые по большей части на всевозможныя пожертвованія, не могли вмѣстить и десятой доли нуждающихся. Чтобы удовлетворить просьбы всей губерніи всѣхъ вдовъ и сиротъ, потребовалось бы выстроить раза въ три, въ четыре больше новыхъ пріютовъ. Но строить ихъ было некому и не на что.

Новая власть, на обязанности которой лежала организація этого дѣла, была такъ перегружена дѣлами болѣе острыми и важными, не терпящими отлагательства, что заняться серьезно, основательно дѣломъ призрѣнія, ей было некогда. Губернскіе представители Правительственной Власти, лишенные всякой свободы дѣйствій и не опредѣливъ еще точно своихъ обязанностей, ограничились въ этомъ дѣлѣ только тѣмъ, что созывали совѣщанія, толковали объ улучшеніяхъ, о новой постановкѣ воспитательнаго дѣла и только, дальше этого въ дѣлѣ расширенія призрѣнія не шли.

Органы мѣстнаго самоуправленія также мало удѣляли вниманія и средствъ этому вопросу.

И вотъ—дѣло призрѣнія какъ будто было забыто. И вся эта масса обездоленныхъ, вдовъ и сиротъ, тотчасъ же по организаціи „Народной Власти", устремилась въ Комитетъ. Къ намъ приходили со всѣхъ концовъ губерніи. Вначалѣ мы отдѣлывались только тѣмъ, что отсылали ихъ по пріютамъ, но потомъ съ увеличеніемъ потока этого нельзя было дѣлать—

пріюты отказывались принимать, тогда намъ пришлось прибѣгать къ очень грубымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, къ которымъ, я увѣренъ, врядъ ли прибѣгала старая самодержавная власть. Получивъ отказъ на свое предложеніе принять такого то ребенка, съ которымъ уже приходили къ намъ чуть-ли не десятый разъ, мы уже приказывали принять его безъ возраженій, грозя въ противномъ случаѣ вселить его мѣрами милиціи.

Но и эта мѣра оказалась недѣйствительной, ибо два предмета, какъ сказано въ учебникѣ физики, нельзя положить на одно и то же мѣсто. Вскорѣ мы убѣдились въ этомъ на опытѣ. Между тѣмъ, число просителей къ концу лѣта все увеличивалось и увеличивалось.

— Не можемъ принять—говорили мы просительницамъ и просителямъ —нѣтъ мѣстъ...

— Какъ не можете! Какая же вы Народная Власть—отвѣчали намъ. —Вы должны принять... мужа моего убили, такъ и кормите...

— Что жъ подѣлаешь, подождите... Скоро настроимъ новыхъ пріютовъ... Сходите въ какой нибудь пріютъ.

Ворча и проклиная новую власть, которая также, какъ и старая „только умѣетъ грабить и наживаться, а о бѣднякахъ не заботится", просительница съ рыданіями уходила въ другое мѣсто. Были и худшія сцены.

— Что ты?—спрашиваю я вошедшую женщину и молча стоявшую посреди кабинета.

Она молча показываетъ на двоихъ ребятъ.

— Въ пріютъ идите—робко говорю, самъ не вѣря въ то что говорю —можетъ примутъ...

— Трепалась я! кричитъ женщина, сверкая глазами. Будетъ! Побѣгайте сами. А не возьмете—задушу вотъ на вашихъ глазахъ, и чертъ съ ними...

Женщина, не выдержавъ, истерично рыдаетъ.

Были и такіе случаи, когда подобныя просительницы, не получивъ опредѣленнаго отвѣта, оставляли дѣтишекъ въ Комитетѣ и сами скрывались.

Такъ дальше не могло продолжаться.

Перенося всю горечь и тяжесть этой просительской волны на своихъ плечахъ и убѣдившись въ плохой постановкѣ дѣла призрѣнія въ Самарской губерніи, Комитетъ Народной Власти, какъ органъ народный, первый задумался надъ этимъ вопросомъ. Желая хоть сколько нибудь упорядочить это дѣло и придать ему нѣкоторую организацію, Комитетомъ были созваны представители всѣхъ учрежденій и организацій, вѣдающихъ организаціей пріютовъ, съ цѣлью объединенія дѣла призрѣнія въ однѣхъ рукахъ. На этомъ совѣщаніи эта мысль была встрѣчена сочувственно и для фактическаго ея проведенія въ жизнь—былъ созданъ особый органъ „Объединенный Пріютскій Комитетъ", который и являлся, по мысли учредителей, верховнымъ руководителемъ въ губерніи дѣла сиротскаго призрѣнія.

Этимъ Комитетомъ, куда вошли мѣстные дѣятели и дѣятельницы по благотворительности и представители демократическихъ организацій, былъ предпринятъ рядъ обслѣдованій всѣхъ пріютовъ, давшій очень убійственные результаты; выработанъ рядъ проэктовъ, докладовъ о новой постановкѣ воспитанія, образованія и т. д. Къ сожалѣнію, довести до конца этой идеи—сосредоточенія пріютскаго дѣла въ одномъ органѣ, намъ не удалось, не потому что, у насъ не хватило энергіи или организаторскихъ силъ, а потому что на пути къ этому дѣлу всталъ рядъ непреодолимыхъ препятствій. И самое главное изъ нихъ—непризнаніе Комитета Времен. Правительствомъ и вслѣдствіе этого лишеніе всякихъ ассигновокъ, безъ чего Пріютскій Комитетъ являлся мертвой организаціей.

Отсутствіе средствъ—это было величайшее зло, душившее въ зародышѣ всякія попытки Комитета къ организаціи.

На изысканіе средствъ для увеличенія и расширенія пріютовъ Комит. Нар. Власти было много приложено усердія и изобрѣтательности. Здѣсь въ городѣ президіумомъ Ком., при участіи З. В. Мусиной и др. былъ устроенъ рядъ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, лотерей и гуляній въ Струковскомъ Саду, дававшихъ всегда хорошіе сборы. Однажды былъ организованъ „День пріютовъ“, въ который всѣ театры, кинематографы и цирки—отчислили положенный процентъ въ пользу дѣтей воиновъ. Всего было устроено до 15 вечеровъ, и гуляній, давшихъ въ общемъ до 20 тысячъ чистой прибыли.

Не удовлетворившись этимъ и желая обезпечить пріюты болѣе постояннымъ и надежнымъ доходомъ, Ком. Нар. Вл. ввелъ во всѣхъ кинематографахъ и театрахъ обязательный налогъ въ пользу пріютовъ, начинавшій давать изрядныя суммы. По губерніи по всѣмъ волостямъ были разосланы подписные листы, съ предписаніемъ произвести подписку и устроить сборъ продуктами. Какіе результаты дала бы эта мѣра, встрѣченная между прочимъ очень сочувственно населеніемъ, трудно сказать, ибо въ самомъ началѣ ея проведенія въ жизнь она была прервана октябрьскимъ переворотомъ. Начавшіе поступать подписные листы, съ довольно значительными суммами, говорили о томъ, что населеніе откликнулось на призывъ Комитета. И эта мѣра оказалась очень реальной.

Изъ этого краткаго очерка, не затронувшаго еще всѣхъ сторонъ дѣятельности Комитета, читатель видитъ, что функціи Комитета были необычайно велики и многогранны. Не было такой области, съ которой бы онъ въ той или другой степени не соприкасался. И не потому это произошло, что Комитетъ стремился захватить все въ свои руки, а потому, что условія, созданныя революціей, выдвинули его на это мѣсто и заставляли быть универсальнымъ. Выдвинутый изъ самыхъ низовъ демократіи, построенный на новыхъ революціонныхъ началахъ, онъ былъ единственнымъ органомъ, не зараженнымъ старыми бюрократическими порядками, гдѣ всегда можно было найти,

если не удовлетвореніе своимъ просьбамъ, то искренній братскій совѣтъ. Поэтому всѣ сердца и устремились къ нему.

Съ чѣмъ только въ Комитетъ не приходили!? Шли съ квартирнымъ вопросомъ, найти комнату или помѣщеніе подъ торговое заведеніе. Поругались съ хозяиномъ, который не хочетъ починить клозета—жаловались въ Комитетъ; квартирантъ безпокойный, поздно ночью приходитъ—въ Комитетъ... Раздрался мужъ съ женой—въ Комитетъ... Ищутъ тотъ и другой защиты.

— Защитите меня отъ него—жалуется жена—это аспидъ какой-то.

— Я не буду съ ней жить—заявляетъ мужъ—теперь новыя права... Выдайте мнѣ разводъ...

И когда президіумъ заявляетъ, что это не его дѣло, онъ въ семейныя отношенія не вмѣшивается—раздается цѣлый градъ брани и упрековъ.

— Это не народная власть... Это хуже старой полиціи...—кричитъ раздраженная жена—и тутъ свою руку держатъ...

— Какая же вы послѣ этого Народная Власть... Вы все можете... Нѣтъ справедливости...—потрясая руками возмущается мужъ...

Работу-ли найти, хлѣба-ли вывезти изъ Самары, товаръ-ли получить, добиться отпуска на полевыя работы—все это требовалось отъ Комитета. Въ результатѣ, Комитетъ по мысли всѣхъ этихъ просителей получался чѣмъ то всемогущимъ, всеобъемлющимъ властелиномъ—для котораго нѣтъ ничего не возможнаго... Это и судъ, и законодатель, и администраторъ.

Въ особенности ярко эта мысль выявилась въ слѣдующей исторіи.

Однажды утромъ, въ срединѣ или въ концѣ Іюля, когда была объявлена мобилизація второ-разрядниковъ, выйдя изъ квартиры я увидѣлъ громадную толпу солдатъ, окружавшую зданіе Комитета. Шумъ стоялъ невообразимый; лица были возбужденныя, злыя, у меня сердце стукнуло. „Ну“—думаю, „бунтъ“.

Войдя въ Комитетъ и узнавъ въ чемъ дѣло, я и Брушвитъ вышли къ нимъ на улицу.

— Въ чемъ дѣло—спрашиваю я—Вы спрашивали предсѣдателя—вотъ онъ передъ вами...

Раздался такой крикъ, шумъ, что ничего нельзя было разобрать, видны были только возбужденныя лица, со сверкающими глазами и размахивающія руки. Наконецъ, послѣ всеобщаго шума, накричавшись, нѣкоторые замолчали и можно было разобрать отдѣльные голоса.

— Собрали вотъ насъ... Воевать, говорятъ, а какіе мы вояки,—кричали нѣкоторые—оторвали отъ полей... Въ самую то есть пору... Теперь уборка идетъ, а тутъ иди... Развѣ такъ можно дѣлать... Это гибель Россіи. Нуженъ,—кричатъ,—хлѣбъ, армія голодаетъ, а сами отрываютъ... Пусть отсрочатъ. Пусть дадутъ докончить работу, тогда мы слова не скажемъ, пойдемъ. Освободите... г-нъ предсѣдатель!..

Наконецъ мы поняли чего отъ насъ требуется.

— Мы этого не можемъ сдѣлать—заявляетъ Брушвитъ—Что жъ дѣлать... Это дѣло военныхъ властей... а мы гражданская власть. Сами будемъ отвѣчать, а васъ за дезертировъ сочтутъ.

Это заявленіе вызвало такую бурю негодованія и возбужденіе, какого я еще въ жизни никогда не видѣлъ.

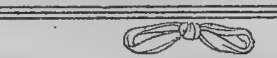
— А-а! не можете!—кричали изступленно солдаты—Врете... Вы все можете. На то вы и народная власть.. Теперь наши права... что хотимъ то и дѣлаемъ... Вы наша власть... Вы все должны мочь...

— Вотъ схватить его за брюхо-то—кричали болѣе рѣшительные, приближаясь къ намъ—тогда онъ сможетъ... Видишь, не может. Кто этому повѣритъ. Небось—все въ ихнихъ рукахъ. Ишь, не можетъ—ехидно перешептывались въ сторонѣ—какъ же, повѣримъ...

Этимъ заявленіемъ намъ, однако, не удалось отдѣлаться отъ нихъ, несмотря на наше искреннее желаніе... Пришлось цѣлую недѣлю потратить на то, чтобы убѣдить ихъ въ томъ, что власть поступаетъ разумно, значитъ, такъ нужно, неизбѣжно, и Ком. Нар. Вл. не можетъ отмѣнить этого распоряженія.

И такъ всюду, во всѣхъ вопросахъ.

П. Д. Климушкинъ.

РУССКОМУ НАРОДУ.

Въ твоихъ рукахъ судьба всѣхъ вешнихъ воль,
Творить и цвѣсть—возможность безъ границы,—
Зачѣмъ же вновь, какъ пьяная блудница,
Ты самъ себѣ изыскиваешь боль?

* * *

Когда приливъ качнулъ крылатый бригъ
И парусъ—конь вздыбилъ къ лазурной тверди,—
Возможно-ль пить изъ горькой чаши смерти
И долгъ творца забыть хотя-бъ на мигъ!

* * *

А ты забылъ... И вотъ онъ,—перстъ судьбы:—
Тамъ, гдѣ еще вчера бросалъ ты вызовъ міру,
Сегодня дерзкій врагъ алмазную порфиру
Сдираетъ съ плечъ твоихъ, безъ шума и борьбы...

* * *

А дальше—скорбный путь подъ тяжестью креста
Того, что сотни лѣтъ ты несъ изъ рода въ роды,
Пока передъ тобой опять во Храмъ Свободы
Судьба не распахнетъ тяжелыя врата.

Я. Тисленко.

МАРТЪ 1918 Г.

Брушвитъ.

Воспоминанія и размышленія.

Заря второго года русской свободы проникла ко мнѣ сквозь тюремную рѣшотку. Мрачный туманъ окуталъ землю и силился бороться съ разсвѣтомъ. Но свѣтъ медленно и увѣренно дѣлалъ свое дѣло борьбы съ мракомъ, все ясиѣе и яснѣе вырисовывалась застывшая въ холодныхъ цѣпяхъ Волга, вынырнули изъ сѣраго моря массивы Жигулей и оттуда брызнулъ первый лучъ веселаго, яркаго солнца. На минуту душа заныла при мысли о томъ, что тамъ, за тюремной оградой, люди будутъ, ликуя, славословить лучезарное солнце свободы, въ то время какъ здѣсь жестокія рѣшотки мѣшаютъ даже обновленнымъ близостью весны лучамъ солнца проникнуть въ каменный мѣшокъ...

Но только на минуту. Я вспомнилъ, что свободы нѣтъ, что не хватаетъ уже именъ, чтобы крестить умирающія и вновь появляющіяся, какъ бабочки однодневки—газеты, что есть проэктъ использовать кадры безработныхъ для постройки новыхъ тюремъ, что забитый обыватель крадется понурый, испуганно оглядываясь, нѣтъ ли по близости кого нибудь съ „мандатомъ" объ обыскѣ, арестѣ или прочихъ иныхъ "мѣрахъ пресѣченія".

Я вспомнилъ, что душа народа, какъ прекрасная плѣнница Волга, окована ледяными цѣпями разочарованія и разбитыхъ надеждъ, что кругомъ ядовитая сѣрая мгла сомнѣній и отчаянья скрываетъ отъ глазъ народа зарю будущаго.

Все это я вспомнилъ и сѣрый мой казематъ сталъ какъ бы привѣтливѣе, и радостнѣй я смотрѣлъ на освѣщенный солнцемъ Востокъ.

Уединеніе способствуетъ возстановленію воспоминаній и возобновленію переживаній прошлаго, и я, какъ, вѣроятно, многіе въ этотъ день, пробѣгалъ

мысленно всѣ этапы пройденнаго годового пути, переживалъ вновь всѣ свѣтлые и горестные моменты исключительнаго по своей исторической важности года.

Сейчасъ, послѣ вихря разнообразныхъ переживаній и ощущеній, трудно выдѣлить въ памяти наиболѣе рельефное, наиболѣе сильное. Все кажется необычайнымъ. Какъ бы въ сказочномъ кинематографѣ мелькаютъ самыя неожиданныя, самыя захватывающія картины.

Переживая вновь всѣ настроенія радостной весны, расцвѣта работы и борьбы съ приступами тяжкой болѣзни мнѣ захотѣлось бы остановиться на нѣкоторыхъ, наиболѣе сильныхъ и рельефныхъ моментахъ.

Изъ области переживаній чувствъ я остановлюсь на двухъ: на встрѣчѣ солдатами бабушки русской революціи и на отправкѣ первыхъ революціонныхъ маршевыхъ ротъ изъ Самары на фронтъ. (Какъ разъ на долю моего полка выпала честь и тяжолая обязанность такой отправки).

Свѣдѣнія въ полку о проѣздѣ бабушки черезъ Самару были получены какъ разъ во время засѣданія полкового комитета. Въ комитетѣ въ это время шла лихорадочная работа по переустройству внутренней жизни полка и по укрѣпленію взаимной связи между солдатами и офицерствомъ. Всѣ прекрасно сознавали, что если разлагающимъ силамъ не удастся вбить клинъ въ слабое мѣсто арміи, мѣсто спайки командного состава и солдатъ, то армія окажется стойкою, окажется стойкою и обновленная свободная Россія. Какъ только получились свѣдѣнія о проѣздѣ бабушки Брешко-Брешковской, немедленно былъ посланъ оркестръ и делегація отъ солдатъ и офицеровъ для встрѣчи ея. Свѣдѣнія оказались не точными,—проѣзжала не бабушка, а первая партія возвращающихся политическихъ амнистированныхъ. Въ переполненномъ, биткомъ набитомъ народомъ вокзалѣ, встрѣтились впервые сѣрые солдаты съ тѣми, которыхъ когда то разстрѣливали, какъ своихъ прямыхъ „внутреннихъ“ враговъ; и тотъ, кто былъ тамъ, помнитъ, какова была эта встрѣча нашедшихъ другъ друга, послѣ безконечной разлуки, братьевъ. Это была настоящая русская радость—радость со слезами.

Какъ потомъ выяснилось, пріѣздъ бабушки задержался длительными остановками въ пути, и такая же остановка предвидѣлась въ Самарѣ. Къ встрѣчѣ ея стали усиленно готовиться. Я былъ всецѣло поглощенъ работою въ полку и не знаю тѣхъ приготовленій, которыя дѣлались въ городѣ; по той же причинѣ я не могъ присутствовать тамъ, такъ какъ мнѣ было поручено привѣтствовать бабушку отъ имени 130 полка. Въ полку къ тому времени было около 12000 человѣкъ.

Появившіяся во всѣхъ газетахъ отрывочныя свѣдѣнія изъ біографіи бабушки вызвали въ солдатской массѣ живѣйшій интересъ къ ней. Всѣ мало-мальски освѣдомленныя и интеллигентныя силы всѣми мѣрами старались ознакомить сѣрую крестьянско-солдатскую массу съ героиней ихъ мечтаній и по-

борницей ихъ интересовъ. Наконецъ, въ штабѣ полка сообщили о днѣ и часѣ пріѣзда дорогой гостьи.

Безконечными рядами выстроились шпалеры сѣрыхъ шинелей по пути слѣдованія отъ саперныхъ казармъ до трубочнаго завода. Около офицерскаго собранія 130 полка назначена была остановка и приготовленъ былъ завтракъ налегкѣ. Весь командный составъ полка на лицо. Торжественно напряженное ожиданіе. Наконецъ слышатся звуки оркестра и раскатистое мощное ура. Всѣ взоры сразу впиваются въ дорогу и оттуда выѣзжаетъ—нѣтъ, не бабушка, а сама русская революція, на русской тройкѣ, окруженная тысячами горящихъ глазъ и пылающихъ сердецъ. Какъ странно... я улыбался, когда читалъ, что семидесятилѣтнюю старуху въ сибирской тайгѣ охраняли шесть надежнѣйшихъ жандармовъ. Но когда я увидѣлъ, какой огонь загорѣлся въ тысячахъ глазъ при приближеніи этого символа русской революціи, какъ, въ свою очередь, этотъ огонь отсвѣчивалъ въ ясныхъ еще, не померкшихъ отъ старости и гоненій ясныхъ глазахъ народной героини, я понялъ, что самодержавное правительство поступало мудро, посадивъ этотъ неугасимый свѣтильникъ революціи въ далекую тайгу, подъ надежную охрану жандармовъ.

Сани остановились, и я долженъ былъ сказать привѣтствіе отъ имени полка. Но подавляющая торжественность и величіе обстановки душили слова и въ результатѣ получилось, что революціонные внуки и революціонная бабушка на радостяхъ встрѣчи—плакали.

Во время завтрака молодежь, главнымъ образомъ, офицеры съ жадностью ловили каждый звукъ еще бодраго и звучнаго голоса стойкаго борца за землю и волю.

Врѣзался мнѣ въ памяти одинъ характерный эпизодъ.

Во время общаго разговора, кто то изъ сопровождающихъ бабушку, бросилъ фразу, что революція вспыхнула неожиданно, что мы оказались къ ней не подготовленными. Внезапно голосъ ея измѣнился, сталъ суровымъ, глаза засверкали, и намъ пришлось выслушать внушительную нотацію за наше маловѣріе. Она какъ разъ подчеркивала, что на своемъ пути ей не разъ приходилось слышать подобныя слова и, чтобы показать, что молодая революція оказалась на высотѣ, она разсказала, какъ она немедленно приказала собираться и тронуться въ путь, какъ только пришли первыя вѣсти о творящихся въ Петроградѣ событіяхъ.

— „Я знала, что это должно произойти, знала, что этотъ моментъ наступитъ и я со всею серьезностью къ нему готовилась и меня онъ врасплохъ не засталъ“.

Поражала всѣхъ бабушка своею бодростью и энергіей, несмотря на утомительное путешествіе.

По выходѣ изъ собранія, солдаты, собравшись необозримой толпой около саней, просили сказать что нибудь имъ на память. И тутъ, о жестокая гримаса судьбы... она съ такой силой говорила объ Учредительномъ Собра-

віи, говорила о томъ, что Учредительное Собраніе устраиваетъ судьбы родины не на десятки, а, можетъ быть, на сотни лѣтъ; что къ нему нужно готовиться со всею серьезностью и торжественностью; она закончила, полушутливо, полусерьезно угрозой, что „бабушка—ворчунья и что будетъ очень журить внуковъ, если они не сумѣютъ дать и поддержать Учредительное Собраніе".

Когда старушку бережно усадили въ сани, когда лихая тройка нетерпѣливо прокладывала путь черезъ сѣрое людское море,—думалось, что уѣзжающій на этой тройкѣ отрывокъ русской революціи незримыми, нерушимыми связями спаянъ съ окружающей массой, незримой цѣпью страданій, самопожертвованія и чаяній.

Сани медленно двигались по направленію къ Трубочному; игралъ оркестръ; кричали ура, и, казалось, отъ всѣхъ уѣзжаетъ всѣмъ родная, всѣмъ близкая бабушка, отъ которой, невѣдомыми путями, къ каждому перешла искра святого огня, который никогда не гаснетъ.

Счастливыя воспоминанія и ужасная дѣйствительность... Снова тюрьма... снова гнетъ и бабушка, до нравственнаго облика которой не дерзали дотрогиваться шпіоны и провокаторы царскаго самодержавія, въ глазахъ народа, которому она отдала все, превращается въ измѣнницу революціи, народу и правдѣ—по увѣреніямъ товарищей, весной прошлаго года одинаково взволнованныхъ бабушкой...

Воскрешая въ памяти свѣтлые моменты весны русской революціи, не могу не вспомнить объ отправкѣ на фронтъ перваго революціоннаго эшелона. Хотѣлось бы со всей безпристрастностью и правдивостью описать это событіе, чтобы читающіе могли составить себѣ истинное представленіе о томъ, какъ разлагалась армія и кто причина тому, что мы изъ „Великой Россіи" стали „Великороссіей". Всѣмъ памятны послѣдніе шаги царскаго правительства, направленные къ поголовной мобилизаціи и увеличенію состава арміи. Безпристрастный историкъ, конечно, дастъ правдивую оцѣнку тѣхъ безумныхъ мѣропріятій, которыя толкали Россію къ экономическому краху, а армію превратили въ колоссальныя, безцѣльныя скопища людей. Но можетъ быть, не всѣ знаютъ, что такое были запасные полки того времени... Въ 130 полку по спискамъ числилось свыше 12000 человѣкъ. Пополнять онъ долженъ былъ первую сибирскую стрѣлковую дивизію, которая численностью, вѣроятно, была меньше этого полка; но когда на долю полка выпадала тяжелая обязанность отправлять на фронтъ очередныя маршевыя роты, то изъ этихъ 12 тысячъ людей съ трудомъ можно было набрать 5-6 ротъ нормальнаго состава (по 250 чел.). Въ спискахъ значились калѣки, больные, которые не только не были негодны къ несенію военной службы, но врядъ ли были пригодны къ обыденной жизненной дѣятельности. Понятно, что при такихъ условіяхъ, значительная доля вины будетъ возложена на тѣхъ, которые изъ запасныхъ резервуаровъ боевыхъ силъ сдѣлали какую то богадѣльню.

Но я смѣло утверждаю, что эта причина не была достаточна, чтобы испортить въ солдатѣ солдата и многіе изъ русскихъ обывателей грѣшатъ по отношенію къ русской арміи, приравнивая ее цѣликомъ къ тѣмъ оборваннымъ типамъ, которые превратились въ сомнительныхъ маркитантовъ, наводнявшихъ улицы шелухою подсолнуха, а толкучку—казенными вещами. Всего было. Но армія въ своемъ большинствѣ крѣпилась и долгъ свой исполняла и понадобилась большая разлагающая сила, чтобы армія дошла до того состоянія, которое привело Россію къ Брестскому позорному столбу.

Какъ доказательство того хочу привести именно отправку первыхъ послѣ переворота маршевыхъ ротъ изъ Самары. Къ этому времени уже злонамѣренная клевета дѣлала свое растлѣвающее дѣло. Говорили про безчисленное множество дезертировъ съ фронта; говорили, что сибирскіе эшелоны будто бы, по дорогѣ занялись безчинствами и грабежами. Наступалъ періодъ полевыхъ работъ,—страшная проблема, кому ѣхать на поле смерти и страданій, а кому на родныя нивы и луга. Въ полку были роты уже вполнѣ приготовленныя къ отправкѣ, были и роты уже обученныя, но еще не подвергшіяся медицинскому и военному осмотру.

Не помню точно число, но, кажется, въ концѣ марта, согласно полученнаго распоряженія, роты должны были быть отправлены. Я былъ тогда товарищемъ предсѣдателя полкового комитета и на мнѣ, какъ на солдатѣ, лежала вся тяжесть обязанности улаживанія недоразумѣній съ солдатской массой. Въ такихъ недоразумѣніяхъ недостатка, конечно, не было. Пришлось сплошь переосвидѣтельствовать всѣ роты и оставить всѣхъ неспособныхъ къ несенію военной службы, каковыхъ, кстати сказать, въ уже подвергнувшихся медицинскому осмотру ротахъ оказалось до 30%. И это безъ преувеличенія, безъ послабленія со стороны врачей. Осмотръ производился въ присутствіи членовъ полкового комитета и освобождали только дѣйствительно неспособныхъ къ походу. Несмотря на сильное, благодаря вторичнаго осмотра, порѣдѣніе въ первомъ эшелонѣ изъ пяти ротъ было около 1200 человѣкъ. Особенно много трудностей было въ улаживаніи треній между кадровыми и солдатами, между которыми накопилось много серьезныхъ недоразумѣній за время самодержавнаго режима.

Наконецъ наступилъ тревожный моментъ посадки. До переворота маршевыя роты отправлялись подъ сильнымъ конвоемъ, чуть ли не на положеніи арестантовъ. Но нельзя же конвоировать свободныхъ гражданъ, идущихъ защищать свою свободную родину.

Солдаты почти всѣ уже эвакуированные, идущіе на фронтъ во второй, даже третій разъ, и это въ то время, когда сосѣдъ уѣзжаетъ на пашню.

Послѣ безчисленнаго количества мелкихъ недоразумѣній, послѣ множества болѣе или менѣе крупныхъ треній, наступилъ знаменательный день.

Извѣщены объ уходѣ вновь сформировавшіяся демократическія организаціи и городъ готовитъ соотвѣтствующіе проводы. Полкъ, насколько могъ,

предпринялъ все, чтобы торжественно проводить своихъ товарищей. Надъ каждой ротой развѣвалось красное знамя съ надписями, соотвѣтствующими моменту; множество красныхъ флажковъ на рукахъ у солдатъ. Полкъ выстроенъ на площади; туда же прибыли представители демократическихъ организацій, трубочнаго завода и другихъ профессіональныхъ организацій со знаменами и оркестрами. Роты своевременно выстроились; отслужили напутственный молебенъ, произнесли рѣчи.

Настроеніе радостно серьезное. Уходящіе товарищи въ послѣдній разъ обнимаются съ остающимися, раздается команда, и рота за ротой, стройно, съ развѣвающимися знаменами, выступаетъ къ вокзалу.

По пути присоединяются делегаціи и оркестры отъ 143 полка и запасной артиллерійской бригады и народу, народу безъ конца.

Благодаря разливу полой воды, движеніе стройными колоннами невозможно и роты направляются къ вокзалу вольнымъ строемъ, смѣшавшись съ провожающими.

На вокзалѣ первое испытаніе—сколько отставшихъ по пути. Перекличка—всѣ на лицо.

Разсаживаются по вагонамъ; произносятся рѣчи; безпрерывно играютъ оркестры; наконецъ подъ взаимные привѣтственные клики и прощальныя пожеланія поѣздъ трогается въ путь. У всѣхъ и отъѣзжающихъ и остающихся еще общая вѣра въ конечное торжество революціи и Россіи.

Черезъ нѣкоторое время вернулся начальникъ эшелона и доложилъ, что доставилъ его прямо въ окопы. Изъ 1200 человѣкъ оставшихся по дорогѣ было 10 человѣкъ и то сданныхъ комендантамъ станцій, какъ заболѣвшіе.

Вотъ какое было въ то время настроеніе въ солдатскихъ массахъ и вотъ насколько справедливо общее мнѣніе обывателя, что армія превратилась въ безпорядочную банду. Нѣтъ, понадобилось дружное усиліе множества лицъ, не знавшихъ ни духа, ни внутренняго содержанія арміи, чтобы привести ее къ интернаціональному позору.

Тутъ нужно сознаться, что въ народѣ, съ праздничнымъ настроеніемъ весны свободы, начинали уже проявляться симптомы наростающей опасности. Массы не поняли существа происшедшаго; не поняли, что единственнымъ хозяиномъ, къ которому можно предъявлять требованія, были онѣ сами,—стремленія къ переустройству личной жизни, какъ девятый валъ затопили все, что такой легкой цѣной дала революція.

Вслѣдъ за проведеніемъ въ жизнь восьмичасового рабочаго дня, стали наростать требованія объ увеличеніи заработной платы. Солдаты, отчасти по непониманію, отчасти подъ вліяніемъ растлѣвающей агитаціи стали предъявлять рядъ аналогичныхъ требованій насчетъ улучшенія своего положенія, между прочимъ требованіе, о доведеніи солдатскаго жалованья до 15 рублей въ мѣсяцъ.

Деревня, многомилліонный сфинксъ, которая была поставлена передъ „землей и волей“ не какъ передъ боевымъ лозунгомъ, а какъ передъ очередной задачей, еще молчала, но и оттуда стали поступать свѣдѣнія, что сфинксъ этотъ начинаетъ пошевеливаться. Что родится изъ этого движенія —стремленіе къ новымъ формамъ народнаго труда или тоже стремленіе къ удовлетворенію узкихъ эгоистическихъ помысловъ,—вотъ вопросы, тревожившіе всѣхъ, которымъ дороги были результаты революціи.

Для всѣхъ сознающихъ положеніе было ясно, что народъ коснѣющій во мракѣ, разъединенный и политически аморфный, поставленъ передъ разрѣшеніемъ небывалой міровой задачи, которая можетъ оказаться ему не по плечу. И всѣмъ также было ясно, что единственное орудіе, которое можетъ направить народъ на рельсы разумнаго творчества,—это организація массъ; организація, которая должна русскому народу замѣнить недостающее историческое воспитаніе, организація, которая часами должна была создать то что другіе, исторически болѣе счастливые народы, создавали годами. Организація, которая изъ аморфной народной массы должна была создать стройные ряды, трудовой арміи, которые стойко могли бы противостоять надвигающимся разрушающимъ силамъ. За эту организацію и взялись съ лихорадочной поспѣшностью.

Въ Самарѣ, какъ и въ большинствѣ крупныхъ центровъ, немедленно же создались совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Первый совѣтъ рабочихъ депутатовъ былъ въ большинствѣ своемъ чисто явочный, а совѣтъ солдатскихъ депутатовъ былъ избранъ весьма несовершенно и былъ составленъ въ количественномъ отношеніи весьма неудовлетворительно.

Совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ, хотя и былъ сформированъ на первомъ крестьянскомъ съѣздѣ, но былъ настолько малочисленъ, что фактически роль, которую онъ игралъ, была весьма незначительна.

Лично мнѣ пришлось принять живѣйшее участіе въ формированіи совѣта военныхъ депутатовъ и совѣта крестьянскихъ депутатовъ и на этихъ двухъ моментахъ революціонно-организаціоннаго творчества въ Самарѣ мнѣ хотѣлось бы остановиться.

Главный недостатокъ совѣта солдатскихъ депутатовъ былъ, какъ я уже упомянулъ, его недостаточная численность и несоотвѣтственное соотношеніе между численностью представителей крупныхъ и мелкихъ частей, съ значительнымъ преобладаніемъ въ пользу послѣднихъ. Самымъ же крупнымъ недостаткомъ слѣдуетъ считать зарожденіе сразу двухъ совѣтовъ—солдатскихъ и военныхъ депутатовъ, перваго безъ, а второго съ участіемъ офицеровъ. Такая конструкція совѣта сразу выдвинула и какъ-бы подчеркнула разнородность интересовъ офицерства и солдатскихъ массъ,—положеніе, которое должно было быть во что бы то ни стало устранено для сохраненія цѣлости и однородности арміи. Благодаря малочисленности, совѣтъ военныхъ депутатовъ перваго состава, несмотря на героическую работу, не сумѣлъ впустить

корни въ солдатскихъ массахъ, а о дѣятельности его до массъ доходило весьма мало. Поэтому неоднократно дѣлались попытки созвать гарнизонное собраніе, но всѣ такія попытки, какъ плохо организованныя, терпѣли неудачу.

Наконецъ, по возникшему почти одновременно во всемъ гарнизонѣ стремленію, начались предварительныя организаціонныя засѣданія представителей частей, которые выработали схему организацій будущаго совѣта военныхъ депутатовъ. Эта организаціонная комиссія и созвала гарнизонное собраніе уполномоченныхъ отъ воинскихъ частей, которое стало учредительнымъ собраніемъ для самарскаго гарнизона.

Не стану вдаваться въ подробности и функціонированіе конструкцій совѣта военныхъ депутатовъ, я скажу одно, что участники могутъ съ гордостью вспомнить о той стройности, съ которой эти два учредительныхъ засѣданія прошли, несмотря на то, что въ первую же очередь передъ собравшимися выросъ такой колоссальной важности вопросъ, какъ вопросъ восьмичасового рабочаго дня на фабрикахъ. Собраніе съ нимъ справилось и вышло съ честью.

Результатомъ организаціонныхъ засѣданій было утвержденіе состава совѣта военныхъ депутатовъ, съ пропорціональнымъ представительствомъ отъ крупныхъ частей и обезпеченіемъ права голоса мелкимъ гарнизоннымъ единицамъ. Передъ совѣтомъ немедленно же выросли такіе громадные вопросы, какъ распредѣленіе и отправка солдатъ на полевыя работы, охрана рѣчного и желѣзнодорожнаго транспорта, которому пришлось выдержать безумный натискъ хлынувшихъ со всѣхъ сторонъ солдатскихъ массъ и сохраненія въ рядахъ войскъ разумной необходимой дисциплины.

Въ Самарѣ могутъ съ гордостью сказать, что по организованности гарнизона врядъ ли были равные ей города, по крайней мѣрѣ въ Казанскомъ военномъ округѣ.

На ряду съ организаціей гарнизона выдвигался вопросъ объ организаціи власти въ губерніи и въ связи съ этимъ, вопросъ объ организаціи крестьянства.

Нужно сказать, что власть въ Самарѣ была въ довольно своеобразномъ положеніи. Въ сознаніи массъ стихійно возникло понятіе о „народной власти“, какъ о чемъ то естественно верховномъ.

При разрѣшеніи разныхъ вопросовъ въ самыхъ разнообраныхъ комбинаціяхъ терминъ „комитетъ народной власти“ фигурировалъ какъ послѣдняя цитатель права, справедливости и принужденія.

На самомъ дѣлѣ положеніе съ этой властью было довольно своеобразное, наверху былъ губернскій комиссаръ—представитель временнаго правительства, имъ назначенный, властью популярной для массъ, былъ Комитетъ, Народной Власти.

Этотъ послѣдній, какъ и все вначалѣ, явочный, былъ потомъ сформированъ изъ представительства разныхъ группъ—рабочихъ, крестьянъ, горожанъ и солдатъ.

Недостатки первыхъ совѣтовъ отразились и на Комитетѣ Народной Власти. Въ общемъ, и комиссаръ и комитетъ были оторваны отъ народныхъ массъ.

Всѣ сознавали, что власть только въ томъ случаѣ можетъ сыграть подобающую ей роль, если она будетъ опираться на широкія народныя массы. Изъ этого непосредственно вытекало слѣдствіе, что она должна быть тѣснѣйшимъ образомъ связана съ крестьянствомъ, какъ самымъ многочисленнымъ классомъ, которому, несомѣнно, въ конечномъ итогѣ, суждено будетъ сыграть рѣшающую роль.

Въ силу такихъ соображеній и былъ созванъ второй крестьянскій съѣздъ, который потомъ долженъ былъ войти въ общегубернскій всесословный съѣздъ съ цѣлью конструированья общегубернской всенародной власти.

Вполнѣ понятно, что, по техническимъ условіямъ, нельзя было такую власть сконструировать по именной формулѣ и для начала поневолѣ должны были довольствоваться компромиссомъ—куріальнымъ представительствомъ отъ крестьянъ, рабочихъ и солдатъ и отдѣльная курія отъ горожанъ.

Крестьянскій съѣздъ былъ созванъ весьма многочисленный-отъ 300 чел. населенія одинъ представитель; крестьяне явились на съѣздъ въ полномъ числѣ.

Съѣзду этому суждено было сыграть большую экономическую и политическую роль. Экономическая сторона состояла въ возможно цѣлесообразномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, который, въ особенности, въ Самарской губерніи, сталъ подниматься во всей своей остротѣ и величинѣ. Разрѣшеніе его требовалось въ двухъ направленіяхъ — въ сторону возможнаго увеличенія площади посѣва и въ сторону сохраненія народнаго богатства отъ стихійнаго уничтоженія.

Политическая сторона заключалась въ томъ, чтобы создать на съѣздѣ прочную крестьянскую организацію, которая могла бы занять положеніе, соотвѣтствующее роли крестьянства для государства.

Я былъ делегированъ на съѣздъ отъ партіи с-р. и съ не малой тревогой смотрѣлъ на него. Дѣйствительно,—впервые приходилось политической партіи встрѣтиться лицомъ къ лицу съ разрѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые разрабатывались всегда въ значительной мѣрѣ въ цѣляхъ пропаганды. Приходилось стать передъ представителями того русскаго крестьянства, около котораго билась вся лучшая политическая мысль, не только Россіи, но въ значительной мѣрѣ и запада.

Тревожила мысль—удастся ли изъ этой тысячной толпы непривыкшихъ ни къ коллективнымъ дѣйствіямъ людей, ни къ подчиненію партійной дисциплинѣ, создать организованное стройное собраніе или это будетъ общегубернская сходка.

По моему глубокому убѣжденію крестьянство этотъ экзаменъ выдержало и экономически и политически.

Собраніе, сначала бурное и стихійное, постепенно входило въ рамки парламентаризма и съ теченіемъ времени президіумъ съ нимъ справлялся не хуже, чѣмъ во многихъ европейскихъ парламентахъ.

Рѣшеніе, принятое на этомъ съѣздѣ, представляетъ несомнѣнно крупный историческій интересъ и исторія сдѣлаетъ несомнѣнно свою оцѣнку въ смыслѣ роли, которую они сыграли въ общемъ ходѣ собраній. Въ отвѣтъ на многочисленныя нападки, которыя мнѣ, какъ одному изъ руководителей съѣзда, приходилось выслушивать, я могу сказать одно: въ то время когда въ потерявшей здоровую оріентацію городской массѣ начались стихійно развиваться узко-эгоистическія стремленія, нельзя было подавляющее большинство Россіи ублажать разговорами о спасеніи родины, о жертвахъ. Разговоръ изъ плоскости этики долженъ былъ быть переведенъ въ плоскость экономики,—по возможности зоркой.

Крестьянинъ долженъ былъ получить увѣренность, что всѣ тѣ жертвы, которыя онъ несетъ въ формѣ людей на фронтѣ, въ видѣ продуктовъ по твердымъ цѣнамъ, необходимы для защиты родины, которая изъ родины самодержавія и крестьянскаго обнищанія должна стать родиной воли и земли.

И крестьянство, получивъ увѣренность, что ходъ событій развивается въ направленіи его давнихъ чаяній, показало, что оно способно усваивать общее положеніе. Кто былъ на съѣздѣ, помнитъ тѣ трогательныя сцены, которыя разыгрывались на съѣздѣ при появленіи делегатовъ Первой Сибирской стрѣлковой дивизіи, приславшей звать своихъ товарищей на міровыя баррикады въ окопы.

Та отзывчивость, съ которой крестьяне губерніи, которой угрожалъ полный неурожай, отнеслись къ докладамъ продовольственнаго комитета, та исправность, съ которой поступали и продолжали поступать продовольственные наряды изъ Самарской губерніи,—показывало, что крестьянство способно къ пониманію общегосударственныхъ задачъ.

Дальнѣйшіе 3—4 съѣзды меня вполнѣ убѣдили, что крестьянство вполнѣ пригодный сырой матеріалъ для того, чтобы изъ него лѣпить будущую русскую государственность...

За послѣднее время усиленно стали разыскивать Мининыхъ и Пожарскихъ. Не знаю какъ насчетъ Пожарскихъ, но насчетъ Минина я могу вполнѣ увѣрить, что онъ найдется въ лицѣ русскаго крестьянства.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы остановиться на конструированіи власти въ Самарской губерніи, считая губернію, гдѣ 80% населенія составляетъ крестьяне, по производству почти исключительно земледѣльческой, въ органѣ власти которой крестьянство должно было получить достойное мѣсто.

При правильно построенной демократической народной власти крестьяне, конечно, играли бы доминирующую роль. Но такъ какъ Комитетъ Народной Власти по идеѣ своей долженъ былъ являться властью временной,

служащей связующимъ звеномъ между центральнымъ правительствомъ и народными массами, то острагo пропорціональной конструкціи ея по техническимъ соображеніямъ говорить не приходилось.

Даже чтобы вмѣстѣ было и достаточно авторитетно и достаточно народно по общеобоюдному согласію, комитетъ былъ составленъ изъ представителей крестьянъ, рабочихъ, солдатъ и горожанъ, съ небольшимъ преобладаніемъ крестьянскаго представительства надъ отдѣльными группами.

Какъ отрадный фактъ, не могу умолчать о томъ, что крестьянство охотно шло навстрѣчу идеи пополненія совѣта крестьянскихъ депутатовъ интеллигентными силами.

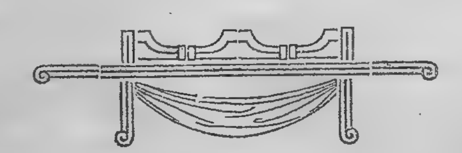
Главной задачей этой власти должно было быть проведеніе мѣропріятій, принятыхъ на первомъ всесословномъ губернскомъ съѣздѣ. Какъ это ему удавалось, съ какими трудностями ему при этомъ приходилось бороться, равнымъ образомъ про ту борьбу, которую ему приходилось вести противъ разрушающихъ силъ послѣ переворота 25 октября, я постараюсь передать въ другомъ мѣстѣ.

Теперь лишь скажу, заканчивая, что по моему глубокому убѣжденію, работа эта пошла не даромъ. Подъ толстымъ налетомъ пепла разрушенія имѣется еще одна организованность народовластія и когда настанетъ время, освѣжающимъ вѣтромъ пепелъ сдунется и вспыхнетъ опять огонь народнаго творчества.

Много ли придется великой Волгѣ, воплотившей въ себя всю ширь русской скорби впитать въ себя русскихъ слезъ, а, можетъ, быть и крови, этого сказать не могу. Одно знаю, что загорающаяся за Жигулями заря новаго года русской свободы есть заря дѣйствительно свободнаго народнаго жизнетворчества.

Брушвитъ.

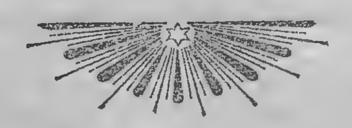
Самарская тюрьма.
Мартъ 1918 г.

* * *

Товарищи, смѣлѣй! Ворота въ крѣпость взяты,
И знамя поднято надъ цитаделью стѣнъ!
Враги отброшены и, ужасомъ объяты,
Сдаются въ плѣнъ!
Подъ барабанный трескъ, подъ грохотъ канонады,
Подъ лучезарный гимнъ родной своей страны,
Впередъ! На штурмъ! Послѣднія преграды
Намъ не страшны!
Сбѣгаетъ ночь, свѣтлѣетъ мгла густая...
Пусть встрѣтитъ солнце крѣпости пожаръ!
Одинъ, послѣдній штурмъ пусть грянетъ, все сметая,
Одинъ ударъ!!!

ЛЕВЪ ЗИЛОВЪ.

Я. Тисленко.

„Другъ! какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ?“

[Св. Евангеліе].

Изгнаніе Хама.

Было морозно.

Кто-то невидимый сѣялъ надъ городомъ жесткой снѣжной пылью и она, словно мелко истолченное стекло сыпалась на наши лица и колола ихъ. Было и солнышко, но далеко, гдѣ-то на задворкахъ и не грѣло, а такъ праздно колесило по своимъ испытаннымъ колеямъ и, несомнѣнно, было заодно съ тѣмъ, кто придумалъ эту нестерпимо холодную зиму.

По улицамъ города проходили толпы народа. У каждаго—что нибудь красное въ петлицѣ. И похоже было на праздникъ, но на большой, лишь однажды празднуемый въ жизни. Сочный хрустъ подъ ногами—четкій въ отдѣльности—въ массѣ претворялся въ нѣчто пѣвучее, похожее на музыку. И если слишкомъ уклонны были впередъ острыя уши лошадей стоящихъ по угламъ извозчиковъ, то это оттого, что онѣ слушали эту музыку и слушали тоже первый разъ. А въ общемъ—было тихо.

И похоже было на такое: вышелъ народъ на улицу съ сердцемъ, готовымъ пѣть и перекликаться, но увидѣлъ—рѣютъ надъ городомъ бѣлые ангелы—и не хочетъ спугнуть ихъ рѣчью своей.

И такъ длилось долго.

Но вотъ въ перспективѣ улицы, откуда ждали, заалѣли на бѣломъ фонѣ неба высоко поднятыя знамена.

И доплылъ звукъ. И пропали—словно растаяли—пугливые бѣлые ангелы. Кто-то подалъ незримый знакъ—и всѣ лица сдѣлались строгими. Когда сойдетъ Небесный Судія—они будутъ такими же второй и послѣдній разъ!

А звуки все росли и приближались. Рудое море знаменъ плескалось надъ другимъ моремъ—надъ моремъ головъ.

— Шла революція....

И когда пѣвучій потокъ залилъ всю улицу,—казалось, что берега не выдержатъ—обвалятся въ его рубиновыя волны.

Такъ величественно было шествіе революціи!

И это видѣлъ и понималъ каждый, кто былъ на праздникѣ. И всего лишь одинъ человѣкъ не понималъ этого величія—т. к. былъ пьянъ. Но онъ не шумѣлъ, не требовалъ вниманія къ себѣ, а не могъ лишь найти такого мѣста, гдѣ бы не колебалась почва подъ его ногами и поэтому втайнѣ досадовалъ на неустройство города, тычась то лбомъ, то затылкомъ въ плечи окружающихъ его. И вотъ за то, что явился на праздникъ съ глазами, которыя не различаютъ алыхъ знаменъ и съ душею хама—онъ былъ удаленъ съ позоромъ.

— Онъ былъ удаленъ съ праздника!

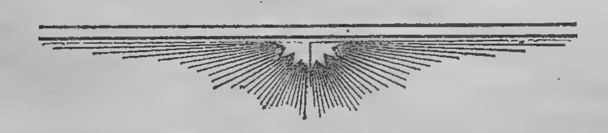
Отведя въ сторону, гражданинъ сказалъ ему:

— Какъ не стыдно! Такіе дни, а вы пьяный!..

И это былъ самый тяжкій укоръ его совѣсти за всю его сорокалѣтнюю жизнь.

Самый тяжкій, самый мучительный.

Я. ТИСЛЕНКО.

П. Н. Меркуловъ.

Митингъ съ натуры.

(Изъ записной книжки апрѣля 1917 г.).

И подъ знойнымъ солнцемъ весны и, подъ блескомъ холодной луны часами выстаиваютъ и старики, и дѣти, выслушивая рѣчи, сужденія, разсказы и сообщенія на темы момента...

Гражданинъ въ солдатской шинели горячо доказываетъ гражданину въ рабочей блузѣ о недопустимости введенія восмичасового рабочаго дня.

— Пойми, голова, что сейчасъ мы не спрашиваемъ часовъ въ казармахъ, а въ окопахъ и подавно; тамъ и день и ночь безъ отдыху.

— Эхъ, ты, головушка!—восклицаетъ рабочій.—Если я простою у станка, или скажемъ, у плавильной печи день и ночь, такъ на слѣдующіе сутки я уже не работникъ; па слѣдующій день хоть бы какъ надо было, я ничего не осилю. Вотъ и посуди! А коли я буду работать каждый день по восьми часовъ, такъ я, братецъ, тебѣ гору снарядовъ наворочаю.

— Правильно!—раздаются дружные голоса.

Протестовавшій смущенно отходитъ въ сторону.

Яркое солнышко глядитъ съ голубыхъ небесъ и словно улыбается, радуясь радостямъ раскрѣпощеннаго народа.

На трибуну взбирается гражданинъ въ засаленномъ пиджакѣ, въ фуражкѣ съ суконнымъ козырькомъ, раскланивается.

Толпа вокругъ уплотняется и говоръ смолкаетъ.

— Ш-ш!.. Оратора слушайте!—раздается гдѣ-то и обрывается.

— Братцы, граждане!..—начинаетъ ораторъ.

Рыжая, широкая борода его вздрагиваетъ, а руки начинаютъ вертѣться въ воздухѣ.

— Товарищи! Я рыбакъ, а поэтому, коли ежели что, такъ я тово... Скажемъ къ примѣру, наша Волга... есть тамъ рыба... щука, и сазанъ, и линь и всякія другія рыбы... Правильно я говорю?

— Правильно!—шумитъ толпа и громко апплодируетъ—Вѣрно!

— Такъ вотъ я и думаю,—продолжаетъ ораторъ,—хотя у меня товарищъ и нѣмецъ, а я все таки съ нимъ за одно...

Въ толпѣ безмолвное волненіе и сдержанный гулъ....

— Ну такъ вотъ, я и говорю, въ рѣкѣ есть рыба также всякая, а коли я имѣю сумленіе на счетъ временнаго правительства, такъ ..

Взрывъ негодованія.

Толпа шумитъ.

— Долой его! Тащи его за шиворотъ!

Ораторъ—„рыбакъ" недоумѣвающе озирается.

— Да сталкивайте его!—кричать сотни голосовъ, къ оратору тянутся мозолистыя руки.

Кто то хватаетъ его за полу пиджака и срываетъ съ трибуны, и тотъ, кому кричали—„правильно", поруганный затерся въ толпѣ...

Его мѣсто занимаетъ другой.

Этотъ въ котелкѣ съ тростью, перекинутой на лѣвую руку, распахиваетъ свое пальто и становится въ позу.

Толпа вновь стихаетъ.

Бритое лицо оратора нервно подергивается.

— Товарищи! Вы сейчасъ не стали слушать „рыбака". Вы поступили правильно!..

Раздаются апплодисменты.

— Это говоритъ за то, что вы относитесь вполнѣ сознательно, что вы политически вполнѣ созрѣли, а зрѣлое яблочко скушать, вы сами знаете, какъ пріятно...

— Правильно!—раздаются голоса.

— Такъ вотъ я и хочу...

— Скушать насъ?.... откликается кто то изъ толпы.

— Ну, подавится!

— Товарищи! Дайте же мнѣ высказаться—проситъ ораторъ. Я хочу сказать, что не надо читать буржуазныхъ газетъ, а надо читать нашу газету, которую издаемъ мы—солдаты, крестьяне и рабочіе.

Въ это время предательски сверкаетъ на перстнѣ оратора брилліантъ.

— Долой его! Долой: Ишь съ брильянтомъ!

Вонъ его! Тоже рабочій! Вонъ!

Ораторъ пытается выждать вспышку, но чувствуя полный провалъ, недоумѣвающе разводитъ руками и исчезаетъ.

На его мѣстѣ, какъ изъ земли, выростаетъ молоденькій безусый солдатъ.

— Господа!—звенитъ его полудѣтскій голосъ.—Здѣсь вотъ выступали разные люди, говорили разныя рѣчи. Вы ихъ слушать не захотѣли, такъ послушайте теперь меня, какъ слушаете майскаго соловья...

Въ толпѣ тихій смѣхъ.

— Я не буду пѣть пѣсенъ раздора, я буду говорить Вамъ только то, что нужно лишь солдату, моимъ товарищамъ и народу....

— Правильно!—опять кричитъ толпа.

— Вотъ это зря!—огорчается солдатъ.—Вы сперва хорошенько выслушайте меня, потомъ обсудите, а тогда ужъ и говорите правильно, или неправильно я говорю. Такъ ли, братцы?

— Вѣрно! Вѣрно!..

— Теперь мы всѣ стали свободными, всѣ стали полноправными гражданами свободной Родины, освобожденной Россіи. Теперь мы сами можемъ рѣшать свои общественныя и государственныя дѣла, а поэтому мы должны вдумчиво и серьезно относиться ко всему тому, что происходитъ вокругъ насъ. Тутъ вотъ какіе то рыбаки говорили не довѣрять временному правительству, не читать газетъ буржуазныхъ и тому подобное. Братцы, такъ могутъ говорить только наши злѣйшіе враги! Такъ могутъ говорить только провокаторы. Временное правительство находится подъ контролемъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Они тамъ лучше знаютъ кому довѣрять. Если они довѣряютъ, такъ намъ и говорить объ этомъ нечего. Надо только поддерживать ихъ!

— Правильно!

— Подождите еще!—гремитъ полудѣтскій звонкій голосъ молодого солдата.—Я еще не все сказалъ. Здѣсь говорили, что не надо читать буржуазныхъ газетъ. Господа! Если мы не будемъ читать ихъ, мы не будемъ знать, что дѣлаютъ они, куда они стремятся вести насъ, что капиталисты — богачи готовятъ намъ, людямъ наемнаго труда. Если мы будемъ читать только газеты партійныя, а они теперь растутъ, какъ грибы, то мы въ нашихъ мысляхъ будемъ однобоки и не будемъ знать всего.

— Правильно!..

Ораторъ рукавомъ своей солдатской блузы вытираетъ потъ съ лица и улыбается; молодое безусое лицо полно бодрой силы и надежды...

— Господа! Теперь надо за послѣдній грошъ покупать газету и читать, читать и думать. Теперь надо учиться и учиться, чтобы не попасть въ ловушку, каторую могутъ поставить враги народа. Читать надо больше всего тѣ газеты, гдѣ защищаютъ интересы рабочаго народа. Партійныя газеты, газеты соціалистовъ читать надо прежде всего, но не надо забывать и тѣхъ газетъ старыхъ, которыя въ тяжелое время подтачивали царскій тронъ и первыя возвѣстили о паденіи этаго трона.

Толпа внимаетъ.

— Братцы! одно еще скажу, что намъ больше всего надо бояться вражды и раздора между собою, бояться провокаторовъ, которые теперь появляются и въ видѣ солдатъ и въ видѣ рабочихъ съ грязными руками, для того, чтобы лучше имъ вѣрили, и въ видѣ офицеровъ и даже поповъ, берите такихъ и ведите въ комитетъ Народной Власти. Остерегайтесь ихъ! Остерегайтесь еще, братцы, особенно довѣряться партіи народной свободы и ихъ газетамъ, можетъ быть они и не думаютъ дѣлать зла намъ, а всетаки тамъ ужъ очень много такихъ людей, которые много, охъ какъ много, дѣлали намъ зла!

— Правильно! Правильно!—гремитъ толпа и бурно рукоплещетъ.

Безоблачное небо, голубое небо сіяетъ радостно.

— Вотъ и все, братцы! Поговорилъ бы еще кое-о-чемъ, да усталъ.

Ораторъ кланяется. Нѣсколько рукъ при громкихъ аплодисментахъ, протягиваются и осторожно снимаютъ съ вышки молодого тріумфатора.

Толпа разбивается на кучки, всюду завязываются оживленныя бесѣды. Говорять о войнѣ, говорятъ о землѣ и другихъ нуждахъ.

— А, ты ежели по совѣсти, такъ не перебивай.

— А ты не болтай зря. Ишь пузо то какое.

— Завидно што-ль?

— Лопни ты съ нимъ совсѣмъ!

— Нашего пота нахлебался?

— А ты не лайся. Я поди тоже свободный гражданинъ и могу на счетъ эвтово свое сумленіе имѣть.

— Ну ладно! съ Богомъ!

Толстякъ не доволенъ, протискивается и исчезаетъ.

На трибунѣ появляется калѣка безрукій, становится въ позу и уцѣлѣвшей рукой снимаетъ шапку.

— Ишь! Раненый!

Пробѣгаетъ въ толпѣ шопотъ и всѣ бѣгутъ къ «оратору». Всюду стихаетъ.

— Товарищи!—робко произноситъ калѣка.—Я, какъ видите, безъ руки и не могу себѣ имѣть на пропитаніе. Товарищи!—произноситъ онъ уже громче.—Я прошу оказать мнѣ братскую помощь.

Толпа разочарована, разсыпается также быстро, какъ и собралась. Сердобольные начинаютъ опускать въ картузъ калѣки деньги.

— Эй, ты! Жуликъ!—раздается веселый окрикъ.—Ты и сюда добрался?

Народъ оборачивается.

Изъ толпы выдѣляется рабочій.

— Вы ему послѣдніе свои гроши отдаете, а онъ, вѣдь, у насъ на желѣзной дорогѣ по пьяной лавочкѣ руку потерялъ, получивъ за нее четыре тысячи, а теперь еще вотъ нате—товарищи!

— А ты не больно!—откликается калѣка и поспѣшно покидаетъ вышку.

Вокругъ рабочаго собирается плотная кучка людей. Онъ говоритъ и его внимательно слушаютъ.

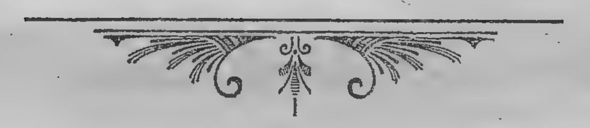
Въ другой кучкѣ говоритъ интеллигентъ въ шляпѣ и его слушаютъ со вниманіемъ.

Въ третьей солдатъ, а дальше крестьянинъ.

Всѣ говорятъ; говорятъ мужчины и женщины, говорятъ старики и подростки, говорятъ и говорятъ объ всемъ и безъ конца.

Отъ зари до зари люди вольные, люди вольные и могучіе.

П. И. Меркуловъ.

МОМЕНТЪ.

Черные вороны вьются вдали,
Черныя мысли на сердце легли,
Что мнѣ сказать?
Сирому жребій—земная юдоль.
Кто-жъ мнѣ отчизна, пріявшая боль,
Только ли мать?..

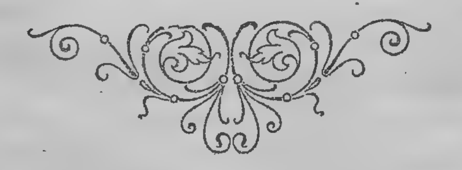
* * *

Близятся вороны, страшенъ ихъ летъ:
Будетъ униженъ великій народъ,
Кто защититъ?
Странничій посохъ? Разбойничій лукъ?
Чары Яги? Заколдованный кругъ?..
Совѣсть же спитъ.

* * *

Въ грозномъ предчувствіи разумъ поникъ.
Смотритъ въ глаза окровавленный ликъ.
Чей это? Твой?!.
Тише!..—Поетъ похоронная мѣдь...
Родина, родина, дай умереть
Вмѣстѣ съ тобой!..

Я. Тисленко.

Андрей Сѣверъ.

Факелы.

I.

На углу „Неизвѣстной“ улицы, придавленный этажами продымленнаго дома подвалъ кабачекъ „Бродячая Собака“, съ низкимъ входомъ и погаснущей лампочкой надъ нимъ.

Каждый вечеръ, ровно въ одинадцать часовъ, человѣкъ съ немигающимъ стеклянным глазомъ, въ порыжѣлой шляпѣ надъ пепельно-сѣрымъ лицомъ стучалъ по краю фарфоровой пепельницы и манилъ длиннымъ сухимъ, словно изъ стараго воска, пальцемъ вертлявую низенькую фигурку въ бѣломъ передникѣ.

Шляпу клалъ на сосѣднiй стулъ и неизмѣнное, равнодушное „занято“— звучало всѣмъ тянущимся въ табачномъ дымѣ рукамъ.

Сидѣли рядомъ въ разстегнутыхъ косоворткахъ шумные студенты, женщины съ неумѣло подведенными глазами, скучающiе бездѣльники въ бѣлоснѣжныхъ воротникахъ и жаждой наглыхъ безстыдствъ во взглядахъ.

А надъ всѣмъ табачный дымъ, неумолчный гулъ голосовъ, и нелѣпонудная жалоба старой истертой скрипки чахоточнаго скрипача.

Человѣкъ со стеклянным взглядомъ вынималъ засаленный мятый блокнотикъ и медленно съ трудомъ выписывалъ на листкахъ слово за словомъ:

„Депутаты вышли изъ дома № 71 по Литейному въ 8 часовъ 15 минутъ и сѣли на извозчика, приказавъ ему торопиться на набережную, а далѣе наблюденiе было мною передано, старшему Стакану“—и начиналъ выводить подпись.

Низенькiй круглый и мятый, какъ порванный дѣтскiй мячикъ, въ двѣнадцать приходилъ Рыжiй, съ глазами щелочками, съ торчащей щетиной рыжихъ усовъ и отвисло пухлыми щеками. Похихикивая съ хриплымъ откашливанiемъ, отчего слезились его гаденькiе узкiе глазки, подсаживался онъ къ къ человѣку со стеклянным глазомъ.

Тотъ медленно потиралъ свои восковыя руки, наклонялся къ мохнатому уху Рыжаго и шепталъ, вздрагивая отъ звона посуды, и на губахъ, синеватыхъ и мертвенныхъ змѣилась гаденькая улыбочка.

Рыжiй хихикалъ, почесывая плечо...

Потомъ пробирались межъ стульями и столиками, поднимались по ступенькамъ къ выходу, оглядывались и медленно шли по улицѣ,—Рыжій въ своемъ кургузомъ пальтишкѣ и высокій худой человѣкъ въ смятомъ нечистомъ шарфѣ вокругъ восковой шеи, шаркающій длинными ногами по тротуарнымъ плитамъ.

II.

Гасла коптя маленькая керосиновая лампочка въ сѣромъ длинномъ коридорѣ. Гдѣ-то хлопали двери и тогда доносилось влажное дуновеніе февральской ночи.

Городовой, прислонясь къ бѣлой известковой стѣнѣ, тянулъ ѣдкую папироску, сплевывая на грязный, зашарканный полъ и тянулъ лѣниво:

— Своло-чи...

Рыжій и длинный со стекляннымъ глазомъ стояли передъ нимъ, пугливо прислушиваясь.

Та-та-тра-та-та... и опять тишина. Нудное мучительное безмолвіе. Говорили шопотомъ, словно боясь вспугнуть, потревожить близко, близко притаившагося врага. Быть можетъ, вотъ тутъ, рядомъ, за спиной, въ темной хляби корридора, сжавшагося въ стальную могучую пружину для рѣшительнаго послѣдняго прыжка. Оттого глубже уходила шея въ поднятый воротникъ и такъ раздражала спокойная, широкая рожа городового.

Тра-та-та... И сразу нахлынула гулкая волна откуда то и зъ безконечной дали тревожно уснувшихъ улицъ. И росла и приближалась, выносила на могучій гребень пѣну отдѣльныхъ криковъ, отдѣльныхъ выстрѣловъ.

Бренча шашкою, съ чернымъ, похожимъ на деревянный, револьверомъ, сбѣжалъ околоточный по каменнымъ ступенямъ, захлопали двери, а на верху, на второмъ этажѣ заклохоталъ пулеметъ и смолкъ, словно захлебнувшись въ своемъ дикомъ трескѣ.

Бѣжали темнымъ корридоромъ. Впереди, съ нелѣпо размахивающимися руками Длинный въ шарфѣ, съ костянымъ мертвымъ лицомъ. Задыхаясь и хрипя, нагонялъ его Рыжій, а сзади неуклюже и покорно топалъ городовой.

А волны торжествующихъ криковъ, казалось, разбивали вѣковыя темныя глухія стѣны, нагоняли, опрокидывали... Черезъ заборъ... Въ мертвый тишинсю переулокъ. Уйти, уйти,—цѣплялись за жизнь отъ этого грознаго торжествующаго крика.

Тра-та-та... Упалъ Рыжій, какъ сбитая кегля и котелокъ покатился по грязному снѣгу. Подпрыгнулъ и грузно, какъ мѣшокъ съ пескомъ упалъ городовой... Ахъ... Пальцы въ кровь о желѣзныя копья ограды. Еще немного... шарфъ за острее... а, чертъ!

Спрыгнулъ и дикими прыжками въ сторону, за уголъ, въ переулокъ, гдѣ мертвая тишина—ласковый не трогающій звѣрь.

III.

Солнце. Солнце слѣпитъ глаза, молодое весеннее солнце, и этотъ рокотъ толпы и красныя некрасивыя торжествующія знамена надъ тысячами головъ, надъ сѣрыми шинелями, надъ кожаными куртками и синими вуалями.

Выше знамена, выше торжествующіе флаги—они красны отъ благородной крови. Праздникъ солнца и крови въ этотъ первый весенній день.

„Дружно, товарищи, въ ногу...“

У сѣрыхъ мраморныхъ ступенекъ. Вокругъ съ глазами ожидающими тысячи внимательныхъ лицъ,—молодыхъ, старыхъ, смуглыхъ, блѣдныхъ съ жесткими морщинами и ребячески—доброй улыбкой.

— „Слово, товарищи. Дайте говорить, дайте же говорить. Взбираются на ступени, бросаютъ литыя, звенящія слова въ покорно-радостное сердце каждаго.

Й онъ взобрался съ костянымъ, тусклымъ лицомъ въ помятомъ кэпи, въ желто-сѣромъ шарфѣ.

И дрожали ноги въ колѣняхъ, и стекляный немигающій взглядъ уставился въ блѣдно—нѣжное лицо.

Въ блѣдно-голубыхъ, прозрачныхъ глазахъ блѣднаго юноши прочиталъ огневую ненависть и презрѣніе. И странно и жутко знакомыми показались эти голубовато-сѣрыя тѣни зрачковъ. Гдѣ-то тамъ въ дальнихъ страницахъ жизни. На мигъ вспомнилась низенькая комнатка съ желтыми обоями, полосатенькія кресла и длинноусый хриплый полковникъ за столомъ. Мальчикъ гибкій какъ тростникъ, смѣющійся въ упоръ... Дальше... Клѣть темная. Ихъ трое. Рыжій, онъ, и этотъ юноша.

Ручками револьвера бить и смѣяться, когда вздрагивали узенькія плечи и вспыхивалъ въ глазахъ огонь безконечной, никогда не угасающей ненависти... Но прочь... прочь... иначе это гибель... зачѣмъ нужно было вставать лицо къ лицу. Теперь поздно... поздно.

—„Товарищи... кинулъ жесткимъ, нудно ранящимъ голосомъ..... Что говорилъ, не зналъ,—зловѣще развѣвалась пламень знаменъ и пугала толпа.

И еще разъ встрѣтилъ спокойные, страшно-спокойные глаза, понялъ, что нечего ждать пощады....Страхъ нахлынулъ отъ каждаго лица, отъ каждаго крика. И когда сошелъ, зналъ, что сейчасъ вотъ, вотъ черезъ минуту свершится то, самое страшное, непредвидѣнное, отъ чего хочется оттолкнуться обѣими руками и закричать дико и животно.

Гибкій, хрупкій и гордый, звенящимъ какъ металлъ молодымъ голосомъ бросаетъ:

—„Провокаторъ. Товарищи, межъ нами агентъ сыскной полиціи“.

Бѣжать, бѣжать... Десятки рукъ, охватившіе длинное тѣло, за шарфъ, за кожаную куртку.

Подъ ревъ бѣшенаго, неудержимаго звѣря, осѣненнаго грозными факелами знаменъ, сжался безпомощно и покорно.

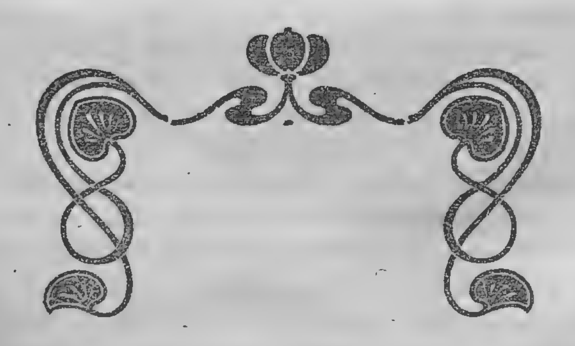
Сухая, жилистая, страшно тяжелая рука ударила по лицу, сбила кэпи и сразу забилось, закричало что-то, слабое, костлявое, длинное въ запутанномъ желто-сѣромъ шарфѣ съ кистями.

Закричало какъ птица въ смертной тоскѣ и все смыла налетѣвшая волна, волна бушующая, неудержимая.

Солнце. Солнце слѣпило глаза. Молодое, хмѣльное солнце! Выше знамена, выше надъ тысячами тысячъ грядущихъ поколѣній! Солнечные багряные маяки грядущимъ во тьмѣ!

Впередъ, безъ конца впередъ!!!.

Андрей Сѣверъ.

Исторія аграрнаго движенія.

Въ Самарской губерніи.

I.

Вмѣсто предисловія.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи аграрнаго движенія въ Самарской губерніи, я позволю себѣ, въ видѣ предисловія, остановиться нѣсколько времени на состояніи сельскаго хозяйства въ нашей губерніи, до переворота и на тѣхъ способахъ и методахъ, которыми пользовались наши частновладѣльческіе, казенные и крестьянскіе землевладѣльцы въ этотъ періодъ. Попутно мнѣ придется коснуться и того вопроса, который само собою невольно возникаетъ изъ предыдущаго-вопроса: о будущемъ нашего сельскаго хозяйства при дальнѣйшемъ примѣненіи старыхъ методовъ.

Такое отступленіе намъ необходимо для того, чтобы понять, почему именно аграрное движеніе у насъ въ губерніи приняло такія формы, а не другія какія-и понявши-опредѣлить, на сколько оно было естественно и цѣлесообразно.

Самарская губернія представляетъ изъ себя типъ крупнаго частнаго землевладѣнія. Изъ всѣхъ 13 милл. десятинъ, находящихся во всей губерніи у лицъ и учрежденій, частнымъ владѣльцамъ принадлежитъ $3^1/_2$ милл. десятинъ, (3,590,631)—исключая отсюда земли отрубщиковъ и инородцевъ. Земель удѣльныхъ, казенныхъ, церковныхъ и др. учрежденій насчитывается также около трехъ милліоновъ. Земель крестьянскихъ-6 милліоновъ. Значитъ добрая половина земель, принадлежащихъ Самарской губерніи, находится въ рукахъ частныхъ лицъ и учрежденій, не обрабатывающихъ собственнымъ трудомъ; у лицъ, которымъ она нужна была как средство эксплоатаціи трудящихся.

Число имѣній, между которыми распредѣляется частновладѣльческая земля, въ 1895 году насчитывалось 5760. Если все количество земли, принадлежащей этимъ имѣніямъ мы раздѣлимъ на это число, то получимъ кругленькую цифру въ 615 десятинъ на каждое имѣніе. Это такое количество, которое въ Западной Европѣ считается громаднымъ богатствомъ.

Типы частновладѣльческихъ имѣній по своей количественной величинѣ у насъ очень разнообразны. Есть имѣнія въ 200—300—500 десятинъ, какъ будто для нашей Самарской губерніи очень маленькія, и есть въ 5000—10,000—въ 15—20 тысячъ и больше. Есть районы какъ напримѣръ Самаровско-Кольцовскій въ Николаевскомъ уѣздѣ, гдѣ одному и тому же землевладѣльцу принадлежитъ по нѣсколько имѣній подрядъ, каждое тысячи въ

3—4. Если вы сольете эти имѣнія, а оно въ дѣйствительности очень часто такъ и бываетъ, то получится колоссальнѣйшее имѣніе тысячъ въ 30—40 десятинъ, которое могучимъ кольцомъ охватываетъ цѣлый десятокъ селъ, съ нѣсколькими тысячами въ нихъ трудящихся.

Рядомъ съ такими гигантами, существуютъ и крохотныя владѣнія въ 200—300 десятинъ.

Типы селъ и общинъ, по количеству душевого надѣла, существуютъ также нѣсколькихъ разрядовъ, я насчитываю ихъ по меньшей мѣрѣ четыре разряда.

Есть общины, имѣющія душевого надѣла по 15—20 и 25 десятинъ и даже больше,—общины многоземельныя, зажиточныя, не нуждающіяся въ частновладѣльческихъ земляхъ; есть съ 8-10-12 десятинами на душу-общины съ среднимъ душевымъ надѣломъ, уже съ нѣкоторою потребностью въ частновладѣльческихъ земляхъ; есть общины съ малымъ душевымъ надѣломъ: въ 6—4 и 2 десятины, голодающія общины, у которыхъ вѣчный спросъ на постороннія земли. И, наконецъ,—есть общины, главнымъ образомъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ, у которыхъ совершенно не имѣется никакого душевого надѣла, или же имѣется такое количество, котораго хватаетъ имъ только на дворовыя постройки и огороды. Это, такъ называемыя безземельныя общины, живущія исключительно за счетъ арендуемой ими у частныхъ лицъ земли и заработной платой въ сосѣднихъ экономіяхъ.

Правда такихъ общинъ, къ счастью, у насъ по губерніи не много, но все же достаточное количество чтобы задуматься о нихъ.

Интересно сопоставить отношеніе крестьянскихъ общинъ къ частновладѣльческимъ имѣніямъ. Результаты получаются поучительные. На 2364 общины частновладѣльческихъ имѣній приходится 5760, то-есть на каждую крестьянскую общину $2^1/_2$ частновладѣльческихъ имѣній, кольцо довольно мощное, чтобы держать русское крестьянство въ извѣстной зависимости.

Способы использованія, частновладѣльцами своихъ земель всѣмъ извѣстны. На нихъ я не буду останавливаться, а укажу лишь на характерныя черты этихъ формъ.

Статистика Самарской губерніи показываетъ, что большинство частновладѣльческихъ земель самими ихъ владѣльцами, хотя бы при помощи наемнаго труда, не обрабатывается, а сдается въ арендное пользованіе крестьянамъ или мелкимъ арендаторамъ, въ видѣ годовой аренды или долгосрочной.

Если мы заглянемъ въ эти цифры, то увидимъ, что площадь частновладѣльческой запашки необычайно пала въ сравненіи со всею площадью принадлежащей имъ земли.

Въ 1911 году, указываетъ намъ статистика Губернскаго Земства, частновладѣльцами изъ всѣхъ $3^1/_2$ милл. десятинъ принадлежащихъ имъ, было распахано ими самими—266, 283 десятины.

въ 1912 году . . . . 201,328 дес.
въ 1913 году . . . . 183,342 дес.

а въ 1914 году, за годъ до войны — только 140,000 дес. т. е. лишь одна двадцать пятая часть принадлежащей имъ земли, иначе говоря по 24 десятины на каждое имѣніе. Количество далеко не утѣшительное для защитниковъ частновладѣльческаго хозяйства и утѣшительное для тѣхъ, которые боялись, что съ ликвидаціей частновладѣльческаго земледѣлія Самара погибнетъ отъ голоду.

И это количество, еще нужно добавить, съ каждымъ годомъ падаетъ все ниже и ниже.

Значитъ, три милліона десятинъ съ лишнимъ изъ частновладѣльческихъ земель и около трехъ милліоновъ казенныхъ и удѣльныхъ обрабатывалось у насъ въ Самарской губерніи силами и средствами крестьянскаго хозяйства.

Каждый годъ народъ оплачивалъ около 6 милліоновъ десятинъ, не принадлежащихъ ему земель. Подсчитаемъ же сколько это стоило нашему Самарскому крестьянству.

Самый распространенный способъ использованія частновладѣльческихъ земель, практиковавшійся у насъ въ губерніи до послѣдняго времени это способъ—аренды на годъ. Каждая десятина сдавалась только подъ одинъ посѣвъ за большія деньги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ пригородныхъ кругахъ „эта аренда доходила до 60 и 70 рублей за десятину; въ болѣе отдаленныхъ кругахъ до 30—40 рублей, котороя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ считалась нормальной цѣной. Низшая плата, существовавшая въ нѣкоторыхъ многоземельныхъ уѣздахъ до революціи за среднія земли была 4—5 рублей. Если взять эти цифры вмѣстѣ, высшую плату въ 30 рублей и низшую въ 4 и раздѣлить пополамъ, то получимъ среднюю плату въ—17 рублей. Допустимъ, что мы немного ошиблись и сбросимъ еще 2 рубля и все же и при такой комбинаціи получатся кругленькая сумма въ 15 рублей десятина.

Эту цифру мы и примемъ за среднюю плату.

Высчитываемъ дальше. По нашей трехпольной системѣ, существующей въ Самарской губерніи, частновладѣльцы, при самыхъ скромныхъ аппетитахъ могутъ сдать изъ $3^1/_2$ милліон.— $1^1/_2$ милл. Допускаемъ, что полмилліона изъ нихъ негодней земли, каковая не можетъ быть использована ими, то все же сдается милліонъ десятинъ; сдавая по 15 рублей десятину—мы получаемъ (т. е. не мы, а помѣщики) ежегодно арендной платы 15 милл. руб.

Прибавьте сюда еще ту сумму, которую они получаютъ за другой милліонъ, сдавая его подъ покосы, выгоны и т. д. Каждая десятина покоса за послѣднее время предъ войною стоила у насъ въ среднемъ два—три рубля. Значитъ плюсъ еще два три милліона получаемъ — 17 — 18 милліоновъ рублей, которые частновладѣльцы каждый годъ извлекали изъ крестьянскаго кармана.

Земель удѣльныхъ, церковныхъ, государственныхъ около 3 милліон. Принимая во вниманіе, что эти земли сдавались въ долгосрочную аренду въ среднемъ по 2 р. 40 к. за десятину, пахатную, не пахатную, получимъ и за эти земли по меньшей мѣрѣ около 6 милліоновъ.

Итого, каждый годъ Самарское крестьянство выбрасывало изъ своихъ кармановъ на содержаніе г.г. владѣльцевъ и великихъ князей громадную сумму въ 22—23 милліона рублей—.это по меньшей мѣрѣ. Считая классъ земледѣльческій въ Самарской губерніи за три милліона душъ получается на каждую живую душу, мужскую и женскую и дѣтскую-около 8 рублей въ годъ, а на домъ въ 5—6 человѣкъ—30—40 руб.

Выводы сами собою напрашиваются.

Остается еще сказать, что способы использованія земель при такой арендной системѣ, были ужасны. Каждый землевладѣлецъ. независимо отъ его состоянія, заботился лишь о томъ, чтобы побольше выжать арендной платы изъ крестьянъ въ данную минуту. Земли распахивались безъ всякой системы и планомѣрности. Мнѣ извѣстны случаи, когда одна и таже десятина распахивалась безъ всякой передышки по пяти шести разъ подрядъ. Само собою понятно, что такой способъ эксплоатаціи земель привелъ бы насъ неизбѣжно къ полному истощенію нашихъ лучшихъ черноземныхъ земель и къ неизбѣжной катастрофѣ нашего сельскаго хозяйства.

Обременительна эта система была еще и потому, что въ силу сложившихся обстоятельствъ треть арендной платы каждый крестьянинъ, арендующій землю у владѣльца, долженъ былъ внести заранѣе, при заключеніи условія. Зная условія нашего сельскаго хозяйства, его безденежье, ту осторожность, съ которою затрачивалъ каждую копейку нашъ домохозяинъ, мы съ полной основательностью можемъ сказать, что эта форма аренды была одной изъ главнѣйшихъ причинъ, препятствующихъ широкому увеличенію посѣвной площади.

При такомъ состояніи нашего сельскаго хозяйства насъ захватила революція.

II.

Революція и настроеніе въ деревнѣ.

Революціонная волна, такъ высоко поднявшаяся среди городского пролетаріата, скоро докатилась и до Самарской деревни. Проснувшееся крестьянство, робко озираясь назадъ, стало внимательно присматриваться къ новой обстановкѣ и первый взглядъ его упалъ на лежавшую предъ нимъ землячку. Вѣчная мечта о кормилицѣ землѣ, лелѣянная имъ сотни лѣтъ во времена еще самодержавія, снова воскресла въ умѣ крестьянина и зашевелила его мысли. Мечта о томъ, какъ бы получить теперь ее, какъ бы завладѣть ею

навѣки, принимала съ каждымъ днемъ все болѣе реальныя и настойчивыя формы. Этотъ лакомый кусокъ, который такъ долго мучилъ его думы теперь лежалъ у самыхъ его ногъ, раздражалъ его воображеніе и звалъ къ новымъ перспективамъ.

Хранитель и вѣрный сторожъ этаго лакомаго куска-помѣщикъ, этотъ грозный истуканъ, забронированный раньше огнемъ и сталью, наводившій на него ужасъ и трепетъ-теперь, раздавленный, самъ лежитъ предъ нимъ во прахѣ и ждетъ своего смертнаго приговора. Поддерживающая старый земельный порядокъ сила, являвшаяся сдерживающимъ аппаратомъ крестьянскихъ стремленій—претворная сама ждетъ его мощнаго голоса. Сила эта на его сторонѣ...

Крестьянинъ инстинктомъ понималъ это соотношеніе силъ и свое значеніе. Но вотъ—что скажетъ начальство? Эта вѣчная боязнь „начальства", это вѣчное трепетаніе верховъ, и въ данную минуту играло громадное значеніе въ его психологіи. Боязнь, что „начальство"—можетъ отнестись къ этому недоброжелательно, играло сдерживающую роль въ его аппетитахъ на землю.

Нужно правду сказать—наше крестьянство, воспитанное въ духѣ строгаго подчиненія власти, необычайно привыкло къ порядку, любитъ этотъ порядокъ и стремится всегда къ одному, чтобы все дѣлалось „по закону", „по совѣсти".

Это настроеніе въ то время еще было сильно, пока его не разбили послѣдующія событія. Это настроеніе, господствующее по всей губерніи и удерживало крестьянъ отъ самовольныхъ захватовъ и грабежей въ первые дни революціи. Этимъ и объясняется, что **въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ,** при полномъ отсутствіи какой либо власти и сдерживающаго аппарата, во всей губерніи **не было ни одного крупнаго эксцесса,** ни одного разграбленія.

Эту эпоху можно назвать—эпохой аграрнаго покоя и наростающаго настроенія.

Не малую роль играло въ этомъ отсутствіи аграрныхъ безпорядковъ конечно, и время года. Былъ февраль, мартъ мѣсяцы, когда жгучіе вопросы деревни о лугахъ и пашнѣ начинаютъ только просыпаться.

Первый крестьянскій съѣздъ.

Въ такую эпоху собрался Первый крестьянскій съѣздъ. Первый съѣздъ несомнѣнно служитъ намъ вѣрнымъ отразителемъ крестьянскаго настроенія, господствовавшаго въ то время и его взглядовъ на земельный вопросъ. И если вы внимательно просмотрите протоколы этаго съѣзда, всѣ рѣчи ораторовъ, то увидите, съ какою еще осторожностью и неувѣренностью, приступали къ нему крестьяне. Во всѣхъ рѣчахъ и постановленіяхъ чувствуется глубокое уваженіе къ Верховной Власти и сдержанность по отношенію къ чужой соб-

ственности. Видно было, что деревня не вполнѣ почувствовала свои силы и свою роль въ судьбахъ русскаго Государства, и что аграрный вопросъ еще не стоитъ такъ остро, какъ онъ всталъ потомъ предъ вторымъ крестьянскимъ съѣздомъ. Осторожность, съ которою они подходили къ этому вопросу, говорила еще и о томъ, что они его считаютъ себѣ не подъ силу.

Предъ первымъ Крестьянскимъ Съѣздомъ стояли двѣ задачи: первая— увеличить площадь посѣва, какъ призывало къ этому Временное Правительство, и вторая — предотвратить надвигающуюся волну аграрныхъ безпорядковъ.

И та и другая задачи стояли предъ участниками съѣзда во всей своей грозной формѣ.

Первая задача была выдвинута надвигающимся голодомъ и голодными бунтами и безпорядками въ городахъ.

Этотъ вопросъ всталъ во всей своей наготѣ предъ всей Россіей и главнымъ образомъ предъ Самарской губерніей, какъ поставщицей хлѣба. Старое безпечное правительство довело Россію до такого состоянія, что Россіи неизбѣжно угрожала катастрофа; въ странѣ, по преимуществу земледѣльческой, чувствовался громадный недостатокъ въ хлѣбѣ. Нужно было спасать страну отъ голода. Призывъ къ этому Временнаго Правительства, почувствовавшаго весь трагизмъ положенія, раздавался какъ набатъ по всей Россіи. Этотъ призывъ сыгралъ громадную роль на первомъ крестьянскомъ съѣздѣ. Всѣ его постановленія по аграрному и продовольственному вопросамъ носятъ ясные слѣды этого призыва.

Вторая задача была выдвинута нарастающимъ въ деревнѣ настроеніемъ и самымъ крестьянствомъ, пріѣхавшимъ изъ всѣхъ уголковъ Самарской губерніи.

Участники съѣзда, прибывшіе изъ самой гущи крестьянскаго населенія, знали и понимали, что деревня, почувствовавшая свои силы, не будетъ больше переносить старыхъ земельныхъ порядковъ. Если не принять соотвѣтствующихъ мѣръ и не пойти ему навстрѣчу, неорганизовать этого движенія, то настроеніе деревни можетъ вылиться въ нежелательныя рѣзкія формы и принять такой поворотъ, который кромѣ анархіи и разрухи, ничего деревнѣ не принесетъ.

Старый порядокъ земельныхъ взаимоотношеній, выжимающій изъ крестьянъ послѣдніе соки и поддерживаемый вооруженной силой, дольше не могъ оставаться въ силѣ. Онъ былъ настолько тяжелъ и обременителенъ для трудового крестьянства, что защищать его и во времена царизма, приходилось штыками и нагайкой. Такими средствами, само собою понятно, новое правительство въ первые же дни свободной жизни, не могло поддерживать отжившаго строя. Первый съѣздъ это понималъ прекрасно и поэтому всталъ на правильный путь, на путь изысканія новыхъ формъ взаимоотношеній.

Работа перваго съѣзда по аграрному вопросу сводится къ слѣдующему.

Земля должна находится въ рукахъ трудового населенія; окончательное

рѣшеніе вопроса о формѣ землевладѣнія принадлежитъ Учредительному Собранію и тѣмъ законодательнымъ учрежденіямъ, которыя имъ будутъ созданы.

Немедленно должны быть прекращены всякія сдѣлки по куплѣ-продажѣ внѣ городскихъ частновладѣльческихъ земель и пріостановленъ выходъ на отруба.

Въ цѣляхъ наилучшаго обезпеченія родины хлѣбомъ и сохраненія гражданскаго мира въ странѣ, немедленно до рѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ должно быть сдѣлано всевозможное для увеличенія посѣвной площади, для наилучшаго использованія выгоновъ и луговъ...

Инвентарь, если землевладѣлецъ не сѣетъ самъ и не желаетъ сѣять, передается организаціямъ-Волостнымъ Комитетамъ Народной Власти. Обсѣмененіе незасѣянныхъ полей производится изъ запасовъ уполномоченныхъ.

Это-общія положенія. Дальше слѣдуютъ пункты, въ которыхъ говорится о тѣхъ практическихъ мѣропріятіяхъ, которые должны быть предприняты, чтобы провести эти положенія въ жизнь; между ними выдѣляется одинъ пунктъ. „Волостные Комитеты, говорится въ этомъ пунктѣ, обслѣдуютъ въ своей волости всѣ пахатныя земли....

И если выяснится, что часть земель ихъ владѣльцами въ наступающій посѣвной періодъ засѣяна быть не можетъ, а въ волости имѣются селенія и лица, желающія произвести на этихъ земляхъ посѣвъ, Волостной Комитетъ Народной власти немедленно отбираетъ земли на нижеслѣдующихъ условіяхъ.

Изъ этого пункта и другихъ мы видимъ, что частная собственность на землю остается еще неприкосновенной. Ея прежніе владѣльцы, распоряжавшіеся раньше землями безконтрольно, остаются по прежнему распорядителями своихъ земель и могутъ на нихъ засѣвать и сдавать сколько имъ угодно; лишь излишки, не засѣянные, не сданные ими, изъемлются изъ ихъ распоряженій и поступаютъ въ распоряженіе новаго претендента. Коренной ломки, такимъ образомъ, въ правовыя отношенія между крестьянами и собственниками, этими правилами еще невносится, остаются въ силѣ прежнія. Самое большое и важное изъ этихъ ограниченій то, что излишки земель, которые не могутъ быть засѣяны ими самими, отбираются Волостными Комитетами и передаются въ распоряженіе крестьянства, которое распоряжается ими по своему усмотрѣнію,какъ захочетъ, не спрашивая на то согласія хозяина.

Ограниченіе необычайно разумное и цѣлесообразное для того времени, когда обострившіяся отношенія между деревней и владѣльцемъ могли заставить послѣдняго и не сдавать этихъ излишковъ.

Однако на этомъ крестьянскій съѣздъ не остановился.

Больнымъ и спорнымъ вопросомъ въ это время былъ вопросъ объ аренде. За эти два года войны арендная плата поднялась до бѣшенной, небывалой еще высоты. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ я говорилъ уже выше,

она дошла до 60—70 рублей за десятину, при чемъ одна треть должна быть внесена въ видѣ задатка до посѣва. Оставить этотъ вопросъ въ прежнемъ положеніи—это значило бы оставить бѣднѣйшее крестьянство безъ посѣва или же подтолкнуть его на разгромы. Нужно было найти какой то компромиссъ, чтобы такъ или иначе этотъ вопросъ урегулировать и крестьянскій съѣздъ этотъ компромиссъ находитъ. „Цѣны на землю, говорится въ постановленіяхъ съѣзда, могутъ быть опредѣлены исходя изъ цѣны на эти участки передъ войной съ пониженіемъ на три четверти“ „такое значительное пониженіе—говорится дальше—диктуется Государственной необходимостью, громаднымъ рискомъ со стороны посѣвщика, обѣдненіемъ крестьянскаго хозяйства рабочими силами, несоотвѣтствіемъ цѣнъ на городскіе товары и хлѣбъ.

Какъ видите, въ этомъ вопросѣ руководили, главнымъ образомъ, государственныя соображенія, а не только мѣстные интересы.

Дальше слѣдуютъ пункты о лугахъ и о разрѣшеніи споровъ. Ничего существенвеннаго они въ себѣ не содержатъ, а развиваютъ только мысли, изложенныя въ основныхъ положеніяхъ.

Въ вопросѣ о лугахъ помѣщику предоставляется также право оставлять сколько ему нужно для потребленія своего хозяйства, включая, очевидно, сюда и поставку другимъ лицамъ и учрежденіямъ и только излишки передавать въ распоряженіе Комитетовъ. Значитъ и въ этомъ вопросѣ его преимущества остаются ненарушимыми.

Итакъ, сдѣлавъ общую сводку постановленіямъ перваго съѣзда, мы видимъ, что аграрное движеніе и запросы крестьянства на немъ приняли такую форму, какая являлась наиболѣе отвѣчающей потребностямъ и задачамъ даннаго момента и наиболѣе обезпечивающей сохраненіе государственныхъ интересовъ; форму, которая являлась пріемлемой не только для широкихъ слоевъ крестьянства, но и для Временнаго Правительства. Этимъ можетъ быть и объяснится, что Временное Правительство, хотя офиціально и не утвердило этихъ постановленій, но относилось къ нимъ терпимо и доброжелательно, не такъ какъ къ правиламъ второго Крестьянскаго Съѣзда.

III.

Значеніе постановленій 1-го Съѣзда для губерніи.

Какую же роль сыграли эти постановленія въ жизни Самарскаго крестьянства и вообще губерніи.

Русская революція, разбивъ старые законы и порядки, не успѣла еще создать къ этому времени новыхъ законовъ, регулирующихъ жизнь деревни. А

между тѣмъ въ этихъ законахъ, въ это переходное время являлась громадная потребность. Не установить никакихъ правилъ общежитія въ особенности въ столь сложномъ вопросѣ, какъ земельный, значило бы предать деревню, привыкшую жить по нормѣ въ руки анархіи.

Этимъ закономъ и являлись правила перваго съѣзда.

Цѣлыхъ полтора мѣсяца, а это очень много для такого бурнаго времени, какъ русская революція, постановленія перваго съѣзда были единственнымъ закономъ регулирующимъ взаимоотношенія крестьянства съ частновладѣльцами. Трудно себѣ представить, что могло бы случиться, если бы не существовало этихъ постановленій.

Вліяніе ихъ на деревню огромно, безъ нихъ не разбиралося ни одного дѣла.

Я помню такой случай. Въ одной волости, куда съѣхались крестьяне для рѣшенія своихъ земельныхъ вопросовъ, дѣлопроизводитель, или по прежнему писарь, затерялъ экземпляръ этихъ правилъ. Послали въ сосѣднюю волость за другимъ экземпляромъ. Ждали долго, утомились. Наконецъ кто то не выдержалъ и замѣтилъ:

— Давайте рѣшать безъ нихъ...

— Что вы!!!—Съ испугомъ набросились на него всѣ—Какъ можно... Сдѣлаешь что нибудь не такъ, тогда что же получится?

Изъ этого дружнаго крика удивленія, который невольно вырвался изъ устъ всѣхъ собравшихся, я понялъ что эти правила для нихъ не пустая бумажка, какъ мы полагали въ городѣ, а дѣйствительный законъ, авторитетный мощный голосъ.

И такъ прождали до поздней ночи пока не возвратился посолъ съ правилами.

При существующей высокой арендной цѣнѣ и заведенныхъ порядкахъ—платить треть впередъ—многіе бѣдняки и въ особенности вдовы и солдатки могли засѣять очень мало, а нѣкоторые и совсѣмъ могли остаться безъ посѣва. Теперь, устранивъ это препятствіе, правила даютъ возможность засѣять всѣмъ безъ исключенія. Сѣяли всѣ, кому только не лѣнь было. Засѣяли даже тѣ, которые раньше никогда даже и не занимались земледѣліемъ какъ то сапожники, портные и т. п. И въ этомъ ихъ главное значеніе.

По статистикѣ Губернскаго Продовольственнаго Комитета увеличеніе посѣвной площади выразилось въ такихъ цифрахъ.

Ржи было засѣяно:

Въ 1916 г.	872,173	десятины.
1917 г.	1,110,884	„

Пшеницы:

1916 г.	1,850,609	дес.
1917 г.	2,346,217	„

Всѣхъ пяти хлѣбовъ:

1916 г. . . . . . 3,179,889 дес.
1917 г. . . . . . 4,009,789 „

Больше, чѣмъ въ предыдущемъ почти на цѣлый милліонъ.

Эго такія цифры, которыя при скромномъ урожаѣ дали бы намъ лишняго хлѣба въ 50—60 милл. пудовъ.

Этого мало. Посѣвная площадь 17 года, несмотря на сокращеніе въ деревняхъ рабочихъ рукъ, превышаетъ посѣвную площадь 11, 12 и 13 г.г. предшествующихъ войнѣ съ избыткомъ.

Такъ въ 1911 г. всего было засѣяно по даннымъ Губернскаго Земства 4,199 тыс. дес.

Въ 1912 г. . . . . . . 3,979 т. д.
1913 г. . . . . . . 4,206 т. д.
а въ 1917 г. . . . . . . 4,325,200 десят. (всѣхъ хлѣбовъ).

Во всѣ три года площадь посѣва была значительно меньше площади 17 года на круглую цифру въ 100—200 тысячъ десятинъ.

Я указываю на эти три года потому, что въ одинъ годъ могло быть случайнымъ это увеличеніе. Оно могло произойти вслѣдствіе того, что къ этому времени могли возвратиться нѣкоторые годы съ фронта. Но цѣлый рядъ годовъ съ меньшимъ количествомъ, говоритъ уже о томъ, что это увеличеніе не случайность, а явленіе, вызванное какими то особыми причинами.

Это увеличеніе могло быть слѣдствіемъ естественнаго прироста населенія, обычно происходящее каждый годъ. Но въ данномъ случаѣ это не могло имѣть мѣста, ибо весь этотъ приростъ съ значительнымъ количествомъ основного населенія, находился на театрѣ военныхъ дѣйствій и слѣдовательно значительнаго вліянія на увеличеніе посѣвной площади не могъ оказать.

Этой причиной, несомненно, явились постановленія перваго съѣзда, давшія возможность увеличить весеннюю запашку на громадную цифру въ 500—600 тыс. десятинъ.

IV.

Передъ вторымъ съѣздомъ (май мѣсяцъ).

Съ наступленіемъ весны и приближеніемъ покосовъ, отношеніе крестьянъ къ земельному вопросу стало измѣняться. Общая революціонная волна, достигшая въ это время въ городахъ высшаго напряженія, докатившись до деревни, оказала на крестьянскія массы значительное вліяніе. Настроеніе въ деревнѣ стало подниматься. Старыя земельныя правила, изданныя первымъ крестьянскимъ съѣздомъ, оставлявшія еще по прежнему помѣщика хозяиномъ своихъ земель и сохранявшія ненавистную арендную плату, не удовлетворяли

крестьянство. Почувствовавшей свою силу и слабость врага деревнѣ нужно было видѣть проявленіе этой силы въ какихъ либо реальныхъ и ощутимыхъ формахъ. Свобода для него была неразрывна съ землей, старыя уступочки уже не удовлетворяли.

Прежняя робость „высшаго начальства", такъ много мѣста занимавшая вначалѣ революціи, стала теперь съ каждымъ днемъ слабѣть и падать и замѣняться новымъ чувствомъ—чувствомъ увѣренности въ своей силѣ и въ своихъ правахъ на эту землю. Каждый новый день, приносящій имъ все новыя и новыя побѣды, убѣждалъ ихъ, что „начальства", какъ большого, такъ и малаго, бояться, собственно, нечего, это начальство будетъ безсильно справиться съ ихъ мощью, оно и не посмѣетъ выступить противъ нея.

Рабочее движеніе, завоевавшее восьмичасовой рабочій день, сыграло въ повышеніи требованій крестьянъ большую роль. Видя, что рабочіе не ожидаютъ разрѣшенія своихъ экономическихъ нуждъ никакими законод. учрежденіями и берутъ все съ боя—крестьяне приходили къ заключенію, что и имъ нужно поступать также „Что жъ, говорили мнѣ крестьяне—мы будемъ ждать, платить, а рабочіе будутъ брать, они не ждутъ. Чего же мы будемъ ждать".

Ждать было нечего, ибо въ верхахъ,—Временное Правительство, попрежнему сыпало телеграммами, что частная собственность неприкосновенна, что частная собственность священна—и оставляла этотъ вопросъ попрежнему не разрѣшеннымъ. Положеніе мѣстныхъ органовъ Власти было нелѣпое, съ одной стороны всѣми сознавалось, что старыя формы правовыхъ отношеній въ земельномъ вопросѣ не могутъ удовлетворять крестьянство, сохраненіе ихъ неизбѣжно поведетъ къ анархіи и безпорядкамъ; съ другой стороны—власти **предписываютъ** сохранять этотъ порядокъ, а неисполненіе ихъ предписаній дискредитируетъ эту власть и ведетъ также къ анархіи. Получалось топтаніе на мѣстѣ.

Видя это топтаніе и робость, съ которою подходили власти къ земельному вопросу, крестьянство отчаялось въ своихъ ожиданіяхъ и само взялось за разрѣшеніе этого вопроса на мѣстахъ.

Во время своей поѣздки по губерніи въ началѣ мая я захватилъ это движеніе уже въ полномъ разгарѣ. Я былъ поставленъ предъ такой стихіей, которая ломаетъ на своемъ пути все, пытающееся задержать ее или остановить. Вотъ что я тогда писалъ въ своемъ докладѣ въ Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ по возвращеніи изъ этой поѣздки.

„... Съ перваго же дня выяснилось, что самый больной и животрепещущій вопросъ въ настоящее время въ деревнѣ—это вопросъ о распредѣленіи луговъ и покосныхъ угодій. Не имѣя готовыхъ формъ и строго опредѣленной инструкціи о пользованіи таковыми угодіями, крестьянство находится въ нѣкоторой растерянности. Оно не знаетъ какъ использовать эти свалившіяся къ нимъ богатства. Не получивъ никакихъ указаній свыше, они

начинаютъ прибѣгать **къ излюбленному способу захватовъ и самовольныхъ потравъ**. На этой почвѣ происходятъ недоразумѣнія и пререканія, обостряющія отношенія крестьянства. Съ перваго же дня я убѣдился, что оставить деревню безъ помощи на произволъ судьбы было бы преступленіемъ съ моей стороны, это значило бы ввергнуть деревню въ анархію и разруху."

Почти вездѣ и всюду я наблюдалъ одно и тоже. Поднявшаяся деревня, почувствовавъ за собою силы, перестала признавать частныхъ владѣльцевъ за хозяевъ. Луга отбирали въ общее пользованіе и распредѣляли между всѣми. Тамъ гдѣ это по какимъ либо причинамъ не удавалось сдѣлать или по тому, что землевладѣлецъ препятствовалъ этому, или же сами крестьяне еще не рѣшались на такой смѣлый шагъ—начались потравы, вытаптыванія, уничтожались самые лучшіе покосы безъ всякой жалости. Самарской губерніи грозила опасность остаться безъ сѣна.

— Что же вы дѣлаете?—говорилъ я въ одной деревнѣ.—Вѣдь вы себя губите.

— А что-жъ... намъ смотрѣть что ли....—отвѣчали мнѣ съ какимъ-то озлобленіемъ и рѣшительностью. Цѣловаться что-ли съ нимъ!

— Но вѣдь вы себѣ вредъ дѣлаете... себя губите!

И пусть.... а платить мы ему не будемъ.....

— Вы же и будете голодать!

— Намъ не привыкать......

И это говорилось съ такой настойчивостью и увѣренностью, что я нисколько не сомнѣвался въ томъ, что именно такъ и будетъ.

Во многихъ селахъ отношенія получались еще сложнѣе. Владѣлецъ, пользуясь правомъ собственника и основываясь на распоряженіяхъ Временнаго Правительства, сдавалъ принадлежащіе ему луга одному селу, а ихъ захватывали и претендовали на нихъ крестьяне другого села. Начинался споръ уже между селами, большей частью кончающійся опять таки уничтоженіемъ покосовъ. Къ счастью крестьяне скоро сами поняли, что такой порядокъ разрѣшенія наболѣвшихъ вопросовъ не можетъ дальше продолжаться. Нужно было искать другія формы, регулирующія взаимоотношенія деревни и предупреждающія острыя столкновенія. Такой формой явилась организація районныхъ съѣздовъ.

Съ организаціей районныхъ съѣздовъ аграрное движеніе принимаетъ болѣе организованныя и устойчивыя формы. Всѣ недоразумѣнія, возникающія между селами, отдѣльными лицами и владѣльцами, поступаютъ на ихъ разрѣшеніе. Крестьянство, испугавшееся начавшихся неурядицъ и вообще привыкшее къ мирному способу разрѣшенія своихъ вопросовъ, подчиняется имъ очень охотно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе земельнаго вопроса принимаетъ вполнѣ опредѣленное и ясное направленіе. Всѣ луга и земли частновладѣльцевъ поступаютъ въ полное распоряженіе этихъ съѣздовъ и распре-

дѣляются ими по своему усмотрѣнію. Владѣльцы, какъ хозяева, устраняются совершенно отъ распоряженія своими землями, и самимъ имъ отводится столько, сколько приходится по выработанной нормѣ на общемъ основаніи. Для иллюстраціи привожу выписку изъ протокола одного такого раіоннаго съѣзда.

„О лугахъ.— Всѣ луга безъ исключенія поступаютъ въ распоряженіе комитета. О распредѣленіи луговъ постановили: распредѣлить луга по количеству наличнаго скота пропорціонально. **Владѣльцамъ оставляется на общихъ сеннованіяхъ наличный скотъ.**

Вотъ и еще одна:

„Выписка изъ постановленія Кабановскаго Волостного Комитета Народной Власти о порядкѣ пользованія бывшими помѣщичьими и частновладѣльческими выгонными землями и отводъ ея“,—которую я, какъ историческую цѣнность, привожу всю цѣликомъ.

1) Отмѣнить торги на выгонныя и укосныя угодья, предоставивъ эти земли нуждающемуся въ нихъ населенію волости, всѣхъ близко лежащихъ селеній, хотя бы и разныхъ волостей, по цѣнамъ установленнымъ Волостнымъ Комитетомъ; на выгонныя земли по 1 руб. 50 коп. за десятину въ 4000 квад. саж., на укосныя же цѣны определить по выясненіи ея роста на мѣстѣ,

2) Отвести каждому селенію волости по числу имѣющагося скота изъ разсчета по 3 головы на десятину въ 4000 кв. саж., указать каждому селенію межи; при чемъ въ случаѣ перегона скота, за назначенныя межи, какъ цѣлыми табунами, за которые отвѣчаетъ пастухъ, такъ и отдѣльными лицами, на виновныхъ накладывается штрафъ въ пользу Волостного Комитета Народной Власти въ размѣрѣ 1 руб. въ первый разъ, 2 руб. во второй и 3 руб. въ третій разъ съ каждой головы.

3) **Въ первую голову отводится бывшимъ помѣщикамъ и частновладѣльцамъ по одной десятинѣ въ 4000 кв. саж. на 3 головы крупнаго рогатаго скота, для мелкаго же скота по одной десятинѣ въ 4000 кв. саж. на 9 головъ.**

Для исполненія этого постановленія командируются Волостной Комиссаръ Тимофей Автомоновъ Носовъ и съ народной милиціей со всѣми полномочіями.

4) Въ случаѣ неисполненія кѣмъ-либо изъ служащихъ бывшихъ помѣщиковъ и частновладѣльцевъ законныхъ требованій Волостного Комитета, въ отношеніи пользованія ихъ землями, лугами и выгонами и лѣсомъ, то такихъ лицъ немедленно отстранять отъ занимаемыхъ ими должностей Постановленіями Волостного Комитета.

Этотъ протоколъ отъ 8-го Мая.

Такихъ постановленій къ намъ въ комитетъ Нар. Вл. и Сов. Кр. Деп поступало со всѣхъ концовъ Самарской губерніи десятки. Изъ нихъ мы видѣли, что въ деревнѣ происходитъ страшно упорная ломка, идетъ громадная творческая работа по выработкѣ новыхъ нормъ землепользованія.

Такая ломка происходила во всѣхъ уѣздахъ. Вотъ, напримѣръ, что заявилъ представитель Новоузенскаго уѣзда, одного изъ самыхъ многоземельныхъ уѣздовъ, гдѣ казалось бы вслѣдствіе многоземелья не должно быть мѣста никакимъ захватамъ, на засѣданіи Земельнаго Комитета отъ 27 го Іюня: „Временныя Правила Губерни. съѣзда о пользованіи землей для Новоузенскаго уѣзда **оказались запоздавшими**;—до изданія ихъ населеніе въ большинствѣ случаевъ, приступая къ распредѣленію частновладѣльческихъ земель оставляло за владѣльцами столько земли, сколько онъ обязывался обработать и безпорядковъ при такомъ раздѣлѣ не было. Сѣнокосы распредѣлялись какъ на частновладѣльческихъ, такъ и на надѣльныхъ земляхъ, по количеству головъ скота, при чемъ во время сѣнокоса была проявлена тенденція взять въ вѣдѣніе Комитета Народной власти и земли казенныя".

Для насъ было очевиднымъ, что второй крестьянскій Съѣздъ, созываемый Сов. Кр. Депут. на 25-е Мая, будетъ поставленъ предъ совершившимся фактомъ.

V°.

Второй Крестьянскій Съѣздъ.

Второй Крестьянскій Съѣздъ собрался въ такую эпоху, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земельный вопросъ былъ уже разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, въ другихъ онъ только еще вставалъ на очередь. Анархія въ такихъ деревняхъ наростала съ быстротой ужасающей. Старыя правила, вынесенныя первымъ Съѣздомъ, потеряли свое обаяніе и не могли уже удовлетворять Самарское крестьянство. „Въ дѣлѣ Совѣта уже съ ранней весны — говорится въ отчетѣ Сов. Кр. Деп.—хранились дѣла о потравѣ, о порубкахъ лѣса и проч., поступали жалобы изъ Бугурусланскаго уѣзда и др. Жаловалась помѣщица Осоргина, Усаковская, землевлад. Куроѣдовъ и др. **Призракъ страшныхъ аграрныхъ безпорядковъ носился надъ губерніей"**. Во многихъ губерніяхъ эти кровавые безпорядки уже начались. Нужно было и у насъ искать выходъ, чтобы предотвратить эту угрозу.

Положеніе было критическое. Временное Правительство продолжало бомбардировать насъ запугивающими телеграммами: „По полученнымъ въ Министерствѣ свѣдѣніямъ, говорится въ одной изъ такихъ телеграммъ, полученной какъ разъ въ это время, функціонирующія въ разныхъ мѣстностяхъ Самарской губерніи подъ наименованіемъ Исполн. Ком. Нар Власти **уѣзд-**

ныя и волостныя организаціи издаютъ правила, опредѣляющія порядокъ, способы и условія частнаго землепользованія, даютъ предписанія владѣльцамъ... Такія распоряженія названныхъ Комитетовъ аннулируютъ и **ограничиваютъ право собственниковъ** и владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и являются актомъ.... явно незакономѣрнымъ".

Телеграмма эта была прочитана на Съѣздѣ, однако никакого впечатлѣнія она не произвела на него. Настроеніе съѣзда настолько было рѣшительное и безповоротное, что участники съѣзда, игнорируя эту телеграмму, рѣшили пойти противъ распоряженій Временнаго Правительства, но взять эту стихію въ свои руки и придать ей организованныя формы, чтобы не допустить въ Самарской губерніи аграрныхъ безпорядковъ, „призракъ которыхъ уже носился надъ губерніей". Сознаніе опасности чувствовалось всѣми на столько остро, что оно сыграло рѣшающую роль въ рѣшеніи судебъ Самарской губерніи. Всѣ ораторы, около 40 человѣкъ, высказывались въ одномъ направленіи, въ томъ духѣ, что земля должна быть взята немедленно на учетъ, если же этого не сдѣлать—безпорядки въ губерніи неизбѣжны. Всѣ крестьяне ждутъ только постановленій съѣзда.

Объ этомъ же и съ такою же категоричностью говорили и всѣ привезенные делегатами наказы съ мѣстъ числомъ **около двухсотъ штукъ**, и которые до сего времени хранятся у меня, какъ историческая цѣнность.

„Благоразумныя рѣчи товарища Игаева—говорится въ отчетѣ объ этомъ съѣздѣ Тов. Предсѣдателя гр. Панюжева—вызывали протестъ—не дѣйствовали.

Даже резолюція Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, составленная въ декларативно напыщенной формѣ, не указывая прямого выхода изъ создавшагося положенія—не удовлетворила.

Такъ нельзя было говорить—продолжаетъ тотъ же авторъ—съ губерніей, гдѣ точетъ многоводная Волга, гдѣ вѣетъ вольный духъ Степьки Разина, гдѣ изстари бродила вольница въ вольныхъ степяхъ".

Для характеристики настроенія съѣзда приведу небольшія выдержки изъ рѣчей нѣкоторыхъ ораторовъ.

„Я думаю,—говоритъ крестьянинъ Егоровъ—что земля неразрывно связана съ свободой... Съ землей нужно покончить сейчасъ же"..

„Если мы теперь не возьмемъ земли—говоритъ другой крестьянинъ, то мы можемъ въ будущемъ ее не получить. Соціалъ демократы—рабочіе, намъ говорятъ, что мы должны ждать полученія земли, сами поступаютъ далеко не такъ—заработанную плату они теперь же увеличили, потому и мы не будемъ ждать".

Этотъ аргументъ приводился потомъ многими другими ораторами и сыгралъ, большую роль на крестьянскомъ съѣздѣ.

Представители магометанства высказывались въ томъ же духѣ.

„Прошу обратить вниманіе—говорилъ Мухаметъ-Мустафіевъ, представитель Самарскаго татарства—и послушать о землѣ....

Если мы сейчасъ земли не возьмемъ, то прощай наша земля и воля."

„...Деревня волнуется—говорилъ представитель колонистовъ—бросаются другъ на друга. Если вы сейчасъ не разрѣшите этого вопроса—гибель будетъ".

И такъ всѣ ораторы.

Въ приведенныхъ рѣчахъ ораторовъ, дѣйствительно сказалось общее настроеніе крестьянства Самарской губерніи, сказался духъ времени и знаніе народнаго быта: въ нихъ вылилась та страстная тоска о землѣ и боль, которыя вѣками мучили русское крестьянство и давили его сознаніе; порой въ нихъ смѣшалось негодованіе и, пожалуй, гнѣвъ вѣками затравленнаго звѣрячеловѣка, но не было ни призыва къ Анархіи, какъ многіе потомъ говорили, ни отрицанія государственности порядка.

Многіе пытались потомъ объяснить постановленія 2-го Съѣзда моимъ „дурнымъ вліяніемъ на крестьянъ и вліяніемъ тов. Брушвита." Если бы не они, говорили потомъ эти господа и даже люди партійные этого бы не было".

Наивные люди, замѣчу я кстати. Какъ они просто разрѣшаютъ такіе сложные и великіе вопросы! Если бы не было Климушкина и Брушвита—былъ бы Ивановъ, Петровъ, Сидоровъ и т. д., ибо и я и Брушвитъ явились лишь простыми выразителями воли собравшихся, истолкователями того мощнаго движенія, которое широкой волной поднималось изъ самыхъ нѣдръ народа. Наша роль заключалась только въ томъ, что мы, понявъ неотразимость этой стихіи, ея неорганизованность-вполнѣ сознательно, отдавая себѣ отчетъ и, руководствуясь глубокими принципіальными соображеніями, встали во главѣ этого движенія и постарались придать ему осмысленный, организованный и безболѣзненный характеръ. Заслуга ли въ этомъ наша или вина—объ этомъ скажетъ исторія.

Несомнѣнно одно: вопросъ этотъ гораздо сложнѣе нежели его представляютъ себѣ очень многіе, и объяснять его развитіе вліяніемъ одного или двухъ человѣкъ значило бы не понимать законовъ исторіи.

Теперь разсмотримъ въ какія же формы и выраженія вылилось народное настроеніе, его запросы и требованія въ земельномъ вопросѣ на второмъ Крестьянскомъ Съѣздѣ.

VII.

Временныя правила пользованія землею.

Второй Крестьянскій Съѣздъ по примѣру перваго оставилъ послѣ себя временныя правила пользованія землею до Учредительнаго Собранія.

Временныя правила землепользованія, выработанныя съѣздомъ, имѣли колоссальное значеніе для жизни всей Самарской губерніи.

Они, можно сказать, сыграли историческую роль въ ея судьбахъ.

Въ свое время вокругъ нихъ создалось столько шуму и борьбы, что Самарская губернія благодаря нимъ, заняла въ глазахъ Временнаго Правительства и русскаго общества особое мѣсто, мѣсто въ разрядѣ сепаратистскихъ губерній. Поэтому ограничиться краткимъ изложеніемъ этихъ правилъ, или просто упоминаніемъ о нихъ, было бы съ моей стороны большимъ преступленіемъ, постараемся остановится болѣе подробно на нихъ.

Сущность временныхъ правилъ можно выразить въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Общее положеніе.

„Въ основу дѣятельности впредь до созыва Учредительнаго Собранія Волостные Комитеты и другія учрежденія должны положить не интересы одного села или волости, а благо всего трудового народа и всего государства. Съ этой цѣлью они должны руководствоваться слѣдующими правилами:

Пунктъ 1-й. Немедленно должны быть прекращены всякія сдѣлки по куплѣ—продажѣ земель, а также торги и залоги ихъ и вообще всякій переходъ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія и пріостановленъ выходъ на отруба.

Въ этомъ пунктѣ ничего еще „антизаконнаго“ нѣтъ. Такой же указъ былъ изданъ и Временнымъ Правительствомъ.

Пунктъ второй говоритъ объ организаціи дружинъ, товариществъ и т. п. Ничего существеннаго въ правовыя отношенія онъ не вноситъ.

П. 3. „Всѣ заключенныя до сего времени на землю контракты, договоры и условія, долгосрочные и годовые считаются не дѣйствительными и условія, долгосрочныя и годовыя считаются не дѣйствительными и никакой силы обязательства не имѣютъ впредь до окончательнаго рѣшенія этого вопроса Учредительнымъ Собраніемъ.

Этотъ пунктъ, уже, какъ видимъ, вноситъ въ земельныя отношенія деревни много новаго существеннаго. Имъ сразу же убиваются всѣ существовавшія до сего времени обязательства и права собственниковъ сводятся до минимума. Этимъ, второй съѣздъ, собствено говоря, сдѣлалъ то, что по законодательнымъ нормамъ, не отмѣненнымъ пока еще, могло сдѣлать только Временное Правительство, но отнюдь не самочинный съѣздъ, какъ тогда его называли оффиціальные органы.

Но все же самое существенное, важное, нанесшее окончательный ударъ частной собственности, содержится въ слѣдующемъ четвертомъ пунктѣ.

Онъ гласитъ:

„Всѣ земли частновладѣльческія, казенныя, банковскія, удѣльныя, монастырскія, кабинетскія и церковныя и вообще всѣ земли, необрабатываемыя собственнымъ трудомъ, немедленно же поступаютъ въ вѣдѣніе и подъ контроль земельныхъ комитетовъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то Комитетовъ Народной Влас-

ти, которые и становятся отъ сего времени фактическими распорядителями ихъ впредь до рѣшенія этого вопроса Учредительнымъ Собраніемъ. Поименованныя земли составляютъ общій народный фондъ, изъ котораго и будутъ удовлетворяться потребности населенія".

Этотъ пунктъ, какъ вѣрно выразился одинъ изъ участниковъ съѣзда—душа земельныхъ правилъ. Имъ окончательно и можетъ быть бесповоротно, ликвидируются всѣ права частныхъ владѣльцевъ и ихъ преимущества.

Въ началѣ, въ редакціи комиссіи, въ этотъ пунктъ были внесены и земли колонистовъ, отрубщиковъ и инородцевъ. Особенно сильное озлобленіе вызвали г.г. отрубщики и руководителямъ съѣзда большихъ усилій стоило, чтобы исключить эти земли изъ этого пункта. Въ концѣ концовъ упорство крестьянъ было сломлено и земли колонистовъ и инородцевъ были исключены, а относительно земель отрубщиковъ было вынесено компромиссное рѣшеніе, въ которомъ говорилось, что имъ оставляются ихъ земель столько, сколько они могутъ обрабатывать силами своего хозяйства.

П. 7 еще рельефнѣе и рѣзче выражаетъ мысль, высказанную въ четвертомъ и какъ бы пополняетъ ее.

„Владѣльцы поименованныхъ въ п. 4 земель, говорится въ немъ—совершенно устраняются отъ распоряженія принадлежащими имъ землями и сами обрабатываютъ только тѣ земли и то количество, какое будетъ указано имъ земельными комитетами . . ."

Въ дальнѣйшихъ пунктахъ говорится о томъ, какъ и между кѣмъ распредѣляются эти земли. Существеннаго въ нихъ ничего не содержится и поэтому я не буду на нихъ останавливаются.

Вкратцѣ изложу сущность другихъ отдѣловъ.

Объ инвентарѣ.

Весь инвентарь частныхъ владѣльцевъ живой и мертвый берется на учетъ земельными комитетами и владѣльцамъ оставляется такое количество, какое имъ нужно для обработки засѣянныхъ ими полей; излишки поступаютъ въ распоряженіе мѣстныхъ комитетовъ, которые и передаютъ ихъ на льготныхъ условіяхъ неимущему населенію

О лугахъ.

Всѣ луга, въ чьемъ бы они раньше вѣдѣніи ни находились, поступаютъ въ распоряженіе мѣстныхъ общинъ и распредѣляются между всѣми гражданами не по числу человѣческихъ душъ, а по числу наличнаго скота въ данномъ хозяйствѣ. Неимущимъ, главнымъ образомъ солдаткамъ и вдовамъ, дабы дать имъ возможность обзавестись скотиной, дается луговъ на одну корову и на одну лошадь.

Вотъ въ краткихъ словахъ сущность этихъ отдѣловъ.

Теперь еще одинъ пунктъ и „Временныя правила“ закончены. Этотъ пунктъ объ арендной платѣ.

„Арендная плата, говорится въ пунктѣ первомъ этого отдѣла, за пользованіе землями, поступившими въ вѣдѣніе мѣстныхъ комитетовъ—отмѣняется; всѣ же государственные и земскіе налоги, лежащіе на этихъ земляхъ, обязано нести населеніе, пользующееся поименованными землями, кромѣ лежащихъ на нихъ недоимокъ.“

Въ особенности большую ненависть проявили крестьяне къ арендной платѣ. Когда участники съѣзда узнали, что земельная комиссія, выбранная ими для разработки временныхъ правилъ, вводитъ въ свои правила арендную плату за частновладѣльческія земли, то они пришли въ большое возбужденіе.

—А-а..., вотъ они какіе... наши защитники-то—говорили крестьяне о руководителяхъ съѣзда—на словахъ только хороши... а какъ до дѣла дошло, такъ за помѣщиковъ... Вонъ измѣнниковъ!

Намъ было опасно показаться.

—Да какъ же... старались уговорить ихъ—вѣдь онъ платитъ земству, казнѣ...

—Мы сами будемъ платить! въ пять разъ заплатимъ больше—только „не ему“, довольно платили—кричали разошедшіеся мужички и сколько ихъ ни уговаривали, не могли убѣдить въ необходимости арендной платы.

Такъ арендная плата и была провалена.

Какъ видите, читатель, изъ краткаго изложенія этихъ правилъ, основной принципъ ихъ рѣзко и отчетливо противорѣчилъ всѣмъ тѣмъ телеграммамъ и приказамъ, которые исходили въ это время отъ Временнаго Правительства. Въ нихъ дерзкой и смѣлой рукой сдѣлано то, за что не рѣшалась взяться верховная власть. Ими уничтожались всѣ тѣ права и преимущества частныхъ собственниковъ, которые такъ бережно оберегались старымъ Шингаревскимъ Министерствомъ, которые еще сохранялись постановленіями 1-го съѣзда.

Отнынѣ Самарская губернія, благодаря принятымъ земельнымъ правиламъ, становится въ рѣзкую оппозицію къ Временному Правительству.

Отнынѣ Временное Правительство смотритъ на Самарскую губернію, какъ на губернію съ уклономъ къ сепаратизму, какъ на губернію, стоящую на первомъ мѣстѣ въ разрядѣ неблагонадежныхъ губерній въ аграрномъ вопросѣ, стремящихся къ разрѣшенію этого вопроса путемъ захвата и насилія. „Самарская республика“ становится ходячимъ выраженіемъ въ кругахъ правительственныхъ и буржуазныхъ.

VII.

Проведеніе въ жизнь Временныхъ Правилъ.

Крестьянство встрѣтило временныя правила съ необычайной радостью. Вздохъ облегченія невольно вырвался изъ груди всей Самарской губерніи. То напряженное состояніе, которое наростало въ деревняхъ до второго Губернскаго Съѣзда, теперь съ рѣшеніемъ земельнаго вопроса начинаетъ переходить въ нормальныя формы. Гроза, собиравшаяся надъ Самарской губерніей и вспыхивающая было уже отдѣльными искрами, пронеслась надъ губерніей безшумно, не разразившись, оставивъ легкіе слѣды согрѣтой атмосферы. Взволнованная деревня снова получила тѣ крѣпкіе и справедливые законы, безъ которыхъ она такъ стремительно покатилась было въ пропасть.

„Деревня приняла ваши правила съ необычайнымъ энтузіазмомъ писалъ мнѣ вскорѣ послѣ съѣзда одинъ учитель изъ Ставропольскаго уѣзда. Началась новая осмысленная жизнь. Недоразумѣній не происходитъ....“

„Ваши правила встрѣчены у насъ сочувственно, писалъ другой мой корреспондентъ,—фельдшеръ изъ Николаевскаго уѣзда. Именно то, что нужно деревнѣ .. Можетъ быть потому такъ и радуются, что угадали Вы ихъ мысли.... Все идетъ прекрасно. Ждутъ рѣшенія районнаго съѣзда...“

„Товарищъ К. .. земное Вамъ спасибо отъ насъ, пишетъ одинъ крестьянинъ мнѣ изъ Бугурусланскаго уѣзда, по порученію своихъ односельчанъ.... Вы прямо насъ спасли отъ братоубійства.“

Такихъ писемъ я получалъ очень много и могъ бы привести цѣлыя страницы подобныхъ выписокъ изъ нихъ, но думаю, что достаточно и приведенныхъ, чтобы дать понять отношеніе деревни къ временнымъ правиламъ.

Десятки и сотни приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ—говорится въ томъ же отчетѣ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, который я не разъ уже цитировалъ—поступавшіе съ мѣстъ, ясно указали Совѣту, что правила самимъ народомъ властно проводятся въ жизнь и что только они одни способны предотвратить анархію.

Очень цѣнныя свѣдѣнія даютъ объ этомъ представители уѣздныхъ земскихъ комитетовъ, непосредственно принимавшіе участіе въ этомъ движеніи и лучше чѣмъ кто бы то ни было знающіе настроеніе деревни. Для того, чтобы полнѣе и всестороннѣе освѣтить отношеніе крестьянства и мѣстныхъ организацій къ временнымъ правиламъ, что имѣетъ для насъ весьма крупное значеніе, я постараюсь привести нѣкоторые выдержки изъ ихъ докладовъ.

„**Бузулукскій** Уѣздный Земскій Комитетъ—говоритъ предсѣдатель Управы Сафоновъ—собравшійся 13—17 іюня, всецѣло принялъ положенія 2 го Крестьянскаго Губернскаго Съѣзда. Предварительное обсужденіе послѣдняго въ общемъ и по пунктамъ привело почти къ единогласному рѣшенію‘

что только такимъ путемъ, который намѣтило себѣ многочисленное крестьянство, можно придти къ благопріятному рѣшенію вопроса, безъ крупныхъ эксцессовъ, только такимъ путемъ можно сохранить спокойствіе въ населеніи уѣзда... Мало того, Бузулукскій Уѣздный Земельный Комитетъ находитъ, что этотъ путь правиленъ, ибо идя по нему, крестьянство помимо того, что увеличитъ площадь посѣва на 1918 г.,—удовлетворитъ также и нужды малоземельныхъ и безземельныхъ...."

Въ такомъ же тонѣ высказались представители и Самарскаго и Николаевскаго, и Бугурусланскаго уѣздовъ.

Докладъ представителя **Новоузенскаго** уѣзда, въ которомъ онъ заявляетъ, что постановленія 2 го съѣзда оказались для ихъ уѣзда запоздавшими—я уже приводилъ, слѣдовательно, иного отношенія какъ доброжелательное въ этомъ уѣздѣ и не можетъ быть.

Представитель **Бугульминскаго** уѣзда заявилъ слѣдующее: „Бугульминскій уѣздъ, какъ извѣстно, не присоединился къ постановленію II-го Самарскаго Губернскаго Крестьянскаго Съѣзда, но при всѣхъ своихъ постановленіяхъ Уѣзднаго Земельнаго Комитета, слѣдуя требованіямъ жизни не только имѣлъ въ виду принципіальныя рѣшенія этого съѣзда, но проводилъ программу съѣзда не подчеркивая того".

Послѣ принятія земельныхъ правилъ въ деревнѣ началась необычайно крупная дѣятельность по проведенію этихъ правилъ въ жизнь. Вся губернія была покрыта сѣтью районныхъ или волостныхъ съѣздовъ, на которыхъ луга и земли распредѣлялись по общинамъ и разсматривалсь всѣ возникающія между селами недоразумѣнія. Жизнь забила новымъ горячимъ ключемъ. Но эта волна, бодрая, мощная, волна жизни и дѣятельности не пугала дѣятелей Самарскаго крестьянства, ибо въ ней они видѣли желанное творчество народнаго духа и его самодѣятельность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ недоразумѣнія между селами и конфликты между общинами увеличились, ибо крестьянству впервые пришлось практически осуществлять великій и сложный вопросъ. Десятки агитаторовъ и комиссаровъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ выѣхали для мирнаго разрѣшенія споровъ на мѣста и для организаціи районныхъ съѣздовъ. Конфликты были по большей части все несложные, происходящіе или вслѣдствіе непониманія правилъ 2-го съѣзда, или вслѣдствіе неорганизованности еще крестьянства.... Нѣкоторые изъ нихъ разрѣшались одними делегатами безъ созыва районныхъ съѣздовъ, другіе при помощи этихъ съѣздовъ. Но всѣ безъ исключенія были разрѣшены мирно, безъ кровопролитія и вооруженной силы.

Чтобы не быть голословнымъ и понятымъ неправильно, я приведу нѣкоторый фактическій матеріалъ, который удалось собрать мнѣ въ Совѣтѣ Крестьянскихъ Депутатовъ и Комитетѣ Народной Власти.

Всего, въ періодъ со дня изданія временныхъ правилъ и по августъ мѣсяцъ, приблизительно, конфликтной комиссіей при Совѣтѣ Крестьянскихъ

Депутатовъ разобрано 370 ходатайствъ и конфликтовъ между населенiемъ и владѣльцами земель. Для большой наглядности постараюсь разбить ихъ по категорiямъ.

I. Изъ этого количество дѣлъ 119—ходатайствъ солдатокъ, вдовъ и вообще бѣдняковъ, не пользующихся земельными надѣлами и теперь ходатайствовавшихъ объ удовлетворенiи ихъ таковыми съ обязательствомъ засѣять эти надѣлы, въ чемъ имъ, по какимъ либо причинамъ препятствовало или не удовлетворяло мѣстное населенiе.

II. 45 дѣлъ—конфликтовъ между отрубщиками и общинниками. При чемъ, нужно замѣтить, эти конфликты были самые сложные и острые, нерѣдко кончающiеся потравами и поджогами. Ненависть къ отрубщикамъ такъ сильно сказывалась въ средѣ крестьянской, что не спасали отъ эксцессовъ и временныя правила. Особенно острый характеръ они носили въ Бугульминскомъ уѣздѣ.

III. 3 дѣла между цѣлыми волостями.

Всѣ конфликты между волостями возникали на почвѣ распредѣленiя частновладѣльческихъ луговъ. На одни и тѣ же луга претендовало сразу нѣсколько селъ и ни одна изъ заинтересованныхъ сторонъ не хотѣла уступить другой. Однако, съ прiѣздомъ делегируемаго Совѣтомъ члена всѣ конфликты улаживались мирно.

IV. 49 дѣлъ между помѣщиками частновладѣльцами и населенiемъ всегда кончавшiеся соглашенiемъ.

V. 2 дѣла между населенiемъ Самарской губернiи и другихъ: между Сызранской Городской Управой Симбирской губернiи и населенiемъ Сызранскихъ хуторовъ Самарской губернiи изъ за луговъ. Конфликты улажены примиренiемъ.

VI. I дѣло г. Самары и населенiя Чернорѣченской волости, Воскресенской и Лопатинской Самарскаго уѣзда объ использованiи принадлежащихъ частновладѣльцамъ пожней и Красноглинскаго имѣнiя. Этотъ конфликтъ какъ самый серьезный, говорится въ докладѣ конфликтной комиссiи-комиссiя считаетъ долгомъ освѣтить его болѣе подробно. 25 iюня с. г. согласно временныхъ правилъ о землепользованiи, выработанныхъ 2 крестьянскимъ съѣздомъ, по иницiативѣ населенiя Воскресенской, Чернорѣченской и Лопатинской волостей въ Засамарской слободѣ было созвано порайонное совѣщанiе, на которое были приглашены представитель Городской и Мѣщанской Управъ, представители отъ Засамарской слободы, отъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, отъ Продовольственнаго Комитета и владѣльцы пожней, на каковомъ совѣщанiи и произошло распредѣленiе луговъ.

При распредѣленiи, совѣщанiе руководствовалось временными правилами о землепользованiи 2-го съѣзда, т. е. предложило всѣмъ претендентамъ на эти луга представить удостовѣренiя о имѣющемся наличномъ скотѣ, но владѣльцы пожней и городъ, не признавая означенныхъ временныхъ правилъ,

таковыхъ свѣдѣній не представили, а потому и оказались при распредѣленіи обойденными.

Но когда они увидѣли, что могутъ остаться совершенно безъ сѣна, если не будутъ считаться съ временными правилами, начали возбуждать ходатайство о выдѣленіи имъ луговъ на ихъ скотъ."

Что же это за конфликты и какъ они разрѣшались?

Для нѣкоторой характеристики приведу нѣсколько такихъ наиболѣе типичныхъ случаевъ.

1. Крестьяне с. Пестравки, Николаевскаго уѣзда, запахавъ свои земли и засѣявъ ихъ рожью, постановили использовать еще земли частновладѣльческія. Въ силу ли старой привычки или придерживаясь постановленій Временнаго Правительства Пестравцы обратились съ предложеніемъ объ отводѣ имъ участка къ частновл. Сурошникову, который и согласился на это. На этотъ же участокъ претендовало и другое село, Колокольцовка, категорически запретившее сдавать земли безъ вѣдома ихъ земельнаго комитета. Началось „дѣло" и тянулось цѣлыхъ двѣ недѣли, кончившееся въ концѣ концовъ самымъ мирнымъ способомъ.

2. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ есть прекраснѣйшее культурное имѣніе А. Н. Карамзина, съ коннымъ заводомъ, съ лѣсоразведеніемъ и засѣвомъ лучшихъ сѣмянныхъ травъ. Крестьяне окрестныхъ селъ, прельщенные барскими лугами, берутъ земли этого имѣнія на учетъ и оставляютъ помѣщику луговъ столько, что оставленнаго хватитъ лишь на полгода. Изъ имѣнія сыплются телеграммы, донесенія. Снова ѣдетъ представитель Совѣта на мѣсто и вопросъ разрѣшается обоюднымъ соглашеніемъ.

По большей части такія донесенія были значительно преувеличены.

3. „Три мѣсяца тому назадъ, говорится въ одномъ донесеніи, которое я почти цѣликомъ привожу—крестьяне нашего села, распропагандированные какъ слѣдуетъ безотвѣтственными ораторами большевитскаго толка, заявились скопомъ въ недавно образованный поселокъ Березовку, избили (?) отрубщиковъ и потравили у нихъ почти весь хлѣбъ. Послѣ этого заперконцы подѣлили между собою незасѣянную землю, вспахали ее и засѣяли озимыми хлѣбами..."

4. „Между Марьинскимъ обществомъ и Колокольцовскимъ возникъ конфликтъ изъ за луговъ. И то и другое село претендовало на одинъ и тотъ же участокъ, ссылаясь, одно село на то, что эти луга къ нимъ ближе, другое на то, что они издавна ихъ снимаютъ.

Конфликтъ грозилъ перейти въ рукопашную схватку, но съ пріѣздомъ делегата разрѣшился самымъ миролюбивымъ образомъ: спорные луга отвели и первому и второму обществу.

Какъ видитъ читатель изъ этого краткаго обзора дѣятельности конфликтной комиссіи всѣ недоразумѣнія кончались мирнымъ путемъ безъ кровопролитія и безъ разгромовъ.

Оговариваюсь, рѣчь идетъ только о періодѣ до сентября мѣсяца. О дальнѣйшемъ—будетъ сказано, въ свое время.

Большую смуту въ деревенскія отношенія вносили уѣздные комиссары и Комитетъ Народной Власти. Почти всѣ они были крайне удивлены радикальностью и рѣзкостью рѣшенія 2-го съѣзда. Связанные служебнымъ долгомъ и тѣми телеграммами которыя они получали отъ Министерства, большинство изъ нихъ попыталось встать на формальную точку зрѣнія и отдѣлаться пустыми предписаніями о подчиненіи Времен. Правительству и о исполненіи его распоряженій. Попадая въ деревню, эти телеграммы вселяли тамъ, однако, большую тревогу и разстройство, разрушая подчасъ то, что было создано большими усиліями и продолжительной работой и задерживая проведеніе въ жизнь земельныхъ правилъ.

Но были и такіе комиссары, которые, оставаясь вѣрными правительственнымъ распоряженіямъ, оказывали самое энергичное и искреннее противодѣйствіе этимъ постановленіямъ. Не ограничивались только формальными разъясненіями, какъ это сдѣлало большинство, они въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣненія правилъ, становясь на сторону частновладѣльцевъ, отмѣняли ихъ и угрожали за проведеніе въ жизнь вооруженной силой. Изъ деревень посылались тревожныя вѣсти, такъ что Комитетъ Народной Власти вынужденъ былъ обратиться ко всѣмъ уѣздамъ съ грознымъ предписаніемъ не препятстствовать проведенію правилъ 2-го съѣзда, въ противномъ случаѣ, къ лицамъ оказывающимъ таковыя препятствія, будутъ примѣнены суровыя мѣры.

Какъ на примѣръ такого противодѣйствія можно указать на комиссара Николаевскаго уѣзда Медвѣдева.

„Нѣкоторая путаница—говоритъ представитель Ник. Зем. Управѣ въ своемъ докладѣ Земельному Комитету—при распредѣленіи получалась въ силу разногласія между Уѣзднымъ и Волостнымъ Комитетами. Получилось такое положеніе въ силу вмѣшательства Николаевскаго уѣзднаго Комиссара Медвѣдева въ намѣчающееся распредѣленіе земель... но комиссаръ Медвѣдевъ нашелъ дѣйствія въ Земельномъ Комитетѣ не законными и нетерпимыми и слалъ свои предписанія и грозилъ къ ослушникамъ примѣнить военную силу.“

Благодаря этому стороннему вмѣшательству произошла задержка въ распредѣленіи и слѣдовательно въ запашкахъ земли“.

Это вмѣшательство Мѣдведева вносило большую смуту въ земельныя отношенія, такъ что Самарскій Губернскій Земельный Комитетъ вынужденъ былъ принять слѣдующую резолюцію: „Самарскій Г. Ком. заслушавъ докладъ члена Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ гражданина Сидорова, а также заслушавъ предписаніе Медвѣдева отъ 1) VIII—1917 г. № 1678 на имя волостныхъ организацій и Николаевскаго Комитета, постановилъ: обратить вниманіе г. Губернскаго Комиссара для принятія соотвѣтствующихъ

мѣръ, на то, что комиссаръ Медвѣдевъ незаконно вмѣшивается въ дѣятельность земельнаго комитета и своими распоряженіями, далеко несогласованными съ мѣстными условіями, мѣшаетъ работамъ земельныхъ комитетовъ уѣзда."

Изъ уѣздныхъ комитетовъ особенное противодѣйствіе пытался было оказать у. Самарскій, во главѣ котораго стоялъ гражданинъ Голодковскій. Не раздѣляя постановленій второго съѣзда, главнымъ образомъ ихъ радикальности въ арендномъ вопросѣ Самарскій Ком., по настоянію г. Голодковскаго, принялъ земельныя правила Губернскаго Съѣзда лишь къ свѣдѣнію, постановивъ руководствоваться своими прежними. Для переговоровъ съ предсѣдателемъ Голодковскимъ, Совѣтомъ Крестьянскихъ Депутатовъ была назначена особая делегація, которая заявила, что если онъ и впредь будетъ вести такую же политику противодѣйствія, то Губернскій Комитетъ Народной Власти не смотря на его высокое положеніе и выборность вынужденъ будетъ не только устранить его отъ должности, но еще и привлечь къ отвѣтственности, какъ лицо противодѣйствующее революціонному движенію.

Въ концѣ концовъ, говорится въ отчетѣ Совѣта — жизнь побѣдила и нынѣ всюду въ губерніи земельный вопросъ уладился вполнѣ безболѣзненно: нѣтъ ни сожженныхъ усадебъ, расхищенныхъ лѣсовъ и не было ни одной жертвы на почвѣ дѣлежа земли".

Большинство комитетовъ, какъ и комиссаровъ осталось пассивно: ни содѣйствовало, ни противодѣйствовало. Но и эта пассивность подчасъ ничѣмъ не объяснимая, приносила большой вредъ дѣлу крестьянскому. Крестьянство, оставшись безъ ближайшихъ руководителей и не получая отъ нихъ никакихъ разъясненій, вынуждено было ощупью своими силами разбираться въ этомъ сложномъ земельномъ вопросѣ. Отсюда происходило масса ненужныхъ лишнихъ недоразумѣній и конфликтовъ, которые при ихъ горячемъ и энергичномъ участіи могли бы не случиться. Дѣло организаціи крестьянства, такимъ образомъ, и проведеніе въ жизнь земельныхъ правилъ, тормозилось, хотя и безсознательно и помимо ихъ видимаго желанія, самими мѣстными революціонными организаціями.

Всю тяжесть работы по проведенію временныхъ правилъ принялъ на себя Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ. Помимо того, что онъ несъ всѣ письменныя сношенія со всѣми волостями и уѣздами, на плечахъ Совѣта лежалъ и разборъ всѣхъ конфликтовъ и споровъ и все практическое примѣненіе правилъ. Тотчасъ же по принятіи временныхъ правилъ и организаціи Исполнительнаго Комитета десятки агитаторовъ и совѣтскихъ комиссаровъ разъѣхались по деревнямъ и принялись тамъ за великую творческую работу по организаціи планомѣрнаго и безболѣзненнаго осуществленія новыхъ правъ въ земельномъ вопросѣ. Эта работа съ такимъ напряженіемъ продолжалась все лѣто.

Въ самомъ Совѣтѣ происходила не менѣе интенсивная работа. Каждый день засѣдала особая конфликтная комиссія и слѣдила за всѣми происходя-

щими отклоненіями отъ правильнаго пониманія новыхъ правилъ и спорами, посылая на мѣсто делегатовъ для улаживанія.

И надъ всѣмъ надъ этимъ, какъ грозный стражъ, стоялъ Губернскій Комитетъ Народной Власти, на разрѣшеніе котораго и поступали всѣ сложные и запутанные вопросы. Будущій историкъ и будущее поколѣніе несомнѣнно, должны будутъ большое спасибо сказать этимъ двумъ организаціямъ и въ особенности Совѣту Крестьянскихъ Депутатовъ за ихъ великую, плодотворную работу, спасшую Самарскую Губернію отъ кровавыхъ безпорядковъ.

Большую услугу дѣлу аграрнаго движенія въ Самарской губерніи оказалъ Губернскій Земельный Комитетъ, организовавшійся значительно позже Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ и заставшій въ своей работѣ дѣло деревни уже налаженнымъ, во главѣ котораго встали старые испытан. чл. пар. с.-р.

Понявъ всю невозможность борьбы съ народнымъ движеніемъ и ту опасность, которая угрожала бы въ случаѣ его противодѣйствія Земельный Комитетъ присоединился къ постановленіямъ 2-го Губернскаго Крестьянскаго Съѣзда и сталъ проводить временныя правила съ такою же послѣдовательностью и искренностью, какъ и Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ, вдохновитель этой политики. На одномъ изъ своихъ засѣданій, отъ 17-го іюля, имъ была принята слѣдующая резолюція; которую можно считать программой дѣйствій комитета: „Самарскій Губернскій Земельный Комитетъ, читаемъ мы въ протоколѣ за 17-е іюля, сконструированный 28 іюня 1917 года послѣ того, когда населеніемъ Самарской губерніи былъ усвоенъ общій планъ временнаго землепользованія до Учредительнаго Собранія на основаніи правилъ, изданныхъ 2-мъ Самарскимъ Всероссійскимъ Съѣздомъ въ первую же сессію принялъ этотъ планъ въ общихъ чертахъ къ своему руководству для дальнѣйшей дѣятельности по урегулированію землепользованія. Общаго для всей страны закона о временномъ землепользованіи, который отвѣчалъ бы властнымъ требованіямъ русской жизни и исторически сложившемуся правосознанію народа, правительствомъ не издано и до настоящаго времени. Между тѣмъ разрѣшеніе возникающихъ на почвѣ сельско-хозяйственныхъ отношеній судебныхъ споровъ на основаніи старыхъ формально-существующихъ, но отвергнутыхъ жизнью и народнымъ правосознаніемъ законовъ въ противорѣчіи съ общимъ планомъ землепользованія, принятымъ въ Самарской губерніи, можетъ причинить существенный вредъ дѣлу продовольствія страны и несетъ съ собою легкую угрозу общественному спокойствію.

На основаніи вышеизложеннаго Самарскій Губернскій Земельный Комитетъ, принимая на себя охрану и проведеніе въ жизнь общаго—единаго въ предѣлахъ губерніи плана временнаго до Учредительнаго Собранія, землепользованія на началахъ постановленія 2-го Крестьянскаго Съѣзда, на основаніи § 5 ст. VIII пост. Вр. Пр. объ Учр. Зем. Ком. постановилъ:

„I. изъять изъ вѣдѣнія об. судебныхъ и мир. учрежд. всѣ тяжбы и споры въ предѣлахъ Самарской губерніи, возникающіе на почвѣ земельныхъ сельско хозяйственныхъ отношеній...“

Вмѣстѣ съ тѣмъ была послана телеграмма Министромъ Вн. Дѣлъ и земледѣлія, въ которой также указывалось на цѣлесообразность постановленія 2-го съѣзда и на невозможность инымъ способомъ урегулировать создавшіеся земельныя безпорядки, какъ только передачей всѣхъ земель въ вѣдѣніе Земельныхъ Комитетовъ.

„Самарскій Земельный Комитетъ-говорится въ телеграммѣ-не имѣя возможности удерживать трудовое крестьянство губерніи въ его стремленіи приближенія къ землѣ, считаетъ необходимымъ немедленное изданіе декретомъ правительства временныхъ правилъ пользованія всѣми угодіями земельнаго фонда. Трудовое крестьянство губерніи въ стремленіи къ уничтоженію вѣковой несправедливости фактически на мѣстахъ произвело распредѣленіе земельныхъ угодій между нуждающимися. Земельный вопросъ въ Самарской губерніи былъ на разсмотрѣніи двухъ Губернскихъ Крестьянскихъ Съѣздовъ, которые ставили цѣлью ввести крестьянское движеніе въ болѣе правильное организованное русло. Постановленія второго Крестьянскаго Съѣзда по жалобамъ отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ телеграммой за № 37411 на имя комиссаровъ отмѣнено. Отмѣна на мѣстахъ создаетъ серьезное волненіе большинства трудового крестьянства...

Послѣ того, какъ справедливыя требованія жизни приведены на мѣстахъ въ исполненіе Губернскій Земельный Комитетъ ходатайствуетъ согласно пункта перваго ст. 3 постановленія о земельныхъ комитетахъ, объ утвержденіи постановленій второго Губернскаго Крестьянскаго Съѣзда, какъ уже вошедшихъ въ жизнь до Учредительнаго Собранія и проситъ принять срочныя мѣры къ отмѣнѣ телеграммы товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ...“

Съ этого момента съ принятіемъ Губернскимъ Земскимъ Комитетомъ такой позиціи, явно благосклонной къ постановленіямъ 2-го съѣзда, дѣло организаціи аграрнаго движенія становится на твердую почву. Узнавъ о состоявшемся рѣшеніи такого авторитетнаго органа, какъ Земельный Комитетъ, органа правительственнаго, а не самочиннаго какъ говорили о Совѣтѣ и Комитетѣ Народной Власти Уѣздные Комитеты Народной Власти и комиссары, до сихъ поръ продолжавшіе еще оставаться на формальной точкѣ зрѣнія, покорно подчинились его постановленію и перестали противодѣйствовать ихъ проведенію въ жизнь, за исключеніемъ только Николаевскаго Комиссара гр. Медвѣдева, который до самаго большевистскаго переворота остался вѣренъ Шингаревскимъ циркулярамъ. Все движеніе отселѣ принимаетъ вполнѣ легальный и законный характеръ.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что вся эта борьба за Временныя Правила 2-го съѣзда происходила при полномъ несочувствіи не только буржуазіи и класса собственниковъ, но и значительной части городской интеллигенціи.

Вся работа на мѣстахъ и въ совѣтѣ была выполнена скромной группой организаторовъ совѣта и крестьянскаго движенія, наиболѣе его интеллигентною частью, главнымъ образомъ изъ партіи соц.-революціонеровъ.

Объ отрубахъ и передѣлахъ.

Вопросъ объ отношеніи крестьянства къ отрубамъ и передѣламъ общинно-надѣльныхъ земель имѣетъ для насъ большое принципіальное значеніе—не разъ уже дебатировавшееся въ русской печати.

Въ данномъ случаѣ я не берусь разсматривать этого вопроса, именно съ принципіальной стороны, ибо это не входитъ въ мои заданія и не буду говорить о желательности или нежелательности отрубного хозяйства и его культурной или консервативной роли въ области сельскаго хозяйства, что является также весьма спорнымъ и проблематичнымъ. Я коснусь лишь того отношенія, какое проявили крестьяне нашей губерніи къ этому хозяйству за описываемый мною періодъ.

Отношеніе крестьянъ къ отрубамъ, какъ къ крупнымъ такъ и къ мелкимъ, лучше всего опредѣлилось на крестьянскихъ съѣздахъ, на второмъ и на третьемъ. Какъ на томъ, такъ и на другомъ руководителямъ съѣзда большихъ усилій стоило удержать съѣхавшихся делегатовъ отъ постановленія о передачи всѣхъ отрубныхъ земель въ распоряженіе Земельныхъ комитетовъ и слѣдовательно отъ фактическаго уничтоженія этихъ хозяйствъ.

Точно такое же отношеніе, но выраженное еще въ болѣе рѣзкихъ формахъ, я наблюдалъ и на мѣстахъ во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ по уѣздамъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое явно недоброжелательное отношеніе, къ фактическимъ захватамъ отрубовъ приступать во многихъ мѣстахъ остерегались. Считая этотъ вопросъ для себя вполнѣ рѣшеннымъ и рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ для отрубовъ, ждали соотвѣтствующаго объ этомъ постановленія Учредительнаго Собранія, и не сомнѣвались въ этомъ рѣшеніи, не допуская даже и мысли, что Учредительное собраніе можетъ отнестись благожелательно къ отрубнымъ хозяйствамъ.

Съ мыслью о томъ, что Учредительное Собраніе можетъ отнять у нихъ земли примирились и сами отрубщики... „Ну чтожъ—говорили они мнѣ если постановитъ объ этомъ Учредительное Собраніе, мы протестовать не будемъ, какъ народъ, такъ и мы и мы не лучше другихъ“.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, въ которыхъ чувствовалась наиболѣе острая нужда въ землѣ, вопросъ объ отрубахъ былъ разрѣшенъ, однако, еще до созыва Учредительнаго Собранія; земли отрубщиковъ наравнѣ съ землями частновладѣльцевъ были отобраны въ общій фондъ, обслуживающій потреб-

ности всѣхъ безземельныхъ, и распредѣлялись между всѣми, въ томъ числѣ и между отрубщиками на равныхъ условіяхъ.

Результатомъ этого движенія къ концу августа создалась такая картина, нарисованная представителями съ мѣстъ.

„Затрагивая вопросъ объ отрубахъ—говоритъ председат. Ставропольской Уѣздной Земской Управы—можно утвердительно сказать, что отношенія между общественниками и отрубщиками не измѣнились, остались старыя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти отношенія хотя и обострились, но большого значенія въ общемъ итогѣ эти осложненія не имѣютъ и коренного измѣненія, во взаимоотношенія населенія не вносятъ."

„Передѣлы въ нашемъ уѣздѣ—продолжаетъ тотъ же докладчикъ, исключительное явленіе, но все таки были. Земельная Управа рекомендуетъ всѣмъ съ передѣлами повремени ь."

Представитель Бузулукскаго уѣзда рисуетъ приблизительно такую же картину—неопредѣленную, разнообразную.

„Передѣлы есть, говоритъ онъ—и вызываются они требованіями жизни, но отнюдь они не нарушаютъ трудового хозяйства.

Передѣлы есть результатъ стремленія къ полученію лучшаго продукта труда съ посѣвной площади, и большей производительности этого труда.

Совмѣстные передѣлы отрубщиковъ и общинниковъ производились въ незначительныхъ количествахъ. Эти передѣлы происходили по желанію самихъ отрубниковъ, видѣвшихъ въ старомъ трехпольѣ единственное средство борьбы съ засоренностью своихъ земель."

Нѣсколько иную болѣе опредѣленную картину рисуетъ представитель Бугульминскаго уѣзда.

„Замѣчается по уѣзду явленіе—община втягиваетъ неудержимо отрубщиковъ обратно и совмѣстные передѣлы общинной земли и отрубниковъ имѣютъ ростъ, конечно не обходится безъ протестовъ со стороны стародушниковъ, получившихъ большія поля изъ надѣловъ.

Въ уѣздѣ замѣчается—продолжаетъ тотъ же авторъ—обостренность отношеній между отрубниками и общинниками..."

Самарскій уѣздъ.

„Жителями селеній—говоритъ докладчикъ этого уѣзда, въ первую очередь сломаны отруба тѣ, на которыхъ не велось своего хозяйства; объясняется это тѣмъ, что это самый ненавистный элементъ, который когда бросился на отруба, не считался съ интересами общества..."

Тѣми же словами можно характеризовать и положеніе въ Николаевскомъ уѣздѣ.

Изъ нарисованной представителями картины, правда, очень неяркой и расплывчатой, мы уясняемъ себѣ одно, что отрубныя хозяйства, выявившія большую живучесть чѣмъ частновладѣльческія, обречены также на неминуе-

мую гибель, какъ и послѣднія. Крестьянство, проявившее свою неудержимую тягу къ землѣ, высказало вполнѣ опредѣленно и ясно свое отрицательное отношеніе къ нимъ и тѣмъ предрѣшило ихъ участь.

VIII.

Отношеніе Вр. Прав. къ Зем. прав 2-го съѣзда.

Особенно упорную и продолжительную борьбу за земельныя постановленія пришлось выдержать мѣстнымъ организаціямъ съ временнымъ правительствомъ, отнесшимся вполнѣ отрицательно къ этимъ постановленіямъ.

Г. г. помѣщики, и главнымъ образомъ Союзъ посѣвщиковъ, понявъ духъ земельныхъ правилъ, категоричность, съ которою рѣшался аграрный вопросъ въ нихъ—завалили временное правительство и губернскаго комиссара телеграммами объ анархіи, о творимыхъ самочинныхъ захватахъ, о безпорядкахъ и т. д. и т. д.

У временнаго правительства создавалось такое впечатлѣніе, что въ Самарской губерніи происходитъ дѣйствительно нѣчто ужасное, кошмарное; обезумѣвшая деревня, получивъ экземплярчикъ временныхъ правилъ, которые какъ будто развязывали ей руки, бросается на земли, расхватываетъ ихъ безъ всякой организаціи, и системы и дѣлаетъ съ ними что хочетъ... Временное правительство, взявъ Самарскую губернію подъ особый надзоръ, забило тревогу и земельныя правила отказалось признавать.

Мало того. Спустя нѣсколько недѣль послѣ разъѣзда Крестьянскаго Съѣзда губернскій комиссаръ получилъ отъ князя Львова циркуляръ, запрещающій всякіе самовольные захваты въ томъ числѣ и такіе, какъ наши Самарскіе, совершавшіеся на основаніи постановленій. И дѣйствительно—планомѣрная работа по проведенію въ жизнь земельныхъ правилъ нѣсколько пріостановилась.

Въ Совѣтъ и Комитетъ Народной Власти стали приходить сотни просителей и поступать сотни телеграммъ и писемъ съ просьбой указать имъ какъ быть... Положеніе въ деревнѣ было такое—луга и покосы были уже скошены на основаніи Временныхъ правилъ, земля—распредѣлена и остановить это движеніе въ такомъ положеніи—это все равно, что остановить мчащійся поѣздъ на всемъ ходу, кромѣ зла ничего изъ этого не получилось бы. Отлично понимая всю невозможность такого поворота и то, что будетъ, если стоящій въ центрѣ этого движенія Совѣтъ промолчитъ въ такую критическую минуту и откажется отъ руководства этимъ стихійнымъ движеніемъ, Совѣтъ разослалъ по всей губерніи свой циркуляръ, въ которомъ разъяснялось, что телеграмма Львова запрещаетъ самовольные, безпорядочные захваты, правила же 2-го съѣзда вводятъ организованное использованіе земель и сами запрещаютъ самоуправства, а поэтому они должны быть исполняемы. Деревня успокоилась и движеніе снова приняло планомѣрный и спокойный характеръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно по полученіи телеграммы кн. Львова въ Петроградъ были посланы къ правительству делегаты: т. Голубковъ и Горшковъ-разъяснить неизбѣжность такого порядка для Самарской губерніи и просить объ утвержденіи. Были они у Львова и Чернова, но оба министра въ утвержденіи отказали, ссылаясь на то, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только всѣмъ кабинетомъ и для всей Россіи въ цѣломъ, а не одной губ. Министровъ главнымъ образомъ пугала та мысль, что наши временныя правила могутъ вызвать по губерніи безпорядки и сокращеніе посѣвной площади. Когда же наши делегаты доказали имъ, что этого не будетъ, они успокоились и просили объ одномъ-спасать отъ разгрома цѣнныя имѣнія и стремиться къ увеличенію посѣвной площади.

Вскорѣ послѣ этого была получена еще одна телеграмма, отъ министра — соціалиста Церетелли.

Въ этой телеграммѣ прямо указывалось на постановленія губернскихъ и уѣздныхъ съѣздовъ, которые также считались самочинными и незаконными. Телеграмма вызвала большую смуту въ деревнѣ и заставила многихъ руководителей этого движенія — призадуматься. Но Совѣтомъ и Комитетомъ Народной Власти было снова разослано какъ и послѣ телеграммы Львова циркулярное разъясненіе, что это къ Самарской губерніи не относится, и тревога улеглась.

Въ это время пріѣхалъ отъ министерства земледѣлія делегатъ г. Аксель и снова поднялъ вопросъ объ измѣненіи временныхъ правилъ въ духѣ приспособленія ихъ къ положенію о земельныхъ комитетахъ... Часть Совѣта уже было согласилась съ нимъ, но другая часть категорически воспротивились этому, указавъ, что это можетъ сдѣлать только съѣздъ и предложеніе Акселя было провалено.

Послѣ него пріѣзжалъ комиссаръ временнаго правительства гр. Тоцкій, человѣкъ умный и дѣльный, главной задачей котораго было выяснить истинное положеніе въ Самарской губерніи.

Онъ побывалъ всюду: въ Совѣтѣ Крестьянскихъ Депутатовъ, у комиссара, въ Земствѣ, у посѣвщиковъ и наконецъ пришелъ къ заключенію, что хотя правила 2-го съѣзда и несовершенны, но время, чтобы начать новую ломку сложившагося землепользованія упущено, передѣлы во многихъ мѣстахъ уже сдѣланы, земли вспаханы и обратно вернуть ее владѣльцамъ нельзя.

Это, однако, мало успокаивало руководителей этого движенія. Каждый день мы могли получить новую телеграмму съ такимъ же содержаніемъ какъ и предыдущія и надо было опять готовиться къ новымъ смутамъ. Эта игра надоѣла руководителямъ и тяготила ихъ. Нужно было добиться отъ временнаго правительства окончательнаго отвѣта, все равно какого... Для переговоровъ были делегированы въ Петроградъ два человѣка: я и тов. Брушвитъ.

Мы побывали въ Совѣтѣ Крестьянскихъ Депутатовъ и во всѣхъ прикосновенныхъ къ этому вопросу министерствахъ; нами былъ поставленъ вопросъ ребромъ—мы вездѣ добивались опредѣленнаго отвѣта: или да или нѣтъ.

Скажите намъ, говорили мы, министрамъ, что Вы отмѣняете наши постановленія, считая ихъ вредными и тогда мы, руководители и организаторы этого движенія, подчинимся Вамъ, уйдемъ отъ аграрнаго вопроса и всю отвѣтственность тогда возлагаемъ на Васъ.“ Но вездѣ и всюду мы получили тотъ же уклончивый неопредѣленный отвѣтъ какъ и первая делегація.

Въ заключеніе въ Министерствѣ Земледѣлія намъ добавили, что этотъ вопросъ не такъ простъ, какъ мы въ своемъ углу предполагаемъ. „Неоднократно мы вносили его на обсужденіе Временнаго Правительства—говорилъ намъ тов. министра Вихляевъ—но какъ только внесемъ его въ кабинетъ, кабинетъ трещитъ и разлетается. Постарайтесь Ваши правила согласовать какъ нибудь съ закономъ о зем. ком., которымъ дается теперь на основаніи новой инструкціи Чернова широкія полномочія или же въ частности, урегулируйте финансовую сторону этого вопроса. Раньше государство получало за свои земли извѣстные налоги, а теперь по Вашимъ правиламъ оно этихъ доходовъ лишилось. Обезпечьте государству прежнюю доходность и тогда Вы, быть можетъ, и примирите его съ собою...“

Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только взять этотъ вопросъ на свою совѣсть, и дѣлать такъ какъ подсказываетъ намъ нашъ разумъ и наши чувства.

Такъ мы и сдѣлали.

VIII.

Значеніе постановленій 2-го съѣзда.

Значеніе земельныхъ правилъ 2-го съѣзда для Самарской губерніи огромно.

Я не буду говорить о томъ, какую они роль сыграли какъ средство пропаганды, какъ шагъ—закрѣпляющій наши революціонныя позиціи, какъ этапъ, приближающій насъ къ соціализаціи и т. д. и т. д. Это вопросы спорные, о нихъ можно говорить безконечно и всетаки не придти ни къ какому опредѣленному выводу.

Не буду говорить и о ихъ предотвращающей роли, тѣхъ безпорядковъ и ужасовъ, которые надвигались на Самарскую губернію наканунѣ весеннихъ раздѣловъ, о чемъ я говорилъ уже выше.

Я постараюсь разсмотрѣть съ цифрами въ рукахъ ихъ экономическое значеніе для Самарской губерніи и въ частности то вліяніе, какое они оказали на увеличеніе или уменьшеніе народныхъ сбереженій и посѣвной площади.

Главное, что пугало нашего обывателя въ этомъ аграрномъ движеніи—это боязнь за то, что площадь посѣва благодаря этимъ правиламъ значительно сократится. Такую боязнь и, слѣдовательно глубокое невѣжество и нез-

ванie сельскаго хозяйства своей губернiи проявляли не только люди темные, необразованные, но и люди высоко-культурные, образованные. Меня такiе страхи всегда приводили въ веселое настроенiе. Я думалъ: каково же будетъ удивленiе бѣднаго обывателя, когда онъ въ одинъ прекрасный день проснется и увидитъ, что площадь посѣва въ Самарской губернiи не только не уменьшилась, а значительно увеличилась. Какъ же это такъ—помѣщиковъ „уничтожили", инвентарь ихъ забрали, а запашка все таки увеличилась.

Это положенiе было непонятно не только нашему обывателю, но даже и нашимъ министрамъ и въ особенности нашему „союзу посѣвщиковъ," который всѣ усилiя употреблялъ для того чтобы вбить эту мысль въ голову бѣднаго обывателя и запугать временное правительство.

Намъ большихъ трудовъ стоило во время своей поѣздки въ Петроградъ разбить тамъ это нелѣпое предубѣжденiе. И только съ цифрами въ рукахъ удалось разсѣять министерскiя опасенiя.

Руководители аграрнаго движенiя были совершенно спокойны за судьбу Самарской губернiи съ самаго начала. Тѣ 140—200 тысячъ десятинъ, которыя засѣвали раньше частновладѣльцы, не оставятъ Самарскую губернiю безъ хлѣба. На 4—5 миллiоновъ, засѣваемыхъ всего въ губернiи, это лишь „капля въ морѣ" если такъ можно выразиться, и значительнаго влiянiя на колебанiе запашки это количество не окажетъ.

Это такое ничтожное количество, раздѣливъ которое на число дворовъ (337.111) получаемъ всего лишь только по 1/2 десятинѣ на дворъ. Неужели на полдесятины болѣе не распашетъ каждый дворъ при новыхъ условiяхъ—думали мы. И что же оказалось?!

Проѣзжая по Самарской губ. въ августѣ мѣсяцѣ по самымъ отдаленнымъ деревнямъ Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ, и здѣсь въ Самарѣ при встрѣчѣ кого либо изъ деревни, я спрашивалъ:

—Ну какъ..... много запахали?

—И... и...—отвѣчали мнѣ вездѣ неизмѣнно—столько... чать и отцы то не запомнятъ.... Пахали кому только не лѣнь....

—А не сократится площадь... что вотъ помѣщику то не дали...

—Что ты, что ты—махали на меня руками—голову даемъ на отсѣченiе.....

Эту мысль подтверждаютъ и представители уѣздныхъ земельныхъ Комитетовъ.

„Постановленiя 2-го съѣзда, говоритъ Предсѣдатель *Ставропольской* Земельной Управы въ своемъ докладѣ Земельному Губерн. Комитету—вызвали не сокращенiе, а скорѣе расширенiе площади посѣва.

„Для провѣрки дѣйствительнаго положенiя вещей, говорится въ докладѣ по *Бузулукскому* уѣзду—Уѣздная Земельная Управа разослала анкетные

листы съ вопросами объ увеличеніи и уменьшеніи площади посѣвовъ въ уѣздѣ, для сравненія посѣвныхъ площадей 18 и 17 годовъ, включила въ нихъ всѣ земли: банковскія, казенныя, частновладѣльческія и т. д.

Отвѣты получены изъ 31 волости, изъ общаго числа 53 волостей уѣзда.

Результатъ—26 волостей дали отвѣтъ положительный въ смыслѣ увеличенія и 5 волостей—отрицательный, общій же массивъ 31 волости даетъ увеличеніе посѣвной площади на 22000 десятинъ противъ прошлаго года"...

Представитель *Самарскаго уѣзда*: „относительно площади посѣва можно сказать только одно: подсильная крестьянская земля распахивается вся, а сколько ея пока невыяснено"...

Представитель *Николаевскаго* уѣзда: „Посѣвная площадь по Николаевскому уѣзду увеличивается сравнительно съ 17 г... Изъ частновладѣльческихъ земель не запаханы лишь солонцы"...

Представитель *Новоузенскаго* уѣзда: „Цифровую величину за отсутствіемъ общей сводки по уѣзду, указать пока нельзя. На основаніи же поступившихъ свѣдѣній изъ многихъ волостей, цифра эта должна быть громадная, больше пашни 17 г. въ три или въ четыре раза, это касается въ равной мѣрѣ и озимыхъ и вспашки подъ яровое".

Предсѣдатель *Бугурусланской* Уѣз. Зем. Управы: „Касаясь запашекъ долженъ отмѣтить, что подъ яровое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подняли многолѣтніе залежи и увеличеніе запашки подъ яровое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по уѣзду надо считать до 35%. Является опасность за обсѣмененіе полей".

Однако это общее народное убѣжденіе безъ цифровыхъ данныхъ было для многихъ мало убѣдительно. Нужны были статистическія данныя, подтверждающія это положеніе. И за послѣднее время эти статистическія данныя получены... Какіе же выводы?

Просматривая статистику посѣва Самарской губерніи за время отъ 1895 г. до 1916 г. мы видимъ, что за весь этотъ двадцати-лѣтній періодъ площадь посѣва ржи никогда не превышала милліона ста тысячъ десятинъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Въ средніе годы она колебалась отъ 790 тысячъ до милліона.

Взглянувъ на статистику 17 г. вы увидите, что эта площадь поднялась сразу на небывалую высоту, несмотря на неблагопріятныя условія. Приводимая ниже таблица доказываетъ это убѣдительнѣе.

Ржи было засѣяно въ тысячахъ десятинъ.

1895 г.	852,8	1908 г.	1069,3
1896 г.	1025,0	1909 г.	1055,0
1898 г.	726,2	1911 г.	859,1
1899 г.	843,6	1912 г.	968,0

1900 г.	1035,5	1913 г.	912,0
1901 г.	955,7	1915 г.	922,9
1902 г.	977,0	1916 г.	872,1
1907 г.	1142,0		

А въ 1917 г. осенью на 1918 годъ подъ рожь запахано 1.305.086. десятинъ...! Въ какой изъ приведенныхъ двадцати годовъ было посѣяно такое **количество!**

Нужно ли дѣлать еще какія либо разъясненія по этому поводу? Достаточно указать на то, что этотъ годъ,—1917, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія—неурожай и отсутствіе рабочихъ рукъ, превышаетъ своею площадью самый лучшій годъ, 1907, на цѣлыхъ двѣсти тысячъ, другіе же годы, съ меньшею площадью, какъ 1895, 1902, 1911 г.г.—на **300—400 и 500 тысячъ десятинъ.**

Общая площадь запашки всѣхъ хлѣбовъ за эти годы колебалась отъ 2.750 тыс. до 4.385 тысячъ въ 1900 году. Средняя цифра—3 милліона шестьсотъ—семьсотъ тысячъ. Для большей наглядности обратимся опять къ цифрамъ:

въ 1911 г.	4.199 тыс.
„ 1912 г.	3.979 „
„ 1915 г.	4.252 „
„ 1913 г.	4.206 „
„ 1914 г.	4.000 „

А въ 1917 г. на 1918 только осенью распахано 3.600 тыс. десятинъ. (По даннымъ Губ. Продов. Комитета).

Весною производится распашка отъ 800 тыс. до 1.100 тыс. десятинъ. Полагая, что въ этомъ году будетъ распахано среднее количество 900 тыс. десятинъ—мы получаемъ общую площадь посѣва на 1918 г. 4.400—4.500 тыс. десятинъ. Это такое количество, до какого не доходили ни въ одномъ году еще за послѣднее пятидесятилѣтіе.

По даннымъ Сов. Нар. Хоз. и напечатаннымъ во второмъ номерѣ „Извѣстій", общая площадь равняется 6.386.000 десятинъ. Но эту цифру я беру подъ большое сомнѣніе.

Мнѣ на это нѣкоторые возразятъ—засѣютъ ли такое количество, о которомъ вы говорите?—вотъ вопросъ. Распахать мало, нужно засѣять.....

Конечно, вопросъ очень серьезный и основательный. Можетъ быть и не засѣютъ. . Можетъ быть и не засѣютъ и половины той площади, которую я привелъ здѣсь,—но развѣ въ этомъ вина Временныхъ Правилъ? Развѣ этому причиной, будутъ тѣ земельныя. отношенія, которыя создаются этими правилами? Нѣтъ, конечно. Причиной этому будутъ общія экономическія условія и главнымъ образомъ голодъ и разстройство нашего желѣзно-дорожнаго транспорта. Мы сейчасъ не говоримъ объ этихъ причинахъ, намъ въ данную минуту

важно выяснить, какое вліяніе оказали **новыя земельныя условія** на площадь посѣва въ Самарской губерніи.

Сравнивая 1918 годъ съ послѣдними тремя годами предшествующими войнѣ 1911 г., 1912 и 1913 г., запашка въ которые совершалась, при нормальныхъ условіяхъ, по старымъ земельнымъ законамъ, мы получаемъ 300—400 тыс. десятинъ увеличенія. Какое же количество мы получили бы, если бы послѣдняя запашка производилась при лучшихъ условіяхъ?!

Еще поразительнѣе картина получается, когда мы сравнимъ эту площадь посѣва, 1918 г., съ площадью послѣднихъ трехъ годовъ войны.

По даннымъ Губернск. Продов. Комит. въ 1916 г. пяти главнѣйшихъ хлѣбовъ было засѣяно 3.179.889 дес.

Допуская, что эта цифра нѣсколько ниже дѣйствительной съ остальными сортами хлѣба—тысячъ на двѣсти—триста—мы все же получаемъ **на цѣлый милліонъ меньше**, чѣмъ въ 18-мъ году.

Въ 1915 г.—4.252 тыс., меньше на 200—250 тыс.

Теперь, заканчивая эту главу, подводемъ итоги всему сказанному....

Въ главѣ 1-й, дѣлая обзоръ способамъ использованія частновладѣльческихъ земель и существующимъ арендныиъ цѣнамъ, мы тогда высчитали, что каждый годъ Самарское крестьянство за земли, арендуемыя у частновладѣльцевъ и учрежденій, выплачивало громадную сумму въ 22—23 милл. рублей въ видѣ арендной платы. Полагая, что въ 1918 г. они выплатили бы столько же, несмотря на увеличеніе посѣвной площади, да въ 1917 г. не менѣе—мы получаемъ крупную **сумму въ 44—46 милліоновъ рублей.** Эта сумма при старыхъ земельныхъ порядкахъ была бы въ карманахъ лицъ, ничего общаго не имѣющихъ съ крестьянами, а теперь, какъ это и ни прискорбно для нѣкоторыхъ, она находится въ грубомъ, грязномъ карманѣ крестьянина, которую онъ можетъ употребить на другія цѣли—на улучшеніе хозяйства, на пріобрѣтеніе инвентаря, сѣмянъ и т. д. 44 милліона—сумма солидная, на нее многое можно сдѣлать! Если эту сумму распредѣлить по дворамъ, включая сюда только земледѣльческіе дворы, то на каждый дворъ въ среднемъ придется по 130 рублей.

Это еще не все.

Изъ предыдущаго мы видѣли, что и въ 1917 г. и 1918 г. увеличеніе посѣвной площади противъ предшествующихъ лѣтъ было на круглую сумму въ милліонъ десятинъ въ два года.

Привыкнувъ къ скромнымъ цифрамъ, мы и на этотъ разъ беремъ самое меньшее количество, какое могли дать эти два года при настоящихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не противъ предшествующаго 16 г.—наиболѣе неблагопріятнаго, а противъ средняго за эти годы съ 4.000 тысячнымъ засѣвомъ. взявъ вмѣсто милліона 500 тыс. десятинъ, считая средній урожай для Самарской губ. 50 пуд. на десятинѣ, мы получаемъ на 500 тыс. д.—25 мил.

пудовъ лишнихъ противъ прежняго. Продавая каждый пудъ по твердой цѣнѣ, установленной въ октябрское время, въ 10 руб.—Самарская губернія должна получить 250 милл. руб. для собственнаго обихода сверхъ того, что она получала въ обычное время.

И все это надѣлали маленькія земельныя правила, вынесенныя 2-мъ крестьянскимъ съѣздомъ.

Оговариваюсь: мною взяты самыя минимальныя цифры, въ дѣйствительности онѣ должны быть значительно выше.

IX.

Порубка лѣса.

Лѣса въ Самарской губерніи за этотъ революціонный періодъ подверглись большому опустошенію.

Съ первыхъ же дней нашей новой жизни въ Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ и въ Комитетъ Народной власти стали сотнями поступать отъ крестьянъ со всѣхъ концовъ губерніи ходатайства и просьбы о разрѣшеніи произвести имъ порубку лѣса для надобностей своего хозяйства по установленной нормѣ. Нерѣдко такія ходатайства, исходящія главнымъ образомъ отъ безлѣсныхъ раіоновъ, передавались особымъ делегатамъ, которые подчасъ пріѣзжали за десятки и сотни верстъ... Мнѣ извѣстна одна делегація, которая три раза пріѣзжала только въ Самару, ходатайствуя все о разрѣшеніи, и два раза въ Новониколаевскъ, находящійся въ 120 верстахъ отъ ихъ села. По большей части всѣ эти делегаціи, какъ въ частности и упоминаемая, уѣзжали не добившись никакого опредѣленнаго отвѣта.

Само собою понятно, что пріѣхавъ домой, избранный делегатъ передавалъ своимъ односельчанамъ о всѣхъ своихъ мытарствахъ и о той безтолочи, которая царитъ въ нашихъ демократическихъ организаціяхъ и о томъ раздраженіи, которое накопилось у него по отношенію къ нимъ за этотъ періодъ мытарствъ—и дѣло кончалось обычно: неудовлетворенная деревня, не добившись порядку, разрѣшала вопросъ по домашнему.

Особенно сильно проявлялось это движеніе въ южныхъ уѣздахъ—въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ и въ части Самарскаго и Бугурусланск., въ уѣздахъ безлѣсныхъ.

Эти первые два уѣзда съ давнихъ временъ извѣстны какъ уѣзды хлѣбородные, земледѣльческіе, съ крупнымъ трудовымъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Вполнѣ понятно въ большомъ трудовомъ хозяйствѣ и большой спросъ на лѣсные матеріалы. Раньше до революціоннаго переворота эти лѣсные матеріалы имъ приходилось покупать въ сосѣднихъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ или въ казенныхъ лѣсахъ, платя за каждую малость большія деньги. Это было обременительно для хозяйства. Освободившись отъ старой власти и отъ ига

помѣщиковъ, но видя съ ихъ стороны сопротивленія, крестьяне, въ первую очередь, бросились удовлетворять свою главнѣйшую жажду въ лѣсѣ, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была въ буквальномъ смыслѣ ужасающей, изъ лѣсовъ началась беспощадная вырубка всего цѣннаго и годнаго матеріала.

Волна лѣсного движенія развилась паралельно съ аграрнымъ земельнымъ движеніемъ. Вначалѣ, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцѣ, она носила безобидный, не внушающій особыхъ опасеній характеръ, но дальше больше съ наростаніемъ революціоннаго настроенія, приняла ужасающіе размѣры. Особенный ростъ лѣсныхъ порубокъ нужно отмѣтить въ два мѣсяца: въ сентябрѣ и октябрѣ, послѣ полевыхъ и домашнихъ уборокъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1—3 числа, когда полевыя работы, благодаря неурожаю, приходили къ концу, Начальникъ Управленія Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ князь Сумбатовъ находилъ вопросъ лѣсной въ удовлетворительномъ положеніи. „Лѣсной вопросъ—заявилъ онъ на засѣданіи Земельнаго Комитета 3 августа—не такъ важенъ по сравненію съ общимъ земельнымъ вопросомъ, что же касается сохранности казенныхъ лѣсовъ, то пока дѣло обстоитъ благополучно...“

Причинъ, вызвавшихъ это движеніе, помимо указанныхъ мною, очень много.

„По мнѣнію Муравьева, говорится въ отчетѣ Губернскаго Земельнаго Комитета отъ 28—29 октября, здѣсь виноваты сами владѣльцы, которые стараются или запродать лѣсъ, или производить заготовку изъ него на свои нужды безъ разрѣшенія Земельныхъ Комитетовъ. Есть стремленіе также у крестьянъ считать вблизи лежащіе лѣса перешедшими къ нимъ и захватить ихъ...“

Правда, такихъ хищниковъ землевладѣльцевъ, вырубившихъ свои лѣса, было много, но все же по моему глубокому убѣжденію не эта главная причина массовыхъ порубокъ лѣса. Разслѣдованіе лѣсныхъ безпорядковъ на мѣстахъ убѣдили меня, что эта причина играла не главную роль, она встрѣчается не болѣе двухъ трехъ разъ въ десяти случаяхъ.

Причинъ этому много. „Лѣсные безпорядки, говоритъ другой докладчикъ изъ Ставропольскаго уѣзда—возникаютъ отъ незнанія населеніемъ новыхъ лѣсныхъ правилъ, изъ за позднаго ихъ изданія и подстрекательства со стороны отпускныхъ солдатъ... Худо относится къ своимъ обязанностямъ лѣсная стража и происходитъ неразбериха въ разныхъ комитетахъ, вѣдающихъ этимъ дѣломъ: комитетѣ по топливу, лѣсохранительномъ и пр...“

„Расхищенъ лѣсъ безъ особой надобности, лишь по зависти, и жадности“—говоритъ корреспондентъ изъ с. Романовки, Николаевскаго уѣзда, о своихъ мѣстныхъ порубахъ.

Главная причина этихъ хищеній все таки кроется въ той народной психологіи, которая вѣками создавалась всѣми условіями политическаго и экономическаго быта, въ томъ непониманіи народомъ истинныхъ своихъ нуждъ, ко-

торыя въ силу его малообразованности ускользали отъ него и затемнялись мимолетными призрачными интересами.

Какіе же размѣры приняли эти порубки?

Въ лѣсныхъ уѣздахъ эти порубки немногимъ превышали обычное годовое потребленіе. Посылаемыя делегаціи отъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ или отъ Комитета Народной Власти на мѣста, гдѣ возникали подобныя порубки, или вокругъ которыхъ поднимался почему либо шумъ въ печати, какъ напримѣръ, о Тимашевскомъ заводѣ, куда даже пріѣзжалъ спеціальный комиссаръ отъ временнаго правительства, привозили по большей части утѣшительныя свѣдѣнія.

Не то происходило въ Николаевскомъ, въ Новоузенскомъ, частью въ Самарскомъ и Бугурусланскомъ уѣздахъ. Здѣсь, изголодавшееся по лѣсѣ крестьянство произвело ужасныя опустошенія всѣхъ лѣсныхъ угодій.

Истреблены не только крупныя, съ хорошимъ строительнымъ матеріаломъ лѣсныя заросли—истреблены или полностью или въ значительной части отдѣльныя рощицы, молодыя посадки.

Въ Самаровско-Кольцовской-Андросовско-Марьевскомъ районѣ уничтожены даже отдѣльныя деревья и мелкіе кустарники. Проѣзжая по этому району вы видите предъ собой гладкое, чистое поле безъ единаго сколько нибудь значительнаго „перелѣска". Нѣкоторыя села дошли даже до такого сумасшествія, что истребили у частновладѣльцевъ прекраснѣйшія, великолѣпнѣйшіе фруктовые сады. Правда, такихъ примѣровъ очень мало, но все же были.

"Граждане с. Романовки, пишетъ наблюдатель изъ этого района—и сосѣднихъ съ нею деревень вырубаютъ мелкій тальникъ, принадлежавшій раньше купцу Аржанову. На порубку текутъ жители и другихъ сосѣднихъ селъ. Есть опасность, что порубщики доберутся и до крупнаго лѣсу, растущаго по рѣкѣ Чагрѣ. Охраны нѣтъ. Расхищаютъ лѣсъ безъ особой надобности, лишь по зависти и по жадности. На мѣстѣ порубокъ дѣло доходитъ чуть ли не до драки. На порубку выѣзжаютъ по нѣсколько десятковъ человѣкъ, нѣкоторые даже съ ружьями. Криволучье—Ивановскіе граждане, по словамъ гражданъ поселка Пр., рубятъ лѣсъ изъ лѣсокультурной полосы Безенчукскаго имѣнія. Вырубаютъ ясень, березу, дубъ, причемъ не разбирая дорогъ, заѣздили даже озимые посѣвы. Добрые уговоры не дѣйствуютъ".

Большому истребленію подверглись лѣса по рѣкѣ Иргизу. Во время предвыборной компаніи по выборамъ въ Учредительное Собраніе мнѣ пришлось проѣхать по этой рѣкѣ, начиная съ ея истоковъ и почти до самаго впаденія. Грустную картину производили села, расположенныя въ этомъ районѣ. Вездѣ и всюду, безъ всякихъ исключеній, я встрѣчалъ одно и тоже. Лучшія рощи, если не по обширности, то по качеству, частновладѣльческихъ и казенныхъ лѣсовъ, были истреблены или истреблялись, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дочиста, въ другихъ—съ нѣкоторыми остатками. Предо мной раскидывались гро-

мадныя площади оставшихся отъ лѣса пней. По дорогѣ почти сплошной вереницей везли деревья, кусты и другіе лѣсные матеріалы. Дворы и огороды были завалены лѣсомъ и кустарникомъ.

Въ одномъ селѣ, кажется, въ Березовкѣ, я засталъ полную тишину и безлюдье.

—Гдѣ же у васъ народъ то?—спрашиваю подошедшихъ ко мнѣ мѣстныхъ властей...

—Лѣсъ рубить уѣхали—отвѣчаетъ онъ нисколько не смущаясь—Всѣ рубятъ, и мужчины и женщины. Рады, дорвались.

—Да зачѣмъ же это дѣлаютъ—говорю я ему—Вѣдь у васъ въ лѣсѣ нѣтъ нужды. Ваше село лѣсное. Всегда успѣете срубить. Ваше будетъ...

—Когда успѣешь... а теперь вали, пока можно.

Въ другихъ селахъ—въ Мостахъ, въ Сестрахъ, въ Ежовкѣ я встрѣтилъ еще картину, поразившую меня до боли въ самое сердце.

Дворъ и огороды были завалены мелкимъ кустарникомъ, а на улицахъ цѣлыми грудами лежали громадные столѣтніе дубы, вырубленные ими въ экономіи Шмидта. По улицамъ трудно было проѣхать, то и дѣло приходилось объѣзжать то одно, то другое дерево, откатившееся отъ общей груды. Улица съ покосившимися маленькими домишками представляла изъ себя лѣсную пристань.

А лѣсъ все везли и везли.

—Что же вы дѣлаете—съ болью говорю я крестьянамъ.—Вѣдь свое добро губите. Зря губите...

—Знамо зря—отвѣчаютъ мнѣ совершенно спокойно и дѣловито крестьяне—Нешто сговоришься съ нашими дуботолками. Безтолочь... Вотъ придетъ пожаръ—нужно будетъ—а его тогда негдѣ будетъ взять. Пожалѣютъ небось.

—Вотъ видите, Вы сами сознаете—горячился я—а зачѣмъ же допускаете...?

—Да чтожъ ты сдѣлаешь... Все равно порубятъ. Я не буду—другой будетъ. Чѣмъ же онъ лучше меня.

—Кто же первый началъ?

—А кто его знаетъ. Одинъ дуракъ началъ, а за нимъ и другіе...

Какія же мѣры принимались къ защитѣ лѣсовъ отъ подобныхъ порубокъ мѣстными организаціями и губернскими органами власти...

Еще въ первые дни революціи Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ какъ наиболѣе авторитетный органъ для деревни разослалъ по всѣмъ волостямъ циркулярное распоряженіе, въ которомъ говорилось, что порубки лѣса разрѣшается производить только съ разрѣшенія лѣсоохранительнаго комитета или земельнаго комитета.

Подобное же распоряженіе разослалъ и Комитетъ Народной Власти.

Въ постановленіяхъ Губернскихъ Съѣздовъ мы видимъ также самое ка-

тегорическое запрещеніе самовольныхъ порубокъ безъ разрѣшенія. За такія порубки предлагается карать самымъ безпощаднымъ образомъ.

Земельный комитетъ, Лѣсоохранительный Комитетъ и Уѣздные Комитеты и комиссары относились къ этому не менѣе строго, а въ грозныхъ предписаніяхъ недостатка, надо полагать, не было. Но не смотря на всѣ эти предписанія, волна лѣсного движенія съ каждымъ днемъ все разросталась и разросталась и осенью, послѣ октябрскаго переворота, какъ мы видимъ изъ предыдущаго, достигаетъ своего предѣльнаго наивысшаго пункта.

Мѣстныя организаціи, Комитетъ Народной Власти и Земельные Комитеты относились также отрицательно къ самовольнымъ порубкамъ.

“На засѣданіи Елховскаго Сельскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ 25-го Сентября, говорится въ одномъ изъ донесеній изъ уѣздовъ—разсматривался вопросъ о расхищеніи лѣса. Лѣсъ какъ находящійся въ частной собственности, такъ и принадлежащій обществу с. Елховки, расхищается безъ разрѣшенія Комитета. Предупредить жителей окрестныхъ селеній и землевладѣльцевъ Калашниковыхъ, чтобы они безъ разрѣшенія сельскаго Комитета не могли рубить лѣса. Въ случаѣ же, если это постановленіе не будетъ исполняться, привлекать виновныхъ къ законной отвѣтственности, согласно постановленій 2-го Губернскаго Крестьянскаго Съѣзда.

Слѣдить за исполненіемъ этого постановленія поручить лѣсникамъ и милиціонерамъ...“

Вотъ другое постановленіе Чернорѣченской волости., Самарскаго уѣзда, болѣе радикальное и дѣйствительное.

„... Самовольную вырубку немедленно прекратить, нарубленный же лѣсъ описать и принять на учетъ, оказавшійся излишнимъ реквизировать въ пользу бѣдныхъ.“ Въ случаѣ неисполненія виновные подвергаются штрафу.

“Въ виду частыхъ самовольныхъ порубокъ лѣса—говорится въ одной корреспонденціи - въ бывшемъ имѣніи купца Аржанова граждане села Елани... постановили— назначить охрану, нанявъ для этого особаго объѣзчика. Съ нарушителей этого постановленія рѣшено взыскивать штрафъ: въ 1-й разъ—5 руб. съ дерева, 2-й разъ—10 руб., 3-й разъ—15 руб...“

Однако, ни предписанія губернскихъ властей, ни постановленія съѣздовъ, ни постановленія мѣстныхъ организацій не остановили этого движенія. Поднявшаяся волна—смела ихъ какъ пылинку. „Единственнымъ средствомъ борьбы—говоритъ одинъ изъ делегатовъ въ Земельномъ Комитетѣ—это сосредоточить въ рукахъ участковыхъ начальниковъ милиціи вооруженные отряды, немедленное привлеченіе къ суду виновныхъ лицъ и пр.„

Не знаю насколько дѣйствительнымъ оказалось бы такое средство, которое, правда, не было использовано ни одной организаціей... Но по моему, не использовано, къ сожалѣнію, и еще одно очень хорошее средство, которое дало бы, пожалуй, лучшіе результаты нежели предыдущее--это организованное распредѣленіе лѣсовъ среди нуждающихся, подобно земельному распредѣленію. Этимъ путемъ, я увѣренъ, всѣ цѣнные и крупные лѣса намъ удалось бы сохранить, а теперь и они погибли.

Подсчитать всѣ эти порубки въ десятинахъ, хотя бы приблизительно, пока не представляется возможнымъ, да и врядъ ли это когда нибудь можно будетъ сдѣлать при нашей неаккуратности и боязни крестьянства, но нужно сознаться, что площадь вырубленнаго лѣса, въ сравненіи съ обычной порубкой, очень велика, убытки принесенные ею громадны.

X.

Третій и послѣдній періодъ аграрнаго движенія, совпавшій какъ разъ съ октябрьскимъ переворотомъ и демобилизаціей арміи, начинается вскорѣ же послѣ уборки хлѣба и кончается послѣдними мѣсяцами осени.

Характерный и основной его мотивъ, заставившій насъ совершенно обособить его отъ остальныхъ періодовъ—это полная ликвидація частновладѣльческаго хозяйства и разгромъ всего того, что въ той или въ другой степени напоминало имъ объ ихъ прежнихъ владѣльцахъ. Поднявшаяся погромная волна охватила какъ зараза всю Самарскую губернію, доминировала надъ всѣмъ остальнымъ настроеніемъ, придавая этой эпохѣ свою специфическую окраску.

Описаніе сущности содержанія этой волны, этого стихійнаго движенія и его причинъ и будетъ составлять нашу задачу въ этой послѣдней главѣ.

Съ наступленіемъ осени, послѣ полевыхъ работъ, когда окончательно выяснилось, что Самарская губернія должна пережить голодный годъ, въ деревнѣ, въ особенности тамъ, гдѣ этотъ голодъ чувствовался съ особенной силой, стало наростать какое то озлобленное нервное настроеніе; озлобленное и противъ Правительства, главнымъ образомъ, въ лицѣ продовольственныхъ комитетовъ, что оно не приняло никакихъ предупредительныхъ мѣръ, избавляющихъ ихъ отъ голоднаго ужаса, и отъ тѣхъ жуткихъ сценъ, которыя уже начались въ это время тамъ; и въ особенности противъ тѣхъ, кто имѣя хлѣбъ, старался запрятать его подальше.

Это настроеніе, въ началѣ еле уловимое, въ особенности начинаетъ повышаться и выливаться въ рѣзкія формы съ приходомъ въ деревню солдатъ, возвращающихся съ фронта или изъ города изъ запасныхъ частей. Каждая такая новая волна, влившись въ деревню съ новыми свѣжими силами и съ рѣзко большевистскимъ настроеніемъ, стремится выявить это настроеніе въ какихъ нибудь реальныхъ, видимыхъ формахъ и въ первую очередь видимыми и доступными формами являются погромъ „буржуевъ", гдѣ таковые остались, и частновладѣльческихъ имѣній.

Полное отсутствіе собственнаго инвентаря въ солдатскихъ домахъ или его недостаточность, при полномъ отсутствіи его на рынкѣ, гдѣ бы таковые домохозяева могли его пріобрѣсть за недорогую, доступную для нихъ цѣну, а также сознаніе полной безнаказанности за свои дѣянія—играло также большую роль въ этихъ актахъ.

Мѣстные органы власти, дезорганизованные къ этому времени, не представляли никакой сдерживающей силы и предотвратить или остановить эту надвигающуюся волну не въ состояніи были. Одновременно съ аграрнымъ движеніемъ въ это время по всей Самарской губерніи двигалась другая волна — волна низверженія старыхъ комитетовъ, избранныхъ еще до прихода новыхъ руководителей политической жизни, и замѣна ихъ новыми, по большей части, солдатскими. Эта вакханалія смѣщенія избранныхъ Комитетовъ приняла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такіе размѣры, что во многихъ волостяхъ вылилась въ смѣшныя, нелѣпыя формы. Извѣстны волости, даже цѣлые районы, гдѣ мѣстные органы переизбирались по два и по три раза въ мѣсяцъ. Въ концѣ концовъ эти пертурбаціи создали такое настроеніе въ деревнѣ, что люди самостоятельные, положительные, могущіе оказать противодѣйствіе всякому безчинству и самоволію, отказывались идти въ органы власти, а шли люди, не пользующіеся общественнымъ довѣріемъ, крикуны, для которыхъ какъ разъ такая обстановка безвластія являлась ихъ атмосферой. Ясно, такіе органы не могли справиться съ такимъ могучимъ и грознымъ движеніемъ, какъ аграрное движеніе, съ которымъ не справились даже и центральные органы власти, не только что мѣстные.

Это, по моему, главныя причины начавшейся стихіи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и очень во многихъ были и другія причины, вызвавшія въ той или въ другой формѣ погромное настроеніе.

Такъ, напримѣръ, по словамъ Члена Сов. Кр. Деп. И. А. Жирнова, посланнаго для разслѣдованія одного дѣла вмѣстѣ съ помощникомъ начальника Бугурусланской милиціи, причины захвата имѣнія Волконской гражданами с. Пилюгина были таковы: управляющій этого имѣнія г. Саранцевъ, потравивъ всѣ луга экономическимъ скотомъ и не имѣя другихъ запасовъ корма, сталъ распродавать культурный скотъ, главное богатство этого имѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же безъ разрѣшенія Волостного Комитета вырубилъ часть молодняка-осинника и продалъ его крестьянамъ.

Пилюгинское общество, учтя всѣ тѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти вслѣдствіе такой распродажи лѣса и скота и желая сберечь это имѣніе для себя, какъ народное добро, постановило уволить изъ имѣнія управляющаго, его помощника и 3-хъ служащихъ, а имѣніе взять въ свое вѣдѣніе и поставить въ немъ свою стражу.

Такъ благополучно окончилось это дѣло.

Къ сожалѣнію не всѣ дѣла такого характера принимали такой безболѣзненный оборотъ.

Подобныя распродажи лѣса и инвентаря, по моимъ разслѣдованіямъ непосредственно на мѣстахъ, имѣли мѣсто въ очень и очень многихъ случаяхъ и вызывали погромы имѣній. Вотъ, напримѣръ, разгромлено по тѣмъ

же мотивамъ имѣніе Шмидта, въ Ник. у., который понявъ безнадежность своего положенія, сталъ распродавать скотъ, инвентарь и все, что только имѣло хоть нѣкоторую цѣнность. Все это, конечно, попадало сравнительно за дешевую цѣну деревенскимъ кулакамъ и богатѣямъ, что еще болѣе вызывало озлобленіе деревенскаго населенія.

Для нѣкоторой иллюстраціи и подтвержденія своихъ мыслей привожу полностью одну изъ корреспонденцій изъ с. М. Черниговки, Никол. у. отъ 11-го іюля.

Такъ, нашъ землевладѣлецъ Шумовъ продастъ весь инвентарь, скотъ, постройку и все, что можно.

Землевладѣлецъ Субботинъ подумываетъ о томъ же, но пока что „пожертвовалъ“ на армію сто головъ быковъ сверхъ нормы.

У землевладѣльца Юрина идетъ распродажа сѣна, котораго у него по бѣглому подсчету насчитывается больше чѣмъ на 80.000 р. Этотъ господинъ и на армію нисколько не пожертвовалъ.

Баронъ Клодтъ продастъ и рубитъ „лишній“ лѣсъ, также подумывалъ порубить лишній лѣсъ и владѣлецъ Пловотовскій, да на его бѣду по сосѣдству съ его участкомъ живутъ малороссы, они ему прямо сказали: „Голову порубаемъ, если ты будешь рубиты лѣсъ“, такъ онъ и боится.

Однимъ словомъ, распродажа въ разгарѣ. Кто чего успѣетъ продать, тотъ продаетъ, кто что успѣетъ увезти, тотъ увозитъ“.

Подобныя же сообщенія поступали изъ всѣхъ уѣздовъ.

Съ подобными жалобами ко мнѣ обращались и лично во время моей предвыборной поѣздки по Ник. у.

Помимо приведенныхъ остается еще одна очень серьезная причина, игравшая также большую роль въ разгромахъ не только частновладѣльческихъ имѣній, а иногда и общественныхъ.

Во многихъ экономіяхъ, по преимуществу какъ разъ въ тѣхъ, гдѣ было наибольшее количество живого и мертваго инвентаря, такъ привлекавшаго и дразнившаго аппетиты крестьянъ, имѣлись нѣкоторые запасы хлѣба, которые всѣ были на учетѣ у Продовольственнаго Комитета; мѣстный управляющій и мѣстный Комитетъ, покорные воли Губерн. Прод. Комитета или Уѣзднаго и согласно ихъ распоряженій держали этотъ хлѣбъ подъ строгой охраной, отправляя по мѣрѣ надобности и по мѣрѣ спроса то въ уѣздный, то въ губернскій города. Мѣстные крестьяне, раздраженные противъ города неполученіемъ мануфактуры и переживаемыми сценами голода, вначалѣ относились къ этому еще терпимо, хотя и недоброжелательно, но дальше больше, переживая муки голода въ то время, какъ рядомъ лежитъ хлѣбъ, раздражались и дѣло кончалось полнымъ разгромомъ имѣній.

Такую психологическую предпосылку имѣлъ разгромъ имѣнія Хохлачова, происшедшій еще въ началѣ сентября или даже въ концѣ августа.

Пріѣхавшій туда представитель Продовольств. Комитета былъ избитъ и выгнанъ.

Рядъ другихъ разслѣдованій въ Бугульминскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ, даетъ такіе же результаты, такъ что въ общемъ очень трудно учесть какая часть имѣній была разгромлена только вслѣдствіе извѣстнаго психологическаго настроенія, не вызываемаго непосредственно ненормальностью въ порядкахъ даннаго имѣнія, и вслѣдствіе вотъ такихъ, вызывающихъ и раздражающихъ дѣйствій самихъ владѣльцевъ, или ихъ управляющихъ.

По количеству разгромленныхъ имѣній и по интенсивности этой волны, описываемый періодъ можно раздѣлить на два полуперіода—первый полуперіодъ до октябрьскаго переворота и второй полуперіодъ послѣ октябрьскаго переворота.

Въ первый полуперіодъ, прошедшій по большей части въ полевыхъ работахъ и домашнихъ уборкахъ, погромная волна была еще слаба и разгромленныхъ имѣній насчитывается единицами. Въ Николаевскомъ у., напримѣръ, въ наибольшемъ по населенію, и гдѣ эта волна началась раньше, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ, къ этому времени было зарегистрировано всего четыре разгромленныхъ имѣнія, въ другихъ уѣздахъ въ каждомъ въ отдѣльности того меньше.

Общее настроеніе массъ Самарской губ. за этотъ полуперіодъ лучше всего опредѣлилось на третьемъ Губернск. Крестьянскомъ Съѣздѣ, открывшемся 20-го августа.

Несмотря на то, что рядъ делегатовъ, ѣздившихъ въ Петроградъ къ Временному Правительству съ ходатайствомъ объ утвержденіи Временныхъ Зем. Правилъ 2-го съѣзда, говорилъ о непризнаніи этихъ правилъ Временнымъ Правительствомъ и о его отрицательномъ отношеніи къ нимъ, никто не хотѣлъ и думать объ ихъ измѣненіи. Всякая попытка только обсуждать возможныя измѣненія или дополненія къ постановленіямъ 2-го съѣзда встрѣчалась недоброжелательно, съ какой то враждебной подозрительностью. Ни о какихъ уступкахъ или смягченіяхъ не могло быть и рѣчи. Произнесенныя рѣчи ораторовъ крестьянъ говорятъ о томъ, что крестьянство, вставшее на 2-мъ Съѣздѣ на революціонный путь разрѣшенія аграрнаго вопроса, ни въ коемъ случаѣ не сойдетъ съ этого пути и вторично признаетъ этотъ путь самымъ правильнымъ.

Вынесенная инструкція Волостнымъ Земельнымъ Комитетомъ снова утверждаетъ Временныя Правила для Самарской губерніи закономъ.

„Волостные Земельные Комитеты, говорится въ п. 6 этой инструкціи, распредѣляютъ имѣющійся въ ихъ распоряженіи въ районѣ волости земельный фондъ между нуждающимся населеніемъ на основаніи временныхъ правилъ 2-го Губернскаго Съѣзда, при чемъ при распредѣленіи земли подъ яровой посѣвъ 1918 г. волостные земельные Комитеты принимаютъ къ своему руководству въ развитіе таковыхъ нижеслѣдующее.

Дальше говорится какія именно земли должны поступить въ распредѣленіе и какія должны быть при этомъ соблюдены условія.

Въ особенности я обращаю вниманіе на слѣдующій пунктъ:

с) Имѣя на учетѣ всѣ земли въ районѣ волости, Волостные Земельные Комитеты обязаны охранять хозяйства, имѣющія для государства и народа особенно важное значеніе, а именно:

1. Породистый скотъ (конскіе заводы, племенные быки, коровы, овцы, свиньи и т. д.) безъ различія, въ чьихъ бы рукахъ они ни находились, не позволять съ одной стороны частнымъ *владѣльцамъ распродавать таковой на сторону*, а съ другой стороны, оставляя владѣльцу необходимое количество пашни и луговой земли для обезпеченія въ хозяйствѣ скота.

2. Хозяйства, имѣющія общекультурное и общественное значеніе, какъ то хозяйства земствъ, сельско-хозяйственныхъ товариществъ, сельско-хозяйственныя фермы, кумысолѣчебницы и т. п.

3. Поля, засѣянныя многолѣтними культурными травами.

4. Существующіе сады, огороды, свеклосахарныя плантаціи, лѣсные питомники, такъ же культурныя посадки, а также и не препятствовать разведенію новыхъ.

5. Не слѣдуетъ нарушать сѣвооборотовъ въ высоко-культурныхъ хозяйствахъ, стараясь передавать таковыя цѣлымъ группамъ лицъ и засѣять тѣ поля, которыя предназначены подъ пашню въ данномъ году, а также соблюдать тотъ или иной сѣвооборотъ на всѣхъ земляхъ, дабы не истощать и не засорять почвы.

Въ этихъ немногихъ пунктахъ ясно обнаружилось вполнѣ сознательное отношеніе крестьянства къ земельному вопросу. Въ нихъ видно: съ одной стороны стремленіе оградить всѣ культурныя цѣнности какъ отъ руки помѣщика, такъ и отъ захватныхъ стремленій крестьянства, и съ другой—непоколебимая воля, направленная къ полной ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства. Пунктъ первый окончательно разбиваетъ тѣ остатки правъ и привиллегій, которые еще сохранялись за частновладѣльцами въ отношеніи къ постройкамъ и живому инвентарю правилами 2-го Съѣзда.

Пункты 2, 3, 4 и 5 съ убѣдительной ясностью говорятъ о томъ, что крестьянство, представленное на третьемъ съѣздѣ, вовсе не стремится къ абсолютному уничтоженію всего не принадлежащаго трудящимся массамъ, всего того, что является заманчивымъ и цѣннымъ для его хозяйства. Наоборотъ, въ этихъ пунктахъ ясно сказывается его непоколебимое стремленіе къ сохраненію всего культурнаго и цѣннаго. Оказалось-ли въ дѣйствительности такъ—это мы увидимъ дальше.

Постановленія по земельному вопросу 3-го Съѣзда, закончившагося 1-го Сентября, большого значенія для деревни не имѣли; поэтому останавливаться на нихъ подробнѣе не буду. Не внося ничего существенно новаго и дополняя лишь постановленія 2-го Съѣзда, они поэтому прошли въ де-

ревнѣ совершенно незамѣченными, не оставивъ послѣ себя сколько нибудь замѣтнаго слѣда.

Историческая роль ихъ заключается въ томъ, что они какъ актъ законодательной воли крестьянства вторично выразили непреклонное стремленіе деревни къ трудовому хозяйству и къ уничтоженію нетрудового—капиталистическаго. Въ этомъ ихъ вся заслуга.

Погромнаго настроенія, которое впослѣдствіи проявилось во многихъ деревняхъ, на третьемъ Съѣздѣ нельзя было замѣтить. Всѣ были увѣрены, что въ Самарской губ., гдѣ рѣшеніе аграрнаго вопроса попало въ надежныя крестьянскія руки, обойдется безъ эксцессовъ, захватовъ и тѣхъ разрушеній, которыя происходили въ другихъ губерніяхъ. Происходящіе въ это время отдѣльные захваты разсматривались какъ несерьезное и незаслуживающее безпокойства.

Волна захватовъ и разрушеній, о причинахъ которой я говорилъ въ началѣ этой главы, началась вскорѣ послѣ Съѣзда, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и немного раньше. Высочайшій подъемъ этой волны совпадаетъ какъ разъ съ демобилизаціей арміи, начавшейся вскорѣ же послѣ октябрьскаго переворота.

Съ этого момента начинается второй полупері́одъ.

Раньше всѣхъ это движеніе проявилось въ Николаевскомъ уѣздѣ, наиболѣе всѣхъ деморализованномъ, благодаря присутствію большевисткаго гарнизона въ Николаевскѣ.

Первое изъ разгромленныхъ имѣній было имѣніе Хохлачева, о которомъ я говорилъ уже выше, потомъ—Шмидта, Устинова—громадная культурная экономія съ множествомъ скота, инвентаря и проч. Всѣ эти три имѣнія разгромлены еще до октябрьскаго переворота.

Начавшееся движеніе отдѣльными эксцессами разросталось съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, такъ что Николаевскій Исполнит. Комитетъ Народной Власти, состоящій преимущественно изъ крестьянъ, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ чрезвычайному средству. Взвѣсивъ всѣ тѣ послѣдствія, которыя могли произойти вслѣдствіе такихъ захватовъ и тотъ колоссальный убытокъ отъ нихъ, который понесетъ Николаевскій уѣздъ—Комитетъ постановилъ взять всѣ частновладѣльческія имѣнія въ свое вѣдѣніе... Немедленно же было создано особое Бюро, которое и должно было взять въ свое управленіе всѣ до одной конфискованныя экономіи, поставивъ въ каждую изъ нихъ своихъ комиссаровъ или завѣдующихъ.

Вначалѣ этому мѣропріятію самыхъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились всѣ Губернскія Учрежденія: и Комитетъ Народной Власти и Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ и Земельный Комитетъ, которые вынесли такое постановленіе: Считать постановленіе Николаевскаго Комитета преждевременнымъ, толкающимъ крестьянъ лишь на захватъ и посему принять всѣ мѣры къ недопущенію проведенія его въ жизнь. Но потомъ, спустя мѣсяца

полтора, видя наростаніе этихъ захватовъ и недѣйствительность всѣхъ остальныхъ средствъ —эти организаціи признали такой способъ единственнымъ, могущимъ спасти всѣ цѣнности

Первымъ пришелъ къ такому заключенію Губернскій Земельный Комитетъ, ближе всѣхъ стоящій къ этому вопросу. Имъ была принята соотвѣтствующая резолюція, которая вошла потомъ отдѣльнымъ пунктомъ въ постановленія 4-го Губернскаго Крестьянскаго Съѣзда.

Этотъ пунктъ гласитъ: „Всѣ частновладѣльческія—крупныя и мелкія (хуторскія и отрубныя, превышающія трудовую норму, казенныя и банковскія хозяйства,—промышленныя предпріятія съ оборудованіемъ, находящійся въ хозяйствахъ весь сельско-хозяйственный живой и мертвый инвентарь, а также постройки (промышленныя, хозяйственныя и жилыя) для правильнаго использованія ихъ въ общенародныхъ интересахъ, вродь до рѣшенія этого вопроса въ Учредительномъ Собраніи-берутся на учетъ и подъ контроль Губернскаго Земельнаго Комитета.

Принятыя на учетъ Земельнымъ Комитетомъ хозяйства и промышленныя предпріятія передаются въ вѣдѣніе и подъ контроль Земства. Ближайшее веденіе хозяйства поручается Земствамъ или владѣльцу даннаго имѣнія или особо избранной администраціи изъ мѣстныхъ людей.

(См. приложеніе).

Но было уже поздно. За тѣ полтора мѣсяца, которые потребовались имъ, чтобы убѣдиться въ неизбѣжности такого шага, движеніе приняло такую силу и такіе размѣры, что остановить его или предупредить какими-либо организованными выступленіями, невозможно было. Это движеніе застало Губернскія власти и уѣздныя совершенно не подготовленными. Они были безсильны бороться съ нимъ. На мѣстахъ не было ни органовъ, ни лицъ которые бы тотчасъ же, какъ только они замѣчали поползновеніе крестьянъ захватить данное имѣніе, могли бы взять его подъ свое покровительство, объявивъ народнымъ достояніемъ, какъ это сдѣлало Пилюшенское общество.

Къ слову сказать и Губернскій Земельный комитетъ, какъ и другіе Комитеты, дальше этого словеснаго постановленія въ вопросѣ о продотвращеніи разграбленія имѣнія не пошелъ. Чѣмъ это объяснить я не знаю, но фактъ остается фактомъ. Вынеся такое постановленіе, Комитетъ, какъ видно изъ обзора его дѣятельности, не принялъ никакихъ мѣръ къ дѣйствительному проведенію въ жизнь своего постановленія. Въ этомъ его большая ошибка.

Чтобы дать читателю хоть слабое представленіе о силѣ и размѣрахъ этого движенія, прокатившагося волной по всей Самарской губерніи, я привожу списокъ разгромленныхъ **крупныхъ** имѣній Ставропольскаго уѣзда и другихъ.

1. Борковская экономія и Рязанская—графа Орлова Давыдова.

2. Имѣніе А. Н. Наумова въ с. Головкиномъ—разсадникъ крупнаго рогатаго скота и лошадей. Все развезено, растащено.

3. Н. М. Наумова—имѣніе съ коннымъ заводомъ. Разграблена и обстановка.

4. Татаринова—въ с. Войкиномъ, Чердокл. волости.
5. Шапроне Де-ля-ре—Архангельской вол.
6, Д. Н. Масленникова—въ с. Сосновкѣ, Архангельской вол,
8. Марковыхъ—въ с. Мулловкѣ.
9. Тресвятскаго—въ с. Бригадировкѣ—все разграблено и сожжено.
И рядъ мелкихъ незначительныхъ имѣній.

Если читатель внимательно просмотрѣлъ этотъ списокъ, то онъ вѣроятно замѣтилъ, что всѣ эти девять разгромленныхъ экономій группируются въ 3-4 волостяхъ, не болѣе. Распространивъ эту область на весь уѣздъ, мы должны будемъ это число по меньшей мѣрѣ утроить и, пожалуй, учетверить.

Бугурусланскій уѣздъ—

въ Ключевской волости:

1. Имѣніе Буянова—все развезено, растащили
2. „ Неклюевой тоже
3. „ Карпова „

Въ этомъ районѣ хищничество достигло такихъ размѣровъ, что растащенъ не только инвентарь живой и мертвый, но и домашняя и кухонная утварь. Растащены столы, стулья, зеркала и т. д. Одной женщинѣ досталась карета и она эту карету превратила въ курятникъ.... Быковъ распродавали для зарѣзу.

Въ Богородско-Кабановской волости

1. Имѣніе Аржанова—было большое хозяйство со скотоводствомъ.

2. Имѣніе Курлина—тоже.

Въ этой волости былъ такой случай. Крестьяне одного села, соблазнившіеся помѣщичьимъ богатствомъ, задумали разгромить его, но крестьяне другого села, большаго, вооружившись, пошли на нихъ и не дали имъ громить, а въ концѣ концовъ разгромили сами.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ селъ часть разграбленнаго инвентаря была отобрана и возвращена или прежнимъ владѣльцамъ или мѣстнымъ организаціямъ.

Самарскій уѣздъ.

1. Хуторъ Разсыпного близъ села Лопатино.

2. Хуторъ бывш. Осоргина—близъ с. Домашкино.

Въ Николаевскомъ уѣздѣ кромѣ четырехъ приведенныхъ мною раньше, имѣются свѣдѣнія еще объ одномъ — объ имѣніи Ященко близъ с. Марьевки.

И въ этихъ уѣздахъ, какъ и въ Ставропольскомъ, всѣ эти разгромленныя хозяйства группируются на небольшомъ пространствѣ—на пространствѣ двухъ, трехъ волостей. Допустивъ такой же подсчетъ и ко всѣмъ остальнымъ волостямъ 330 мы должны будемъ получить грандіозную цифру—въ 300—400 имѣній.

Однако такой методъ подсчета разгромленныхъ имѣній по отношенію ко всей губерніи не можетъ быть допущенъ, ибо онъ привелъ бы къ совершенно ложнымъ выводамъ. Есть не только волости, но и цѣлые районы, включающіе въ себѣ нѣсколько волостей, какъ, напримѣръ, районъ Кошко-Шламско-Липовскій, которыхъ эта стихія совершенно не коснулась и прошла мимо нихъ не тронувъ ни одного помѣщичьяго домика. Можно указать цѣлый рядъ такихъ районовъ.

Изъ уѣздовъ наименѣе всего пострадалъ отъ этой стихійной волны—Новоузенскій уѣздъ, самый многоземельный и обезпеченный. Тамъ до самаго послѣдняго времени сохранились такія частновладѣльческія хозяйства, въ которыхъ они по прежнему являются полными хозяевами своихъ земель и засѣваютъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ они засѣвали и раньше.

Сказать о степени движенія въ другихъ уѣздахъ въ данное время за отсутствіемъ нужныхъ матеріаловъ, не представляется возможнымъ. Объ этомъ будетъ сказано мною въ другомъ томѣ, если къ тому времени удастся собрать соотвѣтствующія документальныя данныя.

XI.

Заключительный аккордъ.

Результатомъ работы надъ аграрнымъ вопросомъ за весь годъ революціи, прошедшей черезъ столько послѣдовательныхъ этаповъ крестьянскаго движенія, выявившаго намъ вполнѣ идеалъ его стремленій въ аграрномъ вопросѣ, получилась полная ликвидація частновладѣльческаго хозяйства и частновладѣльческаго землевладѣнія, какъ крупнаго такъ и мелкаго.

Большинство частновладѣльческихъ имѣній, существовавшихъ съ помощью крестьянскаго наемнаго труда, были „ликвидированы“ самими крестьянами способами, о которыхъ мы говорили въ предыдущихъ главахъ; другая половина, уцѣлѣвшая отъ этихъ разгромовъ деревни, мощной волной прокатившихся по всей Самарской губерніи, была ликвидирована Совѣтской

Властью, черезъ свои особо созданныя ликвидаціонныя при Совѣтахъ Комиссіи. Инвентарь этихъ имѣній, не растащенный ближайшими деревнями, былъ розданъ частью бѣднѣйшему крестьянству, частью рабочимъ, работавшимъ раньше въ этихъ хозяйствахъ... Все приведено къ одному знаменателю, и если гдѣ и сохранились частновладѣльческія хозяйства, то это большая и необычная рѣдкость, за исключеніемъ, какъ я уже сказалъ, Новоузенскаго уѣзда, гдѣ до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ частновладѣльческія хозяйства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ ликвидаціей частновладѣльческаго хозяйства, въ Самарской губерніи нарождается новый типъ хозяйства, небывалый еще до сихъ поръ въ нашей жизни, типъ общиннаго, коммунистическаго хозяйства.

Это теченіе, очень слабо и робко проявившееся до сего времени, зарождается въ самыхъ низахъ народа безъ всякой посторонней помощи и безъ пропаганды какихъ-либо соціалистическихъ организацій. Побудительнымъ мотивомъ къ созданію такого коллективнаго хозяйства, по моимъ наблюденіямъ, явилось сознаніе личной выгодности для себя такого способа обработки передъ всѣми остальными—значитъ, мотивъ чисто эгоистическій.

Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ съ очень крупной площадью посѣва при значительномъ количествѣ рабочихъ было очень мало живого и мертваго инвентаря, котораго не могло хватить и на половину работавшихъ тамъ. Значитъ ясно, дѣлить его нельзя, а оставаться безъ инвентаря не улыбалось также никому—оставался одинъ исходъ, къ которому рабочіе и прибѣгли: вести хозяйство сообща, используя хозяйскій инвентарь совмѣстно теперь уже для собственныхъ выгодъ.

Какъ много такихъ хозяйствъ по всей Самарской губерніи—мнѣ неизвѣстно. Изъ данныхъ по аграрному вопросу, которыми я располагаю, я знаю о четырехъ такихъ хозяйствахъ, возникшихъ на мѣстѣ бывшихъ прежнихъ частновладѣльческихъ: одно въ Николаевскомъ уѣздѣ, одно въ Новоузенскомъ и два въ Бугурусланскомъ.

Характеръ и направленіе этихъ общинъ лучше всего опредѣляется ихъ уставомъ, выработаннымъ одной изъ такихъ общинъ „Либерія". Чтобы остаться совершенно объективнымъ въ оцѣнкѣ этого вновь нарождающагося явленія, и какъ матеріалъ, имѣющій историческую цѣнность—я привожу нѣкоторыя выписки изъ этого „Устава".

1. Цѣль Общины.

„Создать большое земледѣльческое хозяйство съ участкомъ земли до трехъ тысячъ десятинъ на началахъ общиннаго владѣнія, гдѣ бы земледѣльческій трудъ каждаго члена общины облегченъ былъ посредствомъ распредѣленія работъ и примѣненіемъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ и гдѣ бы матеріальная и духовная жизнь каждаго члена была улучшена и обезпечена посредствомъ содержанія на средства общины и своего труда".

12. „Всѣ постройки, орудія производства, машины, инструменты, живой и мертвый инвентарь, всѣ предметы потребленія и продукты продовольствія, полученныя отъ производства въ общинномъ хозяйствѣ, мастерскихъ и предпріятіяхъ и пріобрѣтенныя на средства и оборотные капиталы общины, состоятъ въ общинномъ владѣніи и распоряженіи общины".

Изъ этихъ двухъ пунктовъ мы ясно видимъ соціалистическій духъ этихъ общинъ. Явленіе безусловно новое въ нашей жизни и, къ сожалѣнію, не новое въ исторіи европейской жизни.

Дальнѣйшіе пункты говорятъ объ организаціи работъ и управленіи этими хозяйствами.

п. 16. „Всѣ работы въ отдѣлахъ общиннаго хозяйства, мастерскихъ и предпріятіяхъ производятся обязательно всѣми трудоспособными членами общины„.

п. 22, „Ни одинъ трудоспособный членъ не имѣетъ права отказываться отъ выполненія работъ въ общинномъ хозяйствѣ и предпріятіяхъ и нести службу по выборамъ общаго собранія".

п. 26. Трудъ каждаго рабочаго члена въ хозяйствѣ, мастерскихъ и предпріятіяхъ ежедневно по выполненіи работъ вписывается въ его личную книжку „Трудъ", руководителями работъ и оплачивается по числу выполненныхъ работъ и расцѣнки труда.

п. 30. Жилое помѣщеніе на каждую отдѣльную семью члена выстраивается на средства общины распоряженіемъ общаго собранія и предоставляется для пользованія безплатно во все время состоянія въ общинѣ.

п. 36. Ликвидація общины допустима лишь только въ томъ случаѣ, если всѣ правомочные члены будутъ согласны на это. При несогласія хотя одного члена ликвидація не допустима.

Не желая обременять излишнимъ балластомъ и безъ того уже растянувшуюся статью я не буду дѣлать комментарій къ этому уставу, очень характерному и цѣнному для нашего времени, а лишь добавлю, что тяга къ такого рода общинамъ, по даннымъ послѣдняго времени, все разростается и разростается. Можетъ быть это движеніе одно изъ тѣхъ стихійныхъ искусственныхъ увлеченій, которыхъ такъ много было за этотъ революціонный періодъ, но оно во всякомъ случаѣ характерно потому, что указываетъ намъ въ какую сторону совершается уклонъ крестьянской мысли.

П. Климушкинъ.

Александръ Невѣровъ.

ВЪ ГЛУХИХЪ МѢСТАХЪ.

(ОЧЕРКИ)

I. ВОЛЯ.

Первыя вѣсти пришли въ Чагадаевку вечеромъ. Привезъ ихъ изъ города Яковъ Поляпкинъ, ѣздившій къ сыну солдату. А утромъ, разсыпанныя по селу, онѣ уже искрами летали изъ улицы въ улицу и поджигали сухую солому. Яковъ выросъ на цѣлую голову.

Его видѣли издали, къ нему подходили десятками, тормошили, разспрашивали, окружали кольцомъ, и онъ говорилъ:

— Воля, братцы... Свобода! Въ городѣ арестовали полицію... Губернатора посадили въ тюрьму... Съ пѣснями ходятъ. . Поютъ... Чуть не кувыркаются съ радости!..

— Неужто и губернатора посадили?

— Всѣ тамъ!.. Никого не забыли...

— Смотри, не ослышался ли ты?..

— Ну, вотъ—ослышался... Мимо меня провезли подъ конвоемъ... Я то бы не узналъ, а городскіе показываютъ: „это вотъ, слышь, губернатора нашего поволокли"...

Потомъ провезли какого-то генерала съ оторванной „полетой"...

Слушать Якова было и любопытно и страшно, и по спинѣ у трусливыхъ пробѣгалъ холодокъ. Робкіе отходили въ сторону, чтобы не вмѣшиваться въ кашу, но любопытство снова втирало ихъ въ толпу, и вытянувъ шеи, они жадно ловили каждое новое слово...

Страшныя пугающія вѣсти, разсыпанныя Яковомъ, то разрывали людей другъ отъ друга, то снова сливали въ шумную волнующуюся массу и дѣлали мужиковъ пьяными, танцующими странный невиданный танецъ. Они кружились по улицамъ, по переулкамъ, захваченные быстрымъ набѣжавшимъ потокомъ, плыли впередъ, возвращались назадъ и не знали. гдѣ и на какомъ мѣстѣ остановиться.. Сгруживались, снова растекались, выбитые изъ старой наѣзженной колеи и шумѣли высокими приподнятыми голосами... Подшучивали надъ губернаторомъ, который вдругъ сдѣлался маленькимъ и

обиженнымъ, не похожимъ на прежняго. Разспрашивали, какъ и на чемъ везли его, не ругался-ли и были-ли на немъ эполеты.

Высокое настроеніе переделало Якова.

Ему казалось, что онъ и на самомъ дѣлѣ кое—что замѣтилъ и теперь разсказывалъ мужикамъ и бабамъ такія подробности, какъ будто бы разсматривалъ губернатора самъ своими глазами, точно игрушку, посаженную въ окно магазина. Даже разсказалъ про слезы, которыя будто бы видѣлъ на лицѣ у арестованнаго начальника, и эти „слезы“ переходили съ рукъ на руки, росли, увеличивались, и на другомъ концѣ Чагадаевки уже говорили, что губернаторъ «ревѣлъ, какъ ребенокъ», когда съ него сняли «полеты».

Это была первая волна. Волна ненасытнаго деревенскаго любопытства, не знающаго мѣры. Люди никакъ не могли насытиться тѣмъ, что разсказывалъ и придумывалъ Яковъ, и многое придумывали сами... А когда Яковъ разсказалъ и повторилъ все, что видѣлъ и слышалъ и больше нечего было разсказывать, чтобы утолить разыгравшійся голодъ, накатила вторая волна-волна недовѣрія, робости.

Слабая запуганная мысль не могла переварить и осилить того, что случилось въ городѣ, не могла и повѣрить тому, что губернаторъ посаженъ въ тюрьму. Минутами все это казалось возможнымъ, а минутами нападало раздумье... Очень ужъ великъ былъ камень, висѣвшій на шеѣ, и Яковъ, навѣрное, понялъ не такъ, видѣлъ не то, а другое. И хотя Яковъ въ это утро походилъ на колоколъ, безпрерывно и увѣренно звонившій про Волю, но одного звону было недостаточно. Нужно было увидѣть, ощупать, почувствовать ее здѣсь, въ Чагадаевкѣ, чтобы увѣровать и не сомнѣваться... Нужно было придти сюда еще кому—нибудь и сказать другимъ голосомъ, другими словами... А Яковъ только разжигалъ, будоражилъ. Отъ его звону на лицахъ, вмѣстѣ съ усмѣшкой, свѣтилась тревога и робость. И эта робость заставляла сдерживаться, понижать голоса и испытывать такое чувство, какъ будто бы падаешь сверху въ глубокую яму... Главное, мучила недоговоренность, что то неясное и неопредѣленное. Яковъ отвѣчалъ не на всѣ вопросы, путался, становился въ тупикъ, и вѣрить тому, что разсказывалъ онъ, многіе не рѣшались... А поддержать его было некому и нечѣмъ. Онъ чувствовалъ безсилье сдѣлать людей вѣрующими и тонулъ, погружался на дно... Чужое сомнѣнье на минуточку отражалось и въ его потемнѣвшихъ глазахъ.

— Ахъ, ты, Яковъ, Яковъ!..—говорили ему мужики съ легкимъ упрекомъ.—Ну, чтобы тебѣ газету привезти... Тамъ ужъ, навѣрное, сказано обо всемъ...

Вѣдь сбухты—барахты дѣла не дѣлаютъ. Звонишь вотъ здѣсь, поднимаешь всѣхъ на ноги, а этимъ не шутятъ...

Когда помянули про газету, кто-то сказалъ:

— Газеты есть у учителя... Пошлите къ нему!..

Посланный ходилъ недолго и возвратился ни съ чѣмъ. Въ учителевыхъ газетахъ про Волю не сказано... Можетъ быть новыя придутъ, а въ старыхъ—по старому...

— Это приснилось ему!—показывали на Якова.—Дадутъ вотъ ему волю...

— Пропишутъ!—поддакивали другіе.

Искры летающія по селу, начинали тухнуть одна за другой. Надъ Чагадаевкой снова собиралась прежняя туча, закрывающая выглянувшее солнце, и настроеніе падало... Быстро вспыхнувшая радость смѣнялась досадой...

Въ это время вышелъ учитель изъ школы.

Слухи о Волѣ вытряхнули его, какъ мячикъ, изъ стараго темнаго короба, въ которомъ безшумно сидѣлъ нѣсколько лѣтъ, и обрадованный, встрѣвоженный и недоумѣвающій онъ шелъ по улицѣ, точно на пожарище, крупными спотыкающимися шагами.

Тучи, закрывшія солнце, раздвинулись.

— Глядите! Глядите!.. Учитель пошелъ!—говорили видѣвшіе учителя и за нимъ, точно за фонаремъ въ темную непогодную ночь торопливо двинулся растянутый хвостъ мужиковъ, ребятишекъ и бабъ.

— Этотъ ужъ знаетъ!

Всѣ надѣялись услышать отъ него новое, еще неразсказанное Яковомъ; ждали, что онъ раскроетъ какую-то тайну, снимотъ сомнѣнья, прогонитъ тревогу, и каждый напередъ приготовился вѣрить тому, что скажетъ учитель. И когда онъ остановился около избенки, въ которой жилъ Яковъ, его потопила густая толпа, напирающая справа и слѣва и на виду отъ него осталась лишь одна голова, въ старой засаленной фуражкѣ. Это была очень торжественная минута! Минута, полная вѣры, ожиданья и теплаго вспыхнувшаго чувства, согрѣвшаго и объединившаго толпу въ строгомъ напряженномъ молчаньи.., Темные невѣрующіе глаза дѣлались шире, свѣтлѣе... Рѣдкіе тяжелые вздохи падали какъ крупныя зерна, выбитыя градомъ изъ перезрѣвшихъ колосьевъ... Но новаго и волнующаго учитель ничего не разсказалъ. Онъ только спросилъ Якова.

— Правда-ли, что въ городѣ арестовали полицію?

Яковъ сказалъ, что правда.

— И губернатора посадили?

Яковъ и это подтвердилъ.

Онъ стоялъ передъ учителемъ, какъ передъ судьей на допросѣ и боялся, что этотъ человѣкъ, легко умѣющій говорить, запутаетъ его, закидаетъ вопросами, и онъ посматривалъ на него чуточку изъ-подлобья...

— Ну, а войска какъ?—спросилъ учитель.—Они на чью сторону встали?

Яковъ угадалъ.

Это былъ новый вопросъ, и люди, загорѣвшіеся новымъ любопытствомъ, взглянули на Якова выжидательно. Объ войскахъ какъ то позабыли въ первой горячкѣ, прошли стороной и напоминаніе о нихъ заставило потѣснить другъ друга. Нѣкоторые даже поежились и показывая на учителя мигнули. Дескать, выковыриваетъ. Яковъ не могъ дать точнаго опредѣленнаго отвѣта и въ томъ, что разсказывалъ про солдатъ, чувствовалась путаница, незнаніе...

Тогда учитель сказалъ твердымъ сдерживающимъ голосомъ:

— Это не важно, что арестовали полицію. Дѣло нехитрое!

Не важно и то, что сидитъ губернаторъ. Суть не въ этомъ...

Главное дѣло—солдаты. Съ нами они или противъ насъ?..

Если пойдутъ противъ насъ—радости мало... Помните 1905 годъ?

Учитель говорилъ немного, но слова его упали на горячія еще не остывшія головы, какъ крупныя холодныя капли дождя. Люди разомъ попятились вздъ, чтобы не выскакивать напередъ и разомъ повяли, когда вспомнили про солдатъ.

— Не выйдетъ! опять говорили одни.

— Задавятъ!—говорили другіе.

А третьи, самые робкіе, совѣтовали обождать.

— Погодите!—говорили они.—Какъ въ людяхъ, такъ и у насъ будетъ... Не надо бѣситься... Порадуемся, если объявится настоящая Воля, а пока по угламъ... Будто вы ничего не слышали...

Маленькая потревоженная Чагадаевка въ этотъ день плутала и кружилась, какъ странница по чужимъ незнакомымъ дорогамъ... То ударится на одну, то торопливо сойдетъ на другую...

А все изъ-за Якова, не купившаго газету!

Отъ его путанныхъ неясныхъ разсказовъ что то выпало изъ мужиковъ, развинтились какія-то гайки и машина на время разладилась.. Поврежденные, они бродили по избамъ, не зная за что уцѣпиться, курили, ругались, сердились и сдержанно говорили о Волѣ... Старая дорога, по которой прошли ихъ дѣды и прадѣды, казалась имъ слишкомъ ужъ тяжелой, тернистой, усѣянной горемъ и обидой, и позывала на новую, открытую Яковомъ. Но оттуда, съ новой дороги, смотрѣли чьи-то злые, угрожающіе глаза, налитые кровью и ненавистью; видѣлись тысячи рукъ, приготовившихъ ружья и плети, и новая дорога, перегороженная солдатами, пугала, отталкивала...

Учитель тоже растерялъ какія-то гайки...

Съ улицы онъ зашелъ къ о. Николаю и однимъ взмахомъ развилъ въ дому у него старую перегрѣтую тишину.

— Слышали батюшка?—не сказалъ, а крикнулъ онъ высокимъ помолодѣвшимъ голосомъ и началъ выкладывать вѣсти, привезенныя Яковомъ.

Потомъ отправился къ управляющему въ имѣнье купца Тологрѣева и тамъ перепугалъ всю семью. Отъ его страшныхъ запрещенныхъ словъ вытягивались лица, нервно подергивались губы, а разбитая тишина, засосавшая сытую жизнь, звенѣла испугомъ и жалобой.

Дома онъ безпокойно поглядывалъ на дорогу въ надеждѣ увидѣть на ней человѣка, везущаго почту, и мѣряя комнату громко и непрерывно постукивалъ сапоги. Минутами лицо его расплывалось въ улыбку. Онъ думалъ.

— Пусть Яковъ не все знаетъ. Пусть и перепуталъ кое-что, но всетаки что-то случилось... И пока я стою здѣсь, Воля-то, можетъ быть, ужъ идетъ по полямъ, катится по овражкамъ и не нынче-завтра широкимъ потокомъ ворвется сюда... Окатитъ свѣжей волной, встряхнетъ, приподниметъ и скажетъ:

— Ну, учитель, радость и праздникъ несу вамъ!..

И эта вѣра въ то, что Воля недалеко, что она отгорожена отъ нихъ лишь глухими дорогами, поднимала въ душѣ пожившаго утомленнаго человѣка молодыя заснувшія чувства. Ихъ трудно было держать въ себѣ, они просились наружу, и учитель говорилъ женѣ, потряхивая головой:

— Мнѣ словно семнадцать лѣтъ! Такъ и хочется выкинуть какого-нибудь вертушка... Вѣдь ты представь только... загляни хоть однимъ глазомъ впередъ, а? Представляешь?..

А передъ вечеромъ, когда онъ сидѣлъ за чаемъ, въ комнату къ нему вихремъ ворвался маленькій толстоногій Шатунъ въ разстегнувшемся полушубкѣ и не здороваясь закричалъ точно глухому:

— Василій Михаилычъ! Газета пришла... Мужики васъ зовутъ... Скорѣя!..

Но это ужъ напрасно добавилъ Шатунъ. Учитель и безъ того готовъ былъ выбѣжать въ одномъ пиджакѣ Газету привезъ Лучкинъ Никифоръ изъ волости и около Никифоровой избы стояла густая толпа мужиковъ, бабъ, ребятишекъ и дѣвокъ. Даже дѣдушка Симонъ — и тотъ вылѣзъ изъ своей трущобы и опираясь на палочку вытягивалъ шею. Народъ волновался, шумѣлъ и весело похлопывалъ рукавицами...

Развернутая и помятая газета уже лежала на колѣняхъ у малограмотнаго Кузьмы Полосухина и таскала его по чернымъ убѣгающимъ строчкамъ, по чернымъ весеннимъ дорогамъ. Неопытный и незрячій онъ тыкался глазами не туда, долго блуждалъ въ объявленьяхъ, пыхтѣлъ надъ статьями, которыя опрокидывали въ немъ свои обиходныя мысли, и отъ напряженья онъ даже вспотѣлъ.

— Что, Кузьма,—не дается?—подсмѣивались мужики.

— Безъ очковъ онъ не можетъ!—подсмѣивались другіе.—Очки ему надо!

Учитель вышелъ въ самую середину. Толпа разомъ притихла... Шутки и прибаутки отошли въ сторону. Онъ быстро пробѣжалъ первую стра-

ницу, заглянулъ на вторую и вдругъ точно падая взмахнулъ обѣими руками, играя газетнымъ листомъ.

— У-р-р-р-а-а—закричалъ онъ, задыхаясь отъ радости и волненія.—Въ Россіи государственный переворотъ... Государь арестованъ... Министры—тоже...

Толпа вздрогнула, закрутилась и сжалась плотнѣе... Радость учителя не всѣхъ заразила подъемомъ и въ первую минуту на лицахъ у многихъ отразилось испуганное недоумѣніе. Слова, что „государь арестованъ"—это было ужъ слишкомъ для людей, привыкшихъ къ неволѣ, и они задавили въ нихъ радость грядущаго освобожденья... А учитель выхватывалъ изъ газеты все новыя и новыя страшныя вѣсти и цѣлой горстью бросалъ ихъ въ народъ... Онъ не видѣлъ по бокамъ и позади у себя тревожныя лица съ неувѣреннымъ блескомъ въ глазахъ, не замѣчалъ и того испуга, какой испытывали эти люди, пораженные тѣмъ что разомъ разбита вся старая жизнь...

—Солдаты съ нами!—весело подбрасывалъ учитель, послѣднія зерна. И самъ же откликался:

—Ого! Это недурно... Съ солдатами дѣло пойдетъ...

А когда кончилъ и темными невидящими глазами посмотрѣлъ на мужиковъ, плотно слитая толпа подалась, разступилась и заговорила своимъ языкомъ.

—Понюхать тутъ!—сказалъ кто то изъ заднихъ.

Задача!—добавилъ хромой кособокій Ефимъ, облизывая губы.

—Зачѣмъ же царя-то?—Недоумѣвающе выкрикнулъ Павелъ Шагаловъ, рыжій безтолковый мужикъ.

—А вотъ за этимъ!—неожиданно отвѣтилъ ему Кузьма Полосухинъ, становясь около учителя.—Когда рѣжутъ курицу, то ей отрубаютъ голову. Такъ и въ Россіи начали съ головы. Понялъ теперь?

Подошелъ Андрей Яковлевичъ съ тихимъ пѣвучимъ голосомъ и выражая тревогу, сказалъ:

—Мы, Василій Михайлычъ, темный народъ... Запуганный. Ты намъ растолкуй нашимъ мужицкимъ языкомъ... Вдолби!... Я вотъ слушалъ, пока ты вычитывалъ: этого арестовали, этого посадили... Этого разжаловали... И думаю теперь своимъ соображеньемъ: къ добру-ли такія дѣла?—Сердцемъ-то чую, что радоваться надо, что оторвали ихъ, шапки надоть снять да перекреститься всѣмъ міромъ, а въ уши-то шепчетъ лукавый: „Эй, Андрей, хорошаго мало.—Безъ начальниковъ тоже нельзя". Вотъ ты и объясни намъ попроще... Успокой! Мы вѣдь совсѣмъ не понимаемъ... Слушаемъ будто въ голову не лѣзетъ...

—Ну, да—правильно!—ударило нѣсколько голосовъ.

Андрей Яковлевичъ словно на исповѣди клялся въ своей темнотѣ. Голосъ у него былъ искренній, теплый, продуманный, и учитель понялъ эту растерянность, эту неподвижность въ застывшихъ недоумѣвающихъ мужикахъ.

Черезъ минуту онъ стоялъ на заваленкѣ, помолодѣвшій на нѣсколько лѣтъ и громко заикающимся голосомъ говорилъ:

—Радуйтесь, старики!... Радуйтесь!... Страшнаго ничего нѣтъ.— Только одно хорошее... Не надо бояться... Подумайте, какъ мы жили? За кого насъ считали? Не то за людей, не то за свиней.

—Конечно, правильно!—Слышится голосъ.

—Теперь этого не будетъ... Свобода передѣлаетъ насъ на людей... На кого вы работали и ковыряли землю весь вѣкъ?

—На черта!—Слышится тотже голосъ.

—Теперь и этого не будетъ... Свобода принесетъ вамъ землю... Земля будетъ ваша—мужицкая. Вы только подумайте хорошенько, какая подходитъ къ намъ жизнь... Только загляните впередъ... Не тужить надо о прошломъ, не жалѣть его, а радоваться, что оно разбито... Это вѣдь не жизнь была у насъ, а петля... Собачій намордникъ... Будетъ намъ плакать—поплакали... Будетъ горевать—погоревали...

—Пусть и они погорюють!—Слышится все тотже упрямый настойчивый голосъ изъ-заднихъ рядовъ.

—Пора и порадоваться намъ!...—Уже отчетливо рубитъ учитель.— Только идти надо дружнѣе... Тащить надо въ одну сторону всѣмъ, чтобы враги не осилили...

Учитель никогда еще не говорилъ такъ долго и такими словами и сердце народное переполнилось другими чувствами. Сухая солома, подожженная имъ, вспыхнула, заиграла, запрыгала сотнями искръ... Свѣжій весенній потокъ блеснулъ широко и увѣренно, сбилъ, расшаталъ перегородки, и старыя вѣковыя печали, старыя вѣковыя обиды, мучившія сердце, полились, понесли на себѣ пробужденную мысль...

— Слушайте! Слушайте!—весело подпрыгивалъ Яковъ, но его уже не слушали... Каждому хотѣлось высказать свое, которое неудержимо запросилось наружу....

— Будя, помытарились! - грозился толстоногій Шатунъ, почувствовавшій себя великаномъ...

— Это вотъ дѣла!—чвокалъ все еще невѣрующій Павелъ Шагаловъ. Значитъ, теперь все начальство въ тюрьмѣ? И царь императоръ и самъ городовой? Ну, ну...

— Я такъ понимаю, старики!—степенно вырубалъ свои мысли Андрей Яковлевичъ.—Бояться намъ нечего... Солдаты-то съ нами... Чего намъ бояться? Дружнѣе только надо... Кучей... И другъ друга не бросать. Ужъ плохо—всѣмъ плохо...

Хорошо, такъ всѣмъ хорошо...

Кузьма Полосухинъ стучитъ уже съ другого боку.

— Не вытерпѣла—лопнула!... Я такъ и зналъ... Я давно говорилъ, что не вытерпитъ... Больно ужъ туго тянули на шею брата.

— Вотъ и дотянули!

— Да, не покажется кой-кому... Отпраздновали.

— А все-таки дивно!—говоритъ Митрохинъ, покачивая головой.—Вотъ уже и въ газетѣ написано, а какъ-то не вѣрится... Царя арестовали... Здоровую надо башку, чтобы придумать это...

— Нынче, видно, всѣмъ одна дорога...

— Эхъ, теперь бы выпить!—шмурыгаетъ носомъ Шатунъ.—Что-то ужъ больно хорошо стало... Радость какая-то пошла по всему тѣлу. Можетъ, и на самомъ дѣлѣ, осмыслится что нибудь... Можетъ, и наша копеечка встанетъ теперь на ребро...

— Если ротъ не разинешь! добавляетъ Кузьма.

— Ты все притчами загибаешь, голова... Говори проще... Говори, что жить надо дружнѣе... Это ты хотѣлъ сказать?

Уже наступали сумерки, но народъ не расходился. Кружились, топтались, задерживая другъ друга, хлопали себя по бедрамъ и не могли успокоиться, не могли наговориться... Было еще что то невысказанное, недоговоренное, невылитое изъ раскрытаго потревоженнаго сердца, и каждому хотѣлось вылить, договорить и опорожниться..., чтобы больше вмѣстить въ себя пьянаго волнующаго возбужденія... Не радовались и не растворялись въ этой радости только два человѣка въ полусуконныхъ пиджакахъ—два богатыхъ собственника: Балинъ и Лузинъ. Балину мерещилось что то нехорошое впереди и онъ говорилъ:

— Постойте, старики, не прыгайте... Кабы чего не напрыгать.

Но старики не слушались и прыгали, какъ голодные воробьи надъ разсыпаннымъ просомъ.

— Ты, Балинъ сроду въ другую дудку дудишь!—упрекали его мужики.—Теперь вѣдь не прежняя пора...

— А какая же?

— Эдакая! помолчать надо!...

Мужики не знали еще толкомъ, какая теперь наступила пора, почувствовали, что ихъ захлестнуло волной, подняло, понесло—неизвѣстно куда. Чувствовали, что совершилось большое, великое, разломавшее старую жизнь, и на обломкахъ ея въ грубыхъ выпуклыхъ формахъ рисовалась уже новая жизнь—сытая, довольная, опоясанная густыми хлѣбами на вольной мужицкой землѣ—безъ податей и подушень—этихъ злѣйшихъ смертельныхъ враговъ, высасывающихъ трудовыя копейки.

— Поживемъ, Богъ дастъ!—слышались въ сумеркахъ встревоженные голоса.

— Ну, но мы, такъ дѣти!...

— И мы поживемъ... Вотъ узндите... Время ужъ, пора... Сколько лѣтъ ждемъ?

Учитель радовался за себя и за другихъ. Дома онъ сказалъ женѣ.

— Ну, вотъ и дожили! Теперь нашъ чередъ дышать свѣжимъ воздухомъ... Въ Россіи идетъ Ре-во-лю-ція...

---

2. На новыхъ правахъ.

Первыя волны, затопившія Чагадаевку, держались недолго. Вѣсти о Волѣ прошумѣли какъ птицы, предвѣщавшія весну, и послѣ нихъ наступила тревожная выжидающая тишина... Внѣшне жизнь оставалась все еще прежняя, съ прежнимъ укладомъ, — нетронутая, непопорченная, какъ будто бы ничего не случилось, но внутри ея уже что-то лопнуло, сдвинулось, поднялось и наружу стали просачиваться новыя обостренныя мысли... Мужики ходили угрюмые, сдержанные, къ чему то прислушивались, приглядывались и таили въ глазахъ темное пугающее недовольство... Собираясь на улицахъ, дико крутились на мѣстѣ, шумѣли, кричали, а черезъ минуту вдругъ гасли, становились подозрительными и думали каждый свое — въ одиночку. Они были еще связаны, и отсутствіе Воли, имѣющей настоящее мужицкое лицо, дѣлало ихъ то неподвижно застывшими, то неестественно-возбужденными...

Не успокаивался только Шатунъ, въ котораго воля вошла толстымъ клиномъ. Бывшій „не-человѣкъ,“ „шантрапа“, живущій по-птичьему, онъ теперь ширился, росъ, поднимался и чувствовалъ силу. Даже выучился вдругъ говорить, началъ сердиться, сучить кулаками, и мужики къ нему прислушивались...

—Какую вамъ Волю надо?—Кричалъ Шатунъ.—Развѣ это не Воля, ежели вся начальства въ тюрьмѣ? А будемъ сидѣть и ничего не дѣлать, золотую не дадутъ намъ... Опять только по горбамъ помажутъ... Надо начинать, старики!... Дѣйствовать надо!...

Ларіонъ Колымагинъ, грузный, широкій старикъ, подсовывалъ спички подъ ту же солому. Оба они трубили одно:

—Дѣйствовать надо!... Начинать!...

Но солома разгоралась медленно...

Мужики не знали, съ чего начинать. Прошумѣвшая Воля подняла въ нихъ старыя обиды, разбередила старыя незажившія раны и налитыя желчью, онѣ походили на вздутый весенній овражекъ, наполненный мутной бурливой водой. Сдерживать его было трудно, а прорваться и выплеснуть изъ себя мутную бучливую горечь боялись. Знали, что старая крестьянская обида ударитъ широкимъ потокомъ, многое поломаетъ, побьетъ и многое перепор-

титъ... Шатунъ съ Ларіономъ вели ихъ не въ тѣ ворота, не по той дорогѣ, по которой шли до этого, и мужики стояли на раздорожьѣ...

Начинать же иначе, не съ этого, а съ другого конца,—не могли, потому что не знали еще, что можно войти въ новую жизнь съ другого конца... Та дорога, на которую тащилъ Шатунъ, была единственная, гдѣ можно было сразу и скоро проявить свою мужицкую Волю... И все таки, двинуться по ней что-то мѣшало, удерживало... Былъ страхъ, были сомнѣнья, кружившія голову, и Чагадаевка ждала—выжидала...

Шатунъ отъ досады плевался.

—Чурбаки съ глазами!—кричалъ онъ, подпрыгивая.—Чего ждете? Ждете, когда останутся огрызки? Ну ждите, чертъ съ вами... Только ужъ потомъ не скулите... Не лѣзьте въ затылки!...

Шатунъ говорилъ обрывками, намеками, но это не тайна. Всѣ знали, что онъ указываетъ на Тологрѣевскую усадьбу, на тологрѣевскаго приказчика, засѣвшаго въ этой усадьбѣ, и Шатуновы рѣчи смущали, тревожили и неудержимо толкали впередъ... Колючія и подхлестывающія онѣ, словно иглы, входили въ мужицкія головы, жалили, разжигали, и бѣлыя трубы на зеленой тологрѣевской крышѣ становились отъ этого противными, невыносимыми... Тамъ, словно въ фокусѣ, отражалось теперь все зло, все униженье старой безправной жизни... Стоило только взглянуть туда—на зеленую крышу съ бѣлыми трубами,—и въ сердцѣ вспыхивало темное ненасытное чувство... Уже подмывало раскидать всю усадьбу по камешку, по кирпичику... Наплясаться, натѣшиться досыта на мусорѣ и обломкахъ и разнести ихъ по-вѣтру, чтобы не осталось слѣда.

Но на пути становился учитель.

Мужики упирались въ него, какъ въ высокую твердую стѣну, черезъ которую нельзя перепрыгнуть, и задержанные, отливали назадъ. Учитель говорилъ немного, но то, что говорилъ, попадало въ самую сердцевину.

—Слушайте!—останавливалъ онъ.—Подумайте!... Гдѣ теперь купецъ Тологрѣевъ? Нѣтъ его... Гдѣ его право на усадьбу? По водѣ разошлось... Кто наживалъ усадьбу? Вы и ваши дѣды... Чья она стала теперь? Ваша, народная... Такъ зачѣмъ же портить и растаскивать ее? Не портить надо, а беречь, какъ свою... Все это пригодится вамъ, на пользу пойдетъ...

—Правильно!—соглашались мужики.—Хорошее слово!...

Но Шатунъ не соглашался.

—Нѣтъ, неправильно!—кричалъ онъ подпрыгивая.—По новому праву это совсѣмъ наоборотъ... По новому праву надо вотъ какъ... Чтобы духу не было... Будя, помучились!... А оставь ка ихъ тутъ, что будетъ?... Опять на шею сядутъ...

Шатунъ походилъ на молодого растравленнаго бычка, упрямо бодающаго въ одно мѣсто. Въ немъ чувствовался задоръ, побѣждающій слабыхъ; сила, которая выпирала наружу, и слушая его, мужики соглашались и съ нимъ. Откуда ни заведутъ ихъ, и что ни разскажутъ—вездѣ правильно... Отъ учителя они переходили къ Шатуну, отъ Шатуна снова къ учителю и подчасъ начинали сердиться... Ихъ таскали изъ стороны въ сторону и ни по чемъ не могли установить, чтобы почувствовали подъ собой прочныя негнувшіяся ноги. Собственныхъ ногъ у нихъ еще не было, не было и собственныхъ глазъ, указывающихъ правильную настоящую дорогу, и всѣ они кружились точно пружинныя куклы съ свѣтлыми невидящими глазами. Учитель призывалъ къ выдержкѣ, Шатунъ безпрерывно подсовывалъ спички въ сухую солому... Словесная борьба между ними начала надоѣдать и казаться ненужной. Голосъ учителя началъ выводить изъ терпѣнья... Онъ связывалъ, укрощалъ, останавливалъ, а мужикамъ хотѣлось развернуться, сдвинуться и разомъ выплеснуть изъ себя мутную накипѣвшую горечь, чтобы показать свою Волю. Въ томъ же спокойствіи, въ которомъ держалъ ихъ учитель и даже въ тѣхъ тоненькихъ книжкахъ, въ которыхъ читалъ имъ о новыхъ народныхъ правахъ—совсѣмъ не чувствовалось Воли и не было ни одного признака, что она пришла въ Чагадаевку. Ее нужно было показать „чтобы увидѣли всѣ, у кого не закрылись глаза; ощупать, чтобы убѣдиться что она—здѣсь и вдохнуть ея запахъ, чтобы почувствовать ея близость... А учитель словно нарочно отводитъ ее въ сторону и читаетъ какія-то книжки о новыхъ правахъ... Противъ него выросло подозрѣнье. Ужъ не обманываетъ-ли онъ? Кто-то даже бросилъ „нехорошее“ обидное слово „буржуй“, которое попало въ учителя, и при встрѣчѣ съ нимъ мужики уже не смотрѣли въ глаза ему, какъ раньше...

Шатунъ торжествовалъ.

Онъ былъ неутомимъ и медленно, но упорно раскачивалъ Чагадаевку. Здѣсь шепнетъ, тамъ разбередитъ старую незажившую ранку, и гудитъ, словно жукъ, про мужицкую Волю... А однажды ночью, увидя въ степи полыхающее зарево, даже выругался отъ удовольствія, и запрыгалъ на мѣстѣ.

—Глядите... Глядите!...—бѣгалъ онъ по избамъ.—Вѣдь это Симушкинъ хуторъ вознесло... Вотъ та-къ! Тамъ, видно, не чешутъ въ затылкахъ... Эхъ мы-ы!... Мало насъ идоловъ пороли,—не выпороли... Еще-бъ надо... Черти!...

Шатунъ побѣдилъ.

Утромъ Чагадаевка зашумѣла другими голосами. Овражекъ прорвался. Мутная бурливая вода плеснула широкимъ потокомъ. Кто то залѣзъ на колокольню и ударилъ въ большой колоколъ. Частые перепутанные удары посыпались, словно камни, брошенные смѣлой опьянѣвшей рукой и подхле-

снутые мужики взмыли, какъ степные разнузданные кони, несясь на церковную площадь...

Туда же бѣжали и растрепанныя бабы, путаясь въ юбкахъ; падая, неслись ребятишки съ дикими непонимающими глазами; спотыкаясь, тащились старики и старухи, вытащенные изъ темныхъ ущелій.

Шатунъ стоялъ выше всѣхъ, сильно размахивая руками и выплевывалъ изъ себя старую горючую ненависть къ старымъ порядкамъ... А черезъ минуту разгорѣвшаяся толпа повалила въ усадьбу судить тологрѣевскаго приказчика. Каждый несъ въ себѣ кусочекъ обиды, кусочекъ ненависти и желаніе плюнуть въ лицо. Грозный суровый приказчикъ, передъ которымъ раньше стояли безъ шапокъ, вышелъ теперь самъ безъ шапки съ робкими провалившимися глазами. Было весело и сладко смотрѣть на его покорно-безпомощную фигуру съ низко-опущенной головой. А когда онъ неожиданно всталъ на колѣни, это не успокоило толпу и не отрезвило...

Въ этой покорности она увидѣла только собственную силу и наконецъ то пришедшую Волю, которая выявила свое настоящее лицо...

— Что, не пьешь?—разомъ хлестнуло нѣсколько голосовъ.

— Не нюхаешь?

— И мы теперь „братцами" стали. Ага! такъ—твою разъ—эдакъ!..

— Въ рѣчку его, идола!..

А Шатунъ, словно ястребъ, клевалъ приказчика въ раскрытую голову.

— Кто мою лошадь засѣкъ? Ты. Кто обѣщался сгноить въ острогѣ? Ты. Кто ты былъ раньше? Богъ. А теперь? Теперь ты червякъ. Ф-фу,— И нѣтъ тебя... Тля ты!.. Наступимъ, и будетъ мокренько... Хочешь?

— Простите, Христа-ради!..

— Прощенья проситъ! крикнулъ Шатунъ. Простимъ, чтоля?

Въ самую рѣшительную минуту выступилъ Андрей Яковлевичъ съ тихимъ пѣвучимъ голосомъ и, не торопясь, ровненько началъ вырубать трезвыя спокойныя мысли, удерживая мужиковъ.

— Теперь этотъ человѣкъ въ нашихъ рукахъ!—сказалъ онъ.—Можемъ мы его и казнить, можемъ и миловать... Наша воля. Ну, а только лучше помиловать, старики. Пусть уходитъ отъ насъ... Вотъ ему дорога, вотъ время, и пусть уходитъ. Такъ-ли я говорю, старики?

Толпа не отвѣтила и взглянула на Шатуна. Шатуна польстило, что судьба приказчика находится теперь въ его рукахъ и послѣ нѣкотораго раздумья онъ сказалъ нерѣшительно.

— Да чортъ съ нимъ... Пускай уходитъ, не мозолитъ глаза... Слышишь ты? Собирайся! На новую землю поѣдешь...

Толпа развеселилась, обмякла. Послышался смѣхъ.

— Ну, а съ усадьбой какъ?—спросилъ Шатунъ,

— Раздѣлить!—крикнули изъ заднихъ рядовъ.

— Раздѣлить!—подхватила толпа.

Но тутъ опять появился учитель. Словно изъ воды вынырнулъ. Залѣзъ на крыльцо и разсказываетъ про солдатъ, безъ которыхъ будто бы неудобно дѣлить... Лучше, говоритъ, обождать съ дѣлежемъ... Кабы, говоритъ, грѣха не нажить... Обидятся они, а усадьба, слышь, никуда не дѣнется.

Опять этотъ человѣкъ связываетъ Чагадаевку по рукамъ и ногамъ, отнимая пришедшую Волю... Опять льетъ надоѣвшія спокойныя рѣчи, перегораживающія дорогу. Что ему нужно въ мужицкихъ порядкахъ? Кто онъ такой? Мужики чувствовали, что учитель говоритъ дѣло, говоритъ правильно, такъ же правильно, какъ думаетъ и каждый изъ нихъ, но его спокойный голосъ сдѣлался уже подозрительнымъ. Было бы лучше, если бы эти же слова сказалъ кто-нибудь другой, но только не учитель, бьющій въ какую-то цѣль... И когда подъ его словами падала и утихала разыгравшаяся волна, кто-то крикнулъ, бросая новую искру:

— Чего онъ морочитъ? Чего затираетъ глаза?

Толпа загудѣла, запрыгала, словно ужаленная. Злые растравленные голоса перепутались, высоко плеснули вверхъ и возбужденные мужики начали наскакивать другъ на друга.

— А, вы дѣлить?—кричали одни.

— Присосаться хотите?—кричали другіе.

— Ну, нѣтъ!.. Не будетъ по вашему... Подождемъ до солдатъ...

А Григорій Софроновъ, богатый мужикъ, уже предлагалъ сто пудовъ пшеницы на бѣдныхъ, выговаривая себѣ пару тологрѣевскихъ лошадей и рессорный тарантасъ съ мягкимъ сидѣньемъ.

— Ежели что, я хоть сейчасъ, старики!—кричалъ онъ, поводя вокругъ жадными покраснѣвшими глазами.—А дѣлить, конешно, смысловъ нѣтъ...

Но старики не уступали. Они запутались, завертѣлись и видѣли только одно, что вмѣсто приказчика на тологрѣевскихъ лошадяхъ намѣревается поѣздить Михайла Софроновъ. Было обидно и горько. Каждому хотѣлось сѣсть самому въ рессорный тарантасъ, а такъ-какъ это было невозможно, также лучше никому не садиться въ него по одиночкѣ. Лучше сдѣлать его ничьимъ, общественнымъ, чтобы не мучиться завистью послѣ.

Эту хорошую мысль вырубилъ все тотъ же Андрей Яковлевичъ, и ее подхватили. За нее уцѣпились, какъ за самое лучшее, что нужно было придумать въ горячкѣ и тутъ же, на дворѣ, сладили небольшое собранье на скорую руку.

— Слушайте, старики!—сказалъ Андрей Яковлевичъ.—Я вотъ что придумалъ. Есть у насъ сельскій ямщикъ? Есть. Платимъ мы ему восемь сотъ? Платимъ? А давайте не платить! Какъ? Да вотъ какъ. Заставимъ объѣзчика гонять ямщину на тологрѣевскихъ лошадяхъ и восемь сотъ будутъ въ карманѣ у насъ... Правильно-ли я говорю, старики?

— Правильно!

Вывели перепуганнаго объѣзчика и сказали:

— Признаешь волю народа?

Объѣзчикъ снялъ шапку.

— Ну, такъ вотъ... На насъ будешь служить... Замаливай старые грѣхи... Чтобы нитнють!.. Вентарь весь, чтобы въ сохранности... Понялъ?..

— Вентарь перепишемъ!—сказалъ Андрей Яковлевичъ. На учетъ поставимъ...

Воля была проявлена. Всѣ почувствовали, что она пришла не на словахъ, а на дѣлѣ и всетаки чего-то еще не хватало, чтобы закончить шумный взбудораженный день... Какъ то ужъ очень просто вышло... Ждали чего-то особеннаго, страшнаго, что должно было выглянуть злыми, окровавленными глазами, а вышло совсѣмъ наоборотъ. Никого не задавили, никто не порѣзался, не хрустнуло ни одно дерево въ саду, не упалъ ни одинъ камень въ окошко... Правильно-ли это? Ларіонъ Колымагинъ всетаки не вытерпѣлъ, не удержался и обломалъ молодую березку подъ окнами. Кто-то навалился на изгородь у палисадника и повалилъ ее на землю. А строгій серьезный Шатунъ ударилъ цѣпную собаку, охраняющую дворъ. Онъ былъ не совсѣмъ доволенъ. Въ своемъ порывѣ онъ могъ надѣлать очень большихъ дѣловъ, чтобы показать въ себѣ смѣлаго, отчаяннаго человѣка, но теперь уже показывать было не на комъ. Недавній еще просторъ, на которомъ онъ думалъ развернуться во всю, незамѣтно и быстро обузился. Смѣлость казалась ненужной, и потревоженная сила, выпирающая наружу, должна была снова улечься на прежнее мѣсто... Надо было вставать на другую дорогу, пробовать силу съ другого конца, чтобы вести за собой подчиненную Чагадаевку, но такой уже силы не было... Онъ не отвѣтитъ на всѣ вопросы, не распутаетъ и всѣхъ узловъ, какія будутъ вязать цѣпкія невидимыя руки... Маленькій слѣпой человѣкъ, сильный своими обидами, онъ упадетъ съ той высоты, на которую поднялся ненадолго, не увидитъ на себѣ и внимательныхъ глазъ, какъ было до этого. Отъ сознанья, что онъ наполовину уже отыгралъ свою роль. Шатунъ былъ недоволенъ и сердито выплевывалъ изъ себя послѣднюю горечь...

3. Темный лѣсъ.

Когда захватили усадьбу, вспомнили про Тологрѣевскій хворостъ на Красномъ озерѣ. О немъ позабыли въ первой горячкѣ, и теперь всѣхъ потянуло на хворостъ. Снова накатила волна. Сначала рубили въ одиночку, потомъ хлынули цѣлой деревней, и на Красномъ озерѣ остались пеньки. Стало легче, и мысль о хворостѣ уже не мучила, не раздражала.

— Выростетъ!—говорили мужики.—Хворостъ—не бревна...

Потомъ такая же волна захлестнула передъ дѣлежкой луговъ... Но и это прошло. Все, что можно было раздѣлить,—раздѣлили, поспорили, переругались и опять помирились. Больше дѣлать было нечего. Усадьба стояла заколоченной, съ черными пустыми окнами, инвентарь—переписанъ. На толо-грѣевскихъ лошадяхъ разъѣзжалъ теперь писарь Пичуга, комиссаръ Одонинъ и Захаръ Жучкинъ, уполномоченный по земельнымъ дѣламъ... Потревоженная жизнь снова укладывалась въ свои берега... Нѣкоторые говорили:

— Какъ хорошо вышло, а? Сковырнули да и все тутъ...

— Это еще не все!—говорилъ учитель.

Какъ не все?

— Очень просто... Надо еще укрѣпить новые порядки... Организоваться надо... Учиться...

И учитель выкладывалъ передъ мужиками уже новое, совсѣмъ непонятное..

Иногда онъ зазывалъ мужиковъ въ школу къ себѣ и доводилъ до одури. Изъ тоненькихъ книжекъ, которыя онъ прочитывалъ вслухъ, лѣзло на нихъ что-то неслыханное, невиданное, но въ голову не попадало, а только стукало по вискамъ, утомляло, укачивало... Въ ушахъ зазвенѣли и запрыгали новыя слова: „Соціализація“, „Національзація“, „Капитализмъ“, „Соціализмъ“,—и мужики чесали въ затылкахъ:

— Вотъ Сибирь-то!..

А Емельянъ Курочкинъ прямо сознался.

— Эдакъ и отъ Воли откажешься, ежели все въ голову забирать... Да меня сейчасъ убей на мѣстѣ и скажи: „Смерть тебѣ, Емельянъ, голову отрубимъ, ежели ничего не поймешь!“—отвѣчу: „Рубите, братцы,—ничего не понимаю... Какъ въ темномъ лѣсу...

— Ты сроду безтолковый!—смѣялись надъ нимъ.

— Всѣ мы съ одной колодки!..

Учителю—тому легко. Положитъ онъ въ ротъ эдакое страшное слово, раскуситъ и показываетъ: „Вотъ, молъ, глядите!

— Это, чай, и ни къ чему намъ... побасенки-то!—перечилъ Шатунъ. Вотъ вашему брату, ученому народу, туды—сюды—голову поломать. А намъ бы земельку присусѣдить къ себѣ да отъ податевъ отдѣлаться... Вотъ намъ чего надо!..

Особенно же мучили партіи.

Это былъ настоящій темный лѣсъ, въ которомъ мужики не знали, гдѣ наступить и на что опереться. Остановятся на одной, смотрятъ—текутъ слухи про другую. Эта хороша, а эта еще лучше...

— Да сколько ихъ?—спрашивали они.—Али полсотня?...

А учитель попугивалъ. Если, говоритъ, зайдете не въ ту—пропало ваше дѣло!...

— Ну, а если мы безъ партій?—допытывался курносый Милокъ, разставляющій уши на каждое слово—нельзя?

Учитель объяснялъ, почему надо имѣть партію, и мужики вздыхали.

— Провалиться бы ей!., Такъ и залѣзешь по уши въ воду... Пра! Чего мы понимамъ?.. Сядешь не въ то корыто и поплывешь...

— Накой только надѣлали этихъ самыхъ партій?—ругался Курочкинъ. Толи бы дѣло одна хрестьянская. Сбиться бы всѣмъ въ кучу и поднять на „уру" всю Рассею... Это, поди, буржуи—идолы выдумали. Давайте, молъ, мужиковъ разобьемъ. Пущай аукаются... Тошно имъ, бѣсовымъ ребрамъ!.. Не по нутру...

— Ищо-ба! Мы, вѣдь, ежели кучей-то попремъ, стѣну своротимъ...

Милокъ думалъ крѣпче всѣхъ. Однажды онъ сказалъ мужикамъ:

— Ну, такъ какъ же, товарищи? Въ какую? Чагринскіе стоятъ за соціалъ-рюценерную... У нихъ тамъ только двое откололись... Мельникъ Евнушкинъ и Кузьма Стратонычъ. Давайте и мы думать...

— Чего думать-то—подалъ свой голосъ старикъ Латуновъ. Куда люди. Чагринскіе въ эту... какъ ее и мы туда... Разбиваться не слѣдъ...

— Каждая баушка хвалитъ внучку Аннушку!—кричалъ Колымагинъ.

— Которая землю-то дастъ, за ту и держаться надо...

Самъ Милокъ все еще думалъ и походилъ на хорька въ луговинѣ. Рылся, копался, прикидывалъ на пальцы, словно на вѣсы и стоялъ въ нерѣшительности. Онъ былъ немножко грамотный и иногда почитывалъ. Въ немъ сидѣло несытое голодное любопытство, мѣшающее спать по ночамъ и перебрасывало его изъ стороны въ стороны. Онъ стоялъ теперь на томъ мѣстѣ, на которомъ недавно стоялъ поднятый Шатунъ, и та улочка, на которой выросъ Милокъ, думала и говорила уже такъ, какъ думалъ и говорилъ онъ. Шатунъ отыгралъ свою роль. Онъ тревожилъ только чувства, чтобы растопить старую горечь. Милокъ тревожитъ упрямыя неповоротливыя мысли... Мужики зовутъ его Моисеемъ.

Ты, какъ Моисей еврейскій! посмѣиваются они. Смотри, не утопи только...

Какъ-то разъ онъ зашелъ къ учителю и покаялся.

— Не сплю!—сказалъ онъ. Все думаю... Прочиталъ еще про одну, соціалъ-мократическую... Эта какъ? Не подходяща для насъ? У ней что за нутро?

Аденька черезъ три, увидя учителя на улицѣ, Милокъ улыбнулся широкой облегченной улыбкой.

Кончено! Перешли...

Въ какую?—спросилъ учитель.

— Въ соціалъ-рюценерную... Грачевскіе тоже закатили въ нее. Теперь у насъ всѣ подъ одну скобку отдѣланы... Водой не разольешь...

И подумавъ добавилъ.

Самая подходящая она для насъ... Мужицкая... Мужицкіе интересы блюдетъ... Въ Сибирь за насъ шла...

Эта партія стояла теперь надъ Чагадаевкой, какъ вешняя тучка надъ сухими обожженными полями, проливая надъ ними теплый, благодатный дождь. На нее смотрѣли съ любовью, съ свѣтлой успокаивающей надеждой, и обиженная утѣсненная нищота жалась къ ней какъ молодые цыплята подъ старую опытную насѣдку...

— Эта не выдастъ!—говорили мужики.

— Голову оторветъ любому буржую!..

Но ничто не вѣчно подъ луной. Недолгой была и первая радость. Недѣли черезъ двѣ Милокъ повѣсилъ голову. Запечалился. Въ голубыхъ увѣровавшихъ глазахъ у него отразилось сомнѣнье и заразило всю уличку, на которой онъ жилъ. Нѣсколько времени онъ даже нигдѣ не показывался и, точно ягненокъ въ рѣпьяхъ, путался въ какихъ-то вопросахъ... И все изъ-за партій... Вотъ какъ вышло. Патринъ солдатъ, Сергунька, прислалъ письмо съ фронта и строго на строго наказывалъ землякамъ не держаться за партію соціалъ-революціонную. Если говоритъ, будете держаться за эту „буржуйную" партію, то не увидите меня дома. Эта, слышь, партія стакнулась съ помѣщиками и хочетъ воевать еще четыре года. Самъ Сергунька и Сергунькина рота стоятъ за большевиковъ. А что за большевики, какіе большевики, ничего неизвѣстно.

— Дѣ-ла-а!—крякнулъ Милокъ, когда прочиталъ Сергунькино письмо. Дѣлишки!.. Кому вѣрить?

Василій Гавриловъ тоже прислалъ письмо изъ Саратова и тоже наказывалъ держаться за большевиковъ... А Прохоръ Попковъ—наоборотъ... Этотъ прислалъ, чтобы держались за соціалистовъ-революціонеровъ.

— Ну, воля!—говорили мужики. Ну, дожили... Сынъ за эту, я—за эту... Надѣламъ дѣловъ... Гдѣ же правда-то?..

— Нѣтъ ее!—моталъ головой Ковригинъ, черный остроносый цыганъ. Въ могилѣ она.. Умретъ, это будетъ правда... А остальное вода... Туда течетъ, сюда течетъ... Переливается!..

—Стравятъ насъ! Вотъ увидите...—Кричалъ Емельянъ Колыкагинъ. —Сдѣлаютъ козлами и будемъ пыряться...

Новая партія развалила Чагадаевку на двѣ не равныя половинки. Первымъ зашатался Милокъ, а за нимъ и та улочка, по которой онъ жилъ. Сергунькино письмо словно крючкомъ зацѣпило ясныя налаженныя мысли и начало вытряхивать ихъ одну за другой... А Прохорово письмо опять укладывало на прежнее мѣсто. Получалось что то путанное, неясное, ломанное, и Милокъ даже почернѣлъ отъ досады.

—Сурьезное дѣло!—говорилъ онъ.—Подумать надо, товарищи!

—Да чортъ-ля думать-то!—сердился старикъ Латуновъ.—Пожалуй, думай... И то ужъ голова-то на колесо похожа... Думать... Тамъ ужъ додумались... Дастъ ежели землю, за ней и пойдемъ, чтобы отъ солдатъ не отшибаться... Для насъ кто ни попъ, такъ батька...

Но дастъ-ли новая партія земли и сколько объ этомъ никто не зналъ. Андрей Яковлевичъ наваливался на учителя.

— Сходимъ къ нему въ училищу! совѣтовалъ онъ. Ужъ кому—кому, а ему извѣстно... Неужто обманетъ?

Но къ учителю не пришлось идти. Черезъ три дня пріѣхалъ Матвѣй Кочерыжкинъ—солдатъ и сразу же, въ одинъ вечеръ, разрубилъ всѣ сомнѣнья, опутавшія Чагадаевку. Раньше Матвѣй тоже былъ „рюценеромъ, а потомъ замѣтилъ будто-бы какую-то фальшь и сталъ большевикомъ. Онъ разсказывалъ все, что слышалъ и упомнилъ на митингахъ, добросовѣстно сѣялъ вокругъ себя всѣ большевитскія зерна, которыя не растрясъ и не растерялъ за дорогу, и Милокъ смотрѣлъ на него, не отрывая глазъ. Но главный козырь, съ котораго выходилъ Матвѣй, былъ, конечно, *миръ*. Это слово ловили, подхватывали и готовы были поднять на руки, если бы можно было поднять его. Оно отражалось въ глазахъ, чувствовалось въ улыбкахъ и звенѣло въ нестройныхъ приподнятыхъ голосахъ... Трехлѣтняя война, выпившая лучшую здоровую кровь изъ деревни, замучила страхомъ, слезами, отравила жизнь слѣпыми, хромыми, безрукими, и каждому хотѣлось отвлечься отъ этого ужаса; каждому хотѣлось прижаться къ той партіи, которая обѣщаетъ немедленный *миръ*. Какой онъ будетъ—долгій или короткій, надежный или ненадежный—объ этомъ не думали, не ломали головъ. Лишь бы только *миръ*... Только бы вернуться домой и уйти изъ ненавистныхъ окоповъ, а тамъ видно будетъ. Впередъ не загадаешь...

И усталая измученная Чагадаевка потянулась за *миромъ* какъ голодная за показаннымъ кускомъ хлѣба, не разбирая ни вкуса, ни запаха.

— Это вотъ партія!—чвокалъ Емельянъ Курочкинъ.—По нашей дорогѣ поперла.

Слабый неустойчивый Милокъ не выдержалъ. Изъ „рюценорной" вѣры онъ перешелъ—въ большевитскую и началъ крестить остальныхъ.

— Вотъ намъ куда дорога!—проповѣдывалъ онъ. Тутъ какъ на ладонкѣ все выставлено... Ежели перейдемъ на ихнюю партію, то и войнѣ конецъ... А ежели на рюценерную руку потянемъ, еще воевать четыре года... Глядите вотъ, кому куда... послѣ не жальтесь...

— Ты, Митрій, только грѣхъ разводишь!—жаловались мужики. То въ эту, то въ эту... Шайтанъ!.. Не поймешь, а стучишь...

Спиридонъ Жвачкинъ шагнулъ еще дальше. Онъ даже божился, что большевики всѣ недоимки простятъ, если въ силу войдутъ: и земскіе и волостные... Матвѣй не говорилъ объ этомъ, но Спиридонъ и не догадывался,

что онъ „сочинилъ“ это самъ. Ему казалось, что онъ гдѣ то и отъ кого слышалъ эту выдумку, и теперь разносилъ ее такъ увѣренно, что многіе прислушивались къ ней и забирали въ себя...

— Всѣ до копѣйки!—Звонилъ Спиридонъ.—Какъ подъ бритву...

Дождикъ пролилъ изъ другой тучи, и въ одну недѣлю Чагадаевка проросла выдумкой, небылицей и сказкой, какъ жирная, плохо обработанная десятина... Прибывающіе солдаты тащили съ собой все навѣянныя газетныя сплетни, все новый и новый митинговый мусоръ. Бабы выдумывали свои страхи. Одна слышала: колокола будутъ снимать... Другая слышала: ребятишекъ не станутъ крестить... Старики поджидали антихриста... А Карягинъ солдатъ, Осипъ Картавый, разсказывалъ про рюценеровъ, которые будто бы продались мериканцамъ за 40 милліоновъ.—

Отупѣвшая замученная Чагадаевка походила теперь на огромный раскрывшійся коробъ, въ который сыпали и лили все, кому что вздумается, и мужики клевали изъ этого короба, какъ тощія голодныя куры, жадно набрасываясь на каждую скорлупу и кожурку...

Въ Воскресенье учителя свели съ Матвѣевымъ, чтобы посмотрѣть, какъ они будутъ щипаться. Это уже было зрѣлище, и мужики повалили на него со всей Чагадаевки. Въ школѣ въ этотъ день выдавили окно и поломали парту.

— Посмотримъ, кто кого изъ нихъ!—думалъ Милокъ.

Учитель волновался, и безпрестанно курилъ. Не легко вѣдь... Не шутка... И когда онъ положилъ руки на столъ и слегка приподнялъ голову, чтобы начать говорить, толпа какъ будто бы совсѣмъ перестала дышать... Стало тихо. Учитель говорилъ понятно и просто, но Матвей еще проще. Онъ крылъ его однимъ широкимъ и не побѣдимымъ словомъ:

— **Миръ!...**

— А что такое миръ?—горячился учитель.—Вы думаете, это—плетень заплести? Нѣ-этъ, около него походишь... Это еще не сказка, а только присказка...

Но ему уже не вѣрили... На него смотрѣли, какъ на упавшаго разбившагося человѣка. Нѣкоторые-даже съ сожалѣніемъ.

— Противъ пошелъ!—Говорили мужики.—Не за насъ...

— Вертится!—Говорили другіе.

— Какъ онъ его... Матвѣй-то... Этимъ самымъ—миромъ-то, тому и некуда... Топъ, топъ, а не вылѣзетъ... Ну, и Матвѣй,.. проклятый!—здорово навострился.

Сначала мужикамъ любопытно и весело было смотрѣть какъ они лупятъ другъ друга, а потомъ надоѣло... Глаза утомились смотрѣть, уши утомились слушать... Каждый новый день приносилъ все новыя и новыя разговоры...

— Договорился!—Качалъ головой Андрей Яковлевичъ.—Да боимся... Поставленный учителемъ онъ стоялъ прочно, словно на четырехъ ногахъ, стойко выдерживая вѣтеръ, и когда Милокъ, вовлекаясь, налеталъ на революціонную партію, на которую раньше молился, Андрей Яковлевичъ говорилъ своимъ тихимъ пѣвучимъ голосомъ.

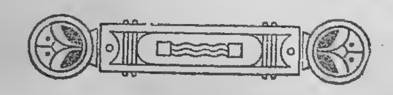
— Постой, Митрій! Не плюй въ колодезъ... Погодить надо немножко...

Шумная взбудораженная Чагадаевка наливалась успѣшностью и недовольствомъ... Приходилось смотрѣть и направо и налѣво, чтобы не зайти куда въ сторону; приходилось тревожить тугія, неповоротливыя мысли, чтобы выбрать настоящія спѣлыя зерна изъ огромнаго раскрытаго короба, а съ непривычки отъ этого болѣли только головы... Жизнь, какъ кошка мышку гоняла мужиковъ изъ угла въ уголъ по разнымъ дорогамъ, встряхивала, толкала, пугала и радовала, и темные, еще не прозрѣвшіе, они чувствовали себя въ этой новой неразгаданной жизни, какъ въ темномъ незнакомомъ лѣсу, не зная, куда наступить и на кого опереться... Было одно утѣшенье.

— Какъ люди!... Только быземельку присусѣдить себѣ, да лѣсъ получить, да отъ податевъ отдѣлаться за прежніе старые годы...

На остальное—махали рукой... Устроится, молъ безъ насъ... Думали въ простотѣ своей, что поднять эти три камня такъ легко, какъ легко посмотрѣть на нихъ издали...

Александръ Невѣровъ.

И. Бемъ.

САМАРСКІЙ ГУБЕРНСКІЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КОМИТЕТЪ И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Продовольственные комитеты—это подснѣжники революціи. Еще подъ глубокимъ покровомъ царскаго самодержавія они пускали свои ростки, и самый ярый изъ реакціонеровъ, гр. Бобринскій, въ качествѣ министра земледѣлія издалъ извѣстное постановленіе отъ 10 октября 1916 г. „о порядкѣ снабженія арміи и населенія продовольствіемъ и фуражомъ и о центральныхъ и мѣстныхъ органахъ для исполненія распоряженій предсѣдателя Особаго Совѣщанія“, въ которомъ предусматривалось нѣчто вродѣ общественныхъ организацій. Правда, гр. Бобринскій сейчасъ же испугался своего либерализма и шифрованною телеграммою пріостановилъ проведеніе въ жизнь своего постановленія, но самый фактъ этотъ очень краснорѣчивъ: все туже затягивавшаяся петля продовольственной разрухи заставляла даже Бобринскихъ искать выхода въ общественныхъ организаціяхъ.

И когда, наконецъ, продовольственный вопросъ далъ могучій толчекъ развитію русской февральской революціи,—продовольственные комитеты были одними изъ первыхъ общественныхъ организацій, разцвѣтшими подъ весенними лучами свободы.

Прошелъ только годъ: какъ мало прожито, какъ много пережито! Продовольственный вопросъ въ продолженіи всего этого длиннаго и бурнаго года неизмѣнно приковывалъ къ себѣ общественное вниманіе, онъ, можно сказать, въ значительной мѣрѣ вліялъ на судьбы русской революціи.

Съ величайшимъ интересомъ мы, поэтому, должны присмотрѣться къ дѣятельности продовольственныхъ организацій, подвести итоги этой дѣятельности. Оправдали ли продовольственные комитеты тѣ радужныя надежды, которыя на нихъ возлагались, или они явились однимъ изъ тѣхъ юношескихъ увлеченій общественностью, которыя въ условіяхъ нашей дѣйствительности постигаетъ только горькое разочарованіе?

Самара—только небольшой уголокъ необъятной Россіи, и даже не типиченъ для большинства другихъ комитетовъ, но все же намъ кажется по-

лезнымъ освѣтить исторію и дѣятельность Самарскаго комитета за истекшій годъ, ибо это можетъ послужить матеріаломъ для тѣхъ, кто задумаетъ на эту тему болѣе обширную работу.

Недостатокъ времени и ограниченные размѣры статьи не позволяютъ намъ использовать здѣсь весь тотъ богатый матеріалъ, который имѣется въ нашемъ распоряженіи, и мы вынуждены ограничиться здѣсь самымъ сжатымъ очеркомъ.

I.

Немедленно послѣ февральской революціи, уже 2 марта 1917 года, революціонное правительство разослало на мѣста телеграмму за подписью предсѣдателя Временнаго комитета Государственной Думы Родзянко, товарища предсѣдателя продовольственной комиссіи комитета Государственной Думы и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Волкова, комиссара по продовольственнымъ дѣламъ члена Государственной Думы Вострогина и особоуполномоченнаго по закупкамъ хлѣба для арміи Гаврилова. Въ этой телеграммѣ говорилось: „Временный комитетъ Государственной Думы съ согласія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ постановилъ устроить продовольственную комиссію для общаго руководства продовольственнымъ дѣломъ въ государствѣ. Новая власть въ лицѣ продовольственной комиссіи, принявъ общее руководство снабженіемъ продовольствіемъ арміи и населенія, получила въ наслѣдіе отъ стараго правительства много неудовлетворенныхъ потребностей, но очень мало хлѣба“. Далѣе указывались нѣкоторыя мѣропріятія, которыя должны быть приняты для полученія хлѣба и, наконецъ, говорилось объ организаціи губернскихъ продовольственныхъ комитетовъ.

Согласно телеграммѣ, организація комитетовъ поручалась губернскимъ земскимъ управамъ. Въ составъ губернскихъ продовольственныхъ комитетовъ должны были входить представители: 1) земскихъ и городскихъ общественныхъ самоуправленій, 2) мѣстныхъ раіонныхъ союзовъ кооперативовъ производительныхъ и потребительныхъ, 3) мѣстныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, 4) совѣтовъ крестьянскихъ союзовъ и 5) губернскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Продовольственнымъ комитетамъ предоставлялось право приглашать представителей другихъ мѣстныхъ общественныхъ организацій. Затѣмъ губернскимъ продовольств. комитетамъ поручалось организовать мѣстные, уѣздные, волостные, мелкораіонные и городскіе комитеты на „широкихъ демократическихъ началахъ“.

Земскою Управою немедленно было созвано предварительное совѣщаніе изъ представителей заинтересованныхъ организацій для опредѣленія состава продовольственнаго комитета. Послѣ двухъ такихъ совѣщаній на 18 марта 1917 года было назначено засѣданіе, или, вѣрнѣе, съѣздъ губернскаго продовольственнаго комитета, ибо на засѣданіе были приглашены также представители уѣздныхъ комитетовъ народной власти и уѣздныхъ продовольственныхъ

совѣщаній. Изъ организацій г. Самары въ составъ комитета входили представители: городской управы, губернской земской управы, комитета народной власти, совѣта рабочихъ депутатовъ, совѣта военныхъ депутатовъ, кооперативовъ, биржевого комитета, земскаго союза, союза городовъ, военно-промышленнаго комитета, элеваторной организаціи.

На первомъ засѣданіи продовольственнаго комитета производились выборы предсѣдателя губернскаго продовольственнаго комитета, который въ то же время долженъ былъ явиться и уполномоченнымъ Министра Земледѣлія по всѣмъ заготовкамъ, товарищей предсѣдателя и уполномоченнымъ по отдѣльнымъ отраслямъ продовольствія и населенія.

Предсѣдателемъ комитета единогласно закрытою баллотировкою былъ избранъ Владиміръ Николаевичъ Башкировъ, представитель Биржи, бывшій до того уполномоченнымъ Министра Земледѣлія по заготовкѣ хлѣба для арміи.

Этотъ фактъ избранія, при томъ единогласнаго, демократическою организаціей руководителя продовольственнаго дѣла изъ представителей биржи указываетъ, какъ бережно и осторожно тогда всѣ относились къ продовольственному вопросу. В. Н. Башкировъ, успѣшно ведшій заготовку хлѣба въ Самарской губерніи съ самаго начала войны, знатокъ хлѣбнаго дѣла, человѣкъ неукротимой энергіи, оказался естественнымъ и единственнымъ кандидатомъ на должность предсѣдателя комитета, пріемлемымъ для всѣхъ, хотя его положеніе и его политическая физіономія, конечно, были не особенно симпатичны лѣвой части комитета.

Товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ А. С. Филоненко (представитель кооперативовъ) и еще три мѣста товарища предсѣдателя рѣшено было предоставить представителямъ крестьянъ, рабочихъ и уѣздныхъ продовольственныхъ совѣщаній.

Затѣмъ избирались уполномоченные по отдѣламъ: уполномоченнымъ по заготовкѣ хлѣба былъ избранъ тотъ же В. Н. Башкировъ и его замѣстителями—А. С. Терентьевъ и Н. В. Дилигенскій; уполномоченнымъ по продовольствію Самарской губерніи—П. Л. Кузьминъ, замѣстителями его А. В. Бородинъ и К. Г. Мясковъ; уполномоченнымъ по заготовкѣ мяса и фуража—кн. В. И. Сумбатовъ, ведшій эти заготовки въ качествѣ уполномоченнаго Министра Земледѣлія и до этого времени, его замѣстителями—М. Л. Франкфуртъ и К. Н. Мухановъ; уполномоченнымъ по сельско-хозяйственному производству—Г. И. Баскинъ, и его замѣстителями: Ф. А. Севъ, П. Л. Кузьминъ, Д. Д. Бѣлугинъ и А. И. Шильдяевъ.

Предсѣдатель, его товарищи, всѣ уполномоченные и ихъ замѣстители составляли Исполнительный Комитетъ, переименованный нѣсколько позднѣе въ исполнительное бюро

Такимъ образомъ, первый Самарскій губернскій продовольственный Комитетъ былъ сконструированъ.

Съ тѣхъ поръ прошелъ всего только одинъ годъ, но—какой калейдоскопъ лицъ прошелъ передъ нами. Неутомимый и кипучій дѣлецъ В. Н. Башкировъ, статистикъ-поэтъ Г. И. Баскинъ, бурно пламенный лидеръ меньшевиковъ—А. И. Кабцанъ, размашистый организаторъ А. С. Филоненко, и большевики, и максималисты: всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали у кормила продовольственнаго корабля. Эта частая смѣна, касавшаяся не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ составовъ управъ, является одною изъ тѣхъ болѣзней, которая даже при самыхъ благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ должна была вредно отразиться на дѣлѣ.

Даже при всѣхъ колебаніяхъ и перемѣнахъ въ продовольственной политикѣ, которыя были неизбѣжны въ условіяхъ нашей революціи, мѣстные продовольственные органы должны были бы обладать большею устойчивостью, ибо здѣсь должны рѣшаться преимущественно вопросы практическіе и техническіе, тогда какъ высшая продовольственная политика мыслится только въ общегосударственномъ масштабѣ и потому должна дѣлаться въ центрѣ.

Передъ Исполнительнымъ Комитетомъ сейчасъ же встали очень большія организаціонныя задачи. Нужно было возможно скорѣе организовать мѣстные уѣздные и волостные продовольственные Комитеты, ибо предполагалось, что эти Комитеты на мѣстахъ будутъ работать въ полномъ контактѣ съ губернскимъ комитетомъ, что они будутъ помогать ему выполнять тѣ сложныя задачи, которыя ставились передъ нимъ жизнью.

Уже на засѣданіи исполнительнаго комитета 20 марта 1917 г. было принято рѣшеніе послать телеграммы уѣзднымъ земствамъ и комитетамъ народной власти объ организаціи въ двухнедѣльный срокъ уѣздныхъ и волостныхъ продовольственныхъ комитетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ особой комиссіи было поручено составить воззваніе къ населенію о спѣшной необходимости образованія комитетовъ. Воззваніе это, вылившееся въ форму наказа, было доложено слѣдующему засѣданію исполнительнаго бюро—23 марта. Въ этомъ наказѣ опредѣлялись задачи продовольственныхъ комитетовъ, указывался способъ организаціи волостныхъ, сельскихъ, уѣздныхъ и городскихъ комитетовъ, устанавливались взаимоотношенія между комитетами,—однимъ словомъ, здѣсь была намѣчена вся конституція продовольственныхъ организацій, въ основныхъ своихъ чертахъ предвосхитившая „Временное положеніе о мѣстныхъ продовольственныхъ органахъ“, изданное Временнымъ Правительствомъ 25 марта 1917 г.

Нужно отмѣтить, что въ этомъ наказѣ устанавливается избраніе членовъ волостныхъ, продовольственныхъ комитетовъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія; въ волостные комитеты избиралось по одному члену на каждыя 400 душъ населенія обоего пола.

Можно съ увѣренностью сказать, что Самарская губернія первая примѣняла четырехчленную формулу, выбирая свои продовольственные комитеты.

Наказъ кончился призывомъ немедленно приступить къ организаціи уѣздныхъ и волостныхъ комитетовъ, назначая крайнимъ срокомъ, къ которому они должны быть организованы,—15 апрѣля.

Но для исполнительнаго бюро было совершенно ясно, что образованіе комитетовъ на мѣстахъ, притомъ по четырехчленной формулѣ, едва ли пойдетъ успѣшно, если не будетъ оказана необходимая помощь и руководство изъ центра. Въ засѣданіи бюро 31 марта А. С. Филоненко поднялъ вопросъ объ использованіи въ качествѣ пропагандистовъ и инструкторовъ персонала служащихъ Самарской губернской чертежной. Служащіе эти были приглашены, предварительно инструктированы и направлены на мѣста по всей губерніи, гдѣ ими въ сравнительно короткое время и были организованы комитеты. Интересно, что во многихъ мѣстахъ инструктора комитета встрѣчали со стороны мѣстныхъ комитетовъ народной власти не поддержку, а, наоборотъ,—противодѣйствіе къ образованію продовольственныхъ комитетовъ: комитеты народной власти вездѣ почти стремились къ тому, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ не только всю власть, но и всю работу во всѣхъ областяхъ общественной жизни; въ частности, они считали и продовольственное дѣло входящимъ въ кругъ ихъ вѣдѣнія, и противились, поэтому, образованію особыхъ продовольственныхъ комитетовъ, которые отнимали у нихъ часть, и большую часть власти, особенно въ такой важной области, какъ продовольствіе.

Здѣсь уже таились сѣмена будущихъ недоразумѣній, двоевластія, которое, между прочимъ, оказало также губительное вліяніе на регулированіе продовольственнаго вопроса.

Тѣмъ не менѣе организація продовольственныхъ комитетовъ шла довольно успѣшно, и постепенно, правда, съ большимъ опозданіемъ противъ первоначально намѣченнаго срока, они вездѣ начали свою дѣятельность.

II.

Исполнительное бюро первоначально работало усиленнымъ темпомъ и несло на себѣ всю руководящую работу. Задачи одна огромнѣе и сложнѣе другой ставились на очередь и требовали быстраго разрѣшенія: тутъ и учетъ хлѣба по губерніи, и организація сельско-хозяйственнаго производства, т. е., вѣрнѣе, изысканіе способовъ для увеличенія посѣвовъ, и мясная и яичная монополія, и внутренніе организаціонные вопросы и пр. Поэтому сначала засѣданія бюро происходили не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, и въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ бюро имѣло 20 засѣданій.

Но постепенно бюро теряло свое значеніе и на мѣсто его сталъ болѣе узкій коллективъ—управа. Бюро хотя и продолжало существовать, но засѣдало рѣдко, и всю работу фактически вела управа.

Высшимъ руководящимъ органомъ оставался губернскій продовольственный комитетъ, съѣзды котораго собирались каждые одинъ-два мѣсяца. На

этихъ съѣздахъ обсуждались отчеты исполнительнаго бюро и управы, намѣчалось направленіе дальнѣйшей ихъ дѣятельности, здѣсь же получали окончательное разрѣшеніе наиболѣе важные принципіальные вопросы.

Поэтому мы считаемъ необходимымъ хотя бы бѣгло остановиться на работахъ съѣздовъ, ибо въ нихъ въ сущности отражается исторія губернскаго продовольственнаго комитета.

Такихъ съѣздовъ было шесть.

Первый съѣздъ, состоявшійся 18—19 марта 1917 г. имѣлъ лишь организаціонное значеніе.

Второй съѣздъ, состоявшійся 26—29 апрѣля 1917 г., представлялъ собою уже значительный интересъ, ибо на немъ съ одной стороны разсматривались планы дѣятельности по всѣмъ отдѣламъ комитета, а съ другой стороны выявлялось настроеніе, царившее на мѣстахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ уже на этомъ съѣздѣ пришлось производить новые выборы предсѣдателя комитета, такъ какъ В. Н. Башкировъ получилъ приглашеніе занять въ Министерствѣ Земледѣлія должность главноуполномоченнаго по заготовкѣ хлѣба. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ Г. И. Баскинъ, завѣдующій статистикой губернскаго земства, онъ же долженъ былъ замѣстить В. Н. Башкирова и по должности уполномоченнаго по заготовкѣ хлѣба.

Какое настроеніе сказалось на этомъ съѣздѣ видно изъ того, что Г. И. Баскинъ на третій день съѣзда поставилъ вопросъ о переизбраніи предсѣдателя, мотивируя это тѣмъ, что царящее на съѣздѣ настроеніе представителей съ мѣстъ не даетъ увѣренности въ дружной совмѣстной работѣ. Дѣло въ томъ, что на съѣздѣ намѣчалось сильнѣйшее стремленіе къ сепаратизму, къ децентрализаціи заготовокъ, тогда какъ исполнительное бюро въ этомъ отношеніи стояло на точкѣ зрѣнія полнѣйшей централизаціи. Это стремленіе на съѣздѣ съ трудомъ было сломлено, но оно продолжало существовать и проявляться на мѣстахъ.

Представленные съѣзду планы съ небольшими измѣненіями были одобрены. Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что планъ организаціи хлѣбныхъ заготовокъ, одобренный съѣздомъ, былъ затѣмъ положенъ въ основу резолюціи по этому вопросу, принятой на всероссійскомъ съѣздѣ уполномоченныхъ, предсѣдателя общегосударственнаго продовольственнаго комитета 5—9 мая 1917 года.

Очень яркое впечатлѣніе оставило выступленіе делегата третьей арміи, Ларина, который обрисовалъ тяжелое въ продовольственномъ отношеніи положеніе фронта и результаты обслѣдованій ряда фабрикъ и заводовъ Петрограда, такъ какъ въ арміи существовало предубѣжденіе противъ рабочихъ, якобы мало работающихъ и получающихъ огромное жалованье. Простая, но сильная и убѣдительная рѣчь Ларина внесла значительное успокоеніе въ ту горячую атмосферу, которая царила на съѣздѣ. Здѣсь со стороны крестьянъ тоже уже

звучали эти ноты недовѣрія и зависти къ рабочимъ, здѣсь уже раздавались голоса: „вы все настаиваете, чтобы деревня давала хлѣбъ, а что же городъ дастъ деревнѣ?“

На третьемъ съѣздѣ 15—18 Іюня 1917 года, снова сталъ вопросъ о выборѣ предсѣдателя комитета: 1) И. Баскинъ чрезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія уѣхалъ въ Петроградъ на съѣздъ уполномоченныхъ, получивъ тамъ назначеніе на должность завѣдующаго статистикой при министерствѣ земледѣлія и по возвращеніи въ Самару отказался отъ должности предсѣдателя, фактически не вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Его все это время замѣщалъ А. С. Филоненко.

На должность предсѣдателя былъ выдвинутъ и избранъ А. И. Кабцанъ, а на должность уполномоченнаго по заготовкѣ хлѣба—А. С. Терентьевъ.

Третій съѣздъ имѣлъ дѣловой характеръ, разсматривалъ отчеты исполнительнаго бюро, смѣту расходовъ и въ общемъ особаго интереса не представлялъ.

Четвертый съѣздъ (25—29 Іюля 1917 г.) протекалъ подъ знакомъ неурожая: выяснялись плохіе виды на урожай во всей губерніи и полный неурожай въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, и съ точки зрѣнія неурожая преимущественно обсуждались всѣ вопросы.

Два острыхъ момента этого съѣзда необходимо отмѣтить: во первыхъ вопросъ о сложеніи полномочій предсѣдателя А. И. Кабцаномъ и во вторыхъ вопросъ о ссыпныхъ пунктахъ. Первый вопросъ стоялъ такъ: противъ А. И. Кабцана кѣмъ-то велась очень опредѣленная личная травля, затрагивавшая его честь, какъ общественнаго работника; про него усиленно распускались самые нелѣпые слухи. Несмотря на явную злонамѣренность, лживость и даже нелѣпость этой травли, А. И. Кабцанъ долженъ былъ поставить вопросъ о довѣріи. Разумѣется, съѣздъ выразилъ ему полное свое довѣріе, но самый фактъ этотъ ярко иллюстрируетъ, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ приходилось работать продовольственникамъ помимо трудности и отвѣтственности самого дѣла. По второму вопросу о ссыпныхъ пунктахъ съѣздъ, вопреки предложенію управы, постановилъ устранить отъ заготовокъ частно-торговый аппаратъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ имѣются кооперативы. Управа, считая невозможнымъ пока обойтись безъ частно-торговаго аппарата, подъ угрозой отставки настояла на пересмотрѣ принятаго рѣшенія, причемъ была найдена примиряющая формула.

Послѣ четвертаго съѣзда прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. За это время окончательно выяснился неурожай, а положеніе продовольственнаго дѣла все болѣе запутывалось, продовольственнымъ организаціямъ приходилось работать все въ болѣе трудныхъ условіяхъ. Мѣстами начались погромы продовольственныхъ комитетовъ.

Положеніе это получило яркое освѣщеніе на пятомъ съѣздѣ, происходившемъ 3—8 Октября 1917 года.

Въ докладахъ представителей уѣздовъ широко развернулась та картина полнѣйшей неразберихи, которая существовала на мѣстахъ и которая ставила продовольственныя организаціи въ самое безпомощное положеніе.

Представитель Самарскаго уѣзда, Минѣевъ, между прочимъ, докладывалъ: „Уѣздная управа хотѣла принять мѣры къ перевозу хлѣба изъ одной части въ другую, но *населеніе препятствовало вывозу хлѣба даже изъ одной волости въ другую*" И далѣе: „у насъ нѣтъ реальной силы, на которую управа могла бы опираться".

Представитель Бугульминскаго уѣзда, Киршъ, заявилъ: „на мѣстахъ идутъ тренія между продовольственными комитетами и Комитетомъ Народной Власти". Киршъ не видитъ спасенія и отъ перехода дѣла въ руки земствъ: „у насъ выборы земства закончились, но земства, которыя теперь создались, не могутъ вести дѣла продовольствія, такъ какъ будутъ также находиться подъ давленіемъ населенія и также должны будутъ подчиниться ему." На вопросъ, что предпринималось, чтобы хлѣбъ не оставался въ копнахъ, а обмолачивался, Киршъ отвѣчаетъ: „Комитетъ принималъ мѣры, я не говорю уже о цѣломъ рядѣ воззваній и приказовъ. Эти приказы рвутся на глазахъ населенія. Я въ іюлѣ уже настаивалъ на томъ, чтобы была примѣнена вооруженная сила, но въ данное время и вооруженная сила намъ не принесетъ никакихъ результатовъ. Когда слова потеряли значеніе, когда уже нельзя вліять на населеніе, то тутъ уже никакихъ мѣръ принять невозможно".

Представитель Ставропольскаго уѣзда, Варламовъ, говоритъ: „У насъ есть еще новая организація. Это земельные комитеты. Пользуются этими комитетами крестьяне, не желающіе вывозить хлѣбъ. Они запасаются всякими бумажками отъ земельнаго комитета. Одинъ изъ земельныхъ комитетовъ предложилъ волостному продовольственному комитету хлѣбъ не вывозить и собрать запасы его въ данной волости. Когда же мы предложили волостному продовольственному комитету вывезти хлѣбъ, то онъ, ссылаясь на предложеніе земельнаго комитета, заявилъ, что вывезти не можетъ".

Представитель Бугурусланскаго уѣзда, Ланхо, докладываетъ, что „вліяютъ разныя лица, которыя говорятъ, что если бы не комитеты, тогда бы было всего достаточно. Поэтому были эксцессы, громили комитеты". Далѣе онъ говоритъ: „Съ помощью совѣта солдатскихъ депутатовъ можно было бы справиться, но Комитетъ Народной Власти противодѣйствуетъ продовольственнымъ комитетамъ".

Представитель Николаевскаго уѣзда, Буторинъ, увѣряетъ, что „большая часть продовольственныхъ комитетовъ хотѣла бы выполнить постановленія губернскаго продовольственнаго комитета, но не можетъ. Они смѣня-

ются толпой, иногда сходомъ, но въ большинствѣ случаевъ прямо населеніемъ на сходкѣ."

Въ унисонъ съ этими голосами съ мѣстъ звучала и рѣчь докладчика губернской продовольственной управы, А. С. Филоненко. Онъ предупредилъ: „Если намъ и дальше такъ придется работать, то нашихъ силъ хватитъ очень и очень не надолго." Далѣе онъ рисуетъ ту же безнадежную картину, которая раскрылась уже въ докладахъ съ мѣстъ, но только въ губернскомъ масштабѣ.

„Мы надѣлены обширными правами, но фактически правами не обладаемъ, такъ какъ хлѣбъ находится не въ рукахъ государства, а въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Нѣтъ судовъ и т. д." Это общее положеніе иллюстрируется затѣмъ многочисленными примѣрами того, какъ на мѣстахъ игнорируется распоряженіе губернской продовольственной управы, какъ перехватывается заготовленный ею хлѣбъ другими организаціями, какъ растетъ мѣшечничество.

Отчаяніемъ, рожденнымъ безпомощностью и безсиліемъ, была проникнута рѣчь докладчика, и мрачно прозвучали заключительныя слова его: „работать такъ, какъ мы работаемъ сейчасъ, дальше невозможно, ибо это безполезная трата силъ."

Это было общее настроеніе управы. Но вѣрная демократическимъ принципамъ, она искала выхода изъ тяжелаго положенія, стремясь опереться на живыя общественныя силы. Казалось, что еще можетъ быть найденъ общій языкъ, что создастся твердая опора въ общественныхъ организаціяхъ, если попытаться выяснить передъ ними общую картину царящей неурядицы и указать, что спасеніе только въ дружной совмѣстной работѣ общественныхъ силъ.

Изъ членовъ управы выбывали по разнымъ причинамъ: кн. В. И. Сумбатовъ, А. С. Терентьевъ, И. Г. Знаменскій, Д. П. Кузьминъ и Варзамовъ. Взамѣнъ ихъ были избраны: Г. В. Ивановъ, Ерофейчевъ, Золотаревъ, Романовъ, Сорокинъ и Зуевъ.

III.

На демократическое совѣщаніе были приглашены представители всѣхъ продовольственныхъ организацій губерніи—волостныхъ, уѣздныхъ, районныхъ и городскихъ, представители комитетовъ народной власти, городскихъ и земскихъ самоуправленій, кооперативовъ, совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, профессіональныхъ союзовъ и торгово-промышленныхъ организацій.

До демократическаго совѣщанія, 5-го октября, происходило отдѣльное засѣданіе только представителей продовольственныхъ организацій.

Предсѣдатель губернскаго продовольственнаго комитета, А. И. Кабцанъ, открывая это засѣданіе, высказалъ слѣдующій основной мотивъ, ко-

торый руководилъ управой, когда она рѣшила созвать данное совѣщаніе: „вы—люди земли, и мы отъ встрѣчи съ вами, быть можетъ, почерпнемъ ту силу, которой намъ не всегда хватаетъ“.

На демократическомъ совѣщаніи широко развернулись пренія по двумъ основнымъ вопросамъ: о новыхъ твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, установленныхъ правительствомъ, и о власти. Эти два вопроса поглотили тотъ основной вопросъ, который былъ поставленъ управой: что же дѣлать, какъ упорядочить дѣло продовольствія?

Представители крестьянства пріѣхали, очевидно, съ единою мыслью— отмѣнить новыя твердыя цѣны, тогда какъ представители совѣтовъ ставили на первый планъ вопросъ о власти и опредѣленно выдвигали лозунгъ: „вся власть совѣтамъ!“

Послѣ двухдневныхъ горячихъ, порою бурныхъ преній демократическому совѣщанію были предложены двѣ резолюціи: отъ губернской продовольственной управы и отъ группы членовъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Такъ какъ въ этихъ резолюціяхъ отразилась сущность двухъ различныхъ точекъ зрѣнія на продовольственное дѣло, то мы приводимъ здѣсь обѣ резолюціи полностью.

Резолюція губернской продовольственной управы:

Самарское губернское демократическое совѣщаніе, обсудивъ положеніе продовольственнаго дѣла, признало слѣдующее.

Положеніе продовольственнаго дѣла въ Россіи, а въ частности и въ Самарской губерніи, внушаетъ самыя серьезныя опасенія. Голодъ, въ однихъ мѣстностяхъ уже начавшійся, а въ другихъ угрожающій; недостатокъ или отсутствіе предметовъ самой первой необходимости, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ; неимовѣрное вздорожаніе многихъ предметовъ первой необходимости, все это вызываетъ и питаетъ страшное недовольство народныхъ массъ; на почвѣ этого недовольства ведется врагами революціи злостная агитація съ цѣлью возстановить несознательные элементы противъ революціоннаго порядка: главною мишенью этой агитаціи служатъ продовольственные комитеты, являющіеся злѣйшими врагами всякаго рода хищниковъ и спекулянтовъ; постоянная травля продовольственныхъ комитетовъ вызываетъ въ результатѣ погромы, насилія и анархію. Въ такомъ положеніи кроется серьезная опасность не только для революціи, но и для существованія самаго государства.

Признавая, что для возможнаго смягченія продовольственной нужды необходимо скорѣйшее проведеніе въ жизнь общихъ мѣропріятій, указанныхъ въ деклараціи революціонной демократіи, оглашенной на московскомъ совѣщаніи. Самарское демократическое совѣщаніе настаиваетъ, въ частности, на немедленномъ введеніи государственной монополіи на распредѣленіе тканей, обуви, желѣза и чая.

Полагая, далѣе, что до полной передачи всего продовольственнаго дѣла въ руки избранныхъ на новыхъ началахъ городскихъ и земскихъ самоуправленій, продовольственные комитеты являются тѣми демократическими органами, которые при существующихъ тяжелыхъ условіяхъ призваны, во мѣрѣ возможности, бороться съ продовольственной разрухой,—съѣздъ находитъ, что работа комитетовъ можетъ протекать производительно только при слѣдующихъ условіяхъ:

1) необходимо создать дѣйствительную силу, на которую продовольственные комитеты въ своей дѣятельности могли бы твердо опираться;

2) необходимо, чтобы работа губернскаго, уѣздныхъ, городскихъ и волостныхъ комитетовъ шла вполнѣ согласованно, т. е. чтобы съ одной стороны распоряженія высшихъ продовольственныхъ органовъ не противорѣчили возможности выполненія этихъ распоряженій на мѣстахъ, а съ другой стороны—низшіе органы безпрекословно выполняли распоряженія высшихъ.

3) необходимо, чтобы было устранено всякое вмѣшательство въ дѣятельность продовольственныхъ органовъ со стороны третьихъ лицъ и учрежденій; въ частности недопустима частая смѣна членовъ продовольственныхъ управъ, происходящая нерѣдко по настоянію отдѣльныхъ лицъ или группъ безъ всякаго къ тому повода;

4) противодѣйствіе законнымъ распоряженіямъ и мѣропріятіямъ продовольственныхъ комитетовъ, тайный вывозъ хлѣба и другихъ монополизированныхъ продуктовъ и содѣйствіе таковому, также какъ и незаконныя дѣйствія членовъ продовольственныхъ управъ, должны караться скорымъ революціоннымъ судомъ.

Если вышеизложенныя мѣропріятія какъ общаго, такъ и частнаго характера, не могутъ быть проведены въ жизнь немедленно, работа продовольственныхъ органовъ обречена на полную безплодность, а, слѣдовательно, и самое существованіе этихъ органовъ будетъ безцѣльно.

Самарское губернское демократическое совѣщаніе, обсудивъ вопросъ о хлѣбной монополіи и твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, признало:

1) хлѣбная монополія, принятая правительствомъ подъ давленіемъ революціонной демократіи въ цѣляхъ возможно планомѣрнаго и равномѣрнаго распредѣленія хлѣба между населеніемъ, не только не утратила въ настоящее время своего назначенія, напротивъ, стала еще болѣе необходимой въ виду недостатка хлѣба и даже голода во многихъ мѣстностяхъ Россіи;

2) проведеніе хлѣбной монополіи въ жизнь встрѣчаетъ препятствія, заключающіяся съ одной стороны въ несознательности большей части населенія, а съ другой стороны въ томъ, что сельское населеніе, имѣющее хлѣбъ, не можетъ получить взамѣнъ продаваемаго хлѣба нужныхъ ему предметовъ первой необходимости фабрично-заводского производства; это даетъ основанія населенію задерживать у себя хлѣбъ, который необходимъ государству для устраненія голода въ другихъ мѣстностяхъ и въ арміи;

3) признавая, что успѣшное проведеніе въ жизнь хлѣбной монополіи можетъ предупредить голодъ, а вмѣстѣ съ нимъ и грозящее уничтоженіе завоеваній революціи, — съѣздъ призываетъ временное правительство принять всѣ мѣры къ скорѣйшему снабженію сельскаго населенія предметами фабрично-заводскаго производства по справедливымъ цѣнамъ: въ свою очередь продовольственные комитеты, въ случаѣ созданія на мѣстахъ содѣйствующей имъ дѣйствительной революціонной силы, примутъ всѣ мѣры къ извлеченію и передачѣ въ распоряженіе государства избыточнаго отъ потребительскихъ и сѣменныхъ нуждъ хлѣба;

4) повышеніе твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ всегда вызываетъ къ себѣ на мѣстахъ двоякое отношеніе: лица, имѣющія наличный избыточный хлѣбъ, довольны такимъ повышеніемъ, а лица, хлѣба не имѣющія и вынужденныя его покупать,—естественно, недовольны; на этой почвѣ создаются острыя недоразумѣнія и волненія; поэтому необходимо повышеніе твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ производить только по предварительномъ обсужденіи этого вопроса на мѣстахъ и при рѣшенномъ повышеніи цѣнъ вносить такія оговорки, которыя защитили бы интересы широкихъ слоевъ бѣднѣйшаго населенія; установленныя въ настоящее время твердыя цѣны необходимо постепенно понижать.

Резолюція группы членовъ совѣщанія отъ совѣта рабочихъ депутатовъ:

„Губернское демократическое совѣщаніе, обсудивъ въ своемъ засѣданіи 7-го октября вопросъ о продовольствіи, находитъ, что продовольственная разруха принимаетъ угрожающіе размѣры, когда населеніе, выведенное изъ терпѣнія и раздраженное небывалой нуждой и дороговизной, становится въ положеніе обезумѣвшей массы, надъ которой никакая организація не будетъ имѣть никакой власти. Самарское крестьянство отдало почти весь свой хлѣбъ по первому призыву правительства по низкимъ твердымъ цѣнамъ, повѣривъ обѣщанію, что въ случаѣ неурожая ему дадутъ хлѣбъ по тѣмъ же низкимъ цѣнамъ и снабдятъ желѣзомъ, тканями, обувью и др. предметами первой необходимости.

Взявъ весь хлѣбъ у бѣднѣйшихъ крестьянъ и въ то же время не тронувъ его у крупныхъ помѣщиковъ (наприм., въ Кубанской области) правительство по настоянію тѣхъ же помѣщиковъ удвоило цѣну на хлѣбъ и тѣмъ обрекло крестьянъ, застигнутыхъ неурожаемъ, на нищету и голодъ.

Обѣщанія обезпечить деревню предметами первой необходимости остались на бумагѣ. Правительство, защищающее интересы буржуазіи и помѣщиковъ, не ограничило барышей промышленниковъ, не ввело монополіи на предметы первой необходимости и тѣмъ дало широкій просторъ спекулянтамъ наживаться на народной нуждѣ, пользуясь затрудненіями, созданными міровой бойней, затѣянной капиталистами.

Разруха грозитъ полной анархіей и потерей всѣхъ завоеваній революціи—Россію заливаетъ волна погромовъ.

Существующія продовольственныя организаціи безсильны бороться съ этой разрухой при отсутствіи твердой революціонной власти. Только опираясь на такую власть, рѣшительно борющуюся со спекулянтами-капиталистами и въ своей дѣятельности на мѣстахъ не считающуюся съ постановленіями буржуазно-помѣщичьяго правительства,—губернскій продовольственный комитетъ сможетъ осуществить рѣшительныя мѣры для борьбы съ разрухой и голодомъ.

Такой революціонной властью въ губерніи должна быть снабженная неограничинными полномочіями власть совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ совмѣстно съ губернскимъ комитетомъ народной власти.

Эта власть должна немедленно упорядочить продовольственные органы на мѣстахъ, поставивъ ихъ подъ полный контроль совѣтовъ. (Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя создать продовольственныхъ комитетовъ, пользующихся достаточнымъ довѣріемъ населенія въ качествѣ продовольственныхъ органовъ, должны быть использованы вновь избранныя земства и городскія управленія).

Упорядочивъ продовольственный аппаратъ новая власть должна тотчасъ же взять на учетъ всѣ продукты первой необходимости и, хлѣбъ имѣющійся въ губерніи; для этого должны быть повсемѣстно созданы общественные ссыпные амбары, куда будутъ помѣщаться всѣ хлѣбные запасы населенія. Одновременно съ этимъ революціонная власть, опираясь на вооруженные отряды красной гвардіи, солдатъ и рабочихъ должна объявить безпощадную войну всѣмъ спекулянтамъ и нарушителямъ постановленій продовольственныхъ организацій, примѣняя въ случаѣ надобности, внѣ судебные аресты, реквизиціи скрытыхъ товаровъ и запасовъ по пониженной оцѣнкѣ.

Помимо этого революціонная власть должна принять всѣ мѣры для оказанія скорой помощи голодающимъ путемъ организаціи общественныхъ работъ на мѣстахъ и путемъ выдачи пособій изъ фонда, созданнаго обложеніемъ прибылей капиталистовъ Самарской губерніи спеціальнымъ „голоднымъ“ налогомъ.

Въ цѣляхъ поддержки голодающихъ уѣздовъ революціонная власть губерніи должна немедленно открыть изъ Самарскихъ элеваторовъ продажу хлѣба нуждающимся крестьянамъ по старымъ твердымъ цѣнамъ.

Твердыя цѣны на хлѣбъ должны быть понижены до размѣровъ старыхъ, твердыхъ цѣнъ съ одновременными установленіями государственнаго контроля надъ производствомъ справедливыхъ твердыхъ цѣнъ и монополіи на всѣ продукты первой необходимости: желѣзо, обувь, мануфактуру и т. п., но такъ какъ эти мѣры, проведенныя въ одной Самарской губерніи, вызовутъ отливъ послѣднихъ запасовъ хлѣба и др. необходимыхъ продуктовъ въ сосѣднія губерніи, то необходимо провести ихъ во всероссійскомъ масштабѣ.

Эти государственныя мѣропріятія могутъ быть осуществлены только правительствомъ, ставшимъ на путь рѣшительной борьбы съ буржуазіей и помѣщиками.

Исходя изъ этого совѣщаніе считаетъ необходимымъ немедленный переходъ всей центральной, власти въ руки совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, которые одни только смогутъ спасти революцію и страну отъ надвигающейся разрухи и голода и приблизить въ то же время окончаніе братоубійственной бойни подготовившей почву для современнаго развала хозяйственной жизни.

Подавляющимъ большинствомъ голосовъ была принята резолюція управы, но въ нее была внесена поправка о необходимости оставить старыя твердыя цѣны на новые хлѣба, причемъ было рѣшено ввести все таки это постановленіе въ жизнь, не дожидаясь разрѣшенія правительства. Но послѣ заявленія управы, что въ такомъ случаѣ она вынуждена сложить свои полномочія, послѣднее рѣшеніе было пересмотрѣно и отвергнуто.

IV.

Прошло еще около двухъ мѣсяцевъ. Тѣмъ временемъ лозунгъ: „Вся власть совѣтамъ!“ настойчиво внѣдрялся въ сознаніе массъ, находя благопріятную почву въ слабости власти и въ продовольственной разрухѣ. Большевики свергли Временное Правительство. Революція вступила въ новую фазу своего развитія. Наканунѣ назначеннаго дня созыва Учредительнаго Собранія въ Самарѣ собрался шестой съѣздъ. Это было 27 ноября 1917 года.

Съѣздъ этотъ выявлялъ характерныя особенности политическаго момента, и на этомъ съѣздѣ впервые дала себя чувствовать политическая борьба въ нѣдрахъ продовольственной организаціи.

Борьба эта началась еще раньше: 17 октября 1917 г. А. И. Кабцанъ, какъ предсѣдатель Губернскаго Продовольственнаго Комитета, выступалъ съ очереднымъ докладомъ о положеніи продовольственнаго дѣла передъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Онъ выдвинулъ рядъ необходимыхъ практическихъ мѣръ. Но господствовавшая въ то время въ Совѣтѣ партія большевиковъ заявила, что она не голосуетъ противъ резолюціи А. И. Кабцана, такъ какъ считаетъ рекомендуемыя имъ мѣры необходимыми; въ тоже время большевики не голосуютъ и за резолюцію, потому что въ ней нѣтъ требованія о передачѣ власти совѣтамъ. Совѣтъ сначала большинствомъ отвергъ предложенную А. И. Кабцаномъ резолюцію, а послѣ новаго голосованія принялъ ее при большомъ числѣ воздержавшихся.

При такомъ положеніи А. И. Кабцанъ, являвшійся въ Продовольственномъ Комитетѣ представителемъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, вынужденъ былъ сложить свои полномочія и уйти съ должности предсѣдателя Губернскаго Продовольственнаго Комитета.

На первомъ же засѣданіи шестого съѣзда М. Т. Игаевъ выступилъ съ внѣочереднымъ заявленіемъ слѣдующаго содержанія: „Завтра день открытія Учредительнаго Собранія, и мы сейчасъ смотримъ и возлагаемъ всѣ свои надежды на Учредительное Собраніе такъ, какъ народъ еврейскій смотрѣлъ на Моисея, когда тотъ находился на горѣ Синаѣ. Мы не знаемъ, что сдѣлается завтра съ Учредительнымъ Собраніемъ, но должно его поддержать всѣмъ своимъ авторитетомъ и всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи силами, если мы признаемъ его за единаго и полноправнаго Хозяина Земли Русской." Затѣмъ М. Т. Игаевъ отъ имени Управы предложилъ послать Учредительному Собранію телеграмму слѣдующаго содержанія: „Шестой съѣздъ Самарскаго Губернскаго Продовольственнаго Комитета привѣтствуетъ долгожданнаго единственнаго полновластнаго хозяина Земли Русской—Первое Россійское Учредительное Собраніе. Вся власть Учредительному Собранію! Продовольственныя организаціи Самарской губерніи придутъ на помощь и дадутъ хлѣба только власти, поставленной Учредительнымъ Собраніемъ. Долой всякую власть, противящуюся ему! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!"

Посылка этой телеграммы съѣздомъ была одобрена, но редакція ея вызвала горячія пренія и возраженія.

Политическую окраску получили и пренія по докладу А. С. Филоненко о Всероссійскомъ Продовольственномъ Съѣздѣ, состоявшемся въ Москвѣ 18 ноября 1917 г, какъ извѣстно, этотъ съѣздъ также происходилъ въ бурной политической обстановкѣ: какъ разъ во время съѣзда въ Петроградѣ происходилъ разгонъ Министерства Продовольствія комиссаромъ Шлихцеромъ и на съѣздѣ былъ избранъ „совѣтъ десяти", который долженъ былъ нейтрализовать продовольственное дѣло, что ему, конечно, не удалось.

На точку зрѣнія нейтральности продовольственнаго дѣла всталъ и шестой Самарскій съѣздъ, и чтобы втянуть въ общую работу и большевиковъ, съѣздъ принялъ рѣшеніе о предоставленіи въ составѣ управы четырехъ мѣстъ Совѣту Рабочихъ Депутатовъ, т. е. въ сущности преобладавшимъ въ немъ большевикамъ. Послѣдніе на это согласились, и такимъ образомъ въ результатѣ послѣ шестого съѣзда образовалась новая управа, въ которую вошли: предсѣдателемъ, вмѣсто А. И. Кабцана,—Н. В. Кочергинъ и новые члены управы—Бажановъ, Ф. Я. Рабиновичъ, И. І. Любецкій. И, П. Трайнинъ и М. І. Бульонъ; послѣдніе три явились кандидатами, выдвинутыми, или вѣрнѣе, делегированными Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ.

Но съ этого же момента въ управѣ образовалась трещина, и о согласованной, дружной работѣ говорить уже не приходилось. Очень скоро создались внутреннія тренія, вызывавшіяся главнымъ образомъ самодержавными дѣйствіями уполномоченнаго Бульона и приведшія сначала къ уходу изъ состава управы Ф. Я. Рабиновича, а затѣмъ къ отозванію Бульона.

Закрывая шестой съѣздъ, А. Филоненко закончилъ свое заключительное слово такъ: „позвольте пожелать вамъ всего хорошаго, быть можетъ на послѣднемъ нашемъ продовольственномъ съѣздѣ.“ Слова эти оказались пророческими, и, дѣйствительно, шестой съѣздъ былъ послѣднимъ съѣздомъ губернскаго продовольственнаго комитета.

Но не нужно было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть это: та обстановка, въ которой происходилъ шестой съѣздъ, то, что дѣлалось въ центрѣ, все это ясно говорило о томъ, что нейтрализовать продовольственное дѣло не удастся, что продовольственныя организаціи въ своемъ прежнемъ видѣ сохранены не будутъ, что совѣтская власть и на нихъ наложитъ свою руку.

12-го января 1918 года въ Самарѣ открылся такъ называемый пятый губернскій крестьянскій съѣздъ. Этотъ съѣздъ, конечно, пожелалъ сказать свое слово и въ области продовольственнаго дѣла. Протоколъ продовольственной комиссіи съѣзда гласитъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ виду того, что вся власть перешла къ совѣтамъ крестьянскихъ, рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,... то, очевидно, новая власть, взявъ на себя отвѣтственность въ борьбѣ съ продовольственной разрухой, должна и организовать аппаратъ, дѣйствительно способный оздоровить продовольственное дѣло въ странѣ. Устранивъ отъ продовольственнаго дѣла всѣ существующія продовольственныя организаціи, которыя на дѣлѣ доказали свою неспособность наладить продовольственное дѣло въ странѣ, довели республику до подланнаго голода при наличіи хлѣба въ странѣ, совѣтская власть организуетъ губернское продовольственное бюро, въ составъ котораго входятъ слѣдующіе представители демократическихъ организацій: 1) Отъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ—7 чел., 2) Отъ совѣта крестьянскихъ депутатовъ—7 чел., 3) Отъ исполнительнаго комитета губернскаго крестьянскаго съѣзда—3 чел., 4) Отъ профессіональныхъ союзовъ—2 чел., 5) Отъ фабрично-заводскихъ комитетовъ—2 чел., 6) Отъ кредитныхъ коопераций—1 чел., 7) Отъ сельско-хозяйственныхъ коопераций—1 чел., 8) Отъ потребительныхъ коопераций—1 чел., 9) Отъ рабочей коопераціи—2 ч, и 10) Отъ бюро эмиссаровъ—3 ч.“.

Самъ съѣздъ, утвердивъ эти и другія положенія комиссіи, принялъ слѣдующую резолюцію:

„Признавая только власть совѣтовъ, 5-й губернскій крестьянскій съѣздъ постановилъ: все продовольственное дѣло въ губерніи немедленно передать въ руки совѣтовъ согласно основныхъ положеній, выработанныхъ продовольственной комиссіей отъ 14 января и принятой единогласно, съѣздъ находитъ необходимымъ у всѣхъ чиновниковъ-саботажниковъ отобрать припрятанные продукты, продовольственныя карточки и по примѣру Петроградскаго совѣта, поставить ихъ на общественныя работы по очисткѣ мостовыхъ отъ снѣга, и этимъ дать имъ почувствовать въ какое положеніе они ставили всю революціонную демократію, въ лицѣ арміи и флота, заставляя голодныхъ и холод-

ныхъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ капиталистовъ и награбленное ими во время войны народа“ (стиль и орфографія подлинника).

Мы не будемъ вдаваться въ критику этихъ постановленій и резолюцій, такъ какъ они сами за себя говорятъ. Ни здоровой мысли по продовольственному дѣлу съѣздъ не высказалъ, и все то, что имъ по этому вопросу принято, отзывается безграничной наивностью и политиканствомъ.

Тѣмъ не менѣе рѣшенія этого съѣзда имѣли руководящее значеніе для преобразованія продовольственныхъ организацій въ Самарской губерніи.

Атмосфера, которая создалась въ управѣ послѣ шестого продовольственнаго съѣзда, особенно сгустилась послѣ пятаго крестьянскаго съѣзда. Дѣятельность управы парализовалась внутренними треніями, неувѣренностью и неустойчивостью того положенія, въ которомъ она находилась. Управа поэтому оказалась мало работоспособной. Это обстоятельство, и то нервное настроеніе, которое въ ней создалось, заставило управу въ засѣданіи отъ 23 января 1918 г. принять такое постановленіе: „Просить Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ произвести реорганизацію губернскаго продовольственнаго комитета не позднѣе 25 января 1918 г.“.

Повліялъ ли этотъ самоубійственный актъ, или вопросъ этотъ и безъ того стоялъ на очереди, но уже 28 января 1918 г. состоялось первое засѣданіе **губернскаго продовольственнаго совѣта**, который долженъ былъ замѣнить собою губернскій продовольственный комитетъ.

Открывая засѣданіе, предсѣдательствующій заявилъ: „согласно постановленія пятаго губернскаго крестьянскаго съѣзда совмѣстно съ полковыми и ротными комитетами 13 января 1918 г. и постановленія Самарскаго губернскаго исполнительнаго комитета совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ 22 сего января всѣ существующія продовольственныя организаціи Самарской губерніи, какъ включающіе цензовые элементы, устраняются отъ дѣла продовольствія, и вмѣсто нихъ организуются продовольственные совѣты исключительно изъ представителей демократическихъ организацій. Въ составъ Самарскаго губернскаго продовольственнаго совѣта имѣютъ войти представители слѣдующихъ организацій: отъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 8 чел., отъ исполнительнаго комитета совѣта крестьянскихъ депутатовъ 11 чел., отъ фабрично-заводскихъ комитетовъ 2 чел., отъ коопераціи 7 чел., отъ профессіональныхъ союзовъ 2 ч. и отъ бюро эмиссаровъ 2 чел. Губернскій продовольственный совѣтъ избираетъ исполнительный органъ въ составѣ 15 членовъ“.

Этотъ исполнительный органъ, или управа, и долженъ былъ избираться на первомъ засѣданіи продовольственнаго совѣта. Разгорѣлась жестокая избирательная борьба, которая въ сущности сводилась къ борьбѣ за преобладаніе одной изъ партій: большевиковъ или максималистовъ, причемъ заявлялся отводъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, какъ съ той,

такъ и съ другой стороны, Избранная въ такихъ условіяхъ управа не была утверждена исполнительнымъ комитетомъ совѣтовъ, и 30 января происходили новые выборы, которые также не дали положительнаго результата.

Началась та длительная фракціонная борьба, которая въ мѣстной печати получила мѣткое названіе „продовольственной чехарды“, когда у власти оказывались то максималисты, то большевики. Борьба эта закончилась лишь 12/25 февраля, когда комиссаромъ продовольствія былъ назначенъ К. Г. Мясковъ, его замѣстителями И. Г. Любецкій и Д. І. Абезгаузъ, и членами Управы— В. І. Лукъяновъ, Г. А. Сабатьянцъ, Ф. И. Вакуленко и В. П. Киселевъ.

Съ такимъ составомъ управы продовольственная организація вступила во второй годъ своего существованія.

Несмотря на частыя смѣны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ составовъ управы и вообще руководящихъ органовъ продовольственной организаціи, техническій аппаратъ ея все время оставался единымъ, неизмѣннымъ и непрерывно дѣйствующимъ. Правда, въ тѣ или иные моменты происходили внутреннія измѣненія, увеличеніе или сокращеніе штатовъ служащихъ, реорганизація отдѣловъ, но ни одна управа не посягала на разрушеніе ранѣе созданнаго аппарата, а съ другой стороны и служебный персоналъ никогда не стоялъ на точкѣ зрѣнія „саботажа“, ни разу не прекращалъ правильнаго хода занятій.

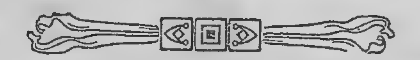
И если, несмотря на все, продовольственное дѣло въ конечномъ счетѣ не оказалось разрушеннымъ, а продолжало существовать, то это, несомнѣнно, заслуга служебнаго персонала организаціи.

И. Бемъ.

(Окончаніе во второмъ томѣ).

Лубочная литература 1917 г.

Листки, книжки, пѣсенники, листовки и проч. произведенія, такъ называемой народной лубочной литературы продавались въ первые мѣсяцы свободы десятками тысячъ экземпляровъ.

Авторы этихъ произведеній, подъ предлогомъ отрицанія стараго режима и разоблаченій темныхъ дѣяній его представителей, преподносили народу грубо—порнографическую макулатуру, разсчитанную на самые грубые и низменные инстинкты.

Всѣ эти „Похожденія Гришки Распутина“ съ громкимъ озаглавленіемъ отдѣльныхъ выпусковъ: „При дворѣ“, „Въ большомъ свѣтѣ“, „Гришка дѣйствуетъ“, „Фрейлина царицы“, „Любовныя похожденія Николая Романова“, намалеванные подъ Пинкертона, кромѣ грубо-грязной пикантности, переполнены цѣлой массой „якобы фактовъ“... изъ интимно-тѣлесной жизни „особъ“...

Краски въ такихъ произведеніяхъ сгущены до крайности;—такъ; если вѣрить этимъ сенсаціоннымъ разсказамъ, къ Александру III. (по историческимъ свѣдѣніямъ самому хорошему семьянину въ сьмѣ Романовыхъ) привозились для обезчещеванія цѣлыя кареты институтокъ, а Григорій Распутинъ жилъ за годъ не менѣе какъ съ 1000 женщинъ, удивляя автора своею „феноменальною силою и здоровьемъ“...

Исключеній мало... Грубовато остроумны, но безъ нарочитаго похабства написаны уличные памфлеты „Поминаніе стараго правительства“, „Загробный Гришки Распутина манифестъ“, но въ большинствѣ изъ этихъ нелитературныхъ, нехудожественныхъ произведеній сквозитъ и звенитъ огневой дрожью боль за растоптанную народную душу, которую многія лѣта обкуривали гашишомъ святости и божественности царя и его близкихъ.

Русскій народъ, земно-кланявшійся сотни лѣтъ при поминовеніи царскихъ именъ въ церкви, снимавшій шапки въ покояхъ, гдѣ висѣли портреты Высочайшихъ особъ, воспитаный въ духѣ раболѣпія, подчиненія, страха и благоговѣнія передъ „якобы помазанниками“—народъ за игру на самыхъ чистыхъ струнахъ его души, за растоптаніе святынь души въ пѣсняхъ и поговоркахъ преувеличено грубыхъ и безцеремонныхъ, сводилъ счетъ съ поругателями ихъ. Я привожу тѣ изъ нихъ,

кои особенно ходко шли по рукамъ среди городского и пріѣзжаго изъ деревни населенія Самарской губерніи.

Наибольшимъ успѣхомъ пользовался акафистъ... Вотъ онъ:

АКАФИСТЪ

Царицыному угоднику,
Поганому грѣховнику,
Дворцовой шишкѣ,
Распутину Гришкѣ,
Что обдѣлывалъ темныя
дѣлишки

Всю Русь оскандалилъ,
Министровъ на мѣста
ставилъ
И какъ самодержецъ
правилъ
(на все честное лая),
Замѣсто Николая!

Кондакъ 1.

Проповѣдникъ баннаго разврата и видовъ иныхъ его, Гришка во дворецъ былъ призванъ и со Нѣмкою пожилъ еси и Россію оплевалъ еси во свое и всѣхъ министровъ царскихъ удовольствіе!

Ікосъ 1.

Всю Россію въ грязь втоптавшій, отъ кобылы похотливой народившійся, Протопопова въ жандармы намъ поставившій:

Гришка—конокрадъ бывшій!
Гришка, съ царемъ водку пившій!
Гришка, царевенъ любившій!
Гришка Распутинъ—Каинъ!
Гришка Синода хозяинъ!
Гришка Вырубовой сутенеръ!
Гришка—жуликъ и великій воръ.

Мы за все благодаримъ тебя, ибо лопнуло терпѣнье наше изъ-за пакостей неслыханныхъ твоихъ!

Кондакъ 2.

О, Григорій, забулдыга и развратниче, пріими нынѣ похвалу сію, яко же пріялъ ты похвалы придворныхъ дамъ за доставленныя онымъ удовольствія, яко же пріялъ ты отъ Вильгельма мзду за продажу нѣмцамъ по своей цѣнѣ тайнъ великихъ, пьянымъ Николаемъ поразболтанныхъ.

Ікосъ 2.

Дьяволовъ угодникъ и нѣмецкихъ силъ, отверзи ми недоумѣнный умъ, поясни, какъ долго мы могли терпѣть тебя и въ помойной ямѣ утопить не удосужились.

Гришка—Нѣмкиныхъ достоинствъ изучатель!
Гришка—Сухомлинова предателя пріятель!
Гришка—дома царскаго почетный членъ!
Гришка бабъ дворцовыхъ взявшій въ плѣнъ!
Гришка, похотливый какъ пѣтухъ
Гришка, что при жизни весь протухъ!
Гришка—Щегловитова клевретъ!
Гришка, на чей тылъ молился „кабинетъ“.

Мы за все благодаримъ тебя, ибо пакости твои ускорили Революцію Россійскую на много лѣтъ, ибо царскій домъ ты утопилъ въ грязи и царей не будетъ больше на Руси!

Кондакъ 3.

Видя царицу на старцахъ помѣшавшуся, предложилъ ты ей свой секретъ огромнѣйшій, многими аристократками одобренный, аттестатами княгинь, графинь обклеенный. И царица симъ секретомъ превеликимъ до того довольною осталася, что саму Екатерину за поясъ заткнуть рѣшилася, что тебѣ, паскудному Распутину, грязныя ножища цѣловала устно и письменно. А о томъ свидѣтельство у колдуна тибетскаго Бадмаева во его тибетскомъ капищѣ нашли.

Ікосъ 3.

Много грязи и поранѣе тебя скопилося въ покояхъ царскихъ дома гнившаго—прогнившаго Романовыхъ, но только тебѣ, Распутниче, удалось сіи покои дворцовые въ настоящую всемірную помойку превратить. Недаромъ же великіе князья на заговоръ противъ тебя, всесильнаго, рѣшилися и какъ бѣшенаго пса тебя В. П. . . . пристрѣлилъ.

Гришка, Отрепьева за поясъ заткнувшій!
Гришка, изъ конокрадовъ въ Нѣмкины любовники скакнувшій!
Гришка, Курловыхъ и Хвостовыхъ укрыватель!
Гришка, въ дворцовыхъ спаленкахъ „лампадозажигатель"!
Гришка, отъ чьего кивка министры родились!
Гришка, отъ чьего плевка министры валились!

Мы за все тебя, мерзавца, день и ночь благодарить должны, ибо чаша глубочайшая долготерпѣнія народнаго переполнилась лишь изъ-за пакостей неслыханныхъ твоихъ.

Кондакъ 4.

Ты при жизни своей поганой, Распутниче, лошадей кралъ и по монастырямъ таскался, а потомъ по бабамъ свѣтскимъ, а потомъ по спальнямъ царскимъ.

А какъ укокошили тебя, въ прорубь сбросили и всю воду въ Невѣ—рѣкѣ запакостили падалью твоей!

Ікосъ 4.

Пріими же, Распутниче, пѣснь мою.

Гришка—Илліодоровъ пріятель!
Гришка—Гермогеновъ прихлебатель!
Гришка—Романовскій романъ!
Гришка—сладострастный павіанъ!
Гришка—графинюшки „графинъ"!
Гришка—скотина изъ скотинъ!
Гришка—Штюрмеровскій богъ!
Гришка—ловецъ царскихъ блохъ!

Мы за все тебя, прохвоста, вставъ отъ сна и уходя ко сну благодарить должны, ибо пакостной работою своею погубилъ себя и хлѣвъ Романовскій съ собою за компанью и ускорилъ тѣмъ приходъ желанный Революціи на много лѣтъ.

Кондакъ 5.

И какъ померъ ты собачьей смертію своей, какъ со дна тебя, Распутниче, баграми выловили, съ Протопоповымъ въ автомо-

биль засунули и къ царицѣ въ спальню привезли. Ужъ и выла тутъ Нѣмка какъ пятьсотъ бѣлугъ, вопіяше по германски: „О, мейнъ Готтъ“!—и по русски: „Кто меня теперь къ себѣ прижметъ?“ Протопоповъ же царицѣ подывалъ: „Помилуй мя, охранялъ я Гришу твоего и день и ночь, да князья его убрать рѣшили прочь! Потому, что изъ за Гриши каждый князь—съ головой ушелъ въ Распутинскую грязь и спасая шкуру княжую—порѣшили укокошить Гришкину персону ражую.

Ікосъ 5.

Сатанинъ угодникъ, воспоемъ тебѣ:

Гришка—настройщикъ молодокъ и старухи!
Гришка—любимецъ „Гессенской мухи“!
Гришка—претендентъ на Россійскій тронъ!
Гришка—важнѣйшій нѣмецкій шпіонъ!
Гришка—Николаевъ спиритъ
Гришка—Александры магнитъ!

Еще разъ, каналья, благодаримъ тя, ибо гнусностью своею ты Романовскую гнусность подчеркнулъ, и въ грязи вонючей царскій домъ навѣки утонулъ!

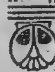
Кондакъ 6.

Все естество дворцовое стало тутъ надъ твоею, Гришка, падалью вопить.

Самъ же царь съ горя такъ ханжей нализался, что пришлось пожарную команду вызывать для вытрезвленія Николаева.

Вопили и дочки царскія изъ молодыхъ да раннія, ибо, Гришка, ты ихъ „освятилъ“, по головкамъ „гладить“, страхъ, любилъ...

А сама царица, нѣмка—непутевая съ послѣдняго ума спятила, падаль твою, Гришка, обмывала, падаль твою, Гришка, цѣловала, и во спирту тебя, Гришка, сохранить задумала.

Посадили, тебя, Гришка, министры въ чистый спиртъ, а на другой день спирта и слѣда нѣтъ— Николай до капельки вылакалъ!

Посадили тебя, Гришка, въ „денатурчикъ“, а на другой день и денатурата слѣдъ простылъ— Николай съ Воейковымъ и Ниловымъ за упокой души твоей роспили.

И тогда рѣшила Нѣмка во землѣ похоронить тебя отъ дворца поблизости, отъ постелюшки своей въ недалекости.

Ікосъ 6.

Царя замѣститель, царицы утѣшитель, вопіемъ ти во презрѣніи тебя, конокрада и дворцовую гадину, зовуще:

Гришка—жандармовъ и фараоновъ идолъ!
Гришка, ты секреты нѣмцамъ выдалъ!
Гришка—придворный бабникъ!
Гришка—великій похабникъ!
Гришка—Отрепьевъ Новый!
Гришка—идолъ дворцовый!
Гришка—подъ чью дудку синодъ плясалъ!
Гришка—чьи ноги Протопоповъ цѣловалъ!

Мы за все тебя, гадючее отродье, день и ночь благодарить должны, потому что сдѣлалъ ты поганымъ домъ Романовыхъ навѣкъ!

Кондакъ 7.

Не успѣли тебя, Гришка въ землю закопать—чудеса тутъ стали надъ могилою собачьею твоей

свершаться, ароматные царицыны цвѣты въ „золото" вонючее въ теченье ночи обращаться!

Принесетъ царица бѣлыхъ розъ букетъ, а на утро ужъ букета нѣтъ, на могилѣ же такая вонь, что царицѣ царь лепечетъ:

— Милочка, не тронь! Позабудь про Гришкины амуры, выпьемъ лучше вмѣстѣ политуры.

Ікосъ 7.

Даже глухонѣмой, вспомня о тебѣ, Гришка, во все горло заорать готовъ:

Гришка—Маріи Павловны шпіонки другъ!
Гришка—усладитель фрейленъ другъ!

Гришка—тебя офицеры въ ресторанѣ избили!
Гришка—твой навозъ сановники хранили!
Гришка—съ Николаемъ Россію душившій!
Гришка—съ Вильгельмомъ душа въ душу жившій!
Гришка—Россіи продавецъ!
Гришка—царской своры и защитникъ и отецъ!

Прахъ вонючій твой сожгли и по вѣтру развѣяли, но мы долго будемъ помнить о тебѣ и при каждой ямѣ выгребной поставимъ памятникъ тебѣ, прохвосту изъ прохвостовъ, ибо ты запакостилъ корону.

Аминь.

Выборъ темы и распространеніе книжекъ о Распутинѣ ясно показываетъ, что Григорій Распутинъ—фигура, заполнившая воображеніе народа, какъ символъ грязи и произвола, пропитывающихъ самодержавныхъ властителей народа...

Въ нѣкоторыхъ полускабрезныхъ листовкахъ и пятилистныхъ книженкахъ есть попытки „quasi"—общественно-психологическаго объясненія силы и вліянія Распутина... Такова брошюра, украшенная портретомъ съ широкимъ носомъ и огромной бородой лопатой. Листовка называется „Царь банныхъ радѣній, Великій князь дѣвственныхъ растленій Гришка Распутинъ".

Гипнозъ Распутина.

Въ Распутинскомъ вертепѣ.

Одна дама, бывшая поклонница Григорія Распутина и повѣдавшая всю тайну его лже-святости, рисуетъ слѣдующую картину пошлостей.

—Я—говоритъ дама,—побывала въ распутинскомъ вертепѣ, но мною онъ не обладалъ. Я удивлялась одному, какъ мужчина за 45 лѣтъ можетъ быть обладателемъ 1,000 женщинъ. Побывавъ въ его кружкѣ, я поняла причину этого.

Представьте себѣ салонъ съ большимъ чайнымъ столомъ, за которымъ сидятъ великосвѣтскія женщины. Каждую входящую даму набожный старецъ встрѣчалъ въ передней прежде всего обводя своими ручищами по всѣмъ линіямъ ея тѣла, какъ бы изслѣдуя ея формы. Этимъ пріемомъ Распутинъ сразу достигаетъ близости къ входящей дамѣ, которая становится съ этихъ поръ кандидаткой на его обладаніе.

Окружавшія Распутина женщины становились его полными рабынями въ буквальномъ смыслѣ слова, что съ точки зрѣнія Распутина оправдывалось его проповѣдью о необходимости унизиться до конца, въ цѣляхъ спасенья.

При томъ нельзя не удивляться тому, до какой степени Распутинъ въ обхожденіи съ великосвѣтскими дамами не стѣснялся ничего, даже издѣвательствъ, заставляя то ту, то другую изъ нихъ облизывать свои грязныя пальцы или еще хуже—цѣловать его ноги.

Читающіе эти строки, если кто хотѣлъ бы понять все, что извѣстно относительно покоренія дамъ высшаго общества грубымъ мужикомъ, съ точки зрѣнія гипнотизма, не должны забывать, что кромѣ обыкновеннаго гипнотизма есть еще половой гипнотизмъ, какимъ очевидно обладалъ Распутинъ въ высшей степени. И тутъ же въ этой же листовкѣ прилагается:

Загробный манифестъ.

Загробный манифестъ.

Мы, Григорій 1-й и послѣдній, конокрадъ и бывшій самодержецъ Всероссійскій, царь банный, великій князь дранный и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ скверноподаннымъ распутницамъ, поклонницамъ, любовницамъ, коронницамъ, министрамъ карманникамъ, жандармамъ охранникамъ и прочей сворѣ.

Пребываніе имѣемъ мы сейчасъ въ Аду и каждый день съ вельзевуловымъ благословеніемъ въ жаркой банѣ паримся, пріобщивъ ко всему адскихъ блудницъ, давно сгнившихъ, Екатеринъ и Мессалинъ. Жаль только, что не умѣютъ онѣ намъ услуги оказать, какъ оказывали намъ въ Царскомъ Селѣ, когда мы были на веселѣ. И соскучиться мы здѣсь изволили безъ нѣмки Сашки, безъ Николки Ромашки, безъ Вырубовой Анны, безъ Протопоповой охраны, безъ Штюрмера почитанія и безъ Щегловитова пятокъ лизанія, безъ Фредерикса барона, безъ Сухомлинова, нѣмецкаго шпіона. И еще изволили соскучиться мы здѣсь безъ градопрохвоста Балка, безъ охранителя отъ здравія Рейна и безъ Курлова и Хвостова, безъ Добровольскаго спирита, что вызывали нашъ скверный духъ шито—крыто, безъ палача Хабалова и безъ Маркова 2-го удалого, а также и безъ прочихъ фараоновыхъ рожъ и синодскихъ ханжей святошъ.

Вызываемъ всѣхъ нашихъ богомерзкихъ поклонницъ, любовницъ, коронницъ, министровъ карманниковъ, жандармовъ охранниковъ, барановъ фараоновъ, а также нѣмецкихъ шпіоновъ, что на Руси при насъ высшія мѣста занимали и ради Вильгельма съ русскимъ народомъ воевали, а теперь подъ семью замками сидятъ и хлѣбъ да кашу ѣдятъ, призываемъ ихъ всѣхъ, чтобы они поторопились и поскорѣе къ намъ въ адъ явились.

Данъ въ Аду въ сто пятый день нашей собачьей кончины.
На подлинномъ его скотскаго величества грязною рукою наляпано: *Гришка.*
Скрѣпилъ баронъ Фридрехераусъ.

Нѣсколько болѣе съ литературной стороны отдѣланы и чужды похабщины, продававшіяся пудами книжечки Колесниченко, подъ редакціей „Скала Революціи" (Современная колыбельная пѣсня, Гришка Распутинъ,) писанныя съ нѣкоторымъ умѣніемъ, удалью, но не безъ сплетнической приправы. Вотъ они:

Современная колыбельная пѣснь.

За тебя, страна родная,
Всталъ ужъ весь народъ
И коварство сокрушая,
Движется впередъ.

Пало царство произвола,
Кончивъ жизнь свою,
Кончилъ царствовать Никола,
Баюшки-баю.

Фредериксъ, совѣтникъ царскій,
Рыцарь темныхъ силъ,
Всей душой синклитъ жандармскій
При дворѣ любилъ.

Долгій вѣкъ бароно-графомъ
Прожилъ какъ въ раю,
И держалъ всю Русь подъ штрафомъ,
Баюшки-баю.

Вмѣстѣ съ Воейковымъ „славнымъ"
Охраняли Дворъ,
И кнутомъ Самодержавнымъ
Усмиряли споръ.

Но позорно завершили
Миссію свою,
И въ кутузку угодили,
Баюшки-баю.

Курловъ, рыцарь своеволья,
Шефъ шпіонныхъ дѣлъ,
Службу грязнаго подполья
Взялъ себѣ въ удѣлъ.

Но съ паденьемъ Протопопки
Чашу пьетъ свою,
Знать, заткнули ему пробки,
Баюшки-баю.

Протопоповыхъ не стало,
Штюрмеровъ ужъ нѣтъ,
Власть ихъ подлая пропала,
Исчезаетъ слѣдъ.

Сухомлиновъ, злой измѣнникъ,
Жизнь влачитъ свою,
Какъ простой тюремный плѣнникъ,
Баюшки-баю.

Горемыкинъ, эксъ-гонитель
Либеральныхъ силъ,
Мысли вольной сокрушитель,
Нынѣ опочилъ.

И клянетъ старикъ глубокій
Долюшку свою,
Не помогъ режимъ жестокій,
Баюшки-баю.

Вся придворная ватага
Подъ замкомъ сидитъ,
Лишь одинъ, одинъ „Миляга", *)
Непробудно спитъ.

Сиротой оставилъ „Сашку", **)
Милую свою,
Вышить некому рубашку,
Баюшки баю.

О, какъ страшно-бъ отомстила
Въ горести своей,
Если-бъ вновь вернулась сила
Прежнихъ черныхъ дней.

Всѣхъ виновниковъ разлуки,
За любовь свою,
Предала-бъ она на муки,
Баюшки-баю.

И Дубровинъ-бы съ оравой
Развернулся-бъ вновь,
И пошелъ громить со славой
И пролилъ бы кровь.

Но Дубровинъ, „докторъ милый",
Кончилъ роль свою,
И сидитъ теперь унылый,
Баюшки-баю.

Кишиневскія дѣянья
Вспоминаетъ онъ
Какъ за золота бряцанье
Защищали тронъ,

Тронъ великаго позора,
Гдѣ царица-мать ***)
Съ Гришкой грязнымъ безъ зазора,
Стала.... флиртовать.

И страну, что пріютила
Гадкую змѣю,
Продать недругамъ рѣшила,
Баюшки-баю.

Но открылся планъ жестокій,
Всталъ за честь народъ,
И свершилъ онъ актъ высокій,
Свой переворотъ.

*) Григорій Распутинъ. **) Александра Θедоровна. ***) Марія Θеодоровна.

Нѣтъ жандармской гнусной рати
На Руси святой,
Полицейской „благодати“,
Шайки воровской.

Они долго распинали
Родину свою,
Людской кровью торговали,
Баюшки-баю.

И на все благословенье
Брали отъ поповъ, *)
Этихъ трутней разложенья,
Вольности основъ.

Двумъ богамъ они служили,
Честь продавъ свою.
Страшно церковь загрязнили,
Баюшки-баю.

Наши оберъ-прокуроры
Не блюли законъ,
Обращали свои взоры
На пустой трезвонъ.

Просвѣщенье тормозили
На корысть свою,
Въ мути рыбушку ловили,
Баюшки-баю.

Питиримъ преосвященный
Дипломатомъ былъ,
Всей душей металлъ презрѣнный
Пастырь сей любилъ.

И салоны посѣщая,
Роль игралъ свою,
Души грѣшныя спасая,
Баюшки-баю.

Шумъ салонныхъ оргій дикихъ
Миновалъ какъ сонъ,
И отъ всѣхъ „трудовъ великихъ“
Удалился онъ.

И покой вкушая милый,
Закурилъ Ю-Ю,
Этотъ голубь сизокрылый,
Баюшки-баю.

Нѣтъ Тобольскаго Варнавы,
„Гришина дружка“,
Черносотенной оравы
Злого пѣтушка.

Онъ оставилъ, этотъ грѣшникъ
Каѳедру свою;
Закулисныхъ дѣлъ приспѣшникъ,
Баюшки-баю.

Гдѣ-же Марковъ съ Замысловскимъ,
Что ихъ не видать?
Иль съ патентикомъ шпиковскимъ
Вздумали удрать?

Но не скрыться чернымъ братьямъ,
Примутъ мзду свою,
Ждетъ ихъ, ждетъ тюрьма въ объятья,
Баюшки-баю.

Черной сотни ликованья
Навсегда прошли,
И погромныя дѣянья,
Въ вѣчность отошли.

И пойдетъ все по иному,
Здѣсь въ родномъ краю.
Не вернется Русь къ былому
Баюшки-баю.

*) Членовъ Союза Русск. Народа.

Народныя лубочныя картинки на картонѣ въ краскахъ и тушью первыхъ мѣсяцевъ свободы лучше „свободныхъ“ стансовъ о Распутинѣ.

На Самарскомъ базарѣ фигурировали только двѣ, прекрасно стилизованныя картины. Одна называлась: „Наканунѣ всемірной революціи“ и представляла собою на одномъ полотнѣ десятокъ жанровыхъ картинокъ дидактически подобранныхъ: зданіе охранки, висѣлица съ благословляющимъ батюшкой у ея подножія, зданіе участка и кабака, подрубаемыхъ топоромъ, на которомъ написано „кооперація“, тюрьма и влекомыя въ нее толпы молодежи,—все это, опутанное и стиснутое хвостами какого-то многоглаваго полузмѣя-полузвѣря съ когтистыми лапами, оскалившагося на тѣхъ, кто со всѣхъ сторонъ влечетъ его веревками внизъ, угрожаетъ топорами и вилами. На первомъ планѣ, во главѣ свергающихъ, студентъ въ формѣ...

Вторая картина раздѣлена на двѣ части. Первая называется „Чѣмъ чертъ не шутитъ, когда Богъ спитъ“ и вторая—„Когда Богъ проснется...“.

Въ первой половинѣ, вверху, спящій Богъ и ликующій чертъ, и затѣмъ иллюстрируются печальные факты жизни Россіи при самодержавіи: пьянство въ кабакахъ, развратъ, власть азарта, грабежи, висѣлицы и тюрьмы, нищета въ деревнѣ; города, обезображенные небоскребами и дымящими фабриками, безъ единаго зеленаго листочка, изображено также поле сраженія съ валяющимися трупами, горящими зданіями и церквами. А въ центрѣ всего—Николай (помазанникъ), сидящій на тронѣ съ урядникомъ и попомъ по бокамъ и попирающій сапогами своихъ подданныхъ.

Вторая половина—Богъ проснулся и настала Свобода. Вмѣсто царя—Вѣче и въ отдѣльныхъ картинкахъ изображена измѣнившаяся жизнь: наука и искусство процвѣтаютъ: рабочіе и крестьяне спѣшатъ въ университетъ, творятъ въ области музыки, поэзіи, живописи и скульптуры, свободный трудъ легокъ, плоды его радостны и отдыхъ сладокъ, жизнь облагорожена, города разукрасились садами и памятниками... Дьяволъ исчезъ и надо всѣмъ благословляющій Богъ...

Въ художественномъ отношеніи картина стоитъ высоко.—Хорошая стилизація, нѣсколько болѣе мягкая, чѣмъ обычный лубокъ, напоминаетъ извѣстные образцы собранія лубочныхъ картинъ Ровинскаго.

Революція не могла также не отразиться въ частушкахъ, въ этой современной деревенской поэзіи, всегда злободневной:

Мы полицію прогнали,
Сразу вольно задышали.

Еще барина смѣстимъ
Тогда вовсе закутимъ.

Какъ обычно, въ частушкахъ преобладаетъ ироническій, подчасъ даже саркастическій тонъ. Деревенскіе политики не пользуются большимъ довѣріемъ среди дѣвицъ:

Деревенскіе ребята
Настоящи демократы,
Изъ за рюмки подерутся,
Отца съ матерью пропьютъ.
Не стелите, дѣвки, лепъ,—
Порошитъ погодушка,—
Не любите демократа:
Съ нимъ одна заботушка.

Поразсохлася боченка,
И повысохла вода,—
Запузатѣла дѣвченка,
Демократу не бѣда.
Пришла съ Питера дѣвченка,
Принесла мамѣ ребенка.
„Вотъ тѣ, мамонька, блинокъ—
Демократиковъ сынокъ“.

Впрочемъ и сами дѣвицы не чужды политики...

Ты меня, мой миленькій,
Капустой не пичкай,—
Я на митингѣ была
Стала большевичкой.

Я у зеркала стояла
Мазалась помадкой,—
Меня выбрали вчера
Дѣвки депутаткой.

Ишь, ты, Машка, какъ зазналась,
Какъ высоко носъ деретъ.
Въ демокрицы записалась
Съ демократикомъ живетъ.

У стола четыре ножки,
У скамейки только три.
Демокрица не гордися
Лучше сопли подотри.

Послѣ октябрьскаго переворота въ частушкѣ стали фигурировать большевики и комиссары, но отношеніе къ нимъ осталось прежнее--ироническое, а порою злой сарказмъ:

Всѣ казански дѣвки—бочки,
А ребята--лошаки.
Но самарски дѣвки крали,
А мы всѣ большевики.

Въ нашемъ городѣ краса—
Всюду булевары,—
Нѣтъ ни хлѣба, ни черта,
Одни коммиссары.

Расхорошенька дѣвченка:
„Васъ позвольте проводить".
—„Нѣтъ ужъ, я съ большевиками
Не желаю говорить".

Я пойду на булеваръ,
Губы не накрашены.
Мой Володька комиссаръ,
Ужасно безстрашенный.

Видное мѣсто занимаютъ темы о запрещеніи водки, встрѣченное, судя по частушкамъ, вовсе не съ энтузіазмомъ и о воцареніи въ послѣднее время самогонки:

Когда водку запретили,
Думалъ, съ горя я помру,
А теперь-то, слава Богу,
Самогоночку я пью.

Меня батюшка пропилъ,
Самогонки закупилъ,
Меня матка пропиваетъ,—
Самогонку затѣваетъ.

Самогонка, самогонка,
Самогонка хмѣльная,
Хоть не такъ ты больно скусна,
Зато самодѣльная.

Какъ образецъ народнаго юмора приводимъ декларацію—призывъ къ гражданамъ поклонниковъ Бахуса:

ГРАЖДАНЕ и ГРАЖДАНКИ!!!

ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОКЪ № 18.

Нашъ девизъ:

„Алкоголики всѣхъ странъ, соединяйтесь".
„Лишь въ опьяненіи обрѣтешь ты утѣшеніе".

МЫ ТРЕБУЕМЪ:

1. Свободной повсемѣстной продажи питей.
2. Всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго и явнаго распитія спиртныхъ напитковъ, во всѣхъ видахъ и во всякой посудѣ.

3. Свободнаго выбора разнаго рода питій и закусокъ къ нимъ, основаннаго на принципѣ самоопредѣленія желудка всѣхъ народовъ безъ различія пола, возраста, вѣроисповѣданія и убѣжденія.
4. Гласнаго всенароднаго суда алкоголиковъ надъ представителями старой власти, за прекращеніе ими винной продажи и строгаго наказанія ихъ вплоть до ссылки въ каторжныя работы безъ срока.
5. Полной амнистіи и немедленнаго освобожденія изъ всѣхъ мѣстъ заключенія, при старомъ и новомъ режимахъ, производителей и продавцовъ ханжи, политуры, денатурата, кислушки, самогонки и пр. и пр. и пр.
6. Всеобщаго безплатнаго лѣченія всѣхъ пострадавшихъ на почвѣ алкогоголизма.
7. Свободнаго возвращенія домой, во всякое время, упившихся, безъ аннексій и контрибуцій.
8. Войны до побѣднаго конца:—съ женами, сожительницами, матерями и сестрами за СВОБОДНУЮ АВТОНОМНУЮ ВЫПИВКУ.

Да здравствуетъ **РАСПИВОЧНО И НАВЫНОСЪ.**

Партія алкоголиковъ.

Что касается литературы художественно-литературной, то про нее можно сказать, что она черпала свое вдохновеніе не въ до революціонномъ ненавистномъ прошломъ, какъ лубочная, а въ пафосѣ ринувшагося впередъ сердца демократіи.

ИСКУССТВО И РЕВОЛЮЦІЯ.

Inter arma silent musae (среди бряцанія оружія молчатъ музы), говорили римляне и, конечно, эта пословица оправдывалась во всѣ эпохи большихъ общественно-историческихъ потрясеній народной жизни.

Оправдалась она и въ революціонной Самарѣ 1917—1918 г.

Въ Самарѣ и въ другихъ уѣздныхъ городахъ Россіи большинство художниковъ живутъ, конечно, жизнью заимствованной: тѣмъ, что приносится и привозится имъ книжно или устно изъ центровъ.

Революція въ этомъ отношеніи мало измѣнила положеніе и привнесла, пожалуй, съ собой въ Самару въ музыкѣ Марсельезу, Дубинушку, Похоронный маршъ и Варшавянку, пѣвшіеся съ чувствомъ и грандіознымъ подъемомъ въ весенніе дни 1917 г.

Марсельеза звучала вездѣ... Въ школахъ, на перемѣнахъ, марсельезой звенѣли серебряные колокольчики дѣтскихъ голосочковъ, прогремѣла въ театрѣ въ антрактахъ межъ дѣйствіями любовной комедіи, тосковала въ чайной на гармоніи и тренькала даже на обвязанныхъ красной лентой гитарахъ холостяковъ... но звучала она истинной „марсельезой“ и шла она только къ улицѣ, къ уличной толпѣ.

Тамъ, гдѣ рѣяли въ воздухѣ алыя орифламы*) святой свободы и около нихъ двигались безконечной вереницей воинскія части, десятки тысячъ рабочихъ, межъ густыми шпалерами гражданъ—тамъ среди общаго энтузіазма взметнувшагося въ общемъ полетѣ народа, марсельеза была какъ пульсъ огромнаго, трепетно пылающаго сердца и тамъ, въ уличныхъ хорахъ до—іюльскихъ манифестацій марсельеза оставляла впечатлѣніе...

Съ теченіемъ времени ее вытѣсняетъ все чаще звучащій къ осени—интернаціоналъ.

Неувѣренные хоры, спотыкаясь, всегда не твердо справляясь съ труднымъ мотивомъ интернаціонала, будто символизируютъ ту печальную дисгармонію, которая обнаружилась между русской свободой и западнымъ пролетаріатомъ.

Осенью и зимой 1917—1918 г. почти исчезаетъ марсельеза съ ея мощнымъ, увѣренно окрыляющимъ натискомъ боевой напѣвности.

Въ деревняхъ марсельеза прививалась туго. Русскій крестьянинъ, издревле привыкшій къ пассивному страданію, знающій Пафосъ жертвенной покорности, какъ то стѣсняясь, не во всю, не съ захватывающимъ размахомъ и смѣлостью пѣлъ марсельезу.

За все время революціи не было ни одного красиваго рисунка на знамени или плакатѣ. Только роскошь шелковыхъ и бархатныхъ знаменъ, прорѣзавшихъ перспективу улицъ теплымъ и торжественнымъ лѣсомъ во время шествій, давали яркій красочный бликъ внѣшнему виду города.

Обычной выставки картинъ въ Самарѣ не было... Единственнымъ художественнымъ изданіемъ революціоннаго духа была выпущенная мною серія открытокъ съ фотографіями женщинъ революціонерокъ, распродаваемыми сначала въ пользу и отъ имени О-ва трудящихся женщинъ, а затѣмъ самимъ фотографомъ въ свою пользу.

Театръ, искусство драмы—слабо реагировало на событія. Антрепренеру (Лебедевъ въ городскомъ театрѣ и миніатюры въ Олимпѣ) не хотѣлось смущать пути чистаго искусства тревогами, хотя бы и великаго, но шумнаго дня.

Оставаясь на вершинахъ намѣченнаго репертуара, артисты не поставили ни одной пьесы, звучавшей бы въ унисонъ революціонному подъему демократическихъ массъ.

Правда, виною отчасти явилась и скудность революціоннаго репертуара, насчитывающаго истинно художественныхъ произведеній очень немного. Зато любительскіе спектакли ухватились за все что есть „революціоннаго" въ драматической литературѣ.

Рабочіе трубочнаго завода и группа любителей обратились ко мнѣ, какъ артисткѣ, съ просьбой поставить съ ними какую нибудь пьесу въ пользу партіи эсеровъ.

*) Знамена.

Мы взялись за дѣло дружно и поставили въ штабѣ революціонныхъ партій—въ бывшемъ ресторанѣ Акваріумъ—первый революціонный спектакль: „Дурные пастыри“ Мирбо, гдѣ 75—100 человѣкъ истинныхъ рабочихъ провели сцену митинга передъ стачкой,—прекрасно.

Пьеса повторялась въ Общественномъ собраніи, въ Олимпѣ въ пользу партійныхъ организацій, шла хорошо, но незабываемъ былъ только моментъ въ Акваріумѣ, когда актеры и переполнявшая залъ толпа зрителей послѣ сцены разстрѣла рабочихъ по пьесѣ, вдругъ, вмѣстѣ, подхваченные единымъ порывомъ поднялись и пропѣли: „Вы жертвою пали....“

Въ серединѣ лѣта въ Самарѣ образовался профессіональный союзъ сценическихъ дѣятелей, заарендовавшій театръ Олимпъ. Въ немъ ставились въ пользу партійныхъ организацій уже революціонныя пьесы: „Ткачи“, „Тунель“, „Крестьяне и помѣщики“ и лубочныя миніатюры на злобу дня вродѣ: „Григорій Распутинъ“, „Торговый домъ Обмановыхъ и К^{0}...“

Съ лѣта, съ легкой руки партіи эсеровъ, стали въ модѣ концерты—митинги, самые интересные были у эсеровъ.

Юбилейный (по случаю 55-лѣтія основанія перваго тайнаго общества „Земля и Воля)“ концертъ-митингъ «Подъ краснымъ знаменемъ» партіи соціалистовъ-революціонеровъ, устроенный и повторенный для 4-го крестьянскаго съѣзда въ Олимпѣ, былъ самымъ выдающимся по обилію и разнообразію, какъ идейнаго содержанія, такъ и концертныхъ номеровъ.

Въ біоскопахъ и театрахъ шли картины, снимки съ шествій первыхъ манифестацій, относящихся къ днямъ свободы и довольно грубыя эпопеи изъ жизни Романовыхъ, Распутина и Ко.

Интересна была лишь серія картинъ «Жизнь бабушки» и слабая серія „Софія Перовская“.

Пріуроченныя къ настроенію дня „Ужасы Шпіонажа“, „Охранки“, сдѣланныя аляповато, не захватывали зрителя.

Изъ біоскопныхъ впечатлѣній революціоннаго года запечатлѣлся въ памяти самарцевъ огромный саженный плакатъ Николая въ облаченіи, со скипетромъ и державою, расклеенный по заборамъ. Старательные мальчишки выцарапывали на немъ глаза и на щекахъ писали гадости.

Публики вездѣ—въ театрахъ, въ циркѣ, миніатюрахъ было переполнено. Чувствовалось, что, что ни играй, даже какъ ни играй—сборъ обезпеченъ. Населеніе, утомленное войной и связанными съ нею переживаніями, захвачено было подъемомъ нахлынувшихъ новыхъ впечатлѣній—а потому стремилось изъ дома, чтобы слышать, видѣть, быть на людяхъ, въ обществѣ, около кузнечнаго горнила, плавящаго что-то невѣдомое новое, таинственное и манящее...

Жажда отдыха, развлеченія, стремленіе къ касанію внѣшняго міра, звала людей десятками тысячъ на всякаго рода зрѣлища. Помогало и то,

что „выпить и закусить хорошо“ стало негдѣ и нельзя, а деньжонки въ карманахъ пошевеливались.

Буржуазія почти скрылась. Обычныхъ посѣтителей ложъ, первыхъ рядовъ партера, подъѣзжающихъ къ театру на рысакахъ и автомобиляхъ, почти сразу не стало видно даже до большевистскаго переворота.

Интеллигенціи въ театрахъ стало мало. Большая часть ея завалена была работой въ организаціяхъ, партіяхъ и ей было не до зрѣлищъ, а у многихъ почти атрофировался на время вкусъ къ театру,—такъ захватывала повседневная жизнь.

Даже человѣку сжившемуся съ театромъ было нелѣпо, а часто скучно сидѣть въ театрѣ, смотрѣть „изображеніе“ жизни, когда ключемъ кругомъ кипѣла и разгоралась борьба, новая, невиданная, неслыханная работа. Но людямъ, фактически далекимъ отъ партійной и общественной работы, не захваченнымъ общимъ подъемомъ, было сидѣть дома не въ моготу.

Театральный зритель измѣнился.

Въ антрактахъ между актами стали громче, страстнѣе хлопки, но появились сѣмячки и поцѣлуйныя причмокиванія съ галлереи даже въ городскомъ театрѣ.

Артисты Олимпа умоляли публику не бросать на сцену, хотя бы только тяжелыми вещами,—съ легкими они мирились...

Зритель демократизировался, но и разнуздался.

Репертуаръ 1917—1918 г. состоялъ изъ хорошихъ, но очень избитыхъ пьесъ. Это послѣднее обстоятельство, равно какъ и легкость успѣха, матеріальныя удачи мало способствовали творческому движенію ввысь артистовъ на сценѣ.

Къ первому марту 1918 года артисты, по общему мнѣнію, даже очень хорошіе, стали играть много хуже.

Въ организаціонной работѣ служители театра выявили себя въ организаціи Союза Сценическихъ дѣятелей. Союзъ пережилъ тяжелый періодъ лѣта 1917 г., во время котораго ему пришлось держать театръ, гдѣ сборы были приличные, но художественная и внутренняя сторона дѣла оставляла желать многаго.

Инициаторами союза, первыми составителями устава были Кречетовъ, Петровъ, Кирсанова, Славянова. Наиболѣе активными работниками были Виноградова, Петровъ.

Проработавъ лѣто въ Олимпѣ, члены союза пережили осенью острую безработицу, пока не устроились въ 1-мъ театрѣ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, устроенномъ Совѣтами въ Общественномъ собраніи.

Артисты Городского театра все время были въ оппозиціи союзу и эта отчужденность, даже царствовавшая нѣкоторое время вражда другъ противъ друга, не мало мѣшала той и другой сторонѣ. Энергичнымъ товарищемъ Петровымъ съ конца февраля въ Самарѣ приступлено было къ созданію боль-

шого народнаго театра въ реквизированномъ для этой цѣли помѣщеніи театра Олимпъ. Театръ былъ выбѣленъ, помытъ, лучше освѣщенъ и даже средняя труппа первое время давала отличные сборы.

Сборы въ годы революціи во всѣхъ театрахъ, на всѣхъ зрѣлищахъ были полные.

Но въ общемъ артистамъ въ годъ революціи жилось легко и внѣшне и внутренне. Почти всѣ они безпартійны и почти всѣ мало интересовались политикой, что влекло къ нимъ на отдыхъ представителей всѣхъ партій, приходившихъ на огонекъ Вѣчнаго, отблески котораго искрятся даже на жертвенникѣ Самарской Мельпомены *).

У артистовъ въ кабарэ чествовались члены Учредительнаго Собранія эсеры Фортунатовъ, Брушвитъ, Климушкинъ, но у нихъ же иногда гостепріимно располагались большевики, хотя въ періодъ тріумфа с.—р. всѣ артисты были эсерами, а въ періодъ тріумфа большевиковъ—„театральный народъ“ „безмолствовалъ“ по Пушкину.

Въ общемъ театральныя кулисы, ложа эсеровской управы, а потомъ ложа Совѣтовъ были оазисами безмятежныхъ столкновеній среди самума борьбы.

Въ зиму 1918 г. впервые въ Отдѣлѣ Народнаго Образованія при Город. Управѣ зародилась мысль объ организаціи Отдѣла разумныхъ развлеченій на окраинахъ города, для чего предполагалось при Отдѣлѣ 1) пригласить инструктора и завести складъ предметовъ для театральныхъ постановокъ, 2) пригласить окраинныхъ режиссеровъ для работы съ артистами—любителями на окраинахъ и 3) давать образцовые спектакли примѣрной труппы на окраинахъ.

Нѣсколько лучше обстояло дѣло *съ искусствомъ живого слова.*

Въ Самарской прессѣ за періодъ 1917—1918 г. какъ талантливые можно отмѣтить стихи большевика Герасимова, отмѣченные несомнѣннымъ талантомъ. Какъ образцы, приведу его нѣсколько стихотвореній, зажженныхъ истиннымъ революціоннымъ пафосомъ.

КРЕСТЪ.

Трубитъ заводская сирена—
Зоветъ свободнаго раба...
У горновъ огненная пѣна,
Болванокъ красные гроба.

Въ листахъ багроваго желѣза
Читаю зовъ въ межзвѣздный путь...
Плеснулъ изъ знойнаго разрѣза
Чугунъ, разжиженный какъ ртуть.

Внезапный крикъ...одинъ распятый
Лежалъ на золотомъ листѣ.
Змѣистымъ пламенемъ объятый
Горѣлъ на огненномъ крестѣ.

Онъ умеръ при машинномъ звонѣ,
Кипѣлъ чугунъ, сверкала сталь.
Лишь скованный на дымномъ тронѣ
Кровавый ангелъ рвался вдаль.

*) Нельзя обойти молчаніемъ пріѣздъ Анатолія Каменскаго съ пьесой и лекціей на тему „**Соціализація красоты**“ и демонстрированіемъ нагой женщины, цѣны назначилъ безумныя, театръ былъ переполненъ, особенно пріѣзжими съ дачъ...

РАБОЧЕМУ.

Какъ много бодрости и тайны
Въ твоихъ разбуженныхъ мечтахъ.!
Онѣ чудесны и безкрайны
Какъ небо въ золотыхъ цвѣтахъ...

Пусть загорятся всюду маки
Твоихъ затоптанныхъ знаменъ,
Заплещутъ огненные знаки,
Побѣдный проиграетъ звонъ.

И надъ всемірными полями
Зардѣетъ красная роса,
Встряхнемъ послѣдними цѣпями—
Тогда уйдетъ совсѣмъ гроза.

Настанетъ часъ мечтаній горныхъ,
Сорвемъ мы огненный цвѣтокъ.
Но отъ ночей, безлунно черныхъ,
Намъ нужно охранять ростокъ.

МЕЧТЫ ВЪ ДЫМУ.

Кругомъ—сады, лѣса и Волга....
И Волга милая зоветъ
Дома Мѣщанскаго поселка,
Самарскій трубочный заводъ,

Зоветъ рабочія лачуги,
Зоветъ сердца въ степную ширь,
Туда, гдѣ въ огненной кольчугѣ
Шагалъ по взгорьямъ богатырь.

Гдѣ Разинъ да степныя птицы
Кружили вольно надъ рѣкой,
Теперь—чугунныя темницы
Воздвигли собственной рукой,

И трубъ заводскихъ частоколомъ
Мои мечты обнесены.
Фонарь—румянымъ ореоломъ
Играетъ въ кирпичахъ стѣны.

Вверху—два кулака цисторны
Насмѣшливо грозили мнѣ,
Змѣился дымъ чугунно-сѣрный
И мысли таяли въ огнѣ.

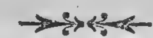
Мы—скованные длинной цѣпью,
Мы—каждый—ржавое звено,
А тамъ надъ озаренной степью
Какъ знамя, солнце взнесено.

Моя душа стремилась долго
Къ скрижалямъ пламенныхъ свободъ.
Я вижу: какъ весною Волга,
Плыветъ торжественно народъ.

Освобожденный и великій,
Я вижу пролетарскій ликъ.
Я слышу,—радостные клики
Слились въ молніеносный крикъ.

Весь огневой, бѣгу съ кургана,
Вновь чую нѣгу волжскихъ струй,
И насъ, какъ прежде великана,
Былинный вѣтеръ, очаруй...

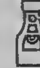
...Кругомъ лѣса, цвѣты и Волга,
Мечты въ миражевомъ дыму....
И отъ Мѣщанскаго поселка
Вскрылить бы къ солнцу твоему!

ВЕСНА.

Весна, а въ заводскомъ поселкѣ
Клубится дымъ, угаръ и чадъ,
Затравленные, словно волки,
Машины воютъ и рычатъ.

Среди испуганныхъ домишекъ,
Какъ троны мрачныхъ королей,
Вздымаются громады вышекъ—
Онѣ царятъ среди полей.

И въ неумытыя оконца
Ползетъ туманомъ черным пыль,
Въ нихъ ясное не взглянетъ
солнце,
Привѣтно не кивнетъ ковыль.

Когда-же выглянетъ нежданно
Лазурь въ междымное окно,
Косматый дымъ взметнется
странно,
И тухнетъ свѣтлое пятно.

Въ кустахъ растрепанной сирени
Дрожитъ зачахнувшій цвѣтокъ,
А вмѣсто соловьиныхъ пѣній
Кричитъ надрывисто свистокъ.

И лишь усталые шахтеры,
Изъ черныхъ вылѣзая норъ,
Бросаютъ радостные взоры
На дымно блещущій просторъ.

НА ГОРѢ.

Внизу—дышали трубы,
Я крался по горѣ,
Чумазый весь и грубый,
При меркнувшей зарѣ.

Здѣсь стройныя колонны
Дворцовъ и бѣлыхъ виллъ,
Фонтановъ перезвоны
И плескъ ихъ пѣнныхъ крылъ.

Здѣсь золотомъ одѣты
Гранитные дворцы,
Здѣсь властелины свѣта—
Банкиры и купцы.

Внизу—дышали горны,
Кровавый капалъ потъ,
Удушливый и черный,
Дурманилъ дымъ народъ.

Обманутые люди
Ковали сталь и мѣдь,
Изъ тысячей орудій
На нихъ глядѣла смерть.

Здѣсь—золото банкировъ
Звенѣло какъ прибой...
Эй, пролетарій міра,
Вставай въ послѣдній бой!.

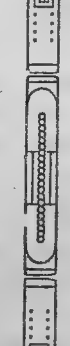

Изъ стихотвореній мѣстныхъ авторовъ, появлявшихся въ мѣстной печати, слѣдуетъ отмѣтить стихи Свѣтлова, Фаворскаго и Сафонова:.

ЭТО БЫЛО ВЕСНОЙ.

Это было весной...
Арестованъ онъ былъ,
Подъ конвоемъ въ тюрьму от-
веденъ.
За порывъ молодой,
За свободную мысль
Безпощадно онъ былъ осужденъ.

Проходили года
Далеко отъ друзей,
Онъ въ тюрьмѣ одиноко страдалъ,

Но забытый, больной,
Въ безотрадные дни
Избавленья, какъ чуда онъ ждалъ.

Это было весной....
Бушевала толпа,
День свободы желанной насталъ.
И шумѣла тюрьма...
Въ одиночкѣ сырой
На соломѣ онъ мертвый лежалъ....

Антонъ Свѣтловъ

Подавляющее большинство остальныхъ стихотвореній, которыя приходилось читать въ 1917 году и просматривать теперь въ номерахъ всѣхъ Самарскихъ изданій, не могутъ считаться поэтическими произведеніями, представляютъ собою политическую декламацію, рифмованную прозу на общественныя темы и оправдываютъ свое рожденіе лишь искреннимъ желаніемъ автора высказаться рифмованными строчками „по текущему моменту."

Долой гражданскую войну.

Свершились выборы! Я шлю борцамъ привѣтъ...
Объ Учредительномъ Собраніи мечтали
Борцы за вольности такъ много, много лѣтъ.
Какъ долго палачи жестоко ихъ терзали,
Ихъ мукамъ мѣры нѣтъ. Ихъ жертвъ не сосчитать...
И вотъ—сбылись мечты. Да здравствуетъ Свобода!
Съ великимъ праздникомъ! Пѣть надо, ликовать...
Но почему-же нѣтъ на праздникѣ народа?
Народъ угрюмъ, молчитъ... гражданская война...
Отъ черныхъ факеловъ зловѣщій смрадъ струится,
Родная льется кровь! Кому нужна она?
На фронтѣ армія въ лохмотьяхъ, голодна,
Въ тылу анархія!—Кошмарное творится...
Мнѣ крикнуть хочется на всю, на всю страну:
Друзья! Товарищи! Довольно испытаній!
Долой ужасную гражданскую войну!
Вѣдь мы въ безуміи дошли до крайней грани.
Пора опомниться! Иначе бездны пасть
Проглотитъ родину, а вмѣстѣ съ ней и волю.
И чужеземная завистливая власть
Злорадно выкуетъ тогда намъ рабью долю.
Тоску отчаянья несетъ намъ новый гнетъ...
Когда—жъ умремъ, надъ нашими гробами
Потомство слезъ сердечныхъ не прольетъ,—
Суровый приговоръ оно произнесетъ:
„Россія сгублена возставшими рабами„...
Къ станкамъ, рабочіе! Къ станкамъ, въ могучій строй!
И пусть великое Народное Собранье
Могучей, мудрою и любящей рукой
Несчастной родинѣ дастъ миръ и процвѣтанье.

Дм. Сафоновъ.

На 5-ое Января 1918 г.

Погибло рабство, ослабла сила...
Забрезжилъ тихо разумный свѣтъ,
Мечта о счастьѣ путеводила
Порывъ народный двѣнадцать лѣтъ.
И что мы видимъ: опять у власти
Въ рукахъ все тѣ-же блестятъ штыки,
Подъ краснымъ флагомъ бушуютъ страсти,
И насъ же губятъ и рвутъ въ куски.
Опять разстрѣлы.,. душа тоскуетъ...
Народъ подавленъ, поруганъ весь—
Надъ нимъ глумятся, надъ нимъ ликуетъ
Чужая воля, чужая спѣсь.

Фаворскій.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Красное знамя, ты—символъ свободы,
Гордо ты рѣешь средь вражьихъ знаменъ,
Властно къ борьбѣ призываешъ народы,
Нѣтъ для тебя ни границъ, ни племенъ.
Пламенемъ огненнымъ вьешься надъ нами,
Въ праздникъ единства рабочихъ всѣхъ странъ.
Смѣло вступили мы въ битву съ врагами,
Въ прахъ предъ тобою повергнутъ тиранъ.
Мы призываемъ трудящихся міра
Сбросить остатки позорныхъ оковъ,
Свергнуть долой золотого кумира—
Строить начало счастливыхъ вѣковъ.
Вспыхнетъ у нихъ солидарности пламя,
Искра борьбы загорится огнемъ,
Встанутъ рядами подъ красное знамя,
Въ ногу мы съ ними къ свободѣ пойдемъ.
Громко мы скажемъ, что требуемъ воли,
Нынѣ мы сами рѣшаемъ судьбу,
Сами строители счастья и доли—
Священной, мы чтимъ съ капиталомъ борьбу.
Красное знамя, ты—символъ свободы,
Силой волшебной владѣешь всегда!
Вмѣстѣ скуютъ съ тобой счастье народы...
Красное знамя, ты—знамя труда!

Гр. Бутаковъ.

ИДУ НА ЗОВЪ.

Безъ устали работаютъ мои мозги,
Стремясь найти исходъ изъ жизни озвѣрѣлой,
Но ничего не видно кромѣ мрачной зги,—
И, какъ отъ стужи, вздрагиваетъ тѣло.
Идти впередъ—споткнешься, не идти нельзя,
Нельзя, вѣдь люди гибнутъ, гибнетъ все родное,
Безуміемъ вселенная объята вся—
Повсюду кровь, повсюду только злое.
Шагнулъ,—и сразу въ лужу братской крови угодилъ.
Въ ней потонуть нельзя, но захлебнуться можно,
Съ большимъ трудомъ, потративъ много, много силъ,
Я выбрался на слѣдъ прямой дорожный.
И слышны мнѣ и зовъ, и стонъ, и крикъ, и смѣхъ...
Иду поспѣшно. Можетъ быть найду спасенье,
Спасти успѣю—хорошо, хотя бы и не всѣхъ.
Иду на зовъ, иду безъ замедленья...

Ст. Лѣсной.

И только къ веснѣ 1918 г. съ появленіемъ въ Самарѣ дарованія Тисленко и пріѣздомъ въ Ставрополь изъ Москвы талантливаго беллетриста и поэта Льва Зилова, Самарская читающая публика получила возможность услышать истинно-художественныя строфы на темы дней и переживаній нашего времени. Нѣсколько стихотвореній, Л. Н. Зиловъ написалъ спеціально для нашего сборника, мы помѣщаемъ ихъ ниже.

Беллетристы не дали ничего особенно яркаго. Небольшіе разсказы изъ жизни ссылки или заводскаго быта, согрѣтыхъ искренностью автора и жизненностью содержанія, не превышали средняго уровня въ художественномъ отношеніи. Отдѣльно и выше всѣхъ стоятъ талантливые очерки и разсказы Невѣрова и не всегда благородные по тенденціи, но живые, съ огнемъ юморески Зуды.

З. Славянова.

ЭСЕРЫ.

(Воспоминанія).

Въ маѣ 1917 г. мнѣ снился сонъ...

Огромныя залы Бѣлаго Дома уставлены столами и утопаютъ въ зелени и цвѣтахъ... Съ хоръ гремитъ нѣсколько оркестровъ музыки... Со всѣхъ стѣнъ, какъ при встрѣчѣ „бабушки“ на вокзалѣ, склоняются и тихо шелестятъ надъ столами алыя знамена партій и организацій...

Подъ ними оживленно говорливые, радостно взволнованные соціалисты, — всѣхъ оттѣнковъ — отъ большевиковъ до нар.-соц.,—пришедшіе на праздникъ въ честь отъѣзда впервые избранныхъ Членовъ Учредительнаго Собранія.

Герои дня съ балконовъ, увитыхъ алыми полосами матеріи и усыпанныхъ цвѣтами, говорятъ толпѣ, что затопила своимъ потокомъ улицу, площадь, влилась по золоченой лѣстницѣ до самой залы.

Объединенные общими идеалами, общей борьбой за свободу, общепережитыми страданіями, обвѣянные одной свѣтлой памятью революціоннаго прошлаго, осіянные зарей возрожденія родины, соціалисты всѣхъ партій при торжественныхъ возгласахъ и обѣтахъ, провожаютъ своихъ избранниковъ въ открывающееся черезъ недѣлю, вѣками жданное Учредительное Собраніе.

На Волгѣ, залитой огневыми лучами солнца, дымятся вдали контуры пароходовъ и, въ дымкѣ ликующаго дня, они кажутся сказочными Галерами Верхарна... Ихъ приводитъ въ движеніе мощный вздохъ милліоновъ освобожденныхъ грудей, они плывутъ, движимые тысячами окрыленныхъ надеждъ, подталкиваемые біеніемъ измученныхъ человѣческихъ сердецъ; разрѣзаютъ воздухъ, какъ будто напоенный безчисленными благословеніями, посланными вслѣдъ отъѣзжающимъ...

„Но то былъ сонъ!..“

Такъ снилось въ 1917 году, когда дважды ожидался созывъ Учредительнаго Собранія...

Произошло все иначе...

Такъ случилось, что долгожданная весна русской государственной жизни —Учредительное Собраніе, ожидалось глухой осенью.

Оно не открылось лѣтомъ, какъ естественное продолженіе весны русской свободы.

Золотыя поля колыхающейся ржи и пшеницы не помавали колосьями за отъѣзжающими.

По замерзшимъ полямъ, въ короткіе осенніе дни, по замолкнувшимъ деревнямъ проѣзжали избранники народа.

Въ Самарѣ проводы отъѣзжающихъ членовъ Учредительнаго Собранія Ивана Михайловича Брушвита, Бориса Константиновича Фортунатова и Прокопія Діомидовича Климушкина были назначены товарищами с.-р. на 21 ноября...

Намѣренія, согласно переживаемаго момента, не шли дальше скромнаго желанія почтить отъѣзжающихъ товарищеской вечеринкой.

А переживаемый партіей моментъ былъ удивителенъ...

Просто враги партіи „товарищи-недруги" и „товарищи-враги" боролись съ партіей „Земли и Воли" всѣми дозволенными и недозволенными средствами... Но успѣхъ эсеровскихъ списковъ превзошелъ ожиданія...

Душа, какъ налитая чаша, была полна радужнаго восторга.

Дописывалась послѣдняя страница великомученической борьбы за землю и волю...

Со стѣнъ значительно и ласково глядѣли портреты погибшихъ борцовъ за свободу, ободряющіе тѣхъ, кому въ славную долю и честь выпало творческое созиданіе по великимъ завѣтамъ.

Хотѣлось очиститься, стать шире и выше обыденщины передъ переживаемымъ моментомъ, но... каждый день десятки „но" разъѣдали душу...

Успѣхъ партіи былъ ослѣпителенъ; о немъ пѣли телеграфныя проволоки, ежедневно приносившія цифры побѣдоносныхъ эсеровскихъ списковъ; писали газеты; сочувственно вторили корреспонденты изъ провинцій.

Эсерамъ оставалось полной грудью ощутить безпримѣрную радость торжества своихъ идей и общероссійскаго признанія партіи руководительницей всего народа...

Но... этого не было...

Извѣстія изъ Москвы... Выступленія большевиковъ замутили чашу радости...

Соціалистическая партія, имѣющая единственную въ мірѣ исторію, признанная руководительницей большинства русскаго народа, впервые услышала по своему адресу: „Партія соглашателей"! „Соціалъ-буржуи"!.. „Могильщики революціи"!...

Въ чьихъ то неожиданно вражескихъ рукахъ начало низаться ожерелье ядовитыхъ бусъ, которое старались накинуть на шею партіи.

Это ощущеніе смертельной опасности среди ослѣпляющаго торжества давило душу и порой было столь неправдоподобнымъ, что тайные страхи и опасенія казались болѣзнью переутомленныхъ нервовъ.

Въ этихъ то зыблящихся волнахъ ожиданія рѣшили эс—ры устроить товарищескіе проводы отъѣзжающимъ членамъ Учредительнаго Собранія, въ помѣщеніи бывшей Землеустроительной и Межевой Комиссіи,—новой Земельной Управы.

Огромные казенные столы канцеляріи покрылись бѣлыми скатертями. Послѣ часовыхъ приготовленій и нѣкоторой обычной суеты въ многолюдствѣ, гости разсѣлись за столомъ.

Члены Учред. Собранія двое вмѣстѣ (И. М. Брушвитъ и П. Д. Климушкинъ), а Б. К. Фортунатовъ за отдѣльнымъ глаголемъ стола.

Послышались голоса и просьбы о словѣ и послѣ первыхъ же нѣсколькихъ рѣчей товарищ. Е. А. Костюшко дала правильный тонъ дальнѣйшему вечеру и разговору,—какъ это намѣчалось въ планахъ устроителей. Она выпукло разъяснила, что настоящая пирушка есть товарищеская вечеринка, безпретенціозно устроенная высокимъ гостямъ, чтобы передъ трудной работой, они, внѣ зависимости отъ политики, провели весело вечеръ.

Всѣ, кромѣ одного, вѣрно поняли мысль Е. А., подхватили ее...

Послышались шутливые намеки на аппетитъ Фортунатова, жажду Брушвита, пересыпаемые остротами самихъ героевъ торжества и подхватываемые дружнымъ хохотомъ присутствующихъ.

Но... вдругъ, мрачный и серьезный, въ сюртукѣ на всѣ пуговицы, въ высокихъ бѣлыхъ воротничкахъ поднимается товарищъ меньшевикъ Преображенскій и выражаетъ свое крайнее удивленіе какъ могутъ эс—ры такъ веселиться. Ораторъ радуется ихъ веселью, но, къ сожалѣнію, не можетъ, не находитъ въ себѣ силы раздѣлить его... Да ему и некогда... Онъ прощается и уходитъ.

Слова его, какъ ледяной душъ, на минуту остужаютъ настроеніе, чтобы, затѣмъ стушеваться во впечатлѣніи послѣ горячей рѣчи Брушвита.

— „Замѣтили ли вы, товарищи“,—началъ Иванъ Михайловичъ, — „что эс-ры всегда узнаются по глазамъ.

У эс-ровъ дѣтскіе и глаза. И я любилъ эс-ровъ за то неизмѣнно-дѣтское, что всегда было есть въ нихъ, за умѣніе дѣтски непосредственно воспринимать дѣйствительность, это великое качество, которое, увы, часто теряютъ товарищи—меньшевики.

Я дорожу имъ, и, если сегодня это качество эс-ровъ сказалось въ умѣніи повеселить товарищей, то завтра оно скажется въ умѣніи подойти къ душѣ родного народа и его жизни.

И меня не испугалъ товарищъ Преображенскій—я сажусь и буду вѣрить въ себя, въ партію до конца дней моихъ и до конца краткаго вечера буду веселиться“.

Маленькое замѣшательство лишь на четверть часа смутило присутствующихъ. Желаніе дать отдыхъ и развлеченіе отъѣзжавшимъ пересилило, и вечеръ пошелъ оживленнымъ темпомъ, окрашеннымъ искреннимъ, беззавѣтнымъ весельемъ.

Невозможно забыть товарища Голубкова, рѣшившагося на вечерѣ проплясать русскую.

Его пляска—находка для художника, рѣшившаго написать балъ у сатаны. Вихревыя движенія тонкаго, гибкаго, какъ вѣтвь камыша, тѣла... Большіе сѣрые глаза подъ выпуклымъ лбомъ... Смѣсь чорта и змѣи въ этихъ извивахъ... и залихватской дроби. Эта картина привела въ веселое неистовство товарища Фортунатова...

Дѣйствительно, въ этой пляскѣ было что то необычайное, экстазное... Что-то отъ картины Гойя, рисунковъ Бердслея и скульптуры Жукова...

Товарищъ Смирновъ, нашъ уважаемый „голова", всегда душа каждой компаніи, въ красной рубахѣ, въ высокихъ сапогахъ, чудачилъ, если не „на всякій пожарный случай", то напропалую, и товарищи рабочіе благодушно острили: хорошо, что Управскій *Мартыновъ* не видитъ *своей головы* въ такомъ видѣ...

Калюжная, Славянова, Авдѣевъ пѣли, читали безъ конца... и даже, у самыхъ серьозныхъ, по манерѣ держаться, товарищей, какъ Дешевыхъ, Костюшко, играли веселыя улыбки на губахъ.

Громадные свѣтлые всегда по дѣтски изумленные глаза т. Яшина; добрая, какъ „бабушкина" улыбка, физіономія т. Карасева, бойкая энергія, разлитая, кажется, даже въ ногтяхъ тов. Петренко, мелькали свѣтлыми зайчиками въ комнатахъ стараго казеннаго учрежденія, согрѣтаго печами и дружескимъ настроеніемъ.

Разгладилось улыбкой какъ мѣлъ бѣлое, съ горящими черными глазами, съ большимъ обнаженнымъ черепомъ лицо товарища Потапова... Потаповъ—жалящая заноза большевитскаго сердца трубочнаго завода. На собраніяхъ сдержанный, когда молчитъ, онъ только поблескиваетъ зрачками, ежеминутно равно готовый къ нападенію и отпору и самой буйной вспыльчивости... Около него Дешевыхъ, высокій сильный колоссъ, какъ бы закованный въ кожу, начиная съ кепки, кончая высокими ботфортами, это нарочно созданная фигура для Конст. Менье, — скульптура, создавшаго цѣлыя поэмы изъ мрамора и камня во славу творческой жизни пролетарія, темами котораго гордится современная соціалистическая Бельгія, и котораго за талантъ превозноситъ вся Европа.

Всегда спокойный, серьозный, хорошій агитаторъ и ораторъ, Дешевыхъ тоже улыбается, прислушиваясь, какъ безъ единой улыбки тов. Алѣевъ разсказываетъ о своихъ поѣздкахъ агитатора по деревнямъ... „Въ селѣ рта разинуть не позволили, лошадей выбраться не даютъ, одинъ татаринъ сжалился, усадилъ меня, везетъ, а лошадь изо всей мочи кнутомъ бьетъ и приговариваетъ: вотъ тебѣ № 3, вотъ тебѣ номеръ третій!"

На эпизодъ заливается звонкимъ смѣхомъ т. Троицкая, страсто-терпѣливый секретарь Земли и Воли, всегда подвижная и оживленная, налаживающая игры... Мелькаетъ бѣлая кофточка ея старинной подруги — Е. А. Костюшко, всегда серьезной и дѣловито-спокойной, какъ и подобаетъ рулевому партіи. Она и И. И. Девятовъ, столпы политики и тактики всей партіи за 1917—1918 г.г. Между ногами шныряютъ маленькія эсерки—хохлушки 9 и 5-ти лѣтъ, Стеценко, очень „сознательныя" и бойкія партійныя работницы... на вечерахъ въ пользу партіи... Ихъ отецъ, товарищъ Стеценко насмѣшливо прислушивается къ налаживаемому въ сосѣдней комнатѣ хору... онъ малороссъ и по его мнѣнію, конечно, такъ какъ у него на родинѣ не заспіваты, не танцуваты... не съумѣютъ".

Виновники торжества переходили отъ одной группы къ другой, изъ одной комнаты въ другую, и невольно взоры всѣхъ приковывались то къ одному, то къ другому, вызывая невольный обмѣнъ впечатлѣній, будя въ нѣкоторыхъ желаніе представить себѣ ихъ, какъ личности почти историческія.

Въ этой книжкѣ будутъ оффиціальныя біографіи этихъ лицъ, мнѣ же хочется подѣлиться впечатлѣніями, которыя я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей выносили тогда отъ столкновеній съ ними.

Иванъ Михайловичъ Брушвитъ — высокій, чуть-чуть излишне плотный человѣкъ, лѣтъ 36 на видъ, съ густыми черными волосами, густыми бровями и характерными усами.

Сходство съ Петромъ Великимъ, какъ его обычно рисуютъ на картинахъ, въ особенности въ первые м-цы 1917 г., когда И. М. не былъ еще такъ измотанъ, — дѣлало эту импозантную фигуру памятной для всѣхъ, видѣвшихъ его хотя бы разъ.

Но мягкая улыбка и часто ласковые глаза смягчаютъ сходство съ суровымъ преобразователемъ Россіи. Вблизи около Брушвита теплѣе, чѣмъ вдали. Основной элементъ его натуры, секретъ его вліянія — его мысль, его интеллектъ. Умъ, умѣющій быстро схватить, привычный къ обобщеніямъ и логическимъ выводамъ; логика ясная, чуть-чуть сухая; изумительная память на факты и прочитанное; умственная дисциплинированность человѣка съ научнымъ багажемъ, ораторскій талантъ — все это качества какъ нельзя болѣе умѣстныя въ Брушвитѣ, особенно въ тѣхъ должностяхъ, которыя онъ занималъ во время революціи (Предсѣдатель К-та Народной Власти). Чувство во время рѣчей вспыхиваетъ періодами и не всегда И. М. говоритъ съ подъемомъ. Подъемъ иногда будто остывалъ въ немъ, зато неустанная мысль и разсудокъ дѣйствовали безостановочно. Широта мысли позволяла ему ладить съ идейными противниками, и ярые большевики отзывались о И. М. съ похвалой.

На многолюдныхъ собраніяхъ и митингахъ отъ его выступленій всегда оставалось впечатлѣніе силы, а мощная фигура и звучный голосъ въ любой моментъ собирали въ сосредоточенное молчаніе разрозненное и шумящее собраніе.

По собственному признанію И. М., онъ не любитъ искусства, и снисходительный скепсисъ проглядываетъ въ его отношеніи къ женщинѣ; ему чуждо все ирраціональное, ибо существо его натуры, поскольку оно доступно наблюденію, глубоко *раціонально.*

Изрѣдка и И. М. получалъ упреки въ непостоянствѣ занимаемыхъ позицій, сказывавшихся будто бы въ колебаніяхъ его тактики или нѣкоторыхъ положеній, отстаиваемыхъ въ тотъ или иной моментъ.

Я думаю это естественно для человѣка, ищущаго истины, всѣхъ примиряющей, важность чего, особенно на своихъ отвѣтственныхъ постахъ, онъ не разъ чувствовалъ острѣе, чѣмъ другіе, коимъ легче было быть послѣдовательными на своихъ безотвѣтственныхъ постахъ.

На вечеринкѣ И. М. былъ сдержанъ, спокойно разговаривая въ небольшихъ группахъ. Климушкинъ переходилъ и молча посмѣивался. Фортунатовъ былъ оживленнѣе всѣхъ, принимая къ общему удовольствію даже участіе въ незатѣйливыхъ общихъ играхъ.

Фортунатовъ общій любимецъ всѣхъ почти безъ исключенія.

Со сколькими людьми, своими и чужихъ партій, ни приходилось говорить, всегда слова «симпатичный", „располагающій" прежде всего срывались съ устъ при характеристикѣ Фортунатова.

Есть что-то мягкое и задушевное въ тонкомъ и чистомъ овалѣ его лица, въ голубизнѣ его открытыхъ глазъ, мягкой улыбкѣ, въ тонкой бѣлизнѣ лица и рукъ, въ нестройной худощавой фигурѣ съ узкими плечами... Большіе сапоги, съ богатыря, военнаго образца, часто торчащія тесемочки изъ подъ солдатской рубашки, всегда поношенныя солдатскія брюки—придавали дѣтски симпатичную неуклюжесть его фигурѣ.

Какъ ораторъ Фортунатовъ говоритъ или очень хорошо, или неважно. Кажется, что удачная мысль, яркая тема, какъ то сразу упала въ него, онъ говоритъ, прикрывая внезапное осѣненіе видомъ подготовленной рѣчи. Рѣчи его хороши тѣмъ, что всегда оргинальнѣе другихъ и произносятся голосомъ и тономъ, проникновенными, какъ ни у кого.

Ораторъ... работникъ... преданный членъ партіи.... но не въ этихъ качествахъ главная сила Фортунатова...

Его сила въ какой то внутренней симпатіи, вызываемой имъ къ себѣ и подчиняющей ему товарищей. Не въ логическихъ построеніяхъ его рѣчи, не въ словахъ и дѣятельности, а какъ то внутренне чувствуешь исходящее изъ него чувство преданности революціи, чуждое выгоды, разсчета, трусости, мѣщанства, эгоизма, чувство, прорѣзанное жертвеннымъ элементомъ...

Неугасаемая никогда готовность къ порыву, къ подвигу—способность, рѣдкая даже въ наше ультра-революціонное время,—чувствуется въ этомъ худощавомъ тѣлѣ и краснѣющемъ по дѣвичьи лицѣ. Эта способность тогда, въ глазахъ раціоналистически настроенныхъ товарищей, въ особенности меньшевиковъ, придавала въ ихъ глазахъ поступкамъ Фортунатова форму фантастической недѣловитости, а секретъ былъ въ томъ, что такихъ какъ Фортунатовъ въ нужное время оказывалось разъ, два и обчелся. Большинство страдало скорѣе жаждой безопасности, чѣмъ фанатической готовностью очертя голову идти въ борьбу, не жалѣя себя...

...Фортунатовъ очень увлекается химіей, любитъ природу, пѣніе, можетъ часами разсказывать о многоцвѣтной радугѣ и переливахъ на раковинахъ, найденныхъ имъ подъ Москвой...

Онъ любитъ парадоксы, и иногда въ борьбѣ съ политическими врагами любитъ ихъ ошеломить слишкомъ яркимъ и неожиданнымъ предложеніемъ и ужасно доволенъ, что „кажется сегодня перебольшевилъ самихъ большевиковъ“ или привелъ въ тупикъ самихъ анархистовъ... Но это въ случаяхъ, когда дѣло не слишкомъ серьезно.

У Климушкина въ партіи и обществѣ всегда было особое положеніе. Къ нему относились не съ одинаковой симпатіей, но всегда съ уваженіемъ. Можетъ быть потому, что П. Д. всегда былъ на чрезвычайно отвѣтственной позиціи и чувствовалъ на ней себя всегда спокойно и рѣшительно.

Климушкинъ человѣкъ средняго роста, съ хорошей стройной фигурой, мелкими и правильными чертами лица, освѣщеннаго парой острыхъ живыхъ глазъ, подъ темными рѣсницами на свѣжемъ розоватомъ лицѣ.

Климушкинъ прежде всего „мыслящій реалистъ“. Человѣкъ ума живого, бойкаго, исключительной энергіи; твердой и могущей быть жесткою, но не жестокою волей; аккуратный, послѣдовательный до упрямства, выдержанный до скрытности; послѣднее качество даетъ поводъ считать иногда П. Д. хитрымъ.

П. Д. дѣловитъ и глубоко чувствуетъ пословицу „дѣлу время, а потѣхѣ часъ“; у него изумительная работоспособность, жажда дѣятельности и, можетъ быть, никому такъ тяжело не достался періодъ партійнаго бездѣйствія, какъ ему.

П. Д. послѣдователенъ, но не узокъ; твердъ, но не фанатиченъ, что, вѣроятно, и рождало противъ него раздраженіе неумѣренныхъ поклонниковъ партійной дисциплины.

Это не революціонный мечтатель, а соціалистъ плотью и духомъ, съ опредѣленной потребностью претворять въ жизнь возможныя соціалистическія начинанія.

Какъ ораторъ, онъ рѣдко зажигаетъ, но всегда интересенъ, никогда ни на минуту не утомляетъ вашего вниманія, всегда дѣловитъ, выразителенъ, не многословенъ и простъ.

Эти качества достаточно ясно объясняютъ его вліяніе среди крестьянства и его роль на крестьянскихъ съѣздахъ, гдѣ толпа голосовала какъ одинъ, слѣдуя за нимъ.

Это человѣкъ, рожденный быть демократическимъ министромъ; чуть чуть—демагогъ. И понятно, почему крестьянство Самарск. губ. видѣло въ немъ дѣлового Моисея въ пустыняхъ аграрнаго хаоса, не побоявшагося вести мужиковъ къ соціализаціи земли среди филистимлянъ 20-го вѣка.

Онъ изъ тѣхъ, что творятъ новую жизнь...

Брушвитъ любитъ говорить о томъ, что такъ или иначе имѣетъ предпосылки установленныя. Съ Фортунатовымъ, можно строить гипотезы входить въ чуждые ему міры, его разносторонность можетъ заставить отклониться въ сторону... Для Климушкина на первомъ планѣ—фактъ, реально-существующее или возможное къ осуществленію...

Климушкинъ лучше всѣхъ слушаетъ собесѣдника.

Разные они и въ мелкихъ привычкахъ повседневности.

Фортунатовъ никогда во время не поѣстъ, не попьетъ, спать можетъ мѣсяцами на полу, каждую ночь въ разныхъ мѣстахъ и не любитъ въ разгаръ революціонной дѣятельности примитивнаго комфорта... одѣтъ всегда небрежно...

Брушвитъ и Климушкинъ, наоборотъ, особенно послѣдній,—у Прокоп. Діом. всегда вычищены сапоги, аккуратенъ костюмъ, своя прибранная комната и опредѣленный часъ обѣда.

Таковы общія впечатлѣнія, оставшіеся у нѣкоторыхъ изъ насъ къ зимѣ 1918 года отъ нашихъ товарищей, которымъ каждымъ мы гордились отъ всего сердца.

За чаемъ подъ смѣхъ и аплодисменты товарищей одна изъ присутствующихъ эс—рокъ прочла тутъ же за столомъ ею написанные экспромты отъѣзжающимъ товарищамъ. Вотъ они:

Экспромтъ Фортунатову.

Какъ въ мая вешній день лучистый,
У полянки ландышей росистыхъ
Отнять тепло и гамму ароматовъ,
Такъ твой отъѣздъ изъ партіи эс—ровъ, Фортунатовъ.

И. М. Брушвиту.

Что астрономъ безъ телескопа,
Безъ глазъ своихъ стеклянныхъ и чудесныхъ,

Въ которыхъ широко ему открыты
Пути свѣтилъ таинственно беззвѣстныхъ,
Такъ Комитетъ Народной Власти,
Средь большевитскаго тумана
Безъ Брушвита Ивана.

П. Д. Климушкину.

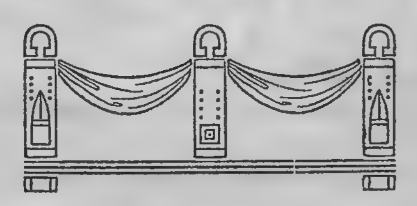
Отними у мельницы вѣтрянки,
Хлопотуньи дѣловитой, быстрой и лукавой
Ея крылья вольныя живыя,
Этимъ остановишь жита золотого
Бѣгъ проворный въ жерновахъ,
Это то же, что не слышать Климушкина
Въ нашихъ деревняхъ.

Шумная, звонкая вечеринка близилась къ концу.

Собравшіеся усадили въ кресла трехъ героевъ дня, земно имъ поклонились и пропѣли хоромъ въ честь ихъ революціонныя боевыя пѣсни. „Учредители" встали и каждый сказалъ по нѣсколько словъ. Дольше всего говорилъ Брушвитъ объ идеѣ Учредительнаго Собранія, Фортунатовъ взялъ слово съ товарищей, что когда надо будетъ, они выступятъ съ оружіемъ въ рукахъ, Климушкинъ просилъ отбросить сомнѣнія: они будутъ отстаивать дѣло Учредительнаго Собранія, и въ случаѣ надобности, отдадутъ жизнь за него...

Въ темнотѣ глубокой осенней ночи мы разсыпались по улицамъ и долго еще восклицанія и прощальные привѣты товарищей напѣвно звучали вслѣдъ отъѣзжающимъ... Къ концу вечера на душѣ становилось все тревожнѣй... Стучалось ли предчувствіе въ сердце, дрожали ли переутомленные нервы, но когда затихли послѣдніе голоса гостей, стало больно нестерпимо...

З. Славянова.

Б. Краснослободскій.

ПУЛЕМЕТЪ

(Юморескъ).

У доктора Козловскаго за послѣднее время шли обыскъ за обыскомъ.

Въ первый разъ искали револьверъ. Его не нашли и ушли ни съ чѣмъ.

Второй разъ искали складъ муки.

Муку нашли, но не взяли, потому что она оказалась не на складѣ, а уложенной въ тѣсто.

Въ третій разъ искали ротаторъ, который докторъ будто бы взялъ себѣ изъ городской управы, гдѣ былъ гласнымъ, но откуда принужденъ былъ уйти, такъ какъ весь составъ городской думы былъ разогнанъ.

Что ротаторъ былъ взятъ кѣмъ-то изъ прежняго состава думы,—это было ясно. Ясно уже потому, что на немъ именно было отпечатано послѣднее горячее воззваніе къ гражданамъ города о поддержкѣ и защитѣ Народныхъ избранниковъ.

Ротаторъ искали долго, усердно, но несмотря на то, что его искали даже тамъ, гдѣ онъ ни въ коемъ случаѣ и быть бы не могъ, его не нашли и ушли и на этотъ разъ ни съ чѣмъ.

Отъ частыхъ обысковъ у доктора сначала адски болѣла голова, немного даже разлилась и желчь, но вскорѣ, впрочемъ, онъ успокоился и сталъ ждать обысковъ, точно также, какъ ждалъ назойливыхъ, непріятныхъ, но неизбѣжныхъ паціентовъ, отъ которыхъ ни одинъ врачъ никогда не застрахованъ.

Лишь домашніе не могли никакъ успокоиться и каждый день возвращались въ своихъ разговорахъ къ обыскамъ. Попутно говорили о другихъ обыскахъ. О томъ, что ищутъ и берутъ золото и драгоцѣнности.

— Ну ужъ я не дамъ. Не дамъ ни ложекъ, ни ножей, ни вилокъ, говорила старуха—мать доктора...

— Какъ же не дадите, когда они съ револьверами? отзывалась жена доктора.

— Не дамъ, да и все тутъ! Чтобы я отдала свое фамильное? свое приданое? Да никогда!...

— Отдадите и фамильное... Они васъ и не спросятъ даже.

— Пусть берутъ тогда и меня! возмущалась старуха...

— Ой, мамаша! Бросьте наивности. Васъ они не возьмутъ, а ложки ваши съ удовольствiемъ...

— А я пойду за ними. Пускай и меня берутъ. Пускай кормятъ, поятъ... Я не уйду, пока не возвратятъ мнѣ моего...

— Вы голодовку объявите! посовѣтовалъ ей внучекъ.

— Я не голодовку, а жратвовку объявлю... Буду ѣсть столько, что ни одинъ продовольственный комитетъ ихъ не выдержитъ.

— Ха, ха, ха! Ну съѣсть ихъ все равно не съѣдите, бабушка...

— Они Вамъ и кофе дадутъ изъ вашей же кофейницы-мельницы смолотое, вставила докторша.

— Ну ужъ нѣтъ, покорно благодарю, я имъ кофейницу не отдамъ, хотя она и мѣдная.

— Возьмутъ, бабушка, возьмутъ! подзадоривалъ внучекъ.

— Не дамъ.

— Они не спросятъ васъ—вставила фразу жена доктора.

— А я вамъ сказала—не дамъ. И не дамъ...

— Ну васъ не переспоришь! отозвалась докторша и взялась за газету.

Внучекъ тоже замолчалъ и погрузился въ чтенiе книги. Разговоры ежедневно объ одномъ и томъ же надоѣдали скоро, но ни одного дня не проходило безъ того, чтобы не поговорили о противныхъ обыскахъ.

Бабушка тоже угомонилась и занялась своимъ вязанiемъ чулка. Но вязала она не очень долго... Мысль, что могутъ взять ея кофейницу-мельницу, которую она недавно прiобрѣла по случаю въ одномъ купеческомъ домѣ, не давала ей покою... Отложивъ въ сторону надвязанный чулокъ, она подошла къ буфету и взявъ кофейницу оттуда, вышла съ нею изъ столовой...

Докторша съ сыномъ переглянулись...

Послѣднiй даже съострилъ...

— Бабушка свою мельницу хоронить пошла...

Черезъ пять минутъ старуха снова пришла и сгорбившись, усѣлась на стулъ за вязанiе чулка...

Ея приходъ былъ встрѣченъ молча. Лишь мать съ сыномъ переглянулись и снова погрузились въ чтенiе.

Но старухѣ не сидѣлось и не работалось молча, и она ворчала. Очевидно потому, что руки ея плохо работали, не столько отъ старости, сколько отъ нервозности послѣднихъ дней.

— Ухъ, изверги! Руки то ходуномъ ходятъ, трясутся, словно куръ воровали.

Внукъ оторвался отъ книги и молча, вставъ, пошелъ къ себѣ въ комнату.

Докторша погрузилась въ чтеніе.

А старуха не унималась и ворчала.

— Свое добро прятала, а трясутся... Тьфу ты! сплюнула старуха въ сторону. Словно чужое украла...

Вдругъ послышался пронзительный звонокъ, такой нервный и рѣшительный...

Старуха вздрогнула и вопросительно уставилась на жену доктора.

А Елена Михайловна, бросивъ газету, подбѣжала къ окну и съ ужасомъ, увидѣвъ опять нарядъ вооруженныхъ людей, проговорила:

— Ну, опять съ обыскомъ.

Она не ошиблась. Когда отперли на звонокъ парадное, то вошли шесть человѣкъ вооруженныхъ, которые, предъявивъ мандатъ на производство обыска, пошли рыться по всей квартирѣ.

Сначала перерыли комнату доктора, весь письменный столъ, велѣли процѣдить даже ведро въ мраморномъ умывальникѣ съ грязной водой, перешли въ пріемную и тутъ перевернули все верхъ дномъ.

Въ залѣ искали тоже усердно. А затѣмъ пошли по комнатамъ.

Все шло благополучно.

Обыскъ обѣщалъ быть безрезультатнымъ и на этотъ разъ.

Оставалась одна послѣдняя комната, въ самомъ углу квартиры, гдѣ помѣщалась старушка-мать доктора.

Когда вошли въ ея комнату, старуха браво стояла въ сторонѣ отъ койки, возбужденная и нервная. Глазъ правый ея прыгалъ противъ всякаго обыкновенія такъ часто, что старуха то и дѣло прикрывала его носовымъ платкомъ.

Старшій въ нарядѣ... безусый мальчишка, войдя въ комнату, освѣдомился у оставшейся въ комнатѣ старухи.

— Это ваша комната?...

— Да!... отозвалась старуха....

— Поднять одѣяло и посмотрѣть подъ койку....

Старуха видимо не ожидала такого оборота дѣла и кинулась было сама къ койкѣ....

Но ее остановили....

Когда небрежно сорвали одѣяло, подъ койкой оказалась мѣдная мельница-кофейница....

Это что? спросилъ старшій.

Два красноармейца не рѣшались дотронуться до страшнаго и таинственнаго орудія и застыли въ ожиданіи.

Но недоразумѣніе скоро разрѣшилось.

Не отвѣчая на вопросъ, старуха кинулась къ кофейницѣ, нервно взяла ее въ руки и заводя рукой, скомандовала:

— А это американскій пулеметъ, вотъ возьму и перестрѣляю васъ.

И она снова затрещала ручкой кофейницы.

Юные красноармейцы не ожидали такого серьзнаго сопротивленія и не долго думая, пустились на утекъ. Они бѣжали черезъ весь ломаный корридоръ, слѣдомъ за ними бѣжалъ и старшій, крича повелительно:

— Товарищи!... погодите!....

Но товарищи не годили.... Кто-то куда—то выстрѣлилъ.

Бѣдная старуха съ разинутымъ ртомъ стояла, держа въ рукахъ кофейницу-мельницу и автоматически продолжала трещать своей кофейницей.

Черезъ нѣсколько минутъ квартира доктора опустѣла. Убѣжали красноармейцы. И послѣ маленькой сцены ушли и докторша и сынъ ея. Разбѣжалась вся прислуга изъ дома, оставивъ во всей квартирѣ обезумѣвшую старуху и самого доктора, который рѣшилъ теперь ко всему быть готовымъ.

Онъ очень боялся и былъ увѣренъ, что съ минуты на минуту придетъ цѣлый отрядъ вооруженныхъ людей, озлобленныхъ до послѣдней степени и, кто знаетъ, быть можетъ, даже пріѣдутъ съ пулеметами и легкими артиллерійскими орудіями для того, чтобы взять приступомъ квартиру мирнаго гражданина.

Рѣшено было капитулировать. Пулеметъ бабушкинъ выдать безъ всякаго сопротивленія.... А старуху объявить сумасшедшей.

Докторъ не ошибся. Черезъ часъ послышался шипящій звукъ грузового автомобиля, который остановился у подъѣзда докторскаго дома.

Звонокъ былъ безпрерывный до тѣхъ поръ, пока не отперъ самъ докторъ и не вошли всѣ вооруженные люди.

Среди юныхъ красно-армейцевъ, которые были раньше, теперь были въ черныхъ кожаныхъ тужуркахъ пять вооруженныхъ длинными маузерами вполнѣ взрослыхъ и видимо очень серьезныхъ людей.

Въ дверяхъ прихожей всѣхъ вошедшихъ встрѣтила старуха съ кофейницей въ рукахъ.

Она покорно держала ее, какъ держатъ хлѣбъ-соль, когда встрѣчаютъ дорогихъ гостей.

Наступило минутное молчаніе.

— Это та самая? зычно спросилъ одинъ изъ пришедшихъ, видимо старшій въ нарядѣ.

— Да! тихо отозвался чей то голосъ въ толпѣ.

— А пулеметъ гдѣ?

Наступило снова молчаніе.

Докторъ первый рѣшилъ нарушить это убійственное молчаніе, которому, казалось, не было конца и когда, наконецъ, тотъ же голосъ, еще зычнѣе и грубѣе переспросилъ.

— Пулеметъ гдѣ, спрашиваю!

Докторъ рѣшился и отвѣтилъ.

— Пулемета нѣтъ и не было.

— Прошу не запираться...

— Это былъ не пулеметъ, а кофейница—мельница, которая въ рукахъ у старухи.

Старушка еще ближе подошла со своей кофейницей и тоже забормотала.

— Да! Это была кофейница—мельница!

— Ничего не понимаю! Хоть убей, не понимаю! сознался старшій. Товарищъ Пузиковъ!... Гдѣ вы!... Куда спрятались!... Идите сюда...

Изъ толпы выдѣлился невысокій человѣкъ и понуря голову тихо спросилъ.

— Что прикажете?

— Пулеметъ гдѣ, спрашиваю?

— Не знаю. Тотъ былъ съ трескомъ и прочіемъ.

Старуха, не дожидаясь разрѣшенія, завела снова ручку у кофейницы.

Получился снова трескъ, на который Пузиковъ отозвался не сразу и нерѣшительно.

— Такъ я васъ спрашиваю — тотъ пулеметъ, что вы напугались?

— Не могу знать. Ровно и тотъ и не тотъ.

— Болванъ! не удержался старшій. Какъ не стыдно вамъ? А еще красноармеецъ...

Пузиковъ ничего не отвѣтилъ на кровную обиду, и лишь краска въ лицо бросилась сильнѣе и сдѣлало его истиннымъ красноармейцемъ.

— Взять кофейницу въ качествѣ вещественнаго доказательства, а товарища Пузикова предать суду Революціоннаго Трибунала, распорядился начальникъ.

Докторъ вздохнулъ спокойно... Но не надолго.

— А старуха сумасшедшая? спросилъ у него все тотъ же повелительный и рѣшительный голосъ.

— Да, ненормальная,... больная, нервная.

— Я спрашиваю васъ—сумасшедшая она или нѣтъ?

— Не совсѣмъ сумасшедшая, но немного есть.

Взять и ее для выясненія дѣла.

Зашевелились люди... Подошли сначала къ старухѣ и приняли отъ нея кофейницу-мельницу, а затѣмъ попросили и ее одѣваться.

Никакіе протесты ни доктора, ни самой старухи не имѣли ровно никакого успѣха...

Старуху насильно одѣли и забрали съ собой...

А въ квартирѣ оставили одного доктора...

А черезъ полчаса ему отвѣтили по телефону:

Вашу мать отправили въ Томашевъ Колокъ.

Б. Краснослободскій.

Пѣсня свободы.

Пѣсня свободы родилась давно...
Стоны и муки ее воспитали:
Въ мракѣ и холодѣ тюремъ держали
Первой свободы зерно.

Коршуны хищные съ злымъ вороньемъ
Первые всходы его сторожили;
Кровью замученныхъ всходы полили...
Крови—горячимъ дождемъ...

Пѣсня свободы росла, какъ потокъ.
Вешнія воды въ потокахъ шумѣли.
Пѣсня росла, и сердца пламенѣли:
И загорался востокъ.

Солнце ударило въ яркихъ лучахъ...
Пѣснь въ торжествующій гимнъ претворилась,
Съ пѣснью побѣдной свобода родилась
На безграничныхъ поляхъ.

Тучи нависли опять надъ страной:
Свѣтъ еще борется съ тьмой непогоды.
Громче-жъ несется пусть пѣсня свободы!
Утро уже надъ землей...

В. Вронскій.

ЖУРАВЛИ.

Журки, журки! Куда вы летите такъ долго и прямо?
Курлы—курлы, летимъ мы на сѣверъ, на сѣверъ.
Журки, журки! Вернитесь—тамъ кровь, тамъ безумье, тамъ залпы...
Курлы—курлы... Летимъ мы высоко, высоко.
Журки, журки! Откуда вы? Съ юга! Такъ что-жъ тамъ, на югѣ?
Курлы, курлы... Тамъ то-же, тамъ то-же!

ПОѢЗДЪ.

Камнями стиснуты, съ колючими вѣтвями,
Желѣзнымъ обручемъ охвачены въ стволахъ,
Деревья жалкія прозрачными тѣнями
Стоятъ заиндевѣвъ, какъ въ траурныхъ чехлахъ.
Почетной стражею они сегодня были.
Съ туманной площади, подъ звяканье подковъ,
Угрюмо, медленно, скрипя по снѣгу, плыли
Ряды гробовъ—саней съ клубками мертвецовъ.
Подъ грохотъ выстрѣловъ, межъ пасмурныхъ строеній,
При тусклыхъ отсвѣтахъ пожарныхъ языковъ,
Какъ бредящаго стонъ, какъ цѣпь нѣмыхъ мученій,
Плылъ поѣздъ безъ конца, плылъ поѣздъ мертвецовъ.

СОБОРЪ.

Смутно-бѣлымъ привидѣньемъ
Всталъ надъ крышами соборъ,
Очарованный радѣньемъ
Буйныхъ звѣздъ и мрачныхъ горъ.
Ковшъ алмазный, семизвѣздный
Наклонился зачерпнуть
Изъ житейской темной бездны
Выплывающую муть.

Зачерпни Звѣзды полярной,
Дай на ней заворожить
Жизни бѣдной и кошмарной
Ускользающую нить.
Дай изжить въ огнѣ страданій,
Предъ лицомъ извѣчныхъ горъ
Человѣческихъ мечтаній
Окровавленный позоръ!

Безпричетный и беззвонный,
Помолись, соборъ пустой,
О странѣ своей казненной
Молчаливой литіей!

Впечатлѣнія конца 1917 г.

Лев. Зиловъ.

Кооперація Самарской губерніи за годъ революціи.

Общая характеристика.

I.

Кооперація и революція.

Мирный процессъ хозяйственнаго и организаціоннаго строительства, съ одной стороны, и катастрофическая ломка устарѣвшихъ формъ политической и соціальной жизни, съ другой; сознательное и планомѣрное общественное дѣйствіе, въ одномъ случаѣ, и бурные порывы стихійныхъ народныхъ настроеній, въ другомъ.

Казалось бы, что общаго между этими двумя явленіями, между этими столь разнородными процессами общественной жизни. Наоборотъ, принято даже противопоставлять каждое изъ нихъ другому. Однако, примѣръ Россіи говорить о противоположномъ, ибо судьбы кооперацiи и революціи въ Россіи взаимно переплетены, кооперативное и революціонное движеніе связаны между собой тѣснѣйшею связью.

Это подтверждается, при самомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію русской общественности за послѣдніе два десятка лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ—какъ развилось у насъ кооперативное движеніе? Считаютъ, что это движеніе началось съ 1865 го года, когда возникли первыя русскія потребительскія общества и кредитныя товарищества. Но гораздо правильнѣе было бы взять за начало движенія 1905-ый годъ, годъ первой русской революціи. Годъ этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе для русской кооперацiи. И въ дореволюціонное время въ Россіи возникали и существовали кооперативы и находили своихъ приверженцевъ кооперативныя идеи. Но это были первые слабые ростки кооперацiи.

Кооперативное движеніе пріобрѣтаетъ размахъ и силу, захватываетъ и заинтересовываетъ широкія народныя массы, становится народнымъ движеніемъ, только въ тотъ періодъ русской исторіи, который слѣдуетъ за 1905-мъ годомъ. Первая русская революція проложила дорогу и создала почву для успѣховъ кооперацiи.

Кооперація это—самопомощь: люди постигаютъ свое угнетенное положеніе, объединяются противъ своихъ притѣснителей и собственными силами удовлетворяютъ свои нужды, и отстаиваютъ свои хозяйственные интересы. Поэтому кооперація можетъ развиваться только тамъ, гдѣ народъ созналъ свои интересы и готовъ къ объединенію и сплоченію на защиту этихъ интересовъ.

Русскій народъ долгіе вѣка пребывалъ въ спячкѣ. Его жали цари, чиновники, помѣщики, капиталисты, но онъ все терпѣлъ и не отзывался. Событія 1905-го года всколыхнули народныя массы и заставили ихъ многое передумать и перечувствовать. Впервые тогда на сцену русской исторіи выступили массы и заявили о своихъ правахъ и чаяніяхъ, о своемъ правѣ на лучшую жизнь, на «землю и волю».

Движеніе 1905 года было разбито, народныя надежды обмануты. Народъ вслѣдъ за этимъ притихъ, притаился и ушелъ въ себя. Глядя со стороны, могло казаться, что революціонное движеніе не оставило за собой никакихъ слѣдовъ. Однако, это было не такъ.

Бурная встряска революціи слишкомъ отразилась на сознаніи народа. Народная энергія, однажды пробужденная, не могла пропасть втуне. Она нашла для себя только иной исходъ и другіе способы проявленія.

У многихъ пропала вѣра въ великіе идеалы революціи, но все же остался интересъ къ общественности и организаціи, пріобрѣтенный за время революціи. И этотъ интересъ перенесенъ былъ на кооперацію.

Въ черные годы реакціи кооперація стала центромъ и убѣжищемъ для всѣхъ живыхъ силъ демократіи. Въ кооперативную работу ушли съ головой многіе изъ тѣхъ, кто въ 1905 году былъ занятъ одной политикой. Кооперативное движеніе стало рости съ необычайной силой. О степени этого роста можно судить, хотя бы по слѣдующимъ цифрамъ:

до 1906-го года было открыто въ Россіи 1807 потребительскихъ обществъ; въ серединѣ 1916-го года ихъ насчитывалось уже около 20.000.

Кредитныхъ кооперативовъ было въ 1904-омъ году—1400, а въ 1915-мъ—15.000, почти въ 11 разъ больше.

Такъ выросла кооперація за эти 10—11 лѣтъ!

И этимъ мы обязаны, въ огромной мѣрѣ, первой русской революціи, вызвавшей къ жизни самодѣятельныя народныя силы.

Революція оказала огромное вліяніе на развитіе русскаго кооперативнаго движенія, но зато и революція весьма многимъ обязана кооперацiи.

Кооперація оказалась одной изъ тѣхъ силъ, которыя въ теченіе десяти лѣтъ подтачивали существованіе стараго режима и, въ концѣ—концовъ, его подточили; она сыграла большую политическую и революціонную роль. И не безъ основанія самодержавіе относилось съ враждебностью къ кооперативному движенію.

Вспомнимъ, сколько гоненій пришлось перенести кооперацiи и кооператорамъ въ Россіи. Русская кооперація знаетъ своихъ мучениковъ и насчитываетъ не мало жертвъ чиновничьяго произвола. Кооперація—въ особенности, потребительская—была взята подъ мелочную полицейскую опеку. На каждомъ шагу ея дѣятельности ставились препоны. Кооператорамъ памятны тѣ неимовѣрныя затрудненія, на которыя имъ приходилось натыкаться при старомъ режимѣ. (Объ этомъ подробнѣе—ниже). Даже слово

„кооперативъ“ въ иныхъ мѣстахъ было подъ запретомъ. (Въ городѣ Винница, Подольской губерніи, полиція потребовала, чтобы сняли вывѣску, на которой имѣлось слово „кооперативъ»).

Воздвигая всѣ эти гоненія противъ кооперацiи, самодержавіе было по-своему право. Оно чуяло, что въ лицѣ кооперацiи выраститъ новая внушительная сила, которая можетъ для него оказаться опасной.

Дѣйствительно, кооперація стала однимъ изъ могильщиковъ стараго режима.

И вотъ почему: царскій режимъ держался темнотою массъ и ихъ неорганизованностью. Когда массы стали размышлять о своемъ положеніи и стали искать средства къ улучшенію своего положенія путемъ объединенія и организаціи — этотъ режимъ далъ первую трещину. Кооперація явилась тѣмъ поприщемъ на которомъ впервые народныя массы могли сплотиться для организованной защиты своихъ интересовъ. Кооперація оказалась школой, въ которой народъ, не жившій до тѣхъ поръ широкой общественной жизнью получалъ великолѣпную общественную выучку.

Кооперація была далека отъ политики, она занималась только своимъ мирнымъ хозяйственнымъ дѣломъ. Но на примѣрѣ кооперативовъ народъ убѣждался въ выгодахъ единенія и организаціи. И отъ экономики дѣлался тогда выводъ примѣнительно и къ политикѣ. Являлась мысль о необходимости и возможности общественно-организованной борьбы за политическія права народа, являлся интересъ къ политическимъ вопросамъ. Такимъ образомъ кооперація содѣйствовала политическому воспитанію массъ и подготовляла ихъ къ революціоннымъ событіямъ минувшаго года.

Кооперація, кромѣ того, дала февральской революціи дѣятелей и вождей. Во главѣ комитетовъ, продовольственныхъ и другихъ общественныхъ организацій, возникшихъ послѣ революціи, стали во многихъ мѣстахъ кооператоры: кооператоры — Зельгеймъ, Коробовъ, Прокоповичъ и другіе были призваны къ власти въ первыя революціонныя министерства.

Такова роль коопераціи въ подготовкѣ февральской революціи 1917 года. Такова связь кооперативнаго и революціоннаго движенія въ Россіи — связь причины и слѣдствія.

Даже и этотъ бѣглый и поверхностный очеркъ исторіи послѣднихъ десятилѣтій, какой былъ данъ въ предыдущихъ строкахъ и онъ, какъ видитъ читатель, даетъ намъ основаніе утверждать, что между революціоннымъ и кооперативнымъ движеніемъ существуетъ тѣснѣйшая зависимость.

Но если это такъ, то для даннаго сборника, который ставитъ себѣ цѣлью возможно болѣе полное освѣщеніе перипетій революціоннаго движенія въ Самарской губерніи и той обстановки, которая была создана здѣсь революціей въ различныхъ отрасляхъ общественной и культурной жизни, пріобрѣтаетъ особый интересъ вопросъ о томъ, какое воздѣйствіе оказала революція 1917-го года на кооперацію нашей губерніи, какъ измѣнилось у насъ

положеніе кооперации за годъ революціи. Какое вліяніе въ этомъ отношеніе оказала революція? И наоборотъ: что сдѣлала мѣстная кооперація для блага революціи?

На всѣ эти вопросы возможно отвѣтить только на основаніи подробнаго анализа соотвѣтственнаго статистическаго и архивнаго матеріала. Такой анализъ, по разработкѣ матеріала, будетъ произведенъ во 2 омъ томѣ даннаго сборника. Пока же, не вдаваясь въ подробное изложеніе и разборъ событій и цифръ, мы поставимъ изслѣдованіе интересующаго насъ вопроса въ другую плоскость.

Надо обратить вниманіе на слѣдующее: то, что мы переживали въ Самарской губерніи, является отзвукомъ великаго потрясенія, которое испытала вся Россія, отъ края до края. Революціонное движеніе, мѣняя свою форму въ различныхъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, въ основѣ своей сохраняло однѣ и тѣ же черты, одно и то же седержаніе. Кооперативное движеніе также оставалось, въ сущности, однимъ и тѣмъ же повсюду, не взирая на ту своеобразную окраску, которую оно кое-гдѣ пріобрѣтало. Слишкомъ трудно —почти невозможно—въ томъ, что мы пережили, отдѣлить явленія, которыя были бы присущи одной Самарской губерніи отъ событій и фактовъ всероссійскаго характера и значенія.

Поэтому описаніе и изученіе обстоятельствъ чисто мѣстнаго характера насъ приводитъ къ вопросу о тѣхъ общихъ условіяхъ, среди которыхъ протекало и развивалось всероссійское кооперативное движеніе. Если насъ интересуетъ вопросъ о томъ, что дѣлалось съ мѣстной коопераціей за послѣдній годъ, то мы поневолѣ приходимъ къ вопросу о тѣхъ перемѣнахъ и вліяніяхъ, которыя испытала за это время кооперація всей Россіи.

Наше изложеніе будетъ такъ и построено: на первыхъ порахъ (въ первомъ томѣ даннаго сборника) мы не станемъ углубляться въ детали исторіи Самарской коопераціи, но остановимся больше на томъ, что затрагивая Самарскую кооперацію, является характернымъ для революціоннаго періода исторіи *всей* русской коопераціи.

II.

Останавливаясь на исторіи русской коопераціи за революціонный годъ мы замѣчаемъ прежде всего одну ея черту: это—необыкновенный ростъ коопераціи за этотъ срокъ. Такого сильнаго и быстраго подъема волны кооперативнаго движенія не знаетъ ни одна страна. Это нѣчто неслыханное въ міровой исторіи движенія. Русская кооперація, какъ мы видѣли выше, сильно росла въ теченіе всего промежутка между 1905-мъ и 1917-мъ годомъ. Но 1917-й годъ побилъ рекордъ. Успѣхи движенія за этотъ годъ стали измѣряться цифрами чуть ли не астрономическихъ размѣровъ: десятки тысячъ кооперативовъ, милліоны членовъ въ нихъ, сотни милліоновъ и милліарды оборотовъ.

Цѣлый рядъ причинъ содѣйствовалъ такимъ успѣхамъ. Но одной изъ главныхъ является та перемѣна въ положеніи кооперацін, которую произвела революція.

Революція дала Россіи свободу. Она же дала свободу и кооперацін.

При старомъ режимѣ кооперація была обставлена со всѣхъ сторонъ рогатками всякаго рода. Уже выше мы упоминали о тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ самодержавіе подвергало кооперацію. Ясно, что при этихъ стѣсненіяхъ широкое массовое движеніе, каковымъ, по существу, является движеніе кооперативное, не могло разлиться до своихъ естественныхъ границъ.

Кооперація нуждается въ опредѣленной правовой обстановкѣ и правовыхъ гарантіяхъ. Тщетно добивалась этихъ гарантій русская кооперація при старомъ режимѣ. Она ихъ тогда не получила. Зато революціонное временное правительство на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности поспѣшило съ изданіемъ трехъ законодательныхъ актовъ, коими кооперацін были предоставлены обширнѣйшія права и привиллегіи.

Важнѣйшимъ изъ нихъ является „Положеніе о кооперативныхъ товариществахъ и ихъ союзахъ“. Это воистину „Хартія вольностей“ русской кооперацін.

Объ этомъ законѣ давно уже мечтали русскіе кооператоры. Проэктъ его обсуждался на трехъ послѣдовательныхъ всероссійскихъ кооперативныхъ съѣздахъ (Кіевскомъ, Петроградскомъ и Московскомъ) и разрабатывался въ спеціальныхъ совѣщаніяхъ кооператоровъ. Въ 1916 году была сдѣлана попытка провести этотъ проэктъ черезъ тогдашнія законодательныя инстанціи, но въ Государственномъ Совѣтѣ онъ застрялъ и подвергся такихъ искаженіямъ, что инициаторы этого предпріятія готовы были уже совсѣмъ отказаться отъ него. Но тутъ подоспѣла февральская революція и 20 марта 1917 года законопроэктъ въ первоначальномъ своемъ неизмѣненномъ видѣ былъ утвержденъ временнымъ правительствомъ. Такимъ образомъ, законъ этотъ какъ бы вышелъ изъ самыхъ нѣдръ кооперацін будучи созданъ собственными ея силами и инициативой. Понятно, что при такимъ условіяхъ своего происхожденія законъ этотъ имѣлъ благодѣтельнѣйшее значеніе для кооперацін. Онъ отвѣтилъ на давно назрѣвшія ея нужды, ею же самой осознанныя. Вліяніе его сказалось сейчасъ же.

Прежде всего имѣло большое значеніе то обстоятельство, что новый законъ до чрезвычайности облегчилъ и упростилъ способъ открытія кооперативовъ. При старомъ режимѣ приходилось испытывать въ этомъ отношеніи огромныя затрудненія. Тогда дѣйствовалъ, такъ называемый, „разрѣшительный“ порядокъ открытія, явно разсчитанный на то, чтобы сократить число вновь открывающихся кооперативныхъ организацій до минимума.

Кооперативы могли учреждаться только съ разрѣшенія губернской и центральной административной власти. Процедура разрѣшенія обставлялась

сложными канцелярскими формальностями и волокитой. При выдачѣ разрѣшеній власти руководились соображеніями о „политической благонадежности" учредителей или же просто собственнымъ благоусмотрѣніемъ. Люди подозрительные въ отношеніи „благонадежности", иначе говоря, наиболѣе сознательный и активный элементъ населенія систематически отстранялся отъ кооперативной дѣятельности. Усмотрѣніе начальства заходило такъ далеко, что сплошь и рядомъ отказы на ходатайства объ открытіи кооперативовъ сопровождались такого рода мотивировкой: „признано несвоевременнымъ", "признано нецѣлесообразнымъ" и т. д. Такимъ образомъ, возникновеніе кооперативовъ зависѣло отъ произвола администраціи. Царская бюрократія опасалась всякаго организованнаго „скопленія" гражданъ, даже съ самыми мирными цѣлями, а такъ какъ кооперація издавна была взята подъ подозрѣніе, то можно себѣ представить, какіе отъ этого могли получиться результаты. Сколько живой общественной и кооперативной иниціативы и активности терялось безслѣдно при столкновеніи съ тѣми многочисленными препятствіями, которыя воздвигалъ старый режимъ!

Новый законъ ввелъ, такъ называемый, „явочный" порядокъ. При немъ разрѣшенія на открытіе кооперативовъ не требуется. Граждане, желающіе объединиться въ кооперативъ, должны только заявить объ этомъ судебнымъ властямъ, и если уставъ ихъ организаціи не противорѣчитъ требованіямъ закона, то, по истеченіи опредѣленнаго срока, имъ предоставляется открыть дѣйствія своего кооператива. Такимъ образомъ, процедура открытія кооперативовъ чрезвычайно упрощается. Какое это имѣло великое значеніе, видно потому, что вслѣдъ за изданіемъ закона, въ ближайшіе же мѣсяцы, число кооперативовъ стало рѣзко увеличиваться.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1917 года Самарскій губернскій продовольственный комитетъ произвелъ черезъ посредство волостныхъ продовольственныхъ комитетовъ анкету о кооперативахъ. Анкета эта очень удалась и показала слѣдующее: потребительныхъ кооперативовъ оказалось въ то время въ губерніи 680, кредитныхъ 347. (Число кредитныхъ кооперативовъ не увеличилось въ той мѣрѣ, какъ число потребительныхъ. Объяснить это можно тѣмъ, что за время войны дѣятельность учрежденій мелкаго кредита, въ силу цѣлаго ряда причинъ, замерла, и нужды въ новыхъ такихъ кооперативахъ у крестьянства не было).

За короткій срокъ выросъ также и рядъ союзовъ.

Современное кооперативное движеніе совершенно не мыслится безъ союзовъ кооперативовъ. „Мощь" коопераціи, о которой такъ много говорятъ и пишутъ, находитъ свое выраженіе и воплощеніе, главнымъ образомъ, въ союзахъ. Безъ союзовъ немыслимы тѣ гигантскіе фабрики и заводы, которыя завела англійская и германская кооперація. Производство въ крупныхъ размѣрахъ не подъ силу отдѣльнымъ кооперативамъ. Послѣдніе будучи

разрозненными, не въ состоянiи также поставить, какъ слѣдуетъ, свои торговыя операцiи. Заготовка товаровъ, сбытъ и т. п. операцiи могутъ быть развиты только въ крупныхъ союзныхъ предпрiятiяхъ.

Возьмемъ и другую область дѣятельности кооперацiи, которая у насъ въ Россiи обозначается названiемъ неторговой: культурно-просвѣтительную, организацiонную, по пропагандѣ идей кооперацiи—содержанiе инструкторовъ, изданiе журналовъ и книгъ, устройство другихъ предпрiятiй культурнаго характера. Все это въ большей части доступно только союзамъ.

Не взирая на то значенiе, которое имѣютъ кооперативные союзы, царское правительство упорно препятствовало возникновенiю ихъ въ Россiи. Представители этого правительства неоднократно и откровенно признавались, что въ этомъ отношенiи имъ руководятъ соображенiя и мотивы политическаго характера. Они опасались, что союзы могутъ явиться центромъ и оплотомъ политическаго движенiя народныхъ массъ; они, боялись „крамолы", которая могла бы свить свое гнѣздо въ союзахъ. За все время кооперативнаго движенiя въ Россiи до 1913 г. разрѣшили къ открытiю только 10 союзовъ. Затѣмъ послѣдовалъ интервалъ въ 2 года, въ теченiи которыхъ не возникъ ни одинъ союзъ. И только во время войны, когда съ кооперацiей стали считаться, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ борьбы съ дороговизной и мобилизацiи народнаго хозяйства для военныхъ цѣлей, правительство пошло на нѣкоторыя уступки и допустило открытiе нѣсколькихъ союзовъ.

Дѣятельность союзовъ подвергалась ограниченiямъ. Такъ—первымъ союзамъ кредитныхъ кооперативовъ было воспрещено производство вкладныхъ операцiй. Это ограниченiе является особенно разительнымъ, если принять во вниманiе, что для современныхъ кредитныхъ союзовъ вкладныя операцiи представляютъ основу всей ихъ дѣятельности. Пермскiй союзъ заставили исключить изъ устава тѣ пункты, гдѣ говорилось о томъ, что союзъ имѣетъ право на производство... статистическихъ обслѣдованiй кооперацiи. Было бы слишкомъ долго писать о всѣхъ другихъ безчисленныхъ, крупныхъ и мелкихъ стѣсненiяхъ, которыми обставлялась союзная работа.

Новый кооперативный законъ принесъ съ собой полную свободу союзнаго строительства. Открытiе союзовъ, на основанiи этого закона, совершается тѣмъ же упрощеннымъ явочнымъ порядкомъ, что и открытiе отдѣльныхъ кооперативовъ. Дѣятельности союзовъ не ставиться никакихъ предѣловъ (за исключенiемъ, разумѣется, тѣхъ правилъ, которыя сформулированы въ самомъ законѣ).

И въ результатѣ союзное дѣло въ 1917 г. расцвѣтаетъ невиданнымъ даже на Западѣ пышнымъ цвѣтомъ. Къ 1-му октрября 1917 г. въ Россiи насчитывается, по крайней мѣрѣ, 612 союзовъ. (По спаску Совѣта Всероссiйскихъ Съѣздовъ, который является далеко не полнымъ).

Въ Самарской губерніи въ теченіи 1917 г. возникаютъ союзы:

1. Союзъ Кооперативовъ Балаковскаго района.
2. Больше-Глушицкій Союзъ Кооперативовъ.
3. Самарскій Районный Союзъ Кредитныхъ Товариществъ.
4. Васильевскій Союзъ Кооперативовъ.
5. Кинель-Черкасскій Союзъ Кооперативовъ Бугурусланскаго уѣзда.
6. Сарай-Гирскій Союзъ Кооперативовъ.
7. Бугульминскій Союзъ Кооперативовъ.
8. Самарскій Союзъ Кооперативныхъ Объединеній.
9. Бугурусланскій Союзъ Мусульманскихъ Потребительныхъ обществъ.
10. Бузулукскій Союзъ Кооперативовъ.

(По свѣдѣніямъ регистраціоннаго отдѣла Самарскаго окружнаго суда).

Еще до того, какъ кооперативный законъ вошелъ въ силу, временнымъ правительствомъ былъ утвержденъ давно уже валявшійся въ министерскихъ канцеляріяхъ уставъ Средне-Волжскаго Союза Потребительныхъ Обществъ. Союзъ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, опредѣленную правовую почву подъ ногами. До тѣхъ поръ этотъ Союзъ существовалъ на основаніи обыкновеннаго нотаріальнаго договора о товариществѣ. Это была очень ловкая форма обхода закона, къ которой стали прибѣгать кооператоры, за послѣдніе годы стараго режима. „Если не разрѣшаютъ объединяться на основаніи утвержденнаго правительствомъ устава, то давайте учреждать наши объединенія путемъ заключенія договора у нотаріуса"—рѣшили русскіе кооператоры. Но договорная форма объединенія представляла, однако, рядъ крупныхъ неудобствъ и опасностей. Во многихъ мѣстахъ эти объединенія, какъ «незаконныя», безцеремонно ликвидировались мѣстной администраціей. Во многихъ случаяхъ суды и учрежденія отказывались признать за ними права юридическихъ лицъ.

Особое значеніе для союзнаго строительства кредитной кооопераціи Самарской губерніи имѣлъ съѣздъ представителей кредитныхъ кооперативовъ, состоявшійся въ Самарѣ 25—28 мая 1917 г. На этомъ съѣздѣ по заслушаніи доклада о союзномъ строительствѣ была принята слѣдующая резолюція: „заслушавъ докладъ инспектора мелкаго кредита Бойко о союзномъ строительствѣ, и признавая схему союзнаго строительства, сообщенную въ докладѣ, вполнѣ отвѣчающей задачамъ кредитной коопераціи, съѣздъ высказывается за немедленную организацію районныхъ союзовъ, а также и за организацію губернскаго или областного союза союзовъ и постановляетъ избрать постоянную комиссію, которой поручить дѣло организаціи районныхъ союзовъ, а также, поручить ей разработать уставъ союза союзовъ, каковой сообщить существующимъ въ самарской губерніи союзнымъ организаціямъ, для обсужденія вопроса объ организаціи союза союзовъ на мѣстахъ

въ собраніи уполномоченныхъ, а также, въ случаѣ согласія на осуществленіе организаціи союза союзовъ, на избраніе представителей въ учредительное собраніе для открытія союза союзовъ".

Эта комиссія была избрана. Благодаря ея послѣдующей работѣ, была закончена организаціей сѣть кредитныхъ союзовъ самарской губерніи и организованъ союзъ этихъ союзовъ, который нынѣ именуется Самарскимъ Союзомъ Кооперативныхъ объединеній (Кооперативъ-Банкъ). Этотъ союзъ явился центромъ всей кредитной кооперація губерніи.

Для потребительской кооперація такимъ центромъ сталъ Средне-Волжскій Союзъ Потребительныхъ обществъ, включившій къ концу 1917 г. почти всѣ (за малымъ исключеніемъ) потребительныя общества губерніи—663 общества, и развившій свой оборотъ за этотъ годъ до 20 милліоновъ рублей.

Это поразительный успѣхъ, если принять во вниманіе, что къ началу этого года состояло членами всего 98 обществъ, а оборотъ за 1916 г. составлялъ только 919.000 рублей.

На подробностяхъ развитія союзнаго дѣла мы остановимся въ 2-мъ томѣ сборника. Здѣсь мы отмѣчаемъ только самые разительные факты.

Невозможно въ короткой и бѣглой статьѣ выяснить все то, значеніе, которое имѣлъ для русской коопераціи, вообще, и для коопераціи въ частности, кооперативный законъ и то вліяніе, которое онъ на нее оказалъ. Отмѣтимъ только еще одно: законъ далъ русской коопераціи полную свободу творчества формъ ея дѣятельности, свободу *кооперативнаго строительства.*

Законъ предоставляетъ учредителямъ кооператива избирать ту форму организаціи и тѣ нормы своего устава, какіе они пожелаютъ (лишь бы это не противорѣчило тѣмъ немногочисленнымъ т р е б о в а н і я м ъ, которые перечислены въ законѣ). Такимъ образомъ является полная возможность приспособить уставъ каждой организаціи къ характеру ея дѣятельности и тѣмъ условіямъ, среди которыхъ ей приходится дѣйствовать.

Понятно, насколько это важно для такого живого дѣла, какъ кооперація, которое, какъ и всякое хозяйственное дѣло, не терпитъ никакой формалистики и догматики, застывшихъ, въ извнѣ навязанныхъ формъ.

При старомъ режимѣ кооперація какъ разъ находилась въ такомъ положеніи, когда все въ ея дѣятельности было заранѣе предопредѣлено до мелочей, такъ называемыми „нормальными" и „образцовыми" уставами и всякаго рода „правилами". Добиться отступленія отъ этихъ уставовъ стоило огромныхъ трудовъ и не всѣмъ это удавалось. Новый законъ измѣнилъ это положеніе. И русскіе кооператоры—въ частности, Самарскіе—этимъ сейчасъ же воспользовались.

На поминавшемся уже съѣздѣ представителей кредитныхъ товариществъ Самарской губерніи пишущимъ эти строки былъ прочитанъ докладъ о но-

вомъ законѣ и тѣхъ возможностяхъ, которыя онъ открываетъ для кооперации. Послѣ доклада съѣздъ рѣшилъ выбрать комиссію и поручить ей такую задачу: примѣнительно къ требованіемъ новаго закона, внести въ образцовый уставъ кредитнаго товарищества тѣ измѣненія, которыя требуются условіями мѣстной жизни. Комиссія выработала проектъ устава, значительно отступающій отъ устава „казеннаго"; онъ былъ утвержденъ съѣздомъ и получилъ потомъ широкое распространеніе въ губерніи.

Точно также поступилъ и Средне-Волжскій Союзъ Потребительныхъ Обществъ. Его инструкторскій отдѣлъ поспѣшилъ издать новый примѣрный уставъ потребительнаго общества, въ которомъ отсутствовали тѣ досадныя и излишнія ограниченія, которыя имѣлись въ старомъ „нормальномъ" уставѣ, и, наоборотъ, были учтены запросы кооперативнаго движенія. Такъ по этому уставу допускалась дополнительная отвѣтственность (сверхъ паевого взноса) членовъ общества по долгамъ и убыткамъ общества.

Необходимость установленія такого рода отвѣтственности въ сельскихъ потребительныхъ обществъ была уже давно признана спеціалистами, но при царскомъ режимѣ это почему-то не допускалось. По этому уставу стали открываться молодыя потребительныя общества.

Итакъ, подводя итоги тѣмъ главнымъ послѣдствіямъ, какія имѣлъ для кооперации кооперативный законъ, мы можемъ сказать, что этотъ законъ, какъ и вообще то новое правовое и общественное положеніе, какое заняла кооперація послѣ революціи, явилось главной причиной богатства формъ кооперативнаго движенія и пышнаго его расцвѣта въ теченіе 1917 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

I. М. Гринштейнъ.

Сахарная карточка.

(Изъ эпохи продовольственныхъ переживаній).

Мой указательный палецъ лѣвой руки сдѣлался молочно-бѣлымъ и покрылся такими же узорами, какъ косточка персика.

Но это мало смущаетъ меня, и я до сегодня продолжаю пить чай исключительно «съ пальцемъ».

Я рѣшилъ:

—Когда отсосу совсѣмъ указательный, начну пить съ безымяннымъ.

И, ежедневно, выпивая 30—40 стакановъ чая, я обсасывалъ обреченный палецъ сначала на одинъ суставъ, потомъ на два, а вчера, я, слава Богу, добрался и до третьяго.

Мой пріятель, который выпиваетъ у меня не меньше самовара въ день, пьетъ чай тоже съ „пальцемъ".

Но онъ большой сластена и запускаетъ въ ротъ не меньше трехъ пальцевъ сразу.

Онъ уже обсосалъ всю лѣвую руку, принялся за правую и теперь задумывается.

—Что будетъ дальше?..

Я утѣшаю его, увѣряя, что къ тому времени лѣвая рука снова обрастетъ и будетъ годна къ употребленію. Но онъ не вѣритъ и, предчувствуя пальцовый „кризисъ", ворчитъ на меня:

— А помнишь, ты говорилъ, что у насъ все свое и всего много?

Странный человѣкъ. Какъ будто онъ самъ не видитъ, что я говорилъ правду. Конечно, можетъ быть, я выражался не совсѣмъ точно, говоря, что у насъ слишкомъ много сахара, и что нѣмецкія свиньи теперь сдохнутъ съ голода. Ну что же: моя ошибка была не такъ ужъ велика.

Если сахара у насъ и маловато, то пальцевъ сколько угодно.

Интересно, какъ обходятся теперь нѣмецкія свиньи, привыкшія кушать русскій сахаръ:

— Сосутъ онѣ пальцы или нѣтъ?

Вчера, когда я уже рѣшилъ перейти съ указательнаго на средній палецъ, въ душу мою вдругъ проникъ свѣтлый лучъ:

— Домовладѣлецъ прислалъ сахарную карточку.

Правда, эта карточка была выдана не одному мнѣ, а двумъ квартирантамъ вмѣстѣ, но это не ослабило моей радости, и я сейчасъ же командировалъ жену въ городскую лавку за своей порціей.

Это было въ девять часовъ утра.

А въ одиннадцать посыльный принесъ мнѣ отъ жены записку:

— „Стою въ очереди. Пришли обѣдъ и что нибудь почитать".

И, дѣйствительно, она была въ незавидномъ положеніи.

Черезъ полчаса я стоялъ уже въ очереди.

Прежде всего мнѣ показалась, что по улицѣ тянется длиннѣйшая нитка разноцвѣтнаго бисера, одинъ конецъ которой воткнулся въ городскую лавку.

Я былъ одной бисеринкой и съ быстротой часовой стрѣлки катился въ лавку, бисеръ зернышко за зернышкомъ соскакивалъ съ нитки и разсыпался во всѣ стороны.

Черезъ полчаса мнѣ казалось, что это уже не бисеръ, а нитка сушеныхъ грибовъ.

А еще черезъ часъ, я видѣлъ, что снова ошибся. Это были не грибы, а просто грязная истрепанная вожжа, протянувшаяся по улицѣ въ сахарный магазинъ.

Солнце пекло мнѣ голову, и я молился о дождѣ такъ усердно, будто на черепѣ росла пшеница.

Небо услышало мою молитву, собрало тучи и оросило меня дождемъ.

Сначала это было пріятно, но все хорошо въ мѣру. Черезъ пять минутъ я промокъ, какъ утопленникъ, и уже раскаивался въ своей необдуманной молитвѣ.

За время „стоянія" послалъ женѣ записку:

— Постарайся заблаговременно, до сентября подыскать другую квартиру. Осенью это будетъ сдѣлать труднѣе.

Къ вечеру послалъ вторую:

— Пожалуйста сообщи, кто родится, сынъ или дочь, и какъ назовешь. Воспитай его въ духѣ благочестія.

Если въ рай попасть такъ же трудно, какъ въ сахарную лавочку, то я заранѣе отказываюсь отъ этого удовольствія.

Было мгновеніе, когда я хотѣлъ плюнуть на сахаръ и бѣжать домой, но въ это самое время меня впустили въ лавку и я забылъ всѣ мытарства.

Теперь я не сосу пальцевъ.

Я пью чай съ сахаромъ и горжусь этимъ, хотя по произведенному расчету мѣсячной порціи мнѣ хватитъ только на пять дней.

Я разсчитываю соблюдать экономію и уже началъ проводить ее:

Когда я вижу муху, сѣвшую на крупинку сахара, я ловлю ее, хватаю за шиворотъ, отнимаю свое сокровище и выталкиваю ее въ шею изъ дому.

Вчера я поймалъ двѣнадцать штукъ. И хотя во время этой охоты я разбилъ двѣ вазы, часы, лампу, и нѣсколько бездѣлушекъ и опрокинулъ шкафъ съ книгами,—но у десяти мухъ я отнялъ сахаръ.

Только двѣ унесли его и скрылись отъ преслѣдованія.

Обидно!!

Какъ бы не пришлось снова приняться за пальцы!

Зуда.

Л. Зиновъ.

БАБЫ НА БЕРЕГУ.

На голомъ низкомъ берегу у избушки баканщика сложено до двухсотъ мѣшковъ съ мукой. У берега стоитъ дощаникъ, а хозяинъ дощаника, плотный высокій мужикъ въ халатѣ изъ солдатскаго сукна, сидитъ съ толпой бабъ у самой воды и уговариваетъ ихъ переправить муку на ту сторону, къ горамъ, гдѣ стоитъ пристань. За провозъ онъ желаетъ получить по четвертаку съ пуда и бабы не соглашаются.

— Сопрѣете вы здѣсь и съ мѣшками вашими. Не дадутъ, говорю, пароходу пристать. Ни подъ какимъ видомъ! А и пристанетъ, грузить не дадутъ.

— Чай, у нихъ тоже крестъ есть! Себѣ веземъ, не для продажи.

— Тоже у каждаго своя семья. Не всѣ изъ здѣшнихъ мѣстъ. Которые и съ верховъ. Знаютъ каково тамъ.

— Не слушай его, бабы, плохо-ли 200 рублей заразъ взять. Сразу не выговоришь! Каждый о своемъ карманѣ думаетъ,—говоритъ баканщикъ.

— А ты, дяденька, вѣрно говорилъ, что телеграмму дали въ городъ, чтобы пристали?

— Когда ему не пристать! Теперь, какъ навигація кончилась, весь доходъ командѣ идетъ. Что-же она свою выгоду упуститъ?

— Она-то и рада не упустить—возражаетъ хозяинъ дощаника.—Да время нынѣ не то! Говорю—товарищи не дадутъ! Тутъ у насъ ежедневно война идетъ. Неужели для васъ обязательно совѣстливые подберутся? Что-то про совѣсть, смотри, забыли. Видно и совѣсть-то въ окопахъ оставили, а сюда налегкѣ ѣдутъ.

— Давайте, бабы, сидѣть, такъ спокойнѣе!—пыталися туда, на пристань, а тамъ милиція захватитъ.

— Горькая ваша доля, погляжу! Истинный Богъ! Тутъ мы съ баканщикомъ васъ рвали на двѣ стороны, а тамъ, гляди, милиція въ трактирѣ сидитъ, поглядываетъ—не плывутъ-ли голубушки. Тоже и ей урвать, не бойсь, хочется.

— Урвать-бы, такъ чортъ съ ней. Имъ, вишь ты, скандалу нужно, главное дѣло.

— Знамо, сидите! Тутъ вамъ рай. Разрѣшенія не надо. Милиціи нѣтъ. Пароходъ для вашей чести простоитъ часовъ съ двѣсти. А захолодали—баканскій шалашъ имѣется. И чайку, и картошки, и яичекъ—всего запаса есть. Благое дѣло!—говоритъ хозяинъ дощаника.—Чу, пароходъ лотошитъ. Надо отъ грѣха плыть домой, а то еще ни за что утопятъ, упаси Богъ, товарищи-то.

Онъ подошелъ къ дощанику и крикнулъ:

— Ну, плывете, что-ли? Послѣдній разъ спрашиваю. Ежели въ разъ муку покидаете, на пристань до парохода успѣю.

— Можетъ, бабы, сплыть?—говоритъ одна изъ бабъ сонно и тоскливо.—Какъ, дѣвоньки?

— Пароходъ идетъ, а она—сплыть! Сиди ужъ, если міръ сидитъ!

— Слышите—премію вамъ назначу: которая первая погрузитъ ту, задаромъ повезу.

— Отстань, бѣсъ! Пароходъ видать, честное слово. Вонъ, у берега!

Бабы повскакали съ мѣстъ и стали поправлять на плечахъ шали.

— Сейчасъ десантъ высадитъ,—съязвилъ хозяинъ дощаника.

— Сидишь?—спрашиваетъ онъ меня и кричитъ подручному.—Флегонтъ, отчаливай!

Когда мы были на серединѣ, пароходъ сталъ вертѣться у берега, гдѣ сидѣли бабы. Онъ то подходилъ, то отходилъ, пятясь задомъ.

— Ишь, польку танцуетъ! Прокавителится съ полчаса, это товарищи разрѣшатъ, ничего... А какъ приткнется да сходни скинетъ, тутъ и пойдетъ сраженіе. Озорники все—таки, что ни говори.

Пароходъ застылъ на мѣстѣ и все, казалось, шло благополучно, но когда уже мы были близки къ острову, за который надо было загибать къ пристани, на берегу поднялся страшный крикъ, прорѣзаемый женскимъ визгомъ.

— Пошла потѣха!—сказалъ невозмутимо перевозчикъ.—Ежедневно такая война идетъ. Пароходу лестно грузу побольше набрать, онъ, вѣдь, теперь деретъ, что вздумается,—рубля по два съ пуду. Баканщику тоже процентъ полагается, чтобы бабъ умасливалъ пока до парохода. И все зря. Сюда, къ пристани, причалитъ, будетъ въ городъ телеграмму давать, чтобы другой пароходъ послали. Иной разъ недѣлю сердешныя сидятъ, бабы-то. И сюда имъ дѣйствительно неловко—на милицію нарвутся. Еще и то сказать, большая ихъ часть на продажу хлѣбъ везутъ. Кабы хоть раздѣлить ихъ какъ—нибудь... Чу-чу, ревутъ!

Пароходъ отъ берега отвалилъ и оттуда доносился дикій вой, похожій на тотъ, который бывалъ, когда отходилъ пароходъ, увозившій призванныхъ.

Перевозчику напомнилъ онъ тоже, что и мнѣ.

— Въ голосъ, въ голосъ! Ахъ! Какъ все равно мужей провожаютъ. Ежели видалъ-бы кто непонимающій, такъ бы и подумалъ: на войну молъ отправляютъ. Какъ все перемѣшалось въ Россіи матушкѣ, вродѣ окрошки—всего есть, чего хочешь, и все въ одномъ горшкѣ.

Л. ЗИЛОВЪ.

Я. Б.

Изъ Исторіи РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ въ Бузулукѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Передъ революціей.

Среди уѣздныхъ городовъ Самарской губерніи г. Бузулукъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто по количеству населенія. Въ мирное, до-военное, время въ немъ насчитывалось до 25000 жителей; во время же войны, вмѣстѣ съ бѣженцами и солдатами двухъ расквартированныхъ въ городѣ запасныхъ полковъ, количество городского населенія смѣло можно было считать въ 40000 человѣкъ.

Какъ и для большинства захолустныхъ уголковъ нашей родины, революція пришла въ Бузулукъ не жданно-негаданно. Огромное большинство сельскаго населенія уѣзда—старинные, коренные землеробы, городское же населеніе въ большинствѣ состояло изъ мѣщанъ, торговавшихъ чѣмъ Богъ пошлетъ, а, главнымъ образомъ, работавшихъ по ссыпкѣ хлѣба. Бузулукъ—крупный центръ хлѣбной торговли. Когда-то, въ счастливые, урожайные годы Бузулукскій уѣздъ вывозилъ милліоны пудовъ хлѣба, и главными пріемочными пунктами его являлись: Бузулукъ, Сорочинское, Павловка (Богатое) и Борское. Еще и сейчасъ, какъ воспоминаніе о прошломъ, на площади между желѣзно-дорожной станціей и городомъ, можно видѣть цѣлый поселокъ пустыхъ хлѣбныхъ амбаровъ. Въ свое время эти амбары до верху насыпались пшеницей и работа около нихъ давала заработокъ не одной сотнѣ городскихъ жителей.

Жилъ городъ и уѣздъ тихо и спокойно, безропотно снося всѣ тѣ невзгоды, какія принесла съ собой война. Охали, вздыхали, жаловались, кое-гдѣ скрежали зубами, ругались или плакали, но въ общемъ „все было благополучно" и населеніе, подъ бдительнымъ окомъ начальства, не смѣло открыто роптать. Въ самомъ городѣ былъ достаточный для уѣзднаго города кадръ интеллигенціи, главнымъ образомъ, среди лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ земской работѣ. Но и городская интеллигенція держала

себя скромно и ничѣмъ не обнаруживала своего „крамольнаго“ духа. Все собирались открыть отдѣленіе Самарскаго О-ва Народныхъ Университетовъ, но такъ и не собрались: застала революція и стало некогда подумать объ этомъ.

Первые дни революціи. Первыя извѣстія о революціи въ Петроградѣ были получены въ Бузулукѣ въ ночь со 2-го на 3-е Марта 1917 г. Бывшій въ то время предсѣдатель Земской Управы Е. А. Ждановъ и городской Голова И. Т. Гусаровъ одновременно получили телеграммы отъ своихъ губернскихъ коллегъ съ увѣдомленіемъ, что въ Петроградѣ революція и что тамъ образовано новое правительство изъ числа членовъ Государственной Думы. Извѣстіе это было столь ошеломляюще, что лица, успѣвшія ознакомиться съ телеграммами, просто имъ... не повѣрили и рѣшили съ опубликованіемъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе обождать до полученія дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ революціи. Но ждать пришлось недолго. На слѣдующій же день посыпались извѣстія одно сенсаціоннѣе другого: армія на сторонѣ народа, революція побѣдила, министры арестованы, Николай II отрекся отъ престола и проч. и проч. Медлить съ опубликованіемъ телеграммъ было больше нельзя, и городъ заволновался. Сначала пошли разговоры, недоуменные распросы, а потомъ начались митинги, митинги и митинги безъ конца. Въ нѣсколько дней весь городъ былъ приведенъ въ подданство революціи, не исключая офицеровъ и солдатъ мѣстнаго гарнизона. Среди послѣдняго вышло не большое и мирно закончившееся осложненіе, въ результатѣ котораго командиръ одного изъ запасныхъ полковъ Цагинъ и воинскій начальникъ Григоровичъ—оба реакціонеры—должны были спѣшно покинуть Бузулукъ. 10-го марта 1917 года въ Бузулукѣ состоялась грандіозная демонстрація, на которую засвидѣтельствовать свою вѣрность революціи явился буквально весь городъ отъ мала до велика.

Комитетъ Народной Власти. Параллельно съ митингами, на которыхъ велась пропаганда идей революціи, шло въ городѣ и уѣздѣ строительство новой власти. Почти тотчасъ же за полученіемъ извѣстій о революціи, въ городѣ организуется Городской Комитетъ Народной Власти, задачей котораго ставится организація власти въ раіонѣ города. Вслѣдъ за этимъ по уѣзду разсылаются особые инструктора для организаціи такихъ же комитетовъ по волостямъ.

22-го марта въ Бузулукѣ собирается уѣздный Комитетъ Народной Власти изъ представителей волостныхъ комитетовъ. Засѣданія уѣзднаго комитета продолжались нѣсколько дней и прошли подъ исключительнымъ вліяніемъ земской интеллигенціи. Уѣзднымъ комиссаромъ былъ избранъ бывшій секретарь Земской Управы Н. Н. Бушонъ, предсѣдателемъ постояннаго правленія Комитета—земскій агрономъ А. А. Киселевъ, членами правленія,—за исключеніемъ теперь уже покойнаго М. И. Мамонтова, тогда же только что прибывшаго изъ Шлиссельбургской каторги,—тоже всѣ 5 человѣкъ земскіе слу-

жащіе. Общее настроеніе перваго Комитета Народной Власти, поскольку оно выразилось въ его постановленіяхъ, можно охарактеризовать, какъ настроеніе дѣловое, увѣренное въ своихъ силахъ и правотѣ. Раздавались на собраніяхъ его горячія рѣчи, рисовавшія тяжелое положеніе трудовыхъ массъ населенія при самодержавіи, были отдѣльные призывы къ мести и разрушенію стараго, было,—особенно на первыхъ засѣданіяхъ—недовѣріе къ интеллигентнымъ руководителямъ комитета, какъ къ „барамъ", „господамъ", не понимающимъ народныхъ нуждъ, но въ общемъ всѣ засѣданія перваго Комитета Народной Власти оставили опредѣленное впечатлѣніе: деревня приняла переворотъ спокойно и радостно. Комитетомъ былъ вынесенъ рядъ постановленій по земельному вопросу, финансовому и административному, которыми устанавливались новыя взаимоотношенія въ деревнѣ на началахъ, пришедшихъ въ русскую общественную жизнь, вмѣстѣ съ переворотомъ, Эти постановленія мало чѣмъ разнились отъ постановленій бывшихъ позднѣе губернскихъ крестьянскихъ съѣздовъ, каковыми постановленіями, какъ извѣстно, регулировалась общественная жизнь въ губерніи вплоть до большовитскаго переворота.

Совѣты. Наряду съ Комитетами Народной Власти, въ городѣ организуются и органы политическаго вліянія демократіи—совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Оба совѣта работали каждый въ своей области самостоятельно, координируя свои силы лишь въ особо важныхъ случаяхъ.

Работы въ томъ и другомъ совѣтѣ было много. Нужно было растолковать малосознательнымъ массамъ то новое, что пришло въ русскую жизнь вмѣстѣ съ революціей, удерживать въ извѣстныхъ границахъ тѣ чувства мести и озлобленія, которыхъ такъ много накопилось у русскаго человѣка за послѣдніе годы существованія царскаго самодержавія, намѣчать дальнѣйшія пути революціоннаго движенія, улаживать конфликты, выяснять недоразумѣнія, реагировать должнымъ образомъ на происходящія событія внѣшней и внутренней жизни Россіи.

Позднѣе другихъ совѣтовъ, образовался въ Бузулукѣ совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ. Возникъ онъ по иниціативѣ партіи с.-р. въ іюнѣ 1917 г. Такое запозданіе въ образованіи его объясняется тѣмъ, что Бузулукская группа партіи с.-р. въ началѣ революціи стояла за организацію по волостямъ партійныхъ крестьянскихъ союзовъ, а не безпартійныхъ совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ, и въ этомъ смыслѣ вела пропаганду среди крестьянскаго населенія. Но на первомъ съѣздѣ представителей образовавшихся въ уѣздѣ крестьянскихъ Союзовъ, бывшемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1917 года, было рѣшено, въ цѣляхъ расширенія партійнаго вліянія, стремиться къ образованію на мѣстахъ сельскихъ и волостныхъ безпартійныхъ совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялся въ Бузулукѣ первый уѣздный съѣздъ представителей т а к и х ъ с о в ѣ т о в ъ, на к о т о р о м ъ былъ избранъ по-

стоянный исполнительный комитетъ въ составѣ 16 человѣкъ, почти безъ исключенія причислявшихъ себѣ къ партіи с.-р. Работая въ полномъ контактѣ съ общественными учрежденіями, совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ оказалъ чрезвычайно цѣнныя услуги населенію уѣзда, улаживая среди сельскаго населенія всякаго рода конфликты, споры и столкновенія. Члены исполнительнаго комитета въ городѣ жили мало, проводя большую часть времени въ разъѣздахъ по уѣзду для выполненія своихъ очень трудныхъ и сложныхъ обязанностей.

Партіи. Какъ только, послѣ переворота, бывшіе вѣрноподданные русскаго царя превратились въ свободныхъ гражданъ и появились на свѣтъ гражданскія свободы, тотчасъ же начинается въ городѣ, а затѣмъ и по уѣзду организація политическихъ партій. Раньше всѣхъ организуется партія с. д. меньшевиковъ и на первыхъ порахъ эта партія пользуется почти исключительнымъ вліяніемъ среди мѣстныхъ рабочихъ и въ особенности желѣзнодорожниковъ. Въ первомъ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ с. д. меньшевикамъ принадлежала руководящая роль, но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, недостатка интеллигентныхъ руководителей, она должна была уступить эту роль партіи с. р.

Послѣдняя партія образовалась въ Бузулукѣ нѣсколько позднѣе, чѣмъ партія с. д. меньшевиковъ. Произошло это потому, что тотчасъ же послѣ переворота народническія соціалистическія партіи сдѣлали попытку объединиться и создать одну организацію. На эту попытку было потрачено почти два мѣсяца и закончилась она тѣмъ, что послѣ долгихъ безплодныхъ переговоровъ, представители партіи с р. обособились и образовали отдѣльную партійную группу, предоставивъ своимъ бывшимъ союзникамъ устраиваться по ихъ усмотрѣнію. Въ скоромъ времени, благодаря энергичной литературной и устной пропагандѣ, партія с. р. заняла господствующее положеніе среди другихъ политическихъ партій города и уѣзда. Тяга въ эту партію со стороны сельскаго населенія была столь велика, что крестьянство записывалось въ нее цѣлыми волостями путемъ постановленій на волостныхъ сходахъ.

Изъ буржуазныхъ партій въ Бузулукѣ образовались: партія мѣщанъ, партія „кутовцевъ“, к.-д. и торгово-промышленниковъ. Городскіе мѣщане, какъ лица, принадлежащія къ одному сословію, а, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, объединенныя одними интересами, рѣшили образовать свою отдѣльную, мѣщанскую партію. Вначалѣ идея объ организаціи такой партіи встрѣтила полное сочувствіе среди мѣщанскихъ массъ города, и на нѣсколькихъ многолюдныхъ собраніяхъ образовалась мѣщанская партія съ задачами отстаиванія своихъ сословныхъ интересовъ. Число членовъ этой партіи, вскорѣ послѣ ея образованія, доходило до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Но по мѣрѣ того, какъ время шло, обнаруживались классовыя различія въ ея составѣ и падалъ духъ прозелитизма и партійной пропаганды, партія мѣ-

щанъ постепенно замирала и на выборахъ въ городскую думу, бывшихъ въ началѣ октября 1917 года, эта партія оказалась въ состояніи провести въ думу лишь пять своихъ кандидатовъ изъ общаго числа 38 гласныхъ.

Партія „кутовцевъ"—неопредѣленая по своимъ задачамъ, партія, получившая свое названіе и самое свое существованіе отъ нѣкоего бузулукскаго гражданина Кутова, бывшаго частнаго повѣреннаго, который, послѣ запрещенія ему адвокатской практики, содержалъ въ Бузулукѣ ко времени переворота чайное заведеніе. Когда настали дни революціи, онъ рѣшилъ, что пришло для него время дѣйствовать и записался въ партію с. д. Но послѣ одного удачнаго для него, но неудачнаго для с.-д., выступленія на митингѣ съ погромными рѣчами, онъ исключается изъ партіи, въ которую только что успѣлъ вступить, и начинаетъ вести агидацію за свой собственный рискъ и страхъ. Около него образуется значительная группа лицъ, главнымъ образомъ, ихъ среды городской бѣдноты, которымъ онъ обѣщаетъ всѣ блага міра я, въ частности все то, чѣмъ пользуются „кровопійцы—буржуи". За одно, слишкомъ смѣлое выступленіе въ этомъ родѣ, Кутовъ арестовывается и препровождается въ Самарскую тюрьму. Это нѣсколько охлаждаетъ его пылъ и, по возвращеніи въ Бузулукъ, Кутовъ отъ политической агитаціи переходитъ къ кооперативной дѣятельности и организуатъ среди своихъ сторонниковъ О-во потребителей „Единеніе". Нѣсколько разъ его сторонники, недовольные его дѣятельностью, какъ кооператора, подозрѣвая его во многихъ неблаговидныхъ махинаціяхъ, склонны были расправиться съ нимъ тѣми средствами, какія онъ рекомендовалъ имъ по отношенію къ состоятельнымъ классамъ, но Кутову всякій разъ удавалось вывертываться, пока, наконецъ, общимъ собраніемъ членовъ образованнаго имъ О-ва потребителей онъ не былъ смѣщенъ съ должности предсѣдателя Правленія и, вслѣдствіе этого, долженъ былъ кануть въ ту область неизвѣстности, откуда онъ пришелъ на политическую арену. Все-таки эта партія просуществовала до дней выборовъ въ городскую Думу и выступала на нихъ съ отдѣльнымъ спискомъ, но настолько неудачно, что не могла провести въ Думу ни одного кандидата.

Партія к.-д. образовалась въ Бузулукѣ весной 1917 года. Вербуя своихъ членовъ, главнымъ образомъ, изъ среды состоятельныхъ классовъ городскаго населенія и интеллигенціи, эта партія не сумѣла и не могла пріобрѣсти большого вліянія на широкія массы и при выборахъ въ Городскую Думу была въ состояніи провести въ число гласныхъ пять своихъ кандидатовъ. Торгово-промышленная группа конструировалась лишь незадолго до выборовъ въ Городскую Думу, выдѣлившись изъ партіи к.-д... Какъ показываетъ самое ея названіе, главнымъ оплотомъ ея являлись торговые и промышленые круги Бузулука. Въ Городскую Думу эта группа провела трехъ своихъ кандидатовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Я. Б.

СЛОВАРЬ

активныхъ участниковъ (партійныхъ и общественныхъ дѣятелей) революціи 1917—1918 г.г., въ Самарской губ.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ.

Авдѣевъ, Николай Степановичъ - 30 л. Уроженецъ г. Симбирска, с.-р. съ 1906 г. Конторскій служащій. Съ ученьемъ соціализма впервые знакомство получилъ на митингахъ въ 1905 г. затѣмъ вступилъ въ кружокъ с.-р. Сидѣлъ въ тюрьмѣ 15 мѣсяцевъ и провелъ 4 года въ ссылкѣ. Въ 1917 году былъ секретаремъ Губернскаго и Город. К-та партіи.

Брушвитъ, Иванъ Михайловичъ—родился въ 1879 г. въ Курляндской губерніи. Сынъ крестьянина латыша. До 10 лѣтъ работалъ, пасъ скотъ и исполнялъ сельско-хозяйствен. работы. Во время ученія въ Уѣздномъ училищѣ, куда попалъ благодаря настойчивому стремленію и жаждѣ къ наукѣ—былъ няней. По выходѣ изъ училища, былъ телеграфистомъ, чтобы получить средства для поступленія въ реальное училище. То и другое училище кончилъ первымъ ученикомъ. Поступилъ въ Горный Институтъ на свои средства, помогая семьѣ и брату, тоже стремившемуся къ высшему образованію. Еще ученикомъ поступилъ въ партію с.-р. Въ 1916 г. добровольцемъ и съ цѣлью пропаганды вступилъ въ 1 Сибирскій полкъ. Членъ Совѣта Солдат. деп. Одинъ изъ Составителей правилъ 2-го крестьянск. съѣзда. Предсѣдатель Комитета Народной Власти 2-го состава. Гласный Думы. Членъ Учредительнаго Собранія.

Бѣловъ, Яковъ Федоровичъ—29 лѣтъ. Крестьянинъ Сам. губ. Въ партіи началъ работать съ 1904 г. Въ 1909 г. сидѣлъ въ тюрьмѣ по полит. дѣлу. Учительствовалъ и работалъ по внѣшкольному образованію съ перерывами, во время которыхъ занимался сельско-хозяйственными работами. Соціалистомъ сдѣлала семья. Былъ съ перваго дня секретаремъ полкового комитета. Членъ Исполн. К-та, Народн. Власти, г. Новоузенска, откуда делегированъ на Крестьянскій съѣздъ. На второмъ крестьянск. съѣздѣ избранъ секретаремъ Исполн. К-та. Въ маѣ, какъ представитель губерніи, былъ на 1-мъ Всероссійскомъ Крестьянскомъ съѣздѣ. На 5-мъ съѣздѣ избранъ въ Исполнительный Ком-тъ.

Волковъ, Сергѣй Александровичъ-36 л. уроженецъ Тамбовск. губерніи, конч. Ярославскій лицей. Присяжный повѣренный, художникъ и беллетристъ. Соціалистомъ сдѣлали книги и товарищи. Въ партіи съ 1905 г. Былъ около 5 годовъ въ ссылкѣ въ Сибири, нѣсколько разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ 1917-18 г. былъ иниціаторомъ 1-го Крестьянскаго съѣзда, предсѣдателемъ 2-го Крестьянск. съѣзда и Комиссаромъ Временнаго Правительства Сам. губ. гласнымъ Думы, Членомъ Совѣта Крестьянскихъ депутатовъ.

Волковъ, Петръ Игнатьевичъ—уроженецъ Самар. губ. 38 л. крестьянинъ, занятіемъ жизни было письмоводство, конторская работа. Человѣкъ самостоятельно приготовился къ званію народнаго учителя. Соціалистомъ сдѣлала жизнь и книги. Въ партіи съ 1903 г. Въ 1905 г. отрядомъ стражниковъ былъ чуть не засѣченъ до смерти. Отбылъ на военной службѣ двѣ кампаніи. Участникъ всѣхъ крестьянскихъ съѣздовъ, кромѣ перваго, членъ Совѣта Крестьянскихъ депутатовъ Въ Январѣ 1918 г. былъ посаженъ въ тюрьму и выпущенъ послѣ недѣльной голодовки.

Виноградовъ, Александръ Петровичъ—32 л. уроженецъ Самары. Помощ. Присяж. пов. Въ партіи съ 1905 г. Членъ Город. К-та партіи. Гласный Думы. Секретарь президіума Думы.

Гошенъ, Вавила Стахѣевичъ—Студентъ техникъ 2-го курса. Въ партіи с.-р. съ 1917 г. Членъ президіума желѣзно-дорожнаго Комитета. Гласный Думы, членъ Управы, членъ Губернскаго Комитета партіи.

Голубковъ, Викторъ Михайловичъ уроженецъ г. Оренбурга 42 л. с.-р. съ 1917 г. Ранѣе былъ соціалъ-демократомъ. Членъ Исполнительнаго Ком. Совѣта Крестьянскихъ депутатовъ. Начальникъ Уѣздной милиціи, адвокатъ по профессіи. Соціалистомъ сдѣлали книги, товарищи и собственныя наблюденія надъ жизнью.

Гляднѣвъ, Константинъ Гавриловичъ—50 лѣтъ, уроженецъ Симбирской губерніи, с.-р. съ 1917 года. Принималъ участіе въ освободительномъ движеніи 1905 года, сидѣлъ 2 раза въ тюрьмѣ. По профессіи адвокатъ Соціалистомъ считалъ себя съ 4 клас. гимназіи, первый толчекъ къ самосознанію дала книга: Одинъ въ полѣ не воинъ—Шпильгагена

Въ 1917 г. былъ Предсѣдатель Комитета Народной Власти I состава. Былъ Предсѣдателемъ Губернскаго Земельнаго К-та и Предсѣдателемъ Окружной по выборамъ въ Учредительное Собраніе, комиссіи, Предсѣдателемъ Самарской Городской Думы.

Дешевыхъ, Иванъ Ильичъ—уроженецъ Самарской губерн. 32 лѣтъ, с.-р. съ 1917 года. Раньше былъ соціалъ-демократъ. Въ Нижнемъ былъ арестованъ и высланъ въ Самару. Служилъ на желѣзной дорогѣ слесаремъ, въ обществѣ Мазутъ приказчикомъ; съ 1916 года работаетъ на Трубочномъ заводѣ на станкѣ. Соціалистомъ сдѣлали встрѣчи съ соціалистами. Въ 1917 году на Трубочномъ заводѣ былъ товарищемъ Предсѣдателя заводскаго комитета. Все время членъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, гласный Думы.

Девятовъ, Иванъ Ивановичъ—уроженецъ города Самары, 32 года. Членъ партіи соціалистовъ революціонеровъ съ 1904 года. Получилъ коммерческое образованіе былъ коммерческимъ служащимъ, бухгалтеромъ, учителемъ. Отбылъ 4 года каторжной тюрьмы и 8 лѣтъ ссылки Нижне-Илимскѣ. Въ семьѣ много соціалистовъ. Въ 1917 году былъ предсѣдателемъ Губернскаго Комитета партіи, редакторъ газеты Земля и Воля, членъ Совѣта Крестьян. депут.

Костюшко, Елена Антоновна родилась въ 1878 г. Членъ партіи соціал. революціонеровъ съ 1903 года. Соціалисткой сдѣлала семья и русская литература. Въ тюрьмѣ сидѣла нѣсколько разъ, въ общей сложности 4½ года; въ ссылкѣ была съ 1914 года по мартъ 1917 года, въ Енисейской губерн. Въ промежуткѣ между тюремными заключеніями занималась конторскимъ трудомъ и работой въ общественныхъ организаціяхъ. Въ 1917 году была Членомъ Исполнительнаго К-та Совѣта Крестьянскихъ депут. Съ августа товарищемъ предсѣдателя, съ декабря 1917 года предсѣдателемъ Губернск. Ком-та партіи с. р.

Климушкинъ, Прокопій Діомидовичъ, сынъ бѣднаго, безземельнаго крестьянина Николаевскаго уѣзда с. Самаровки До 12-ти лѣтъ онъ безвыѣздно прожилъ въ своемъ родномъ селѣ, помогая отцу въ его полевыхъ работахъ и перенося всю тяжесть этихъ работъ на своихъ дѣтскихъ плечахъ. За эти нѣсколько лѣтъ дѣтства ему пришлось пережить много всевозможныхъ лишеній и униженій, онъ былъ и пастухомъ, и погонщикомъ, и нянькой.

17-ти лѣтъ отъ роду, онъ сталъ учителемъ, а лѣтомъ 1905-го года сталъ членомъ партіи соц.-революц. Работалъ онъ исключительно среди крестьянъ, главнымъ образомъ въ своемъ округѣ. Въ результатѣ этой работы онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что вынужденъ былъ учительство оставить.

Въ 1907 году онъ поѣхалъ въ Петроградъ продолжать свое образованіе. Занимаясь, въ тоже время не оставлялъ и партійной работы. Сначала работалъ какъ рядовой членъ по технической части, а потомъ поступилъ въ летучую городскую дружину. Концомъ этой его дѣятельности былъ арестъ, двадцатилѣтняя каторга.

На каторгѣ онъ пробылъ десять лѣтъ и вышелъ оттуда въ мартѣ этого года. Послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы по амнистіи 17-го года 4-го марта, онъ работалъ въ Совѣтѣ Крестьянскихъ Депутатовъ, въ Комитетѣ Народной Власти. Руководитель 2-го Крестьянскаго съѣзда. Вырабатывалъ и редактировалъ земельныя правила 2-го Крестьянскаго Съѣзда. Тов. П-ля. Комитета Нар. Власти. Членъ Учредительнаго Собранія. Управляющ. вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ послѣ Самарскаго переворота.

Лазаревъ Егоръ Егоровичъ,—является крупной политической величиной въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.

Перу его принадлежитъ много партійной литературы по аграрному вопросу.

Могиканъ русской революціи, который въ теченіи 45 лѣтъ неустанно велъ и ведетъ борьбу за счастье народа подъ лозунгомъ „Земли и Воли“.

Ни одинъ террористическій актъ народовольцевъ не обходился безъ прямого, или косвеннаго участія тов. Лазарева, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ партіи „Нар. Воли", по инициціативѣ его за границей образовалась „аграрная лига".

„Лазаревъ,—крестьянинъ, воспитывался въ Самарской гимназіи, откуда вышелъ изъ 7-го класса по случаю ареста въ 1874 году.

Въ этомъ же году Лазаревъ былъ арестованъ въ Самарѣ и привлеченъ къ дознанію по дѣлу о пропагандѣ въ Имперіи, но приговоромъ особаго присутствія правительствующаго сената отъ 23 января 1879 г. оправданъ (процессъ 193-хъ).

Состоя затѣмъ на службѣ въ 159 пѣхотномъ Гурійскомъ полку, Лазаревъ, былъ въ азіатской Турціи въ составѣ войскъ Кавказской арміи и въ 1880 году уволенъ въ запасъ унтеръ-офицеромъ. Участвовалъ во взятіи Карса.

Послѣ этого Лазаревъ возвратился на родину въ село Грачевку, гдѣ за нимъ былъ учрежденъ надзоръ полиціи и, въ виду неблагопріятныхъ свѣдѣній, по постановленію особаго совѣщанія отъ 22 іюля 1884 г. высланъ, въ Восточную Сибирь подъ гласный надзоръ полиціи срокомъ на три года. 8 іюля 1886 г. за окончаніемъ срока, Лазаревъ отъ гласнаго надзора былъ освобожденъ, причемъ въ силу постановленія особаго совѣщанія отъ 6 іюля 1887 г. ему было воспрещено жительство въ городахъ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ на Дону, Кіевѣ, Одессѣ, Орлѣ, Курскѣ, Тулѣ и Твери. По возвращеніи 6 сентября 1887 года на родину, Лазаревъ снова былъ подчиненъ негласному надзору полиціи послѣ чего 19 февраля 1888 г. было вновь арестованъ въ г. Бузулукѣ и приведенъ къ дознанію по дѣлу о государственномъ преступленіи. По высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 3-й день августа 1888 года, высланъ на жительство подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на пять лѣтъ.

4 іюля 1890 года Лазаревъ скрылся съ мѣста водворенія своего (Нижнеудинскій округъ, Иркутской губ.) въ Америку и, проживая подъ именемъ Бровинскаго въ гор. Мильвокѣ, вошелъ въ близкія сношенія съ представителями нашей эмиграціи, принявъ дѣятельное участіе въ революціонныхъ замыслахъ. Сблизившись съ Кеннаномъ, Лазаревъ сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ и руководителемъ агитаціонной дѣятельности названнаго иностранца, получившаго возможность издать свой трудъ о Сибири лишь благодаря его, Лазарева, сотрудничеству.

Изъ Мильвока Лазаревъ переселился въ Нью-Іоркъ, гдѣ занялъ видное мѣсто среди соціалъ-демократовъ и анархистовъ, устраивая почти ежедневно публичныя лекціи или бесѣды; вмѣстѣ съ симъ онъ велъ пропаганду среди евреевъ эмигрантовъ, полагая, что они такъ же могутъ способствовать революціонному движенію въ Россіи. Будучи вызванъ въ Европу для объединенія разрозненныхъ революціонныхъ группъ, Лазаревъ 4—16 марта 1894 года прибылъ въ Лондонъ, откуда 21 числа того-же мѣсяца отправился во Францію и водворился первоначально въ Севрѣ, а затѣмъ переселился въ Парижъ, выступивъ вмѣстѣ съ эмигрантомъ Леонидомъ Шмитко, въ качествѣ представителя Парижскаго отдѣленія Фонда вольной русской прессы. Въ виду обнаруженной агитаціонной дѣятельности, Лазаревъ по распоряженію мѣстныхъ властей, отъ 12 іюля 1894 года высланъ изъ предѣловъ Франціи, послѣ чего направился въ Лондонъ.

Поселившись въ Лондонѣ, Лазаревъ въ качествѣ члена комитета „Фонда", принялъ энергичное участіе въ дѣятельности послѣдняго и, кромѣ того, занялся водвореніемъ въ Россіи революціонныхъ изданій.

Въ февралѣ 1896 года Лазаревъ переѣхалъ на жительство въ г. Кларанъ (Швейцарія) и поселился въ домѣ г-жи Лакіеръ, съ которой въ апрѣлѣ того-же года вступилъ въ бракъ. Лазаревъ ведетъ безпрерывную переписку со всѣми видными эмигрантами революціонерами, проживающими въ различныхъ государствахъ и является агентомъ противоправительственныхъ фракцій всѣхъ оттѣнковъ, концентрирующимъ сношенія между представителями самыхъ различныхъ революціонныхъ группъ.

Въ январѣ 1907 года Лазаревъ въ качествѣ члена центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ принималъ участіе на происходившей въ Парижѣ конференціи представителей отъ дѣйствующихъ за границей группъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Въ мартѣ того же года Лазаревъ выѣхалъ въ Финляндію, откуда намѣревался отправиться внутрь Имперіи для работы среди крестьянъ. Снова бѣжалъ за границу, откуда вернулся въ 1917 г. Гласный Самарской Думы. Почетный членъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ. Членъ Учред. Собранія отъ Самарской губерніи.

Масловъ. Павелъ Григорьевичъ, сынъ крестьянина Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда, Больше Андосинской волости, села Ожгибовки родился въ 1881 году. Въ дѣтствѣ рано лишился отца. По окончаніи начальной школы, мать имѣя на рукахъ семью, ничего не могла для него сдѣлать, кромѣ какъ отдать учиться сапожному ремеслу. Но жажда ученія заставила его бросить это ремесло и съ помощью старшаго брата поступить въ сельско-хозяйственную школу, по окончаніи которой поступилъ на педагогическіе курсы. Съ 1902 года по 1904-й годъ пробылъ учителемъ въ селѣ Б.-Козинѣ. Нижегородской губ. Балахинскаго уѣзда.

Въ 1905 году за принадлежность къ партіи Соціалистовъ Роволюціонеровъ и за работу среди крестьянъ и рабочихъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ 30 человѣкъ крестьянъ и рабочихъ того села, гдѣ онъ учительствовалъ.

За тѣмъ былъ сосланъ въ административномъ порядкѣ въ Сибирь въ Нарымскій край. По запросу учительской организаціи и приговору общества с. Большого-Козина дѣло было пересмотрѣно и срокъ ссылки былъ сокращенъ до одного года.

По возвращеніи изъ Сибири поступилъ на Петроградскіе сельско-хозяйственные курсы и по окончаніи таковыхъ въ 1912 году началъ работать въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи въ качествѣ помощника уѣзднаго агронома.

По выясненіи его прошедшей дѣятельности бывшимъ Самарскимъ губернаторомъ Протасьевымъ въ должности агронома не былъ утвержденъ и только послѣ вторичнаго представленія бывшимъ предсѣдателемъ Уѣздной Управы Ободовскимъ и его поручительства утвержденъ.

Въ 1914 году перешелъ на службу Ставропольскаго уѣзднаго земства въ качествѣ Уѣзднаго агронома. Въ 1917 г. несъ обязанности предсѣдателя Уѣздной Земельной Управы и замѣстителя предсѣдателя Уѣзднаго Исполнительнаго Комитета Народной Власти. Третьимъ Крестьянскимъ съѣздомъ избранъ почетнымъ членомъ Губернскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, а въ ноябрѣ 1917 г. избранъ членомъ Учредительнаго Собранія отъ Самар. губ.

Опредѣленовъ, Яковъ Михайловичъ—22 лѣтъ, крестьянинъ Самарской губ. Членъ партіи соціалистовъ революціонеровъ съ 1917 года. Занимался садоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Соціалистомъ сдѣлали книги и личныя наблюденія надъ жизнью. Въ 1917 году былъ Членомъ Исполн. Ком—та Губерн. и Уѣздн. Совѣтовъ Крестьянскихъ деп. Въ 1918 году исполнялъ обязанности предсѣдателя Совѣта Крестьян. депут.

Петровъ, Николай Петровичъ—31 года, уроженецъ Петрограда. По профессіи Торгово-Промышленный служащій. Соціалистомъ сдѣлала жизнь и люди. Въ 1906 году былъ Членомъ Конференціи с.-р. въ Финляндіи. Въ 1917 году Членъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депут. въ Иващенковѣ. Начальникъ гарнизона въ Иващенковѣ. Гласный Думы.

Потаповъ, Петръ Алексѣевичъ—31 года, работаетъ въ партіи съ 1905 г. Началъ самостоятельную жизнь съ 12 л., былъ на пароходѣ кочегаромъ, работалъ слесаремъ, съ 1905 года на Трубочномъ заводѣ машинистомъ. Уволенъ съ завода въ Баку за забастовку. Соціалистомъ сдѣлали люди и жизнь. Въ 1917 году былъ предсѣдат. завод. ком-та Трубочнаго завода. Членъ Совѣта рабоч. депутат. Гласный Думы.

Поляковъ, Аверьянъ Мефодіевичъ 32 лѣтъ крестьянинъ села Елховки Елховской волости, соціалист.-революц. съ 1904 года. Въ селѣ занимался хлѣбопашествомъ, мелкой торговлей и письмоводствомъ. Въ городѣ работаетъ нѣсколько лѣтъ на трубочномъ заводѣ. Съ ученіемъ соціалистовъ познакомился еще въ 1904 году черезъ товарищей Вольской учительской семинаріи. Въ 1905 году принималъ участіе въ созданіи Старо-Буянской республики. Съ мая мѣсяца 1917 года былъ Членомъ Завод. рабочаго Ком.-та, секретаремъ Президіума, Гласнымъ Самарской Городской Думы. Членъ Исполнит. Комитета Уѣзднаго Совѣта Крестьянск. деп. Членъ Губернск. Совѣта Крестьянск. деп. Членъ Городского Ком-та партіи с.-р.

Панюжевъ, Исай Дементьевичъ—крестьянинъ Самарской губ. 33 лѣтъ. Въ партіи с.-р. съ 1917 года. Все время Членъ Президіума Совѣта Крестьян. деп. замѣститель предсѣдателя. Арестованъ былъ послѣ побоевъ на 5 крестьянскомъ съѣздѣ большевиками. Кромѣ хлѣбопашества занимался письмоводствомъ. Сотрудникъ Земли и Воли и журнала „Голосъ земли". Активный участникъ крестьян. съѣздовъ и одинъ изъ популярныхъ ораторовъ изъ крестьянъ.

Стеценко, Георгій Васильевичъ—32 лѣтъ уроженецъ города Елисаветграда, Херсонской губ. Въ 1903 году былъ с. р. меньшевикомъ Съ 1904 г. членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ Былъ рабочимъ и конторск. служащимъ, въ послѣднее время электро-монтеромъ. Въ тюрьмѣ сидѣлъ нѣсколько разъ. Въ 1908 году на два года высланъ въ Вологодскую губ. Въ 1912 году на два года высланъ въ Са-

мару. Въ 1913 году въ Самарѣ сидѣлъ послѣдній разъ. Членъ губерн. Ком—та партіи и казначей. Членъ Совѣта Рабочих. деп. Гласный Городской Думы.

Смирновъ, Александръ Михайловичъ—30 лѣтъ, уроженецъ города Самары, сынъ священника, пом. присяж. повѣрен., Членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ 1917 года. Членъ Губерн. Ком—та партіи. Членъ Совѣта Рабочихъ деп. Членъ Совѣта Крестьянскихъ деп., Гласный Городской Думы и Городской Голова гор. Самары.

Соколовъ, Гавріилъ Михайловичъ—32 л. крестьянинъ Самарской губ. По окончаніи курса начальнаго училища сдалъ экзаменъ и былъ учителемъ школы грамотности, затѣмъ счетоводомъ Кредит. т-ва, санитарн. фельдшеромъ въ Зем. Союзѣ. С.-Р. съ 1905 года. Въ 1906 году отбывалъ въ тюрьмѣ $1^1/_2$ года крѣпостного заключенія. Предсѣдатель Губерн. Совѣта Крестьянскихъ депутатовъ 2-го созыва, нынѣ предсѣдат. Волост. Земской Управы въ Страхов. в. Бузул., уѣзда.

Славинова-Смирнова, Зинаида Михайловна—34 лѣтъ уроженка Орловской губ. Съ ученіемъ соціалистовъ познакомили товарищи на Педагогическихъ курсахъ въ Москвѣ. Въ партіи работала съ 1905 года въ Пермской и Бакинской организаціяхъ и одинъ мѣсяцъ въ народнической группѣ въ Самарѣ. По профессіи артистка. Послѣдніе 5 лѣтъ занималась литературнымъ трудомъ, въ настоящее время учительствуетъ. Членъ Самарской организаціи с. р. съ мая 1917 года. Редакторъ Крестьянскаго журнала „Голосъ земли", Членъ Совѣта Крестьянскихъ деп. Предсѣдатель О-ва взаимопомощи учившихъ и учащихъ Сам. губ. Гласная Самар. Город. Думы.

Троицкая Евгенія Михайловна—32 лѣтъ, уроженка Орловской губ. Первыя, будирующія мысль и чувство, понятія о соціализмѣ, получила еще гимназисткой отъ старшей сестры курсистки. Соціалисткой-революціонеркой стала въ 1904 году. Въ тюрьмѣ сидѣла въ общемъ $1^1/_2$ года, въ нарымской ссылкѣ 3 года. Работала въ Крестьянскомъ Союзѣ въ боевомъ отрядѣ Сѣверной организаціи. Одно время (три мѣсяца) работала, въ концѣ 1906 года, съ петроградскими максималистами. Послѣ ссылки кончила курсы въ Парижѣ и занималась переводами и педагогіей. Секретарь и сотрудница „Земли и Воли". Гласная Самарской Городской Думы.

Тюрниковъ Иванъ Ивановичъ—24 лѣтъ, уроженецъ Самарской губ. Работалъ какъ агрономъ по созданію кооперативныхъ артелей. Въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ 1917 года. Членъ Губерн. и Уѣздн. Совѣтовъ крестьян. депутатовъ.

Ткачуковъ Иванъ Платоновичъ—38 лѣтъ уроженецъ Полтавской губ. по профессіи журналистъ. Въ партіи работаетъ съ 1903 года, участвовалъ въ работахъ боевыхъ дружинъ, въ тюрьмѣ былъ неоднократно. Въ 1917 году былъ Членомъ Совѣта Военныхъ депутатовъ, гласнымъ и секретаремъ Президіума Самар. Город. Думы.

Фортунатовъ Борисъ Константиновичъ—32 лѣтъ, уроженецъ Москвы. Въ партіи работаетъ съ 1902 года. Въ Москвѣ въ 1905 году работалъ въ партіи какъ техникъ, былъ однимъ изъ организаторовъ желѣзнодорожной забастовки, въ 1905 году принималъ участіе въ вооруженномъ возстаніи и былъ раненъ. Въ 1907 году былъ высланъ за границу, гдѣ изучалъ химію. По профессіи техникъ. Членъ Петроградскаго Комитета партіи. Членъ Совѣта Солдатскихъ деп. Членъ Совѣта Рабочихъ депут. Предсѣдатель 5 Крестьянскаго съѣзда. Гласный Думы и **Членъ Учредительнаго Собраанія** отъ Самарской губерніи. Членъ Военнаго Совѣта Народ. арміи. *)

Цодиковъ Сергѣй Іосифовичъ—22 лѣтъ. уроженецъ города Орла. Студентъ Петроградскаго Политехникума. Выросъ въ семьѣ, пропитанной тенденціями народничества. Его отецъ крупный общественный дѣятель, народникъ, товарищъ Керенскаго и многихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ 1917 года. Членъ заводского Комитета Трубочнаго завода. Членъ Совѣта Рабочихъ деп. Комиссаръ Бузулука. Тяжело и опасно раненъ въ іюлѣ 1918 года во время призыва крестьянъ въ народную армію.

Шадринъ, Леонидъ Дмитріевичъ—29 лѣтъ, уроженецъ города Самары. Въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ 12 лѣтъ. Въ тюрьмѣ сидѣлъ $1^1/_2$ года, въ ссылкѣ 4 года. До революціи учился и работалъ на Трубочномъ заводѣ. Членъ Исполнительнаго Ком—та Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ деп. въ Иващенковѣ. Членъ Самарской Городской Управы.

Яковлевъ, Митрофанъ Николаевичъ—40 лѣтъ, уроженецъ Воронежской губ. Въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ 1900 года. Окончилъ Петровско-Разумовскую академію. Служилъ Земскимъ Агрономомъ и занимался спеціально агрономическими работами отъ Московской Сельско-хозяйствен. Петр.-Разумовской академіи. Соціалистомъ сталъ въ Казани благодаря организованному казанскими студентами соц. кружку изъ воспитанниковъ средняго сельско-хозяйственнаго училища на почвѣ

*) Въ іюнѣ 1918 г. раненъ въ руку въ бою съ красной арміей.

пропаганды среди крестьянъ. Въ 1917 году былъ предсѣдателемъ Совѣта Сол. Раб. и Крестьянск. деп. на военной службѣ. Въ Самарской губ. былъ предсѣдателемъ Губернск. Совѣта Крестьян. депут. Товарищъ предсѣдателя, а потомъ и предсѣдатель Самарскаго Земельнаго Комитета.

Партія Соціалъ-демократовъ меньшевиковъ.

Алексѣевъ Иванъ Алексѣевичъ 25 лѣтъ, уроженецъ Смоленской губ., Юхновскаго уѣзда. Съ 1906 года профессіональный типографъ. Въ партіи работаетъ съ 1909 года. Соціалистомъ сдѣлала жизнь. Въ тюрьмѣ сидѣлъ несколько разъ: въ Тулѣ, Москвѣ, Петроградѣ, Самарѣ, въ послѣдней по распоряженію царскаго правительства и совѣтской власти. Въ ссылкѣ былъ въ Иркутской губерніи. Одинъ изъ редакторовъ „Нашего голоса" „Извѣстій Совѣта Рабочихъ деп.", Членъ Совѣта и товарищъ предсѣдателя Совѣта Рабочихъ деп. перваго состава. Помощ Комиссара Труда временнаго правительства. Членъ Всероссійской конференціи рабочихъ печатнаго дѣла.

Бѣловъ Степанъ Петровичъ—24 лѣтъ, крестьянинъ Рязанской губ. Съ 11 лѣтъ началъ самостоятельную жизнь, былъ поваренкомъ, газетчикомъ, мальчикомъ въ зеленной лавкѣ и проч. Съ 1912 года съ головой ушелъ въ профессіональное движеніе. Началъ секретаремъ организаціонной комиссіи союза печатнаго искусства. Съ 15 лѣтъ наборщикъ въ типографіяхъ. Соціалистомъ сдѣлала жизнь и отчасти знакомство съ рабочей печатью и нѣкоторыми книгами (Эрфуртская программа К. Каутскаго) Сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Москвѣ. Высланъ въ 1913 году въ Самару, лишенъ права жительства въ 64 пунк. Въ партіи съ половины 1917 года. Секретарь Извѣстій Совѣта рабочихъ деп. Секретарь Отдѣла Труда въ Совѣтѣ перваго состава. Комиссаръ труда Временнаго Правительства. Секретарь газеты с.-д. „Вечерняя заря. Членъ Комитета Самарской организаціи. Товарищъ Управляющаго Вѣдомствомъ Труда.

Бѣловъ Иванъ Петровичъ—36 лѣтъ уроженецъ Рязанской губ. Михайловскаго уѣзда, по профессіи литографскій рабочій, нѣкоторое время торгово-промышленный служащій. Соціалистомъ сдѣлали главнымъ образомъ книги и товарищи. Въ 1904 г. былъ большевикомъ и отбылъ около 8 мѣсяцевъ тюрьмы. Сидѣлъ несколько разъ и отбылъ три года ссылки въ Вологодской губ. Въ Самарѣ съ 1906 г. Въ 1916 г. служилъ въ Земсоюзѣ. Съ 1 сентября 1917 года завѣдуетъ Биржей Труда. Членъ Правленія Союза печатниковъ.

Богдановъ Николай Петровичъ—23 лѣтъ, уроженецъ Петроградской губ. по профессіи техникъ. Соціалистомъ сдѣлала жизнь среди рабочихъ. Работаетъ въ партіи соціалъ-демократовъ меньшевиковъ 5 лѣтъ, несколько разъ, по 1—3 мѣс., сидѣлъ въ тюрьмѣ и былъ высланъ въ Тургайскую область на два года, изъ коихъ отбылъ $3^1/_2$ мѣсяца. Членъ Совѣта Рабочихъ деп. Членъ Ком-та Народной Власти. Членъ Думы смѣшаннаго состава. Предсѣдатель кассы безработныхъ. Секретарь Самарской общегородской больничной кассы. Предсѣд. Губерн. Страх. Присутствія.

Бемъ, Иванъ Ивановичъ—40 лѣтъ уроженецъ Саратовской губ. Служащій въ различныхъ Торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Соціалистомъ сдѣлался путемъ изученія научнаго соціализма и въ силу своего соціальнаго положенія трудящагося съ 15 лѣтъ. Въ партіи 13 лѣтъ. Въ тюрьмѣ былъ несколько мѣсяцевъ и два года подъ надзоромъ полиціи. Членъ Совѣта Раб. деп., Членъ Исполнительнаго Бюро Губерн. Продовольственнаго Ком-та, Товар. Пр. Правленія Проф. О-ва Торгово-Промышленныхъ служащихъ, Членъ Ком-та Самар. организ. с. д. меньшевиковъ, редакторъ органа Профессіональнаго О-ва Торгово-Промышленныхъ служащихъ „Наша жизнь".

Беневоленскій, Павелъ Ильичъ—34 лѣтъ. Въ партіи съ 1903 года. Изъ послѣдняго класса средне-учебнаго заведенія былъ взятъ. Неоднократно сидѣлъ въ тюрьмѣ. Соціалистомъ сдѣлали книги и товарищескій кружокъ, сначала работалъ въ партіи большевиковъ. Профессіей всегда было репетиторство и трудъ журналиста. Въ 1917 году служащій Самарской Городской Управы по отдѣлу Народнаго образованія. Членъ Правленія Профессіональн. Союзовъ. Товарищъ Предсѣдателя Союза Городскихъ служащихъ. Членъ Совѣта Раб. депутатовъ въ 1918 году.

Кунинъ Илья Карповичъ—уроженецъ Самарской губ. студентъ соціалъ-демократъ. Членъ и тов. предсѣдателя Совѣта Военныхъ деп. Членъ Губерн. К-та партіи

соціалъ-демократовъ. Завѣдующій Информац. Бюро К-та Членовъ Учредительнаго Собранія. Сотрудникъ Вечерней зари. Арестованъ былъ и сосланъ въ Самару подъ надзоръ полиціи за участіе въ студенч. безпорядкахъ.

Кабцанъ Алексѣй Ивановичъ—34 лѣтъ, уроженецъ Полтавской губ. Образованіе получилъ въ низшемъ ремесленномъ училищѣ по столярному отдѣлу, работалъ столяромъ 1½ года и типографскимъ мальчикомъ. Съ 16½ лѣтъ сдѣлался наборщикомъ. Соціалистомъ сдѣлали собственныя наблюденія надъ жизнью въ пролетарской семьѣ родителей и знакомые въ заграничномъ кружкѣ, гдѣ былъ Г. В. Плехановъ и Мартовъ. Въ тюрьмѣ сидѣлъ 11 разъ (въ Кременчугѣ, Одессѣ, Москвѣ, Ярославлѣ, Самарѣ.) Одинъ разъ сидѣлъ въ камерѣ съ маленькимъ сыномъ. Въ ссылкѣ былъ 2 раза (въ Архангельской губ. и Якутской области). Въ 1909 году былъ на похоронахъ Муромцева арестованъ съ женой и дѣтьми. Былъ эмигрантомъ за границей. Въ 1905 году на Лондонскомъ съѣздѣ былъ делегатомъ отъ Одесской организаціи. Членъ президіума Комитета Народной Власти I и II состава. Членъ Президіума Совѣта Рабочихъ деп. Почетный Членъ Исполнительнаго Комитета Губерн. Совѣта Крестьянскихъ деп. Гласный Губерн. Земства и Предсѣдатель Губерн. Земскаго Собранія. Предсѣдатель 3 и 4 общегубернскихъ съѣздовъ. Предсѣдатель Губернск. Продовольственнаго К-та. Предсѣдатель демократическаго совѣщанія Самарской губ. Делегатъ отъ Самарской губ. на демократическомъ совѣщаніи въ Москвѣ. Делегатъ на Всероссійскомъ кооперативн. съѣздѣ. Членъ Губерн. К-та партіи. Гласный Думы.

Кравченко Андрей Павловичъ 36 лѣтъ уроженецъ г. Ростова на Дону. Присяжный повѣренный. Въ партіи соціалъ-демократовъ съ 1903 г. (въ первые въ ученической организаціи въ Ростовѣ на Дону). Соціалистомъ больше чѣмъ книги и жизнь сдѣлали люди и столкновенія съ ними. Былъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Членъ Совѣта Рабочихъ деп. Редакторъ газеты „Нашъ голосъ“. Въ партіи—пропагандистъ организаторъ, членъ и предсѣдатель Губ. К-та партіи.

Лепскій, Соломонъ Маріусовичъ—29 уроженецъ Рязанской губ. г. Ряжска. Соціалистомъ сдѣлали люди, книги и жизнь. Въ партіи работалъ съ 1903 года, 2 раза, но недолго былъ въ тюрьмѣ. Членъ Совѣта Рабочихъ депутатовъ. Делегатъ отъ Самары на первомъ Всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ. Членъ Центральнаго И. К. Совѣта перваго созыва. Сотрудникъ и редакторъ газетъ „Нашъ Голосъ“ и „Вечерняя Заря“. Въ Іюлѣ 1918 г. Предсѣдатель Рабочей Конференціи.

Преображенскій, Валеріанъ Леонидовичъ—32 лѣтъ, уроженецъ Люблинской губ. Юристъ по образованію. Занимался адвокатурой. Послѣдніе три года служилъ на желѣзной дорогѣ Убѣжденія соціалиста складывались постепенно со школьной скамьи и при помощи чтенія книгъ. Въ партіи работаетъ съ 1905 года. Товарищъ предсѣдателя Самарскаго Комитета Народной власти, Членъ Самарскаго Совѣта Рабочихъ Депутат. I созыва. Гласный Думы. Помощникъ Самарскаго Губернскаго Комиссара Временнаго правительства. Предсѣдатель Самарской Городской Думы въ 1918 году.

Соціалъ-демократы большевики.

Дерябина Серафима Ивановна—33 л. родомъ изъ г. Екатеринбурга. Средствомъ къ жизни служили занятія педагогіей, конторскія и сестры милосердія, неоднократно сидѣла въ тюрьмѣ. Въ партіи с.-д. съ 1905 года Членъ Самарской организаціи большевиковъ, Членъ Совѣта раб. деп. Редакторъ Приволжской правды, Гласная Думы Комиссаръ печати. Послѣ Самаро-іюньскаго переворота находится въ тюрьмѣ.

Венценъ Францискъ Ивановичъ—полякъ, уроженецъ Туркестана. Рабочій и конторскій служащій, неоднократно сидѣлъ въ тюрьмѣ и высланъ въ 1914 г. въ Самару подъ надзоръ полиціи. Членъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Предсѣдатель Революціоннаго Трибунала. Убитъ толпой въ дни Самаро-іюньскаго переворота.

Шверникъ Николай Михайловичъ—30 л. Въ 1905 г. былъ членомъ Петроградскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ. По профессіи слесарь. Высланъ былъ въ Тулу, тамъ арестованъ и высланъ въ Самару. Предсѣдатель Заводскаго Комитета Трубочнаго завода. Членъ Совѣта рабочихъ депутатовъ.

Герасимовъ Михаилъ Ильичъ—рабочій, служилъ на заводахъ Россіи и много лѣтъ заграницей. Волонтеръ французской арміи въ 1914 г. Заграничный корреспондентъ русскихъ газетъ. Талантливый представитель пролетарской поэзіи. Членъ Совѣта, а потомъ и Предсѣдатель Совѣта военныхъ депутатовъ.

Галактіоновъ Алексѣй—рабочій слесарь Трубочнаго завода. Соціалист. съ 1905 г Былъ неоднократно въ тюрьмѣ и ссылкѣ за политич. убѣжденія. Губернскій комиссаръ, послѣ октябр. переворота. Товарищъ Предсѣдателя Думы. Членъ Совѣта раб. депутатовъ.

Коганъ Евгенія Соломоновна—С.-д. большевикъ съ 1917 г. До этого была въ организаціи с-д. меньшевиковъ, выслана подъ надзоръ полиціи въ Самару изъ Петрограда. Учительница по профессіи. Членъ Совѣта раб. деп. Членъ Революціоннаго Комитета, Гласная Думы. Членъ Самарскаго Губер. Комитета организаціи с-д. большевиковъ.

Куйбышевъ Валерьянъ—28 лѣтъ. Сынъ Воинскаго начальника г. Кургана. Студентъ. Членъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Предсѣдатель Революціоннаго Комитета. Предсѣдатель Совѣта Народнаго Хозяйства. Членъ Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ рабочихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

Милоновъ Юрій Константиновичъ—24 года кончилъ Самарскую гимназію. Въ ссылкѣ былъ 8 мѣс. въ Тургайской области. Членъ Совѣта рабочихъ депут. Гласный Думы. Комиссаръ труда.

Митрофановъ—неоднократно отбывалъ тюремныя заключенія и ссылку за политическія убѣжденія. Тов. Предсѣд. Губ. К—та Самар. организаціи Членъ Совѣта раб. деп. Редакторъ и сотрудн. Приволжской Правды. Завѣдующій Совѣтскимъ издательствомъ.

Масленниковъ - Одинъ изъ активныхъ работниковъ партіи. По профессіи Педагогъ. Неоднократно сидѣлъ въ тюрьмѣ и былъ въ ссылкѣ. Членъ сов. раб. Деп. Гласный Думы. Въ маѣ 1918 г. Предсѣдат. Исп. К-та сов. раб. и красноарм. Деп. Арестованъ Чехами и едва не растерзанъ толпой.

Тепловъ Николай Павловичъ—30 л. уроженецъ Тульской губ. По профессіи слесарь и какъ рабочій работалъ въ различныхъ городахъ Россіи. Соціалистомъ сдѣлала окружающая жизнь. Въ партіи соціалъ-демократовъ состоитъ съ 1905 г. Въ тюрьмѣ сидѣлъ 8 разъ, въ Тулѣ, Петроградѣ и Москвѣ. Пробылъ три года въ ссылкѣ въ Тургайской области. Въ 1917 г. былъ членомъ президіума Заводскаго Комитета на Трубочномъ заводѣ, Членомъ Исполнит. К—та Совѣта рабочихъ депутатовъ. Предсѣдатель Совѣта рабочихъ депутатовъ съ мая 1917 г. по декабрь. Съ декабря по 20 апрѣля Предсѣдатель Исполнит. К—та Совѣта раб. деп. Делегатъ отъ Самары на съѣзды Совѣтовъ и на Демократич. совѣщаніе. Членъ Губернскаго Комитета партіи.

Свѣдѣнія о членахъ партіи с.-д большевиковъ не могли быть получены полностью по случаю Самаро-Іюньскаго переворота.

Партіи Народныхъ Соціалистовъ.

Араповъ, Владиміръ Петровичъ—40 лѣтъ, уроженецъ Самар. губ. Одинъ изъ активнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей г. Самары. Товарищъ предсѣдателя Комитета Сам. отд. Трудовой Нар. Соц. партіи, Гласный смѣшанной Думы. Гласн. Уѣздн. и Губерн. Земства Членъ Правленія Зем. Кассы мелкаго кредита Предсѣдатель отдѣла лекцій Самар. Нар. У-та.

Баскинъ, Георгій Ивановичъ, 52 г. урож. Вятской губ. Съ основанія Н. С. партіи состоитъ ея членомъ. Сидѣлъ въ тюрьмѣ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ.

Занимается статистикой. Изученіе народно-хозяйственной жизни натолкнуло на рядъ вопросовъ, отвѣтъ на которые пришлось усиленно искать въ научной и публицистической литературѣ. Выработкой своего міровоззрѣнія обязанъ трудамъ и философско-соціологическому ученію Н. К. Михайловскаго.

Состоялъ Предсѣдателемъ Общихъ Собраній Сам. Отдѣла партіи Тр. Н. С. Отъ занятія другихъ выборныхъ должностей изъ боязни упустить наиболѣе существенное и важное, воздерживается.

Марковъ, Иванъ Егоровичъ—51 г. уроженецъ Саратов. губ. Членомъ партіи состоитъ съ основанія ея. Въ 1908 г. сидѣлъ въ тюрьмѣ 5 мѣсяцевъ.

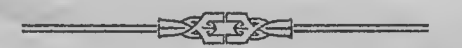
Предсѣдатель Комитета Сам. Отд. Партіи Тр. Н. Соц.. Членъ Центральнаго Комитета партіи, предсѣдатель Городского Врачебно-Санитар. Совѣта и Секціи врачей Въ 1907 г. былъ членомъ 2-ой Государств. Думы. Въ 1918 г. Гласный Думы.

Ивановъ, Николай Константиновичъ—39 л. уроженецъ г. Казани. Членъ тр. н. с. партіи со времени ея основанія. Въ тюрьмѣ сидѣлъ дважды по политическимъ дѣламъ по принадлежности къ соц. кружк. Выработкой своего міровоззрѣнія обязанъ народовольческой литературѣ, постоянной, съ малыхъ лѣтъ жизни въ средѣ крестьянъ Каз. губ. и тѣсной юношеской конспиративной кружковщинѣ.

Состоялъ съ 1-го марта 1917 г. тов. Предсѣд. Резервнаго Комитета санитаровъ Кр. К. членомъ Совѣта сначала военныхъ, а затѣмъ солдатскихъ депутатовъ Сам. гарнизона, членомъ Комитета Народной Власти. Состоитъ по настоящее время Членомъ Комитета Сам. Отдѣла Тр. Н. С. Предсѣдатель Правленія Губернскаго профессіональнаго Союза врачей и Предсѣдатель Самар. город. Отдѣла того же союза, Тов. Предсѣдателя Общества врачей Самарской губ.

Смирновъ Петръ Павловичъ 39 лѣтъ, уроженецъ Самарской губерніи. Состоялъ въ партіи трудовиков.-энесовъ, былъ въ тюрьмѣ (за предвыборную работу въ 2-ю Государственную Думу) въ 1907 г. Выросъ въ селѣ, въ семьѣ духовнаго лица, въ крайней бѣдности. Былъ пастушкомъ (6-ти лѣтъ), помогалъ брату кузнецу, былъ сельскимъ учителемъ. Былъ предсѣдателемъ Самарскаго Отдѣла Н.-С., гласнымъ (нецензовымъ) революц. Гор. Думы, товарищъ предсѣдателя въ секціи гор. врачей. Членъ Комитета Н.-С. Самарскаго Отдѣла.

(продолженіе въ слѣд. томѣ.)

Данныя о дѣятеляхъ партій: Интернаціоналистовъ, Единства, с.-р. лѣвыхъ, максималистахъ и партіи к.-д. будутъ даны во II-мъ томѣ Сборника, равно, какъ списокъ уже помѣщенныхъ дѣятелей будетъ пополненъ лицами, дѣятельность которыхъ относится уже къ 1918 году.

Содержанiе второго тома.

Записки коммиссара.
Годъ жизни Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ.
Исторiя Совѣта Рабочихъ депутатовъ.
„ „ Военныхъ депутатовъ.
Земство и Революцiя.
Исторiя демократической Думы смѣшан. состава.
„ Городского Самоуправленiя (выборы, новые и старые гласные, работа, проэкты).
Исторiя выборовъ въ Учредительное Собранiе.
Исторiя Самарской прессы (статьи, авторы, темы и лозунги).
Исторiя политическихъ партiй.
Исторiя Трубочнаго завода.
Учителя и революцiя.
Ростъ образованiя въ Самарской губ. въ эпоху революцiи.
Биржа труда и профессiональное движенiе.
Чиновники и революцiя.
Октябрьскiй переворотъ.
Исторiя власти Совѣтовъ (комиссарiаты, декреты, мѣстные дѣятели).
Продовольственный вопросъ въ эпоху революцiи.
Кооперацiя и революцiя (окончанiе).
Исторiя ученической организацiи въ Самарѣ.
Исторiя революцiоннаго движенiя въ Бузулукѣ (окончанiе), Бугурусланѣ, Новоузенскѣ и Ставрополѣ.
Кредитныя операцiи въ годы революцiи.
Половый вопросъ въ связи съ революцiонными переживанiями (этюды психiатра).
Поѣздка по Волгѣ въ 1917 году.
Самаро-Iюньскiй переворотъ 1918 г.
Интервью со всѣми членами Учредительнаго Собранiя на тему „Революцiя въ Россiи“.
Словарь активныхъ участниковъ революцiи въ Самарской губ.
Стихи и Разсказы.

Для участiя во II-мъ томѣ приглашены: А. М. Горькiй, А. Н. Андреевъ, Е. Н. Чириковъ, М. Н. Зиловъ, члены К-та Учред. Собранiя, литераторы и журналисты Самарск. губ., партiйные и общественные дѣятели.

